А. А. МАРТИРОСЯН

АРГИШТИХИНИЛИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՀՈՒՇԱՐՁԱՆՆԵՐԸ

8

ՈՒՐԱՐՏԱԿԱՆ ՀՈՒՇԱՐՁԱՆՆԵՐ

ՊՐԱԿ

I

Հ. Ա. ՄԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ

ԱՐԳԻՇՏԻԽԻՆԻԼԻ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ

ԵՐԵՎԱՆ 1974

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АРМЕНИИ

8

УРАРТСКИЕ ПАМЯТНИКИ

ВЫПУСК I

А. А. МАРТИРОСЯН

АРГИШТИХИНИЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1974

902 · 6(с43)
М 29

В работе рассматриваются результаты раскопок крепостных сооружений и городских кварталов наиболее крупного урартского города на Араратской равнине, а также данные клинописных источников. Автор стремится воссоздать картину культурной жизни города, его социально-экономическую структуру.

М $\frac{0162-041}{703(02)-74}$ 30—73

ОТ АВТОРА

В 1962 году начались систематические раскопки города Аргиштихинили—одного из крупнейших центров Ванского царства. Работы по изучению этого колоссального памятника древности велись Нор-Армавирской археологической экспедицией Института археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР[1].

Сотрудниками этой экспедиции являлись: А. А. Мартиросян (начальник экспедиции, 1962—1971 гг.), К. К. Кафадарян (архитектор, заместитель начальника экспедиции—1962—1971 гг.), Р. М. Торосян (начальник отряда, 1965—1971 гг.), Н. В. Арутюнян (эпиграфист, 1964—1970 гг.), А. Г. Кифишин (шумеролог, 1965 г.), В. Р. Исраелян (геолог, 1964—1968 гг.), археологи А. Р. Исраелян (1963—1970 гг.), С. Г. Деведжян (1964—1971 гг.), С. А. Арутюнян (1963—1964 гг.), А. А. Калантарян (1963—1964 гг.), Г. А. Микаелян (1963—1964 гг.), Б. Г. Ерицян (1967—1968 гг.), О. С. Хнкикян (1966—1970 гг.), Л. А. Петросян (1968—1970 гг.). Добытые раскопками остеологические материалы, культурные злаки и древесину изучали соответственно С. К. Межлумян, В. О. Гулканян, В. А. Паланджян. Анализы металлов, отходы металлообрабатывающего ремесла и камня производились в лабораториях Армянского геологического управления под руководством М. Хосровяна, С. Арутюняна. Фотографические работы выполняли К. К. Кафадарян и Г. А. Жамкочян. Художником экспедиции работал Р. М. Казарян. Все архитектурные обмеры, помещенные в настоящей книге, выполнены К. К. Кафадаряном, подготовившим к изданию II выпуск Аргиштихинили, посвященный изучению архитектуры города. Топографическая съемка памятника произведена геодезистами Ж. Абагяном и М. Луледжяном. Реставрацию металлических и глиняных предметов производили В. М. Газазян, В. Г. Оганисян и Р. М. Торосян. Обязанности водителей экспедиции выполняли: Р. В. Левонян, М. М. Мкртчян, А. М. Кочумян, Б. А. Ераносян.

На временную работу приглашались студенты ереванских и центральных вузов.

В организационных работах экспедиции деятельное участие принимали местные организации, отдельные товарищи и особенно председатель правления колхоза с. Нор-Армавир Н. М. Симонян.

Автор настоящей книги считает своим приятным долгом выразить глубокую признательность вышеупомянутым сотрудникам экспедиции, вскрывшим вековые тайны Аргиштихинили, а также товарищам, оказавшим экспедиции всемерное содействие.

---

[1] Восточная крепость города Аргиштихинили, преобразованная позже в резиденцию армянских Ервандидов, изучалась Старо-Армавирской экспедицией Института археологии и этнографии АН Армянской ССР под руководством Б. Н. Аракеляна (1962—1970 гг.) и Г. А. Тирацяна (1971—1972 гг.). Отчет по раскопкам названной экспедиции будет представлен отдельно.

ГЛАВА I

КРАТКИЙ ОЧЕРК АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АРГИШТИХИНИЛИ

История изучения города Аргиштихинили тесно связана с возникшим в его пределах Армавиром—древнейшей столицей Армении, основанной за 2500 лет и покрытой ореолом немеркнущей славы. Бессмертный Хоренаци сохранил нам предание о постройке Армавира Арамаисом—внуком родоначальника армян Айка: «Арамаис строит себе жилище на блуре, [возвышающемся] на берегу реки, и по имени своему называет его Армавиром, а реке дает название Ерасх, по имени внука своего Араста»[1]. Как зорко приметил в свое время М. В. Никольский «... предания о древности Армавира и его высоком значении в архаическую эпоху Армении коренятся в воспоминаниях, оставшихся из того периода истории этой страны, когда она заселена была урартским племенем, главный политический центр которого был город Тушпа (Ван), а местным центром был Армавир»[2].

Сделавшись обладателями Араратской области, изгладив воспоминание о своих предшественниках, «армяне приписали своим мифическим царям основание городов, ими завоеванных, и объясняли на своем языке потерянный смысл их названий»[3]. Как бы то ни было, красочные предания об Армавире взбудораживали бдительные умы исследователей, заинтересованных в степени достоверности древнейших источников. Уже в первой половине XIX века Армавиром интересовались видные западноевропейские исследователи Кер-Портер, Сен-Мартен, а позже и Шантр[4]. Дюбуа-де-Монперье, путешествовавший по Армении в 30-х годах прошлого столетия, высказал предположение, что цитадель Армавира находилась на высоком холме у селения Курдукули (ныне Армавир), а снесенные городские постройки простирались на равнине[5]. Французские востоковеды сразу же заговорили о необходимости археологического исследования Армавира, а укоренившаяся в науке остроумная догадка неутомимого Дюбуа вполне оправдала себя при дальнейших более углубленных изысканиях. Однако в первоначальном изучении Армавира-Аргиштихинили незаменимую услугу оказали эчмиадзинские монахи-ученые, неоднократно обследовавшие местность на протяжении долгих лет. С горечью душевной описал впервые (1842 г.) разрушенную Армавирскую крепость эчмиадзинский священнослужитель Иоанн Шахатунянц[6]. Интерес к Армавиру-Аргиштихинили сильно возрос во второй половине XIX столетия в связи с находками двух клинообразных надписей (Аргишти I и Русы III) в районе Армавира в 1869 году эчмиадзинским ученым Месропом Смбатянцем[7].

Предание о древности Армавира, связь его с первозданной историей народа, рассказы Хоренаци о храмах языческих богов с их великолепными статуями[8], а также находки первых клинообразных надписей послужили достаточно веским основанием для организации первых разведочно-рекогносцировочных работ, предпринятых А. Д. Ерицовым и А. С.

---

[1] История Армении М. Хоренского (в переводе Н. О. Эмина), кн. I, гл. 12, М., 1893.

[2] *М. В. Никольский,* Клинообразные надписи Закавказья, МАК, вып. V, М., 1896, стр. 31—33.

[3] Там же.

[4] Сведения о первоначальном изучении Аргиштихинили-Армавира см. *Б. Б. Пиотровский,* История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 71—72; *он же,* Ванское царство, М., 1959, стр. 68—69, 71—73; *К. В. Тревер,* Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 113—115.

[5] *Dubois de Montpéreux,* Voyage autour du Caucase, III, стр. 118, 418-419.

[6] Описание Эчмиадзинского кафедрала... (на арм. яз.), Эчмиадзин, 1842, стр. 31.

[7] Первые публикации упомянутых клинообразных надписей см. *«Արարատ», 1869, թիւ Զ, հոկտեմբեր, էջ 135—138.*

[8] Մովսեսի Խորենացւոյ Պատմութիւն հայոց, գիրք Բ, գլ. ԽԹ.

Уваровым (1880 г.) в связи с подготовкой к V археологическому съезду в Тифлисе[9]. В материалах подготовительного комитета сохранилась записка Н. О. Эмина о необходимости изучения памятников древности Армавира—«священного и древнейшего города, матери городов армянских»[10].

Первые исследователи Аргиштихинили-Армавира открыли несколько разновременных могильников на восточной и северной сторонах холма, проложили траншеи на верхушке и у подножьев, кратко охарактеризовали местность, конструкцию погребений и вид захоронений. Естественно, в тот начальный период развития археологии Армении неопытные, неподготовленные раскопщики не могли оценить ни значения исследуемого объекта, ни важности добытых впервые археологических материалов. Более того, обнаружив чудесную базальтовую кладку строений цитадели Аргиштихинили, Уваров сравнивает ее с армянскими памятниками IV в. н. э. и ошибочно допускает, что на этом холме сохранились развалины «... не древнего Армавира, а какой-то крепости того же IV в. после р. Х»[11]. К счастью, доводы А. С. Уварова не нашли резонанса в кругу исследователей, были резко опровергнуты видным русским востоковедом М. В. Никольским и многочисленными новыми находками клинообразных надписей, сделанными после прекращения раскопочных работ эчмиадзинскими энтузиастами Месропом Смбатянцем и Галустом Тер-Мкртчяном. Эти клинообразные надписи, регулярно издаваемые в армянской периодике[12], переводились и комментировались видными востоковедами России и Европы[13]. Интерес к Аргиштихинили все больше возрастал. Находки упомянутых клинообразных надписей послужили поводом для новых разведочно-рекогносцировочных работ на армавирском холме, предпринятых академиком Н. Я. Марром и также не приведших к ощутительным результатам[14]. Спустя четыре года Аргиштихинили стал объектом исследования Закавказской экспедиции Московского археологического общества, наряду с урартскими крепостями Эребуни-Арин-берд и Менуахинили-Ташбурун[15]. На основе осмотра местности, предварительного обследования наземных памятников и скрупулезного исследования всех известных в то время клинообразных надписей из района Аргиштихинили член экспедиции М. В. Никольский составил первую подлинно научную сводку по истории Аргиштихинили, высказал целый ряд весьма полезных соображений о значении этого крупного урартского центра[16]. К сожалению, работы М. В. Никольского в районе Аргиштихинили не сопровождались археологическими раскопками, могущими подтвердить многие исторические догадки исследователя. Работы Закавказской экспедиции были приостановлены, едва начавшееся археологическое исследование затухало каждый раз в самом зародыше. Между тем все новые и новые находки, сделанные на территории Аргиштихинили, тревожили воображение ученых. В начале нашего столетия (1908) у подножья большого армавирского холма были найдены греческие надписи, подтверждавшие, лишний раз, необходимость систематического исследования этих двух, сплетенных воедино городов древней Армении[17].

Начавшаяся первая мировая война и страшный геноцид армян заставили на время забыть проблему Аргиштихинили-Армавира. Вопрос систематических раскопок Аргиштихинили-Армавира вновь выдвигается в связи с созданием научно-исследовательских организаций Советского Закавказья. В 1925 году на своем Батумском съезде Кавказский историко-археологический институт выступает с предложением о создании Армавирской археологической экспедиции[18]. В 1925—1927 гг. Комитет по охране древностей Армении осу-

---

[9] Протоколы подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе, М., 1879, стр. 439—449.

[10] Там же, стр. 321 и сл.

[11] *А. С. Уваров,* Сборник мелких трудов, т. II, М., 1910, стр. 143—146.

[12] Публикации надписей Аргиштихинили см. Մ. Սմբատյան, *«Արարատ», 1883, էջ 242-243,* Մ. Սմբատյանց, *1885, Թիւ Թ. սեպտեմբեր 30.* Մ. Սմբատյանց, *«Արարատ», 1888, նոյեմբեր 30, էջ 491-495, 1888, հունվար 31, էջ 25-27.* *Sayse, «Մշակ», 1893, 22 օգոստոսի.* Գ. Տեր-Մկրտչյան, *«Արարատ», 1898, նոյեմբեր, էջ 512. «Մշակ». 1892, № 95, 22 օգոստոսի.* *Belck W.*, VBAA, *1898, էջ 300.* *М. В. Никольский,* Изв. Имп. арх. комиссии, вып. 37, 1910, стр. 1—13: Позже найдены и опубликованы надпись Джанфиды *(Գր. Ղափանցյան, «Նոր ուղի», № 2-3, 1929, էջ 298-303)* и две надписи Нового Армавира, из коих опубликована одна *(Н. В. Арутюнян.* Новая урартская надпись из Давти-Блура, ВДИ, 1966, № 3, стр. 104 и сл.

[13] *K. F. Lehmann-Haupt,* Corpus Inscriptionum Caldicarum, Leipzig, 1928.

[14] Отчет Археологической комиссии за 1892 г., стр. 84.

[15] *А. А. Ивановский,* По Закавказью, М., 1911, стр. 35.

[16] *М. В. Никольский,* ук. соч.

[17] *К. В. Тревер,* ук соч., стр. 104—113.

[18] Бюллетень Кавказского историко-археологического ин-та, Тифлис, 1928, стр. 19—20.

ществляет охрану и регистрацию археологических объектов города. В 1927 г. на основе двустороннего соглашения, одобренного правительством Армянской ССР и Академией наук СССР, создается Армавирская археологическая экспедиция из представителей КИАИ и Комитета древностей. Председателем паритетной комиссии избирается академик А. И. Таманян, общее руководство археологических работ возлагается на академика Н. Я. Марра, руководителями работ назначаются С. В. Тер-Аветисян (от КИАИ) и С. Тер-Акопян (от комитета)[19]. В сентябре 1927 г. совместная археологическая экспедиция проводит свою первую и последнюю кампанию, которая ограничивается описанием и фотографированием надземных памятников, а также составлением топографического плана городища. Во время работ 1927 года были обнаружены фрагменты клинообразных надписей в пещерном сооружении, камень с четырьмя греческими надписями и так называемый «барановидный камень» с чрезвычайно интересными петроглифами[20].

В период работы этой экспедиции и позже спасшиеся от турецкого ятагана западные армяне строили одно из своих новых обиталищ—с. Нор-Армавир и во время земляных работ обнаруживали массу ценных археологических вещей. К числу их относятся золотые медальоны[21] с изображением трагических масок[22], печать с изображением всадника, чудесный бихромный сосуд с изображением лотоса, каменная вазочка и ряд более мелких изделий, хранящихся в фондах Государственного Исторического музея Армении.

Постоянно напоминающий о себе все новыми и новыми случайными находками город Аргиштихинили-Армавир находился в центре внимания видных советских исследователей, занимавшихся древней историей Армении. В период с 1944 по 1970 год советские востоковеды Б. Б. Пиотровский[23], Г. А. Меликишвили[24], Н. В. Арутюнян[25] и другие постоянно возвращались к отдельным вопросам истории Аргиштихинили. Г. А. Меликишвили опубликовал новые переводы урартских надписей[26], И. М. Дьяконов—русские переводы ассиро-вавилонских источников по истории Урарту[27]. Десятки лет продолжалось изучение урартских городов Араратской равнины. Известные арменисты Я. А. Манандян[28], К. В. Тревер[29], специалист по греческой эпиграфике А. И. Болтунова[30] и многие другие историки разрабатывали вопросы истории древнего Армавира. Назрели все условия для археологического изучения чрезвычайно сложного в исследовательском плане двойного города Аргиштихинили-Армавира и необходимость подтверждения результатов исторических исследований новыми данными археологических раскопок. Систематическое изучение Аргиштихинили-Армавира началось в 1962 году по плану Института археологии и по решению Президиума АН Армянской ССР. Единая Армавирская экспедиция вскоре распалась на две самостоятельные экспедиции: на Нор-Армавирскую, которая занимается в основном изучением города Аргиштихинили (рук. А. А. Мартиросян) и на Армавирскую, с задачей исследования древнего Армавира.

Приступив к изучению города Аргиштихинили, Нор-Армавирская экспедиция представляла серьезность и сложность проблемы восстановления облика большого урартского города, воссоздания картины его градостроительных особенностей, исторических судеб, хозяйственной базы, общекультурного значения, удельного веса отдельных отраслей хозяйства, сложной социальной и этнической структуры, роли его в жизни местных общин, взаимоотношений с другими урартскими городами и значения урартских городов в завершающийся период образования армянского народа, зарождения государственности и основ армянской культуры.

[19] *«Բանբեր Հայաստանի արխիվների», Երևան, 1965 № 3, էջ 133-138, 156-157։*

[20] *С. В. Тер-Аветисян,* Археологическое обследование городища и крепости «Древний Армавир», научный сборник, посвященный 20-летию Советской власти в Армении, Ереван, 1941, стр. 62—63.

[21] Ս. Տեր-Հակոբյան, *Արմավիրի երկրորդ նորահայտ արձանագրությունը, ՀՍՍՀ կուլտուրայի պատմության թանգարանի աշխատություններ, հատ. 1, Երևան, 1935, էջ 145-150։*

[22] *Г. Гоян,* Театр древней Армении, т. I, М., 1952, рис. 52—59, стр. 291—300.

[23] *Б. Б. Пиотровский,* История и культура Урарту, стр. 71—72; *он же,* Ванское царство, стр. 68—69.

[24] *Г. А. Меликишвили,* Наири-Урарту, Тбилиси, 1953, стр. 266—267, 330—331, 348—350.

[25] *Н. В. Арутюнян,* Биайнили-Урарту, Ереван, 1970, стр. 226—227, 421—426 и др.

[26] *Г. А. Меликишвили,* Урартские клинообразные надписи, № 127, 132, 136—137, 140—143, 165—172, 288, 315—317, 367.

[27] *И. М. Дьяконов,* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, № 1—2.

[28] Հ. Հ. Մանանդյան, *Քննական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության, հատ. Ա, Երևան, 1945, էջ 100-113։*

[29] *К. В. Тревер,* ук. соч., стр. 104—156.

[30] *А. И. Болтунова,* Греческие надписи Армавира, Изв. Арм. фил. АН СССР, 1972, № 1—2.

СЛЕДЫ ДОУРАРТСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА

Еще в 1880 году, во время работ первой экспедиции на большом армавирском (курдукулинском) холме было установлено наличие огромного количества обсидиана, ядрищ и фрагментов прекрасно обитых ножей, которые покрывали поверхность холма и встречались «даже до глубины одного аршина»[31]. Эти находки явно указывали на существование довольно древнего и обширного поселения, снесенного частично в эпоху поздней бронзы и весьма основательно при строительстве восточной крепости города Аргиштихинили. Эти важные реликвии древнейшего поселения не были собраны, систематизированы, описаны и исследованы ни в плане формально-типологическом, ни, тем более, стратиграфическом. Лишь через 60 лет, при разборе археологических материалов из Армавир-блура Б. А. Куфтин обнаружил маленькую группу глиняных кувшинов, которые могли быть увязаны хронологически с обсидиановыми орудиями, отмеченными Уваровым. В эту группу входили два черно-блестящих кувшина с полушарными ручками, черно-серого цвета одноручный открытый сосуд и подковообразная глиняная подставка, датированные исследователем III тыс. до н. э. на основе изучения целого ряда материалов из синхронных поселений Араратской равнины[32].

Чрезвычайно характерный материал указанного периода был выявлен также во время наших экспедиционных работ после 1962 года в пределах четырех норармавирских холмов (рис. 8, холмы А, В, С, Д), которые определяют довольно солидные размеры второго поселения эпохи ранней бронзы, также снесенного при более поздних строительных работах. Часть этих материалов обнаружена ниже урартских слоев западной крепости (рис. 8, холм В, «дом металлурга») и второго городского квартала (рис. 8, холм Д, «дом хранителя печати»), а другая—на дневной поверхности (холмы А и В) в виде подъемного материала. При этом изделия, оказавшиеся ниже урартских слоев, были выявлены в засыпанных хозяйственных ямах, оставленных зачастую под стенами или ступеньками урартских строений. Эти засыпанные ямы являются пока единственными остатками от глинобитных хижин туземного населения III тыс. до н. э. Этот новый комплекс изделий состоит из фрагментов керамики, желваков, нуклевидных ядрищ, обломков ножевидных пластин, мелких скребочков, зубчатых вкладышей составных серпов, наконечников стрел двух типов и ладьевидных зернотерок. Черепки сосудов немногочисленны, но довольно разнообразны по строению, обжигу, цвету и внешней орнаментации. Среди них встречаются крупные тяжелые обломки больших сосудов, светло-кремнево-зеленоватого оттенка, с полированной поверхностью и красной подкладкой. Черепок этих сосудов грубый, слоистый, имеет примесь камешек и песка. По формально-техническим особенностям она тяготеет к образцам производства начала III тыс. до н. э. Некоторые из черепков описанного типа имеют черно-блестящую поверхность и орнаментированы крупными выпукло-вдавленными спиралями шенгавитского типа (рис. 1а). Наряду с указанными, встречаются и черепки тонкостенных черных сосудов с полушарными (рис. 1б) и ложными ручками, со вдавленной орнаментацией. Они имеют аналогии в арагацской керамике II половины III тыс[33]. Малочисленность описанных образцов не позволяет уточнить хронологический охват материала, однако длительность его бытования не вызывает особых сомнений. О долгой жизни этого поселения свидетельствуют образцы каменных изделий, заготовки которых скалывались с обсидиановых ядрищ (рис. 1в) двух типов. Один из них при скалывании выделял мелкие куски камня треугольной, трапециевидной или четырехугольной формы, очень удобные для изготовления скребочков, вкладышей серпов (рис. 1г, д) и наконечников стрел (рис. 1е, з). От других ядрищ отделялись узкие, длинные пластинки для ножевидных орудий (рис. 2). Часть орудий изготавливалась также на отщепах (рис. 2а, б, в). Для производства подобных изделий употреблялись в основном красноватые, черные и дымчато-прозрачные обсидианы, но редко применялся также темно-коричневый кремень. Зернотерки, терочники и прочие орудия больших размеров делались из пористого базальта. Своей архаичностью особо выделяется наконечник стрелы из нижнего слоя «дома металлурга» (рис. 1е). Он имеет крупные размеры, миндалевидную форму и тонко отретушированную (с одной стороны) поверхность. Вторая стрела миниатюрная, имеет форму остроконечного треугольника, почти прямой срез основания, коротенький черешок и выемки с обеих сторон. Обе поверхности изделия тонко сретушированы, найдено в нижнем слое «дома держателя

---

[31] *А. С. Уваров*, ук. соч., стр. 143.

[32] *Б. А. Куфтин*, Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит, Вестник Гос. музея Грузии, т. XIII—В, Тбилиси, 1943, стр. 92—95, табл. XXIII, рис. 1—3, XXVII, рис. 2—3.

[33] *А. А. Мартиросян*, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, стр. 42—47, рис. 10.

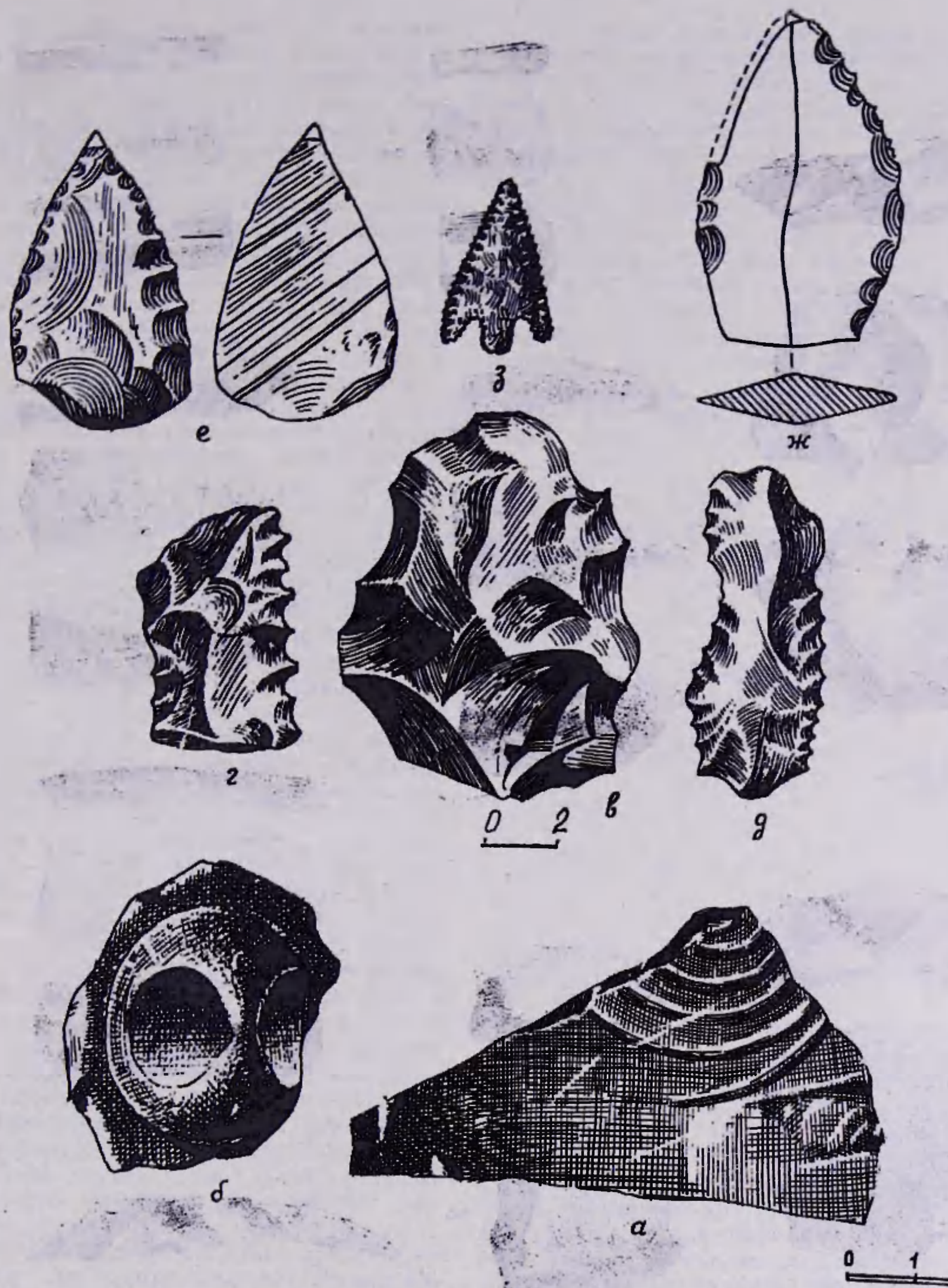

Рис. 1. Керамика и каменные изделия III тыс. до н. э.

печати». Первый тип наконечника более характерен для эпохи энеолита, но имеет несколько прямых аналогий среди материалов III тыс. (Сев-блур у с. Мргашат), а также параллели, сходные по форме острия, но снабженные глубоким выемом у основания (Кюль-тапа, Гарни, Джрарат)[34]. Вторая стрела (рис. 1з) имеет совершенно точные соответствия среди материалов многих поселе-

[34] Է. Վ. Խանզադյան, Հայկական լեռնաշխարհի մշակույթը մ. թ. ա. III հազարամյակում, Երևան, 1967, էջ 42, տախտ. VI, նկ. 2։

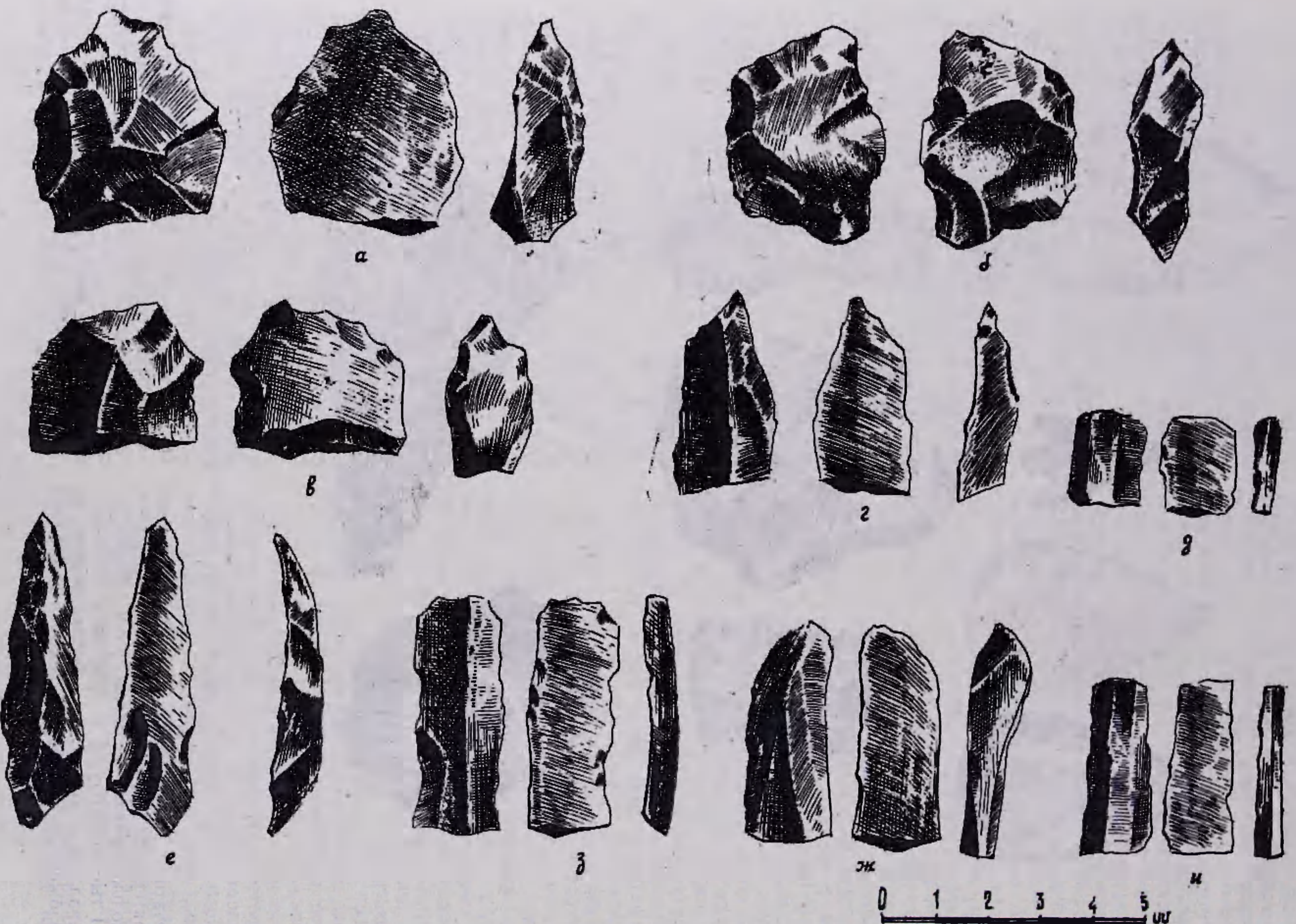

Рис. 2. Каменные поделки III тыс. до н. э.

ний III тыс. При раскопках второго городского квартала под урартским слоем вместе с миниатюрным наконечником стрелы обнаружены также фрагмент без ретуши и красно-кремневый трапециевидный вкладыш серпа с частыми зубцами на нижнем основании (рис. 1г)[35]. Эти вкладыши являются наиболее характерными частями составных серпов раннебронзовой эпохи, широко распространены на территории всего Армянского нагорья и прилегающих к нему районов Закавказья[36]. Из отмеченных участков происходят также случайно найденные зернотерки, концевые скребки и обломки других мелких орудий. Описание вышеприведенного маленького комплекса каменных изделий позволяет составить некоторое представление о характере орудий и основных занятиях населения навсегда исчезнувшего древнейшего поселения Армавира. Одни из этих предметов служили уборке урожая, другие—обработке и хранению зерновых, третьи—охоте и переработке мясных продуктов и шкуры животных.

Приведенные выше аналогии показывают, что древнейшие поселения на территории города Аргиштихинили принадлежали серии обычных населенных пунктов раннебронзовой эпохи, которые покрывали Армению сплошной сетью и особенно густо берега Аракса, главной водной артерии плодородной долины. Они относятся ко времени расцвета первобытнообщинного строя, когда люди, ютившиеся в простеньких круглых и прямоугольных хижинах родовых поселков, были уже довольно опытными земледельцами, скотоводами и садоводами, умели обрабатывать камень, глину, медь, дерево, шерсть, кожу и прочие материалы. Занимаясь ремеслами, земледелием, скотоводством и охотой, они умножали свои богатства, в горных пастбищах создавали летние святилища с многотысячными петроглифами. Для религиозных целей они создавали святилища и на постоянных местах обитания, украшая их миниатюрными глиняными статуэтками мужчин, женщин и животных. Свои родовые поселки часто окружали они мощными глинобитными или каменными оградами.

Нет никакого сомнения, что в древнейших поселениях Аргиштихинили, еле прослеживаемых ныне незначительными следами, в те отдаленные времена жизнь била ключом, бурно развивались различные отрасли материального производства и, прежде всего, земледелие, пользующееся близкими источниками водоснабжения, могучей силой Аракса, протекавшего у южных подножьев холмов, на небольшом расстоянии от поселений.

[35] Там же, рис. 1.

[36] Там же, рис. 4.

Вероятно, занимавшие господствующее положение над равниной наши богатые поселения, со своими глинобитными хижинами, были обведены могучими базальтовыми стенами, а поверхности скал и различные пещеры использовались в религиозных целях. Это особенно относится к жителям восточного поселения большого армавирского холма, располагающего большими площадями мягкой вулканической лавы, на которой можно было легко выводить всевозможные изображения культового содержания, выдолбить всякого рода надземные и подземные сооружения. Во всяком случае у подножья большого армавирского холма в 1927 году был найден так называемый «барановидный камень»—кусок скалы, упавший с вершины и

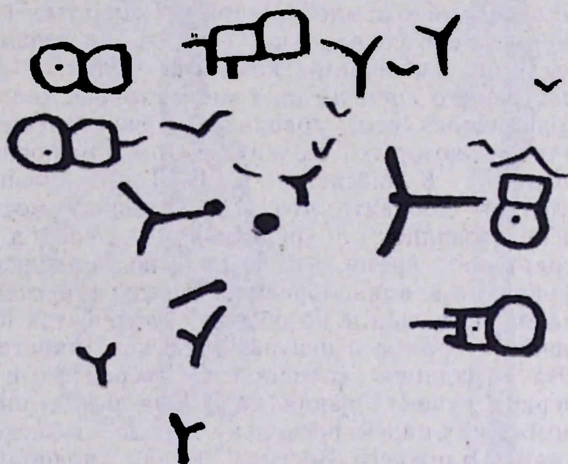

Рис. 3. Пиктографическая надпись. Восточная крепость Аргиштихинили.

испещренный множеством рисунков и знаков[37]. На разных плоскостях этого большого камня (2,70×1,40 м) были выведены различной величины чашеобразные углубления, характерные для священных мест Варденисских гор[38], Мецаморского поселения III—I тыс. до н. э[39]., алтарного святилища и кромлехов Шамирамского древнего поселения[40]. Выведенные рядом параллельные глубокие борозды также находят свои аналогии в петроглифах Мецамора, на камнях погребальных памятников III тыс. до н. э. сел. Кучак Апаранского района[41], на керамике III тыс. до

[37] *С. В. Тер-Аветисян*, ук. соч., стр. 60—61.

[38] Эти памятники обнаружены и скопированы С. Б. Петросяном.

[39] Приведены данные Л. А. Барсегяна, К. А. Мкртчяна, Э. В. Ханзадян.

[40] Материалы собраны и скопированы нами.

[41] Памятники эти показал нам С. Б. Петросян.

н. э.[42] и на плитах дманисских курганов племенных вождей первой четверти II тыс. до н. э.[43]. Подобные борозды и чашеобразные углубления имеются далеко за пределами Армении, например в пойме реки Молочной, на так называемой «каменной могиле», датируемой началом II тыс. до н. э.[44]. О том, что на поселениях Аргиштихинили в III тыс. применялись петроглифы и пиктографические письмена, свидетельствует вторая великолепная находка немного более позднего времени, к которой вернемся позже. Несомненно, жителями древнебронзовой эпохи использовались естественные и искусственные пещеры, находящиеся в пределах обоих поселений. Большим их количеством отличается древнеармавирский холм, где число этих углублений доходило до двадцати. Из-за непрочности лав и вследствие землетрясений упомянутые пещеры плохо сохранились и своды их завалены ныне выпавшими камнями. Однако «до настоящего времени на южной стороне холма сохранилось семь довольно больших пещер, одна из которых служит местом для поклонений»[45]. К описанию С. В. Тер-Аветисяна следует добавить, что эти священные места использовались в религиозных целях и в урартское время, что видно по находкам фрагментов клинообразной надписи в стене одной из пещер и по обычаю устройства пещерных храмов в центре урартского царства. Эта традиция сохранилась, вероятно, и в период существования на холме резиденции армянских царей, поскольку многие языческие храмы Ближнего Востока имели подобные подземные помещения[46]. Однако в связи с рассмотрением поселения древнебронзовой эпохи более интересно то обстоятельство, что пещерные сооружения Армавира по всем своим данным соответствуют однотипным памятникам Мецаморского поселения, расположенного на холмах точно такого же геологического строения, в 20 км к северо-востоку от Армавира и датирующегося III—I тыс. до н. э.[47]. Возможность отнесения части этих сооружений к поселениям эпохи ранней бронзы может быть аргументирована еще и наличием большого количества чашечных углублений на полу одного из выдолбленных сооружений, в восточной скале Армавир-блура. Они в точности повторяются на «барановидном камне» и на восточном обрыве мецаморского скального выступа.

К концу III тыс. до н. э. на древних поселениях Аргиштихинили постепенно замирает жизнь, в связи с истощением пахотных земель, с удалением источников водоснабжения и невозможностью применения примитивного искусственного орошения. Изменение русла Аракса и речной системы повлекли за собою обезлюдение территории Аргиштихинили и его окрестностей, в то время как на расстоянии каких-нибудь 15—20 км существовали поселения на протяжении всего II тыс. до н. э. В промежутке 7—8 столетий II тыс. на территории Аргиштихинили не наблюдаются какие-либо археологические следы деятельности людских коллективов.

Лишь в конце XIII и начале XII века на Армавир-блуре появляется, по-видимому, большое поселение, занявшее местообитание древнебронзовой поры. Новые жильцы строят, вероятно, множество каменных жилищ (от которых не сохранились следы) и продолжают деятельность древних по сооружению искусственных помещений в скалах. Об этом свидетельствуют находки замечательных вещей указанного периода на восточном отсеке холма, в непосредственной близости от сохранившейся части комплекса скальных сооружений[48]. Именно здесь стояло до последних времен одно из вполне сохранившихся помещений, имеющее форму квадрата в плане, вход с западной стороны, стены трехметровой длины, метровой толщины и высоты. Вокруг этого сооружения в скале группируются еще 12 таких же сооружений, слишком плохо сохранившихся. Очевидно, они были выравнены, сглажены при строительстве урартской крепости. Эти скальные сооружения по своему устройству очень напоминают чудесные святилища Мецамора и, по-видимому, также имели религиозное назначение. В неуловимой связи с этим сооружением стоит упомянутая выше известная пиктографическая надпись, высеченная на борту «барановидного камня» именно в позднебронзовую эпоху, в канун урартской экспансии (рис. 3). Выведенные в надписи разнообразные знаки[49] напоминают стилизованные фигуры людей, летящих птиц, имеют формы солнечных кружочков, полулуний, углышек, квадратов и совпадают с многочисленными пиктографи-

---

[42] *Т. Н. Чубинишвили,* Древняя культура в двуречье Куры и Аракса, Тбилиси, 1965, табл. VIII.

[43] *О. М. Джапаридзе,* Археологические раскопки в Триалети, СА № 2, 1964, табл. 17—18.

[44] *А. А. Формозов,* Очерки по первобытному искусству, М., 1969, стр. 135—137, рис. 50.

[45] *С. В. Тер-Аветисян,* там же.

[46] *К. В. Тревер,* ук. соч., стр. 77—95.

[47] *К. А. Мкртчян,* Мецамор, Международный симпозиум по истории геологии, Ереван, 1967, стр. 59—66 и рисунки.

[48] Вещи найдены при раскопках Армавирской экспедиции и еще не опубликованы.

[49] *L. A. Barseghian,* Armenian writing before the time of Mashtotz, Contributions to the archaelogy of Armenia, vol. III, n. 3, 1968, Cambridge, стр. 219—224, рис. 3.

ческими знаками Гегамских гор[50], Мецамора, Сюника и других петроглифов Армении, пока мало расшифрованных[51]. Отдельные фрагменты поселения эпохи поздней бронзы, рассмотренные выше, невольно напоминают достаточно хорошо сохранившиеся синхронные памятники Мецаморского поселения, которые обрисовывают широкую и весьма интересную картину духовной и материальной жизни конца первобытнообщинного строя устраивались обогатительные системы, под ними, в срезах, горели крупные и мелкие плавильные печи, работали мастеровые-металлурги и гончары, достигшие высокого уровня профессионализма. В святилищах открытого—«площадочного» типа жрецы наблюдали за движением звезд, устанавливали свой земледельческий «календарь», столь нужный хлеборобам равнины. Поля этого поселения обильно орошались водами Меца-

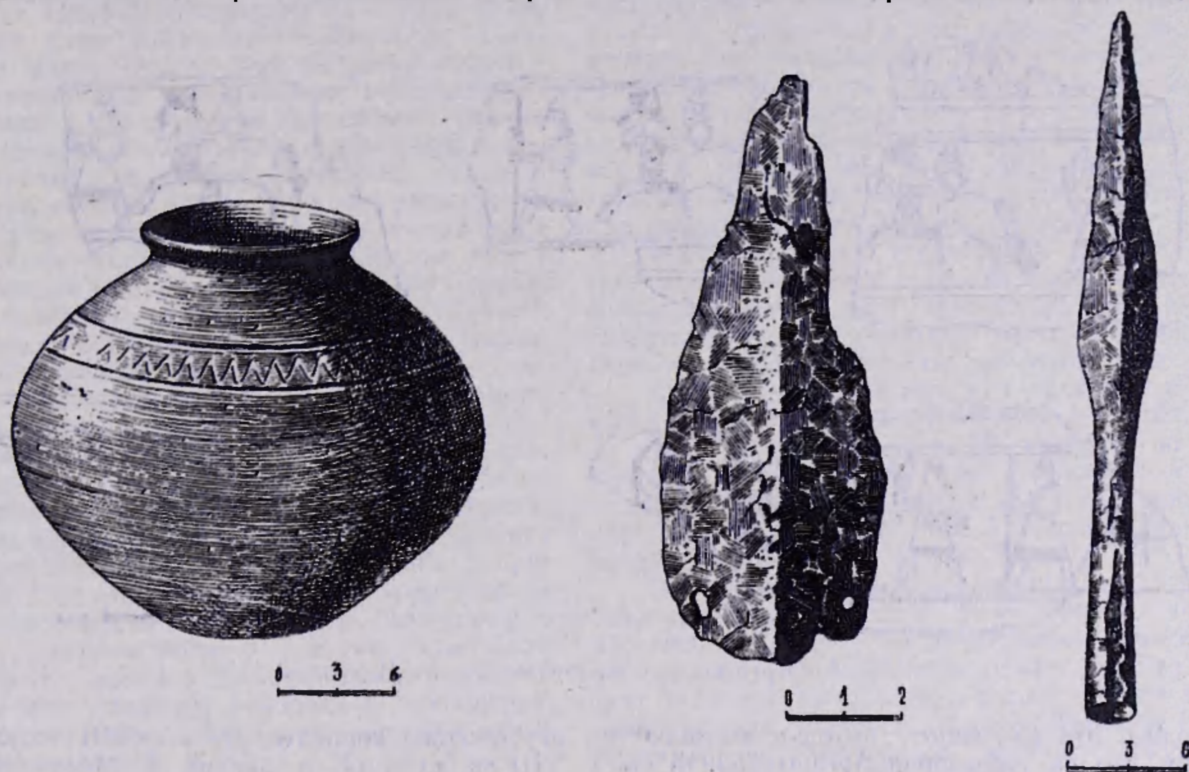

Рис. 4. Погребальный инвентарь эпохи поздней бронзы.

в Армении и весьма тесно связываются с нашим поселением. Однако в полускальных помещениях Мецамора сохранились чудесные святилища-храмы с тройными антропоморфными идолами, воздвигнутыми над жертвенниками метровой высоты, сопровождаемыми огромным множеством крупных и мелких чашеобразных углублений. Вне пределов святилищ сохранилось множество наскальных изображений культового назначения. Идолам и петроглифам Мецамора поклонялись земледельцы и скотоводы поселения, приносили им жертвы и дары. В скальных сооружениях и пещерах Мецамора мора, приносили хороший урожай, ремесленники изготавливали всевозможные каменные, глиняные, костяные, стеклянные, металлические изделия высокого качества[52]. Вероятно, именно такая картина предстала глазам урартов, впервые захвативших высокий армавирский холм и облюбовавших его для собственного строительства. От всего этого сохранились лишь некоторые изделия, найденные во время работ Армавирской экспедиции, и инвентарь разрушенного у подножья холма в 1935 году погребения, с весьма скромным составом (ГИМ Арм., инв. 2085/1—4). Упомянутый погребальный комплекс состоит из проволочного бронзового браслета, со смыкающимися концами, кинжального треугольного клинка, с отверстиями

[50] *А. А. Мартиросян, А. Р. Исраелян*, Наскальные изображения Гегамских гор, Ереван, 1971.

[51] *А. А. Мартиросян*, Первобытные иероглифы Армении и их урарто-армянские двойники, Вестник общ. наук, АН АрмССР, № 9, стр. 64—74.

[52] *К. А. Мкртчян, Э. В. Ханзадян*, Мецамор, Ереван, 1974, стр. 107—123, 67—107, 142—149.

в верхней части и серединной жилкой, очень большого наконечника копья с длинной втулкой и более коротким перьевидным острием, а также довольно вместительного чернолощеного горшка округлого строения, с узким горлышком и волнообразным орнаментом в верхней части корпуса (рис. 4).

Группа изделий той же позднебронзовой эпохи стала известна при земляных работах 1927, 1929 годов в районе Нор-Армавирского урартской резиденции VII в. до н. э. города Тейшебанни[54].

Рассмотренные выше материалы позволяют считать установленным, что территория будущего урартского города Аргиштихинили была связана единой судьбой еще с III тыс. Здесь нами зафиксированы следы двух поселений раннебронзовой поры и двух поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа. Эти последние относятся к периоду распада

Рис. 5. Урартские воины на бронзовом поясе. Нор-Ареш.

холма. Эти случайные находки извещают о том, что на территории Аргиштихинили располагалось еще одно поселение доурартского времени. Эта группа (инв. № 777/3—8 и 90) состоит из узкогорлых кувшинов черного лощения с горизонтальными врезными полосками, приземистых, чернолощеных бомбовидных сосудов, орнаментированных (волна, семячковый узор) и гладкостенных, узкогорлого кувшина с рифленой верхней половиной корпуса и другого красивого кувшина с высокой шейкой, лощеными, врезными и желобчатыми орнаментами корпуса. Все перечисленные выше керамические и металлические изделия, за исключением наконечника копья, как и соответствующие типы сооружений, имеют свои точные параллели в археологических комплексах непосредственно доурартских слоев Мецаморского поселения[53], сожженного урартами в начале VIII в. до н. э., а также детально стратифицированных слоях Кармир-блурского доурартского поселения, над которыми располагались жилые кварталы первобытнообщинного строя (XIII—начало VIII вв. до н. э.) и наряду с Мецамором, Лчашеном, Артиком, Ташбуруном, Лорибердом и другими знаменитыми памятниками представляют историю той стадии, когда экономика и культура страны достигают возможно высшего первобытного предела, а общинный строй катится к неминуемой гибели от глубокой имущественной дифференциации, социального расслоения и укрепления зародышей первых организаций государственной власти[55]. Между тем, в тот же самый период, в западной части Армянского нагорья из мощных союзов наирийских и урартских племен сложилось Ванское царство, окрепло в борьбе против могучих соседей и достигло зенита своего развития в VIII в. до н. э. Создалась такая политическая ситуация, когда племена Восточной Армении подошли вплотную к преддверию государственности, а моло-

[53] Там же, рис. 47—63.

[54] *А. А. Мартиросян*, Город Тейшебаини, Ереван, 1961, стр. 7—26, рис. 2, 4, 5.

[55] *А. А. Мартиросян*, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 96.

дое и могучее Ванское царство стремилось к захвату Араратской равнины и всей восточной части Армении.

ЗАВОЕВАНИЕ АРАРАТСКОЙ РАВНИНЫ УРАРТАМИ

Урарту—великий этно-культурный, социально-экономический и политический предшественник армянской государственности, достиг наивысшего могущества в годы правления царя Аргишти (786—764 гг. до н. э.), сына Менуа. Войска (рис. 5) этого могучего военачальника, талантливого политического деятеля и строителя на протяжении долгих лет вели упорную и целенаправленную борьбу против ряда переднеазиатских стран, в первую очередь Ассирии, во имя расширения пределов своего царства, во имя гегемонии на Ближнем Востоке. С первых же лет своего правления обширные силы «Аргишти Урарта, чье название страшно, как тяжелая буря»[56], появлялись то в пределах Ассирии и Сирии, то в восточных провинциях Армянского нагорья, то в дальних странах причорохских, приурмийских и присеванских областей. Победоносные войска Аргишти одержали верх во всех этих направлениях и Ванское царство простерлось на обширной территории Армянского нагорья и прилегавших к нему районов Малой Азии, Сиро-Палестины, Ирака и Ирана. К концу правления Аргишти урарты прочно закрепились в Восточной Армении и в приурмийском районе, успешно завершили военные действия на территории бывшего Хеттского царства, привели в подчинение Северную Сирию, отрезали приевфратские пути сношений Ассирии с Малой Азией и, таким образом, овладели всеми основными торговыми путями Передней Азии[57]. Урартское царство стало наиболее могущественной державой Древнего Востока. В военно-стратегических планах царя Аргишти I далеко не второстепенное место отводилось завоеванию и освоению Араратской низменности, одной из пяти плодороднейших долин Древнего Востока, орошаемой водами р. Аракс, окаймленной белоснежными вершинами Арарата, Арагаца и других гор срединной Армении. Еще в конце IX или в самом начале VIII в. до н. э. на правый берег р. Аракс вышли войска царя Менуа, сына Ишпуини и отца Аргишти, захватили сильно укрепленную «страну Эрикуахи» (УКН, 30) на северном склоне горы Большой Арарат и на месте племенного центра Лухиуни воздвигли урартские храмы, крепости и дворцы (УКН. 31 и 70). Это событие было, по-видимому, настолько знаменательным, что о нем упоминается в пяти клинообразных надписях (УКН. 30—34), найденных в районе селения Ташбурун, и в одной надписи (УКН, 35) из центральной части Урарту. Причем в трех из них повторяется выражение о захвате «царского города Лухиуни», «которым никогда никто не овладевал?» (УКН, 30, 34, 35). Значение этого военно-политического акта оценил в полной мере видный русский востоковед М. В. Никольский. «Найденные в этих развалинах клинообразные надписи,—писал Никольский,—проливают свет на то значение, какое имела эта местность за восемь веков до р. Х., именно она была для ванских царей ключом к Эриванской равнине, что здесь впервые стал твердою ногою первый из ванских царей, проникший в долину Аракса, Менуа»[58].

Значение победы над страной Эрикуахи трезво оценил в свое время и царь Менуа, создавший здесь свою военно-административную базу и присвоивший ей свое имя. Одна из ташбурунских надписей гласит:

«Богу Халди, владыке, этот величественный (?) дом Менуа, сын Ишпуини, построил, (а также) величественную (?) крепость построил, установил (ее) имя—Менуахинили. Величием бога Халди Менуа, сын Ишпуини, царь могущественный, царь Биайнили, правитель Тушпа-города» (УКН, 70).

Возможно, что мелкие военные отряды, снаряженные в крепости Менуахинили, не раз переправлялись на левый берег Аракса еще при жизни царя Менуа, однако завоевание левобережных земель и всей долины в целом выпало, очевидно, на долю Аргишти I. В знаменитой Хорхорской летописи этого царя, высеченной на юго-западной стороне Ванской скалы, сохранились любопытные сведения о походах урартских войск в Айраратскую низменность, в примыкающую к ней долину реки Ахурян и бассейн оз. Севан. Эти военные действия упомянуты в списках событий второго, третьего (785—784 гг. до н. э.) годов правления Аргишти и своей логической последовательностью указывают на глубокий стратегический замысел прочного освоения Араратской долины и закрепления ее подступов со всех сторон. По этим данным, вскоре после основания Менуахинили, в 784 г. до н. э. войска Аргишти захватили страну Абилианихи (древнеарм. Абегеанк юго-западнее страны Эриахи). Годом раньше (785 г. до н. э.) были совершены опустошительные походы в страны Диаухи (бас. р. Чорох), Эриахи (долина р. Ахурян, у современного Ленинакана), Забаха (область Джавахк средневеко-

[56] АВИИУ, 38, ВДИ, 1951, № 2, стр. 303.

[57] *Б. Б. Пиотровский,* Ванское царство, М., 1959, стр. 65 и 74.

[58] *М. В. Никольский,* ук. соч., стр. 21.

2—679

КАРТА УРАРТСКИХ ПАМЯТНИКОВ АРАРАТСКОЙ ДОЛИНЫ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

НАДПИСЬ

УРАРТСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ-КРЕПОСТИ

УРАРТСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

КЕРАМИКА

СТЕЛА

МОГИЛЬНИКИ

ДРЕВНИЕ КАНАЛЫ

Дигор
Ахурян
Аракс
Неркин-Талин
Касах
Шамирам
Арагац
Шахкунк
Грампа
Эчмиадзин
Звартноц
свх. № 4
Тейшебаини
Абовян
Арамус
Тарни
Эребуни
Азат
Мецамор
Октемберян
Сардарабад
Бамбакашат
Нор-Армавир
Армавир
Шагриар
Джанфида
Маргара
Байрамлу
Бахчалар
Хербеклу
Тузлуджа (Кохб)
Каракала
Аракс
Арташат
Менуахинили
Малаклу
оз. Эрхаджи
Веди

Рис. 6.

вых источников) и Игани (бас. оз. Чалдыр). Во время военных действий 784 года урартские войска одержали легкую победу не только над страной Абилианехи и прилегающими районами Аништирга, Куарзани и Ултузаини, но и над Удури-Этиунской страной Киехуни. События этого года описаны в тексте летописи следующим образом:

«Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он страну Абилианехи, страну Аништирга, страну Куарзани (и) Ултуза, поверг их перед Аргишти. Бог Халди могуч, оружие (?) бога Халди—могучее. Величием бога Халди выступил (в поход) Аргишти, сын Менуа. Предшествовал (?) (ему) бог Халди. Аргишти говорит: завоевал я страну Этиуни, дошел (я) до страны..., до Удури-Этиухи, мужчин (и) женщин (оттуда) я угнал» (УКН, 127, I).

Важно отметить, что, по сведениям Хорхорской летописи, военные действия в указанных северных направлениях продолжались со второго по пятый год царствования Аргишти, в результате чего уже в 784 г. до н. э. Араратская равнина оказалась в клещах урартской военной машины, была обложена войсками Аргишти I и лишена не только военно-стратегического и политического значения, но даже и возможности серьезного сопротивления. Были созданы все условия прочного и окончательного освоения этой важнейшей области. В создавшейся ситуации захват основного ядра низменности—страны Аза клинописных источников,—не представлял больших трудностей и был осуществлен, повидимому, в том же 784 г. до н. э. Ни в одной из урартских надписей не говорится о повторных походах в страну Аза. Не упоминается об этом даже в надписях о постройках таких знаменитых военно-административных, хозяйственных и религиозных центров этой страны, какими являлись Эребуни и Аргиштихинили.

Однако нельзя думать, что страна Аза «досталась в руки Аргишти без всякой борьбы»[59]. Такому заключению противоречит не только то обстоятельство, что урартские цари рассматривали ее как вражескую, но и обстоятельства гибели многих поселений ее, оказавших посильное сопротивление. Археологические раскопки ясно показывают, что войска Аргишти, сына Менуа, огнем и мечом прошли страну Аза. Мощные слои пожарищ и разрушения, залегающие непосредственно под урартскими слоями, были зафиксированы не только при раскопках Лухиуни-Менуахинили[1], но и в верхних слоях Мецамора[60], Аргиштихинили и Тейшебаини[61]. В пламени этих пожарищ горели, несомненно, многие цветущие, большие поселения страны. Уничтожались последние устои доклассового общества на большой территории, охватывавшей последние несколько десятков тысяч километров Армянского нагорья. Излюбленная фраза урартских царей, применяемая по отношению к вражеским странам: «Земля была пустынна, там ничего не было сооружено [раньше]» не соответствовало действительности, тем более для Азайской страны. Именно на руинах древних поселений первобытного общества возвышались грандиозные строения урартской эпохи.

В первые же годы завоевания Араратская равнина была освоена раз—навсегда и, находясь в составе Ванского царства до конца его существования, превратилась в житницу этой могучей древневосточной державы, в большую культурно-экономическую, военно-стратегическую и политическую ее провинцию. Укрепление и развитие этой страны рассматривались царем Аргишти в качестве важного звена общестратегического замысла по упрочению урартской власти в пределах Армянского нагорья, южного Кавказа, Малой Азии и Иранского плоскогорья с тем, чтобы всей своей мощью обрушиться на Ассирию, на эту вечную соперницу Ванского царства. Урартовед Н. В. Арутюнян зорко заметил, что при исследовании событий первых пяти лет царствования Аргишти, сына Менуа, походы урартских войск охватывают западное, северо-западное, северо-восточное и юго-восточное направления, страны, расположенные в пределах бывшего Хеттского царства, Маннейского царства приурмийской области, некоторые районы по южному побережью Черного моря, районы Высокой, Восточной Армении и Закавказья[62]. Только в шестом году своего правления, в 781 г. до н. э., этот мощный древневосточный властелин направляет свои войска против Ассирии. В этот общий военно-политический антураж хорошо вписываются «величественные деяния» царей Менуа, Аргишти и Сардури II (деда, сына и внука) по укреплению страны. Еще задолго до походов против Ассирии, в годы своего правления цари Менуа и Аргишти воздвигают десятки мощных крепостей на подступах столичного города Тушпы, в пределах Таронской долины. За год до нападения на Ассирию (782 г. до н. э.) в сердцевине Араратской равнины Аргишти I строит обширную военно-страте-

[59] *А. А. Ивановский*, ук. соч., стр. 41.

[60] Результаты изучения этого слоя Мецамора еще не опубликованы.

[61] *А. А. Мартиросян*, Город Тейшебаини стр. 37—67.

[62] Ն. Վ. Հարությունյան, *Երևանի հիմնադրման հարցի շուրջը, «Պատմաբանասիրական հանդես», Երևան, 1959, № 2-3, էջ 85-86։*

КАРТА АРГИШТИХИНИЛИ И ЕГО ПОДСТУПОВ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
+ Строительные камни Аргиштихинили
Надписи
Урартские поселения-крепости
Совр. населенные пункты
Древние каналы
Сардарабадский канал
ХЗНАУЗ
/Арагац/
ГРАМПА
ОКТЕМБЕРЯН
САРДАРАБАД /Октембер/
ЗЕЙВА
/Мецамор/
АМАСИА
М. БАЯЗЕТ /Бамбакашат/
КУРДУКУЛИ /Армавир/
Н. АРМАВИР
АРДЖАХ /Аревик/
ТАПА-ДИБИ /Айкаван/
КАРАКАЛА
В. ШАГРИАР
/Б. Налбандян/
М. ШАГРИАР
/М. Налбандян/
ПШАТАВАН
АРМТЛУ /Тандзут/
УЗУН-ОБА /Аргаванд/
ДЖАНФИДА
АРАКС
ТАШБУРУН /Цолакерт/
ЛУХИУНИ
/ЭРИКУАХИ/

Рис. 7.

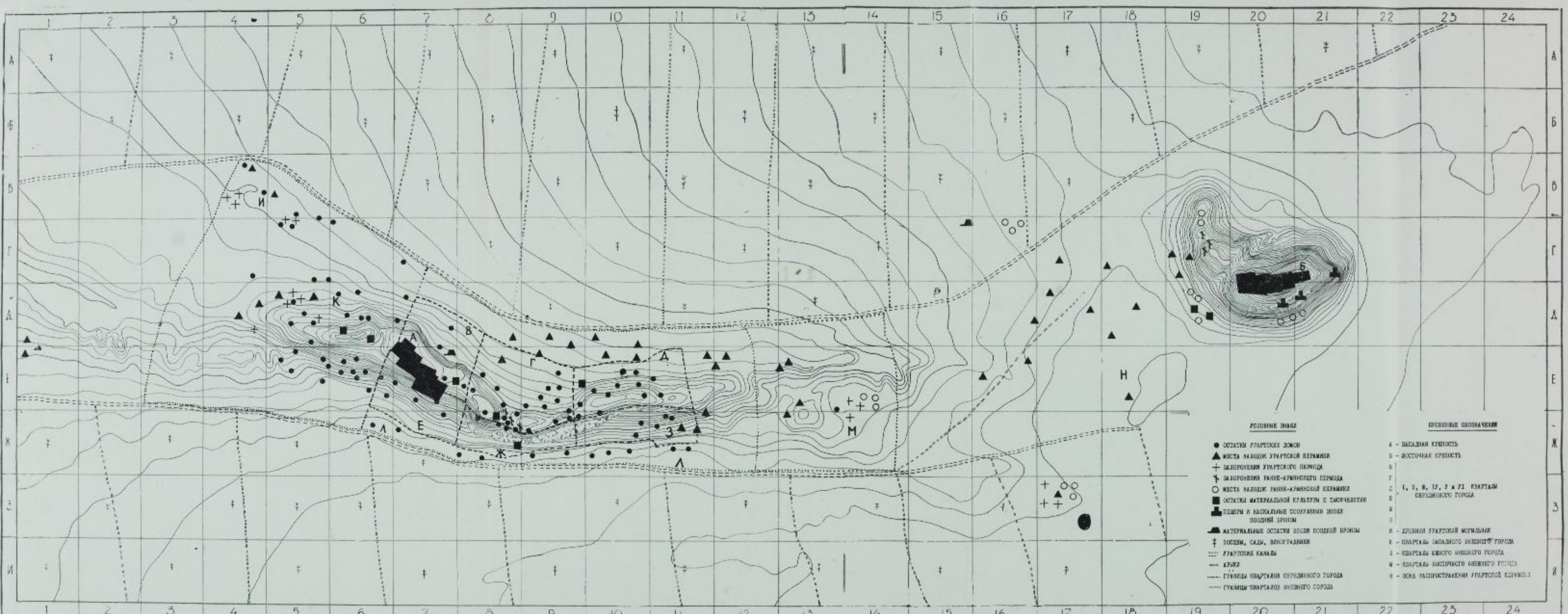

Рис. 9. Ситуационная карта Аргиштихинили.

тическую базу—город Эребуни (Ереван). «...на устрашение вражеских стран» (УКН. 138).

После Менуахинили и Эребуни на Араратской равнине появляется целый ряд городов и военных опорных пунктов, которые плотным кольцом окружают более или менее крупные города страны Аза. Эти военно-опорные пункты-крепости известны ныне на подступах долины Аракса в пределах Абовянского (Элар, Мгуб, Арамус)[63], Эчмиадзинского (Хднауз-Арагац, Цахкунк[64]), Аштаракского (сел. Шамирам), Октемберянского (селения Хербеклу и Бахчалар) районов. Мероприятия такого рода, осуществляемые в широких масштабах в канун и в годы столкновения с Ассирией, служили прочной базой для продолжения военно-политической конкуренции Урарту на Древнем Востоке. Этим немаловажным обстоятельством объясняется не только появление множества городов-крепостей за сравнительно короткий промежуток времени, но и внушительные масштабы некоторых из этих городов. Шедевром урартского градостроительства раннего периода правления Аргишти I явился город Эребуни, основанный по приказу царя в пятом году (782 г. до н. э.) его правления в юго-восточной части современного Еревана. Вделанные в кладку ворот цитадели Эребуни клинообразные надписи гласят: «Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, эту величественную (?) крепость построил; установил (для нее) имя Ирпуни; (построил ее) для могущества Страны Биаинили (и) для усмирения (?) вражеской страны...» (УКН, 138). Строительству этого города Аргишти придавал большое значение и счел необходимым об этом упомянуть также в своей летописи:

«По велению бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: «Город Ирпуни я построил для могущества страны Биаинили (и) для усмирения (?) вражеской страны. Земля была пустынной (?); ничего (там не было) [раньше] построено. Могучие дела там я совершил. 6 (?) тысяч 600 воинов стран Хате (и) Цупани я там поселил» (УКН, 127, II). Построенный руками военнопленных город Эребуни, как видно из надписей, превратился в могучую военно-стратегическую базу северо-восточных провинций Ванского царства.

[63] Последние две выявил Г. А. Микаелян.

[64] Выявил Р. М. Торосян.

ГЛАВА II

ФРАГМЕНТАРНАЯ КЛИНОПИСНАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА

В 781 г. до н. э., сразу после постройки города Эребуни, Аргишти, сын Менуа, начал длительную, кровопролитную войну против Ассирии. Военные действия развертывались в основном в северных провинциях Ассирии и редко переходили на территорию Урарту. Ослабевшая Ассирия с трудом отбивала атаки урартских войск на протяжении шести лет (781—778, 776 и 774 гг. до н. э.)[1].

Ванское царство вышло из войны окрепшим, в государственную казну потоком посыпались военные налоги из покоренных стран, сокровищницы Аргишти трещали от награбленных богатств, а угнанные из разных стран военнопленные служили бесплатной рабочей силой, широко применяемой в урартском хозяйстве. Налицо были все условия для продолжения мирной экономической и градостроительной деятельности.

Не случайно, что именно в годы побед над Ассирией Аргишти начал строительство наиболее крупного на Араратской равнине и в восточных провинциях своего царства центра—города Аргиштихинили. Это событие было настолько знаменательным, что нашло отражение в Хорхорской летописи Аргишти, наряду с победой над сильной страной Мана, одержанной в одиннадцатом году его правления. Надпись эта гласит: «Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он войска страны Мана (и) поверг его перед Аргишти, сыном Менуа. Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: ... Аргиштихинили я воздвиг, от реки (?) канал стране Аза я отвел...» (УКН, 127, IV, 128, В2).

Дословно повторяется этот текст и в дубликате летописи, на стене церкви Сурб-Саак в Ване (УКН, 128, В, 2), как бы подчеркивая значение великого «деяния» царя. Из этого весьма скромного и лаконичного текста узнаем, что Аргиштихинили был основан в 11-м году правления Аргишти I, в 776 г. до н. э., что вновь появившемуся городу было присвоено имя основателя, что город этот находился в стране Аза, для которой был проведен оросительный канал.

К счастью, осмотрительный царь приказал высечь клинообразную надпись о проводке этого канала и над устьем его, на большой левобережной скале реки Аракс, к юго-западу от Аргиштихинили (табл. I). Надпись эта гласит:

«Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, этот канал провел. Земля была необитаемой (?), никто там не находился. По велению бога Халди Аргишти (этот канал) провел.

Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь страны Биайнили, правитель Тушпа-города» (УКН, 136, табл. I).

Другая очень важная надпись Аргишти I, высеченная на строительном камне, была найдена в сел. Сардарабад, недалеко от Армавира. В ней «... Аргишти, сын Менуа, говорит: Величественную (?) крепость я построил, установил (для нее) имя—Аргиштихинили. Земля была пустынной (?); ничего там не было построено; я от реки четыре канала провел, виноградник (и) фруктовый сад разбил, подвиги я там совершил...» (УКН, 137, табл. II). На основе приведенных и других строительных надписей, обнаруженных в разное время в окрестностях древней столицы Армении—Армавира уже к началу 80-х годов прошлого столетия, ученые полагали, что древнеурартский город Аргиштихинили должен был находиться на месте Армавира. В 90-х годах XIX в. первый истинный исследователь Аргиштихинили, видный русский востоковед М. В. Никольский писал: «Теперь не может быть сомнения, что 11 из 12 камней (надписей.—*А. М.*) происходят от построек в Армавире или имеют тесную связь с этими постройками, одного материала и одной обработки с другими, и повествуют о сооруже-

[1] *Б. Б. Пиотровский,* Ванское царство, стр. 66.

нии города, дворцов, храмов, каналов в одном месте. Это место называется в них Argistiḫinili, т. е. местопребывание Аргишти». «Само по себе положение Армавирского холма слишком заметное и располагает думать, что в древности здесь мог быть важный политический и культурный центр». Далее М. В. Никольский описывает развалины архитектурных памятников Аргиштихинили, сопоставляет их с другими и доказывает, что именно они являются остатками цитадели этого крупного урартского центра[2].

Более того, М. В. Никольский впервые отметил, что «страна Azani должна быть именно тою, в состав которой входил Армавир... очевидно она имела особое значение в истории царствования Аргишти»[3]. Это пророческое изречение об «особом значении» страны Аза подтвердилось лишь через 70 лет находками новых клинописных документов, указывающих па более или менее точную локализацию страны. Выяснилось, что страна Аза(ни) занимала плодороднейшую и обширную часть Араратской равнины, ограниченную водами рек Аракс, Ахурян, Раздан и Касах. На ее территории были построены крупнейшие урартские центры восточной Армении: Эребуни, Аргиштихинили и Тейшебаини, образующие основу урартской власти в Закавказье на протяжении двух столетий. По современному административному делению эта страна охватывала Ереванский, Эчмиадзинский и Октемберянский районы Армянской ССР[4], которые и ныне отличаются своим богатством. Хозяйство этого могучего ядра урартской власти на востоке страны должно было базироваться па мощной ирригационной сети, основу которой заложил Аргишти пятью своими каналами, предназначенными как для орошения страны Аза, так и для орошения города Аргиштихинили. Проведение каналов было не ново для урартского царства, проявлявшего постоянную заботу об ирригации, тем более при строительстве больших городов. Отец Аргишти, царь Менуа, оставил после себя грандиозное ирригационное сооружение, так называемый Шамирамский канал, с четырнадцатью клинописными надписями, протяженностью свыше 70 км. Этот канал поступал в столицу Урарту—город Тушпу, доставляя родниковую питьевую воду и «воду изобилия»—для орошения садов, виноградников, огородов, пышных сельскохозяйственных угодий и лугов, расположенных вокруг города, как красочно повествует Хоренаци[5]. Предание о древнем городе Тушпа-Ван, сохранившееся у Хоренаци[6], удивительно точно совпадает с документальным повествованием ассирийского царя Саргона об урартском городе Улху, разрушенном им в 714 г. до н. э.

«... Урса-царь, правитель их,—говорится в надписи Саргона, по желанию сердца своего... указал выход вод. Он вырыл канал, несущий проточную воду (?) и... воду изобилия, как Евфрат, он заставил течь. Он вывел бессчетные арыки от его русла и... во истину оросил нивы. Его (города Улху) пустынные земли, ...и как дождь пролил на них плоды и виноград. Платанам, высоким (?) деревьям, украшению дворца его, ...как над его окрестностью он дал простереть тень, ...и, как бог, дал его людям возглашать радостное «алалу». 300 имеров посева, ...хлеба при урожае он дал течь, и при продаже зерна (?) они увеличивали доход (?); его пустынные земли он превратил в луга, и зеленели они весьма сильно в начале года, трава и пастбища не прекращались ни зимой, ни летом. Он превратил их в загон для коней и стад, сделал всей своей темной (?) стране известными верблюдов и они работали при насыпке плотин. Он построил для своего удовольствия на берегу канала дворец, царственное жилище, перекрыл его кипарисовыми стволами и сделал приятным его аромат. Крепость Сардурихурда он заложил для охраны его на горе Кишпал»[7].

Однако лаконичные факты об ирригации Аргиштихинили с его шестью каналами гораздо красноречивей красочных описаний оросительных систем и развитого хозяйства Тушпы, Улху, каналов по реке Арацани и многочисленных других, так как в истории Урарту нет ни одного другого города, построенного на базе столь обильного орошения. Следовательно, и хозяйства этого города развивались соразмерно с оросительными возможностями.

Неутомимый Аргишти развернул кипучую строительную деятельность на территории своего города, проводил каналы на «пустынной земле», разбивал сады и виноградники, строил дворцы, храмы, жилые кварталы несравненно больших масштабов, чем это делал его внук царь Руса I в городе Улху спустя 50—60 лет. Чтобы представить себе масштабы произведенных урартами работ по строительству города Аргиштихинили,

---

[2] *М. В. Никольский*, Клинообразные надписи Закавказья, стр. 33—37.

[3] Там же, стр. 43—44.

[4] О локализации страны Аза см. *Н. В. Арутюнян*, Новые урартские надписи, Ереван, 1966, стр. 80—84.

[5] *Б. Б. Пиотровский*, ук. соч., стр. 138.

[6] Մովսիսի Խորենացւոյ *Պատմութիւն Հայոց, գիրք Ա, գլ. ԺԶ*

[7] АВИИУ, 199, ВДИ, № 2, 1951, стр. 327.

достаточно упомянуть, что из камня, увезенного с развалин этого города, построены были цокольные кладки глинобитных домов 10—12 окружающих сел, дворовые ограды, ворота Сардарабадской крепости Гусейн-Кули хана, кладбище с. Армавир и мн. др. Следует также упомянуть, что для проводки основных пяти каналов Аргиштихинили, общей протяженностью не менее 40 км, при средней глубине и ширине 2 м требовалось выкопать и отбросить 160000 м³ земли (без учета многочисленных арыков, еще более трудоемких), а для постройки двух крепостей с общей площадью 4 га, высотою базальтовых цоколей в среднем 3 м, при средней толщине 2,5 м и сырцовых стен 7-метровой высоты (при средней толщине 2,5 м) требовалось 40500 м³ базальта и 95500 м³ строительной глины. Мы уже не говорим о громадах жилых кварталов, требовавших строительных материалов десятки сотен раз больше, если учесть, что город занимал около 1000 га площади, без хозяйств.

Для этого грандиозного мероприятия, осуществленного за столь короткий срок, при низких технических возможностях, нужно было иметь бесчисленное количество рабочих рук, которые могли быть использованы при проведении каналов и сооружении дамб, при добыче камня, транспортировке строительных материалов, при строительстве колоссальных зданий и обрабатывании земли. Не исключена возможность, что здесь использовался труд многотысячных пленных воинов, угнанных им в 778—777 гг. из областей Ассирии и страны Мана (УКН, 127, IV, УКН, 128, В2), а также верблюды и крупный рогатый скот, угоняемый вместе с военнопленными. Как увидим ниже, в годы правления сына Аргишти, царя Сардури II, в Азайской стране находились жители междуречья Тигра и Евфрата. Большие масштабы работ по городу Аргиштихинили, требовавшие соответственного применения человеческой силы, засвидетельствованы также достаточным количеством данных клинописных документов. Ряд строительных надписей указывает, что Аргишти I не ограничился постройкой упомянутой выше «величественной крепости» Аргиштихинили. Такая же крепость была воздвигнута им на холме близ селения Нор-Армавир, при раскопках которого в 1967 году найдена база колонны с надписью: «Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, этот дом соорудил» (табл. III). Подобные трафаретные надписи были найдены и ранее в окрестных селах Газанчи и Шагриар (УКН, 140—141, табл. IV—V). Другие постройки Аргишти I были украшены более пространными клинописными текстами религиозного и социально-экономического характера (УКН, 142а—в), с содер-

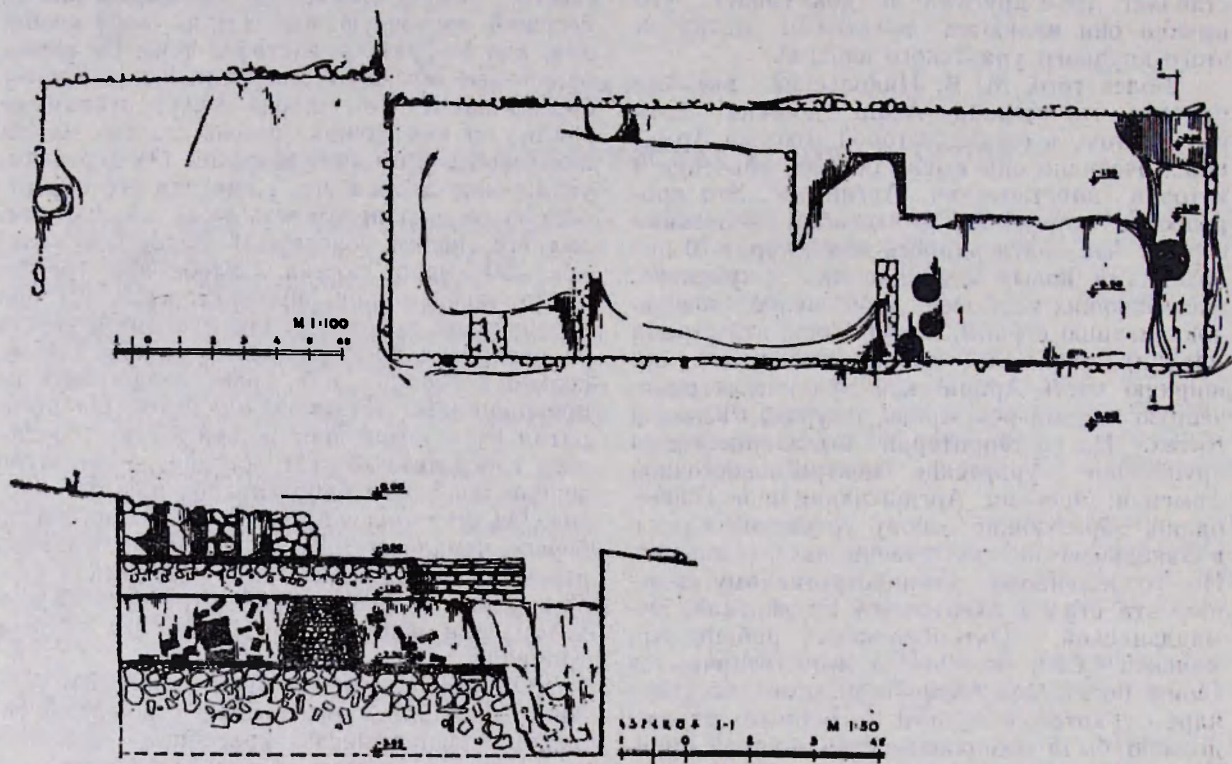

Рис. 12. Разрез средневековых слоев западной крепости.

жанием которых мы ознакомимся ниже (табл. VI—VII). По приказу этого царя в различных зданиях города было высечено три трафаретные мелкие, шесть больших надписей минимально на 12 блоках (сохранилось всего 8), а также две надписи в стольном городе Тушпа. Надо полагать, что определенное количество клинописей этого царя лежит еще под землей. Другие надписи, оставлен-

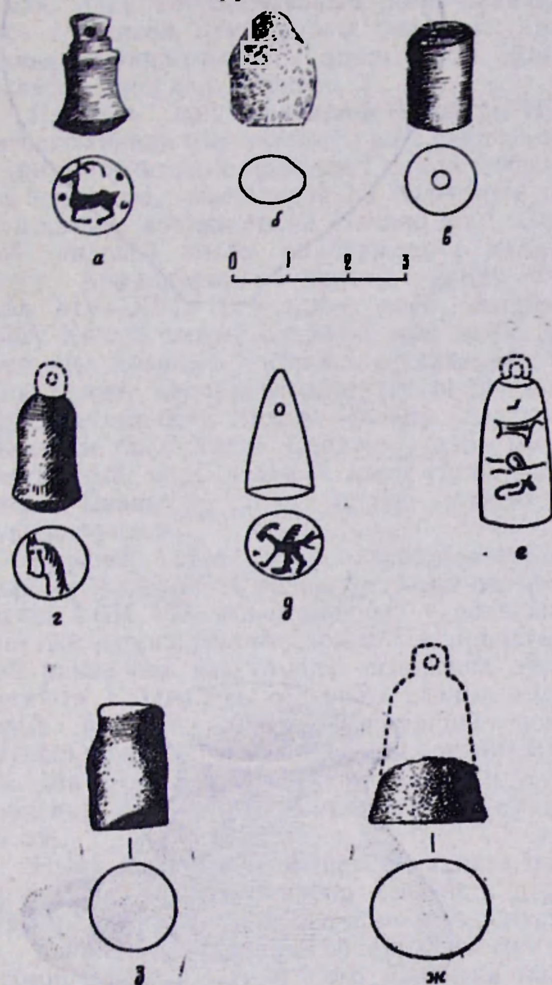

Рис. 13. Каменные печати и их заготовки.

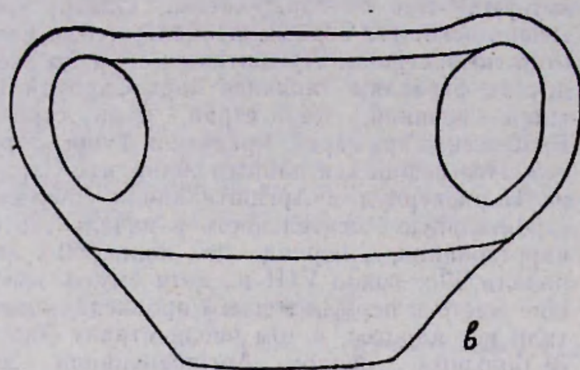
ные потомками основателя города—царями Урарту Сардури II, Русой I и Русой III, свидетельствуют о продолжении здесь строительных работ в течение VIII—VII вв. до н. э., о сооружении целого ряда новых оросительных, дворцовых и религиозных объектов, новых оросительных каналов, о разведении полей с посевами, виноградниками и плодовыми садами. Возможно, разные строительные работы производились здесь в течение всего VII в. до н. э. также предшественниками Русы III и потомками Сардури II и Русы I (Аргишти II, Руса II, Сардури III и пр.), надписи которых еще не обнаружены. Однако уже теперь ясно, что верным продолжателем дела отца по застройке Аргиштихинили и по всем другим отраслям являлся царь Сардури II, «царь великий, царь стран, царь страны Бнайнили, царь царей, правитель Тушпа-города». По имеющимся данным видно, что Сардури II развернул в Аргиштихинили кипучую строительную деятельность в начале своего царствования, в период до конца 60-х или начала 50-х годов VIII в., хотя смуты, имевшие место в первый год его правления, охватили все царство, в том числе страну Аза[8] с ее большим городом Аргиштихинили. Это видно из фрагмента очень важной надписи Сардури II, обнаруженной археологическими работами 1965 года (табл. VIII) на территории западной крепости Аргиштихинили и высеченной, как явствует из фрагмента, на трех строительных камнях. Боковые два камня еще не найдены, но, к счастью, найденный камень составляет среднюю часть текста, повествующей о храмах—susi, воротах бога Халди, о разбивке нового виноградника, фруктового сада, полей с посевами, принесенных в дар упомянутым храмам[9]. В некоторых других надписях Сардури II таятся намеки на храмовые, царские или городские хозяйства. Так, две стены одного сооружения восточной крепости были украшены двумя почти идентичными надписями (УКН, 171—172, табл. IX—X), высеченными минимально на трех камнях (каждая). В одной из них, в отличие от фрагмента 1965 года, читаем: «... Новый виноградник и сад города... я устроил... могучие дела я там совершил...» (УКН, 172), а в другой (высеченной, по мнению Г. А. Меликишвили, от имени Сардури II и сына его Русы I) речь идет, по всей вероятности, об устройстве храмовых хозяйств (УКН, 171). Ниже мы убедимся, что в этом большом городе значительный удельный вес имели также частные, благоустроенные хозяйства, незасвидетельствованные еще письменными данными. Как видно из ряда других клинообразных надписей, найденных в Аргиштихинили или в его окрестностях, царь Сардури II развернул здесь более широкую и более длительную строительную деятельность, чем его отец Аргишти—основатель города.

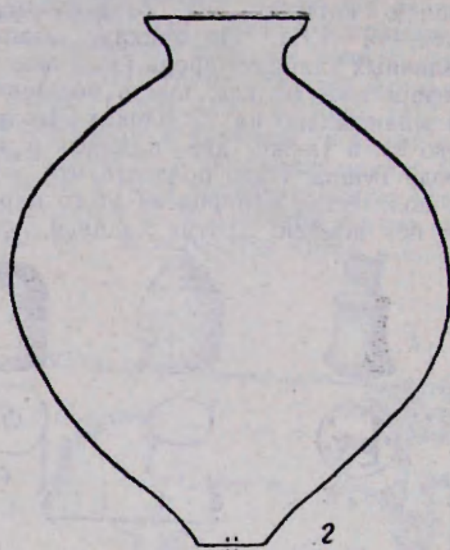
В этих надписях говорится, по-видимому, о построении крепостей и храмов на двух холмах города (УКН, 166, 169, 170, табл. XI—XIII). Первая из них гласит: «Богу Халди, владыке, этот... Сардури, сын Аргишти...

---

[8] *Н. В. Арутюнян,* Новая урартская надпись из Давти-Блура, стр. 104.

[9] Там же.

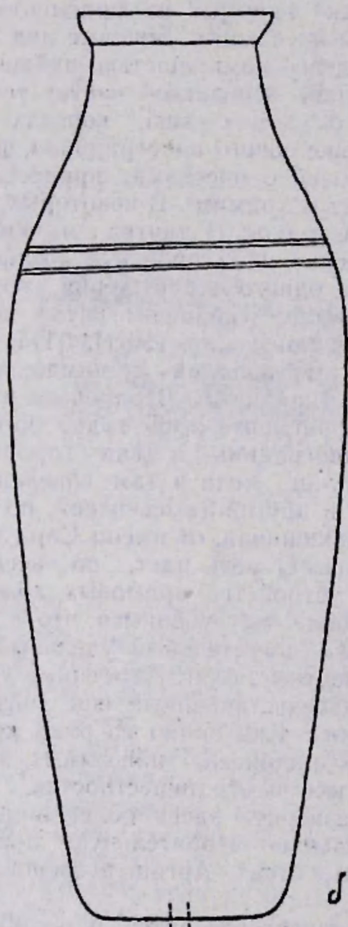

Рис. 14, I. Керамика из Аргиштихинили и других урартских объектов.

..., крепость величественную (?) построил». Во второй надписи повествуется: «Сардури, сын Аргишти, говорит: царь, который... впоследствии будет правителем (?), пусть не забросит эту крепость, пусть (ее) не испортит (?), пусть что-нибудь из этих творений он не повредит (?)...

Сардури говорит: Кто эту крепость забросит, кто (ее) разрушит, кто что-нибудь из этих творений повредит (?), кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, кто (ее) скроет, кто другого заставит совершить эти (дела), скажет: «Иди! уничтожь! пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все)

боги его (самого) и все [его] потомство под солнцем».

Третья надпись гласит:

«Сардури говорит: царь, который... впоследствии будет правителем (?)... пусть что-нибудь из этих творений... gunı я установил... воздвиг я крепость (?)... Сардури...».

Величием бога Халди Сардури, сын Аргишти, царь могущественный, царь великий, царь вселенной, царь страны Биайнили, правитель Тушпа-города... apuni mapu kuni... захватил он [их] Сардури...».

Наконец, при правлении Сардури II в Аргиштихинили был построен еще один очень крупный культовый комплекс, с клинообразной надписью, высеченной на более чем десяти камнях кладки стены. Начало этой большой надписи было обнаружено в кладке стены Армавирской крепости (УКН, 165, табл. XIV—XV). В надписи этой сказано: «Богу Халди, своему владыке, этот дом Сардури, сын Аргишти, построил, а также ворота бога Халди величественные (?) он воздвиг (и) посвятил богу Халди, своему владыке. Величием бога Халди Сардури, царь могущественный, царь великий, царь стран, царь страны Биаинили, царь царей, правитель Тушпа-города».

Средней частью этой несохранившейся надписи Сардури II является также отрывок текста УКН 143, обнаруженный у подножья того же Армавирского холма[10] и приписанный ранее без какого-либо основания царю Аргишти I. Надпись содержит разные культовые реляции, данные о постройке дома Sirlbani, приказ о совершении культовых обрядов перед воротами бога Халди и установлении количества жертвенных животных богам.

Ныне эта несохранившаяся надпись почти полностью восстановлена и отчасти переведена Н. В. Арутюняном с помощью большого культового текста, обнаруженного на Кармир-блуре и высеченного от имени царя Русы II, сына Аргишти, строителя города Тейшебаини. При этом установлено, что упомянутый кармирблурский текст целиком скопирован с армавирской культовой надписи Сардури II. Приведенные выше отрывки армавирских надписей соответствуют началу и середине кармирблурской и восстанавливаются довольно надежно. Эта новая надпись сообщает о строительстве малого храма с «домом Сирнхани», «домом Халди» и «домом адунусини», а также большого храма, в который входили «susi» и «Халдовые ворота»[11]. В продолжении текста Руса приказывает совершать культовые обряды и жертвоприношения в честь богов и их новых храмов. При этом жертвоприношения совершаются иногда перед статуями богов и богинь[12] и, согласно установленному обряду, некоторые внутренности и сердце животных преподносятся царю[13]. Устанавливается следующий порядок жертвоприношения: «... в (?) новом храме (?) козленок пусть будет зарезан (?) богу Халди, бык пусть будет принесен в жертву богу Халди, овца—богу Тейшеба, овца—богу Шивини, [Šeḫa di Бог aniqu?], корова—богине Арубаини, овца—оружию бога Халди, овца—воротам бога Халди, овца—богу Иуарша...

Когда будет сооружен (храм), козленок пусть будет зарезан богу Халди, бык пусть будет принесен в жертву богу Халди, корова — богине Арубаини; когда будет построен, обставлен (?) (храм), козленок пусть будет зарезан богу Халди, бык пусть будет принесен в жертву богу Халди... корова—богине Аруба (и) ни. Когда малый храм бога Халди будет завершен (??), козленок пусть будет зарезан богу Халди...»[14]. По приведенному отрывку можно представить себе богатство и разнообразие религиозных обрядов, совершаемых в урартских городах вообще, в Аргиштихинили, Тейшебаини в частности. Н. В. Арутюнян приводит также перевод заключительной части кармирблурской надписи и так называемой «формулы проклятия».

«... Пусть чему-нибудь из этих предметов (созданий) не (повредит кто-нибудь); пусть теленка (??) не даст, пусть (жертвенный бык) не будет маленьким (??) (незрелым??). (Все это) воистину я (установил) (??).

Руса, сын Аргишти, говорит: Кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, кто (ее) скроет, кто другого заставит совершить эти (дела), кто скажет: «Я совершил (все это)... (Если) кто-нибудь (надпись) с этого места унесет, пусть уничтожат (его) боги Халди, Тейшеба, Шивини, Мардук; пусть не (будет) ни (его) имени, ни (его) семьи под солнцем...». Как видно из перечисления имен сугубо урартских и неурартских богов, а также ряда других документов, разрушителями городских построек могли явиться не только коренные жители страны Аза (азайцы), не только «жители Биайнили» (урартийцы), густо заселившие Айраратскую равнину со времен Менуа и Аргишти, не только «жители вражеских стран», насильно угнанные в эту богатую область хатийцы, цупанийцы, абилианихцы и другие, но и военнопленные, угнанные из Ассирии в годы правления Аргишти и Сардури[15]. Поскольку кармирблурская надпись скопирована с армавирской, то было бы

---

[10] *Н. В. Арутюнян*. Новые урартские надписи, Ереван, 1966, стр. 15—16.

[11] Там же, стр. 41.

[12] Там же, стр. 16.

[13] Там же, стр. 28—30.

[14] Там же, стр. 40.

[15] Там же, стр. 63—64, 94—97.

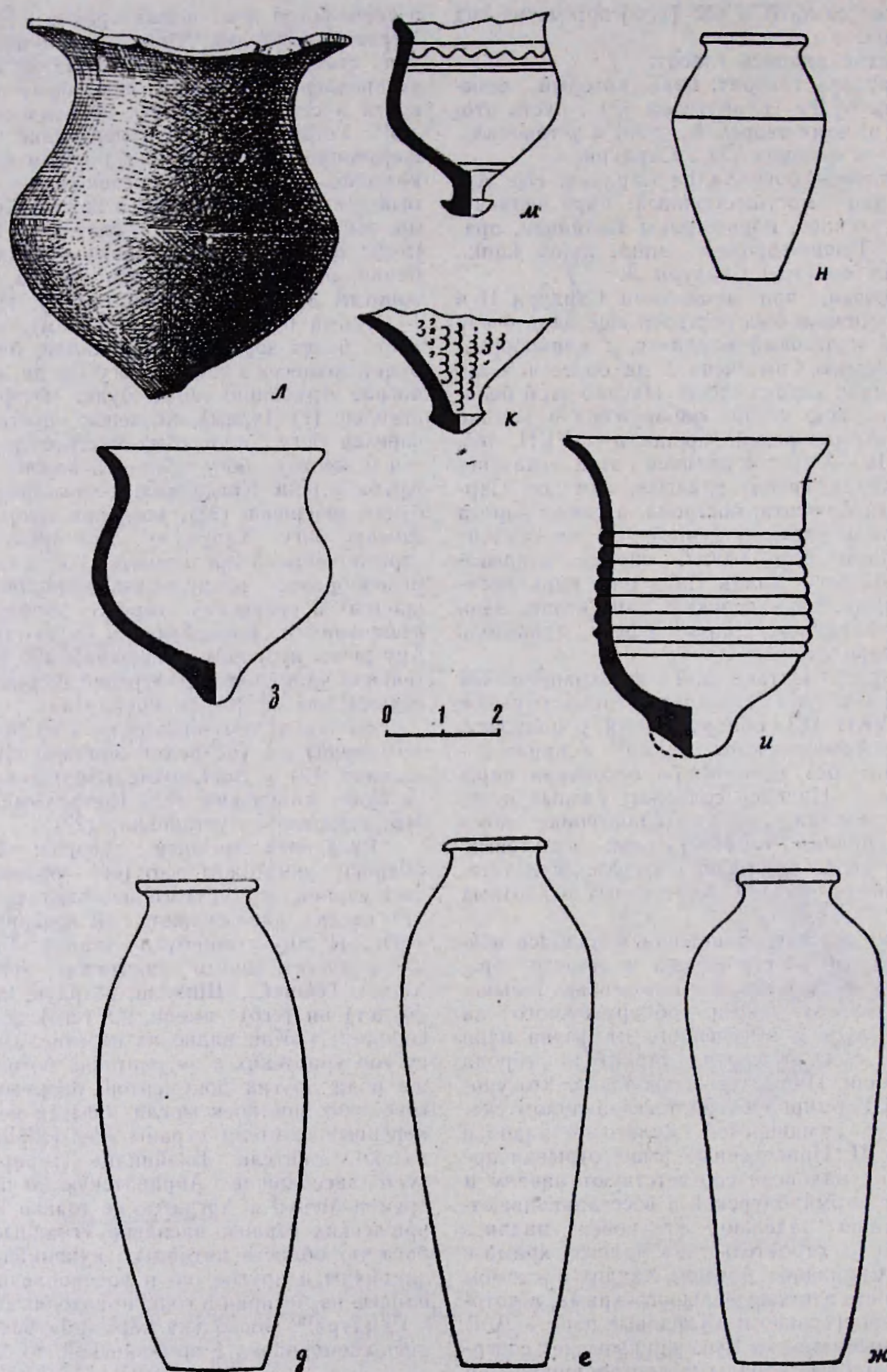

Рис. 14, II, д-ж—Тейшебаини; л—Аргиштихинили; з-и—Тейшебаини; к-н—Эребуни.

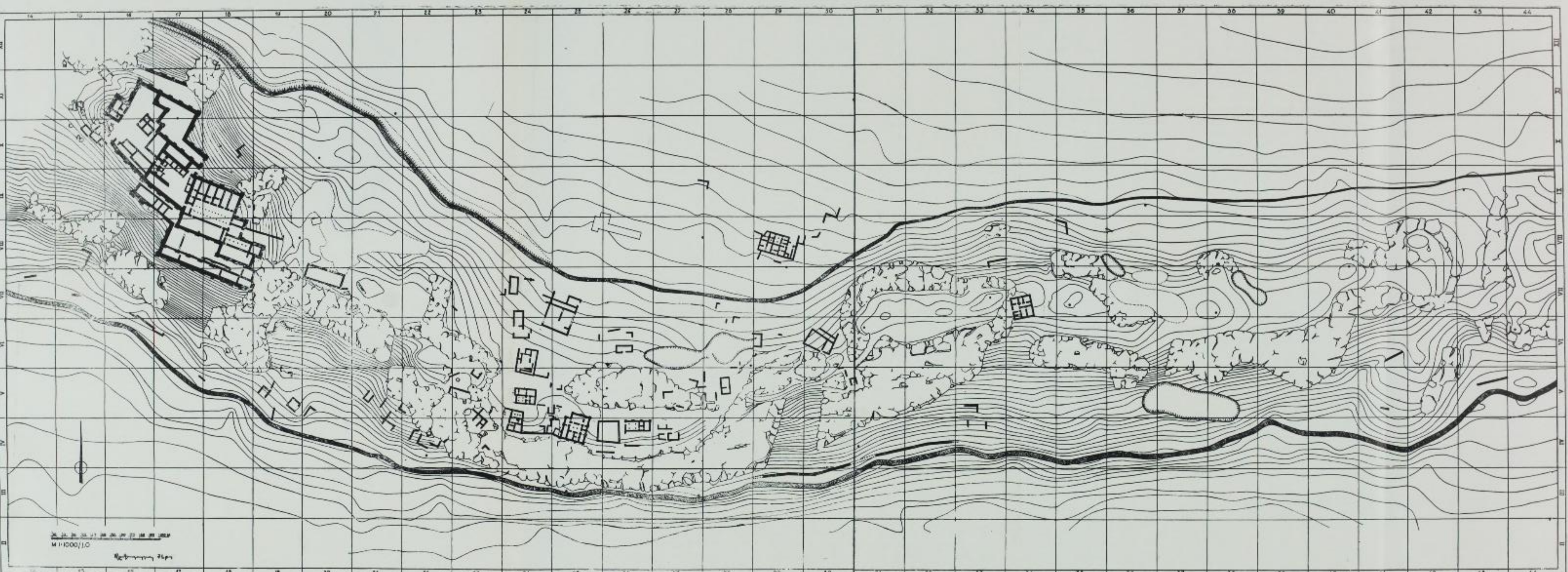

Рис. 11. Жилые кварталы Аргиштихинили.

Рис. 8. Геосъемка западной части Аргиштихинили.

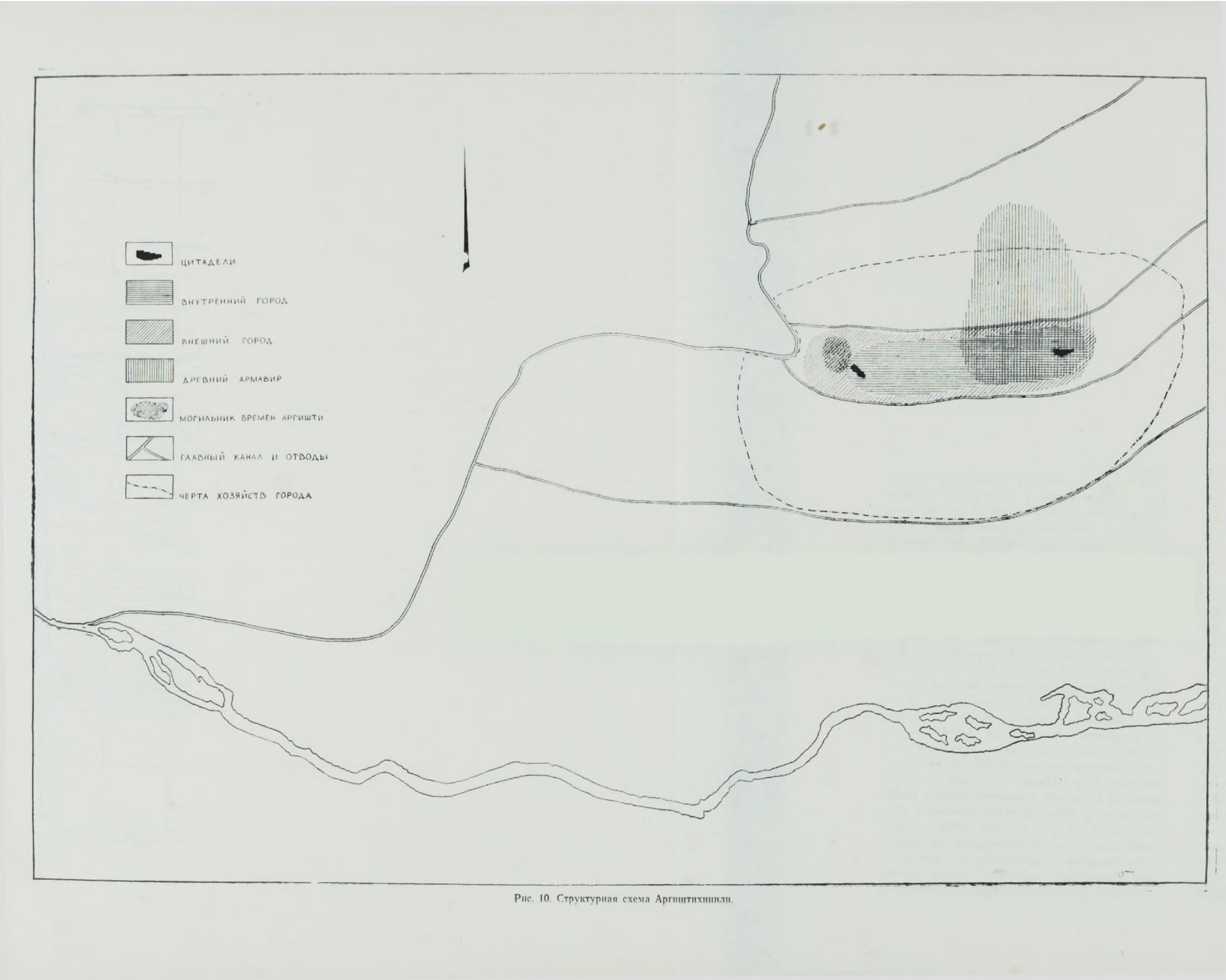
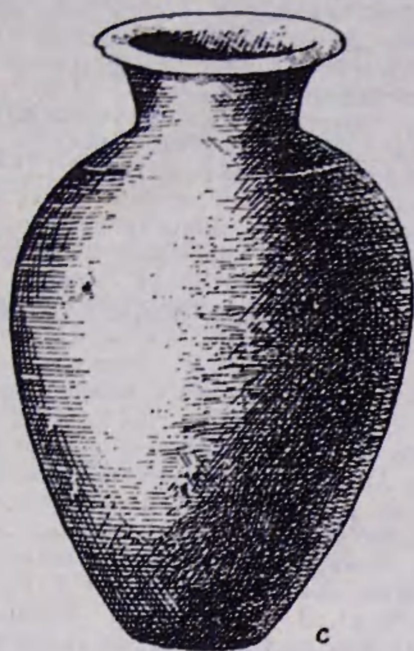
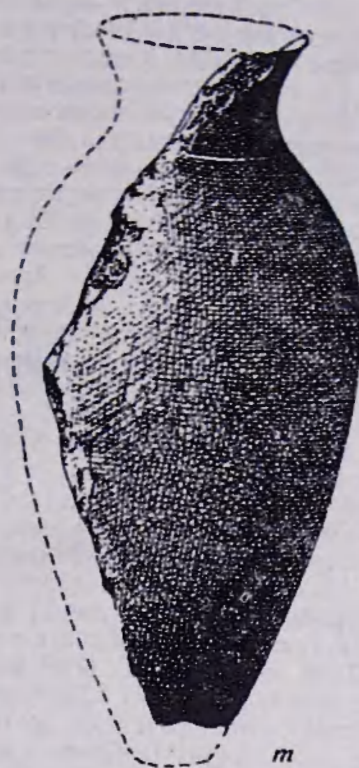
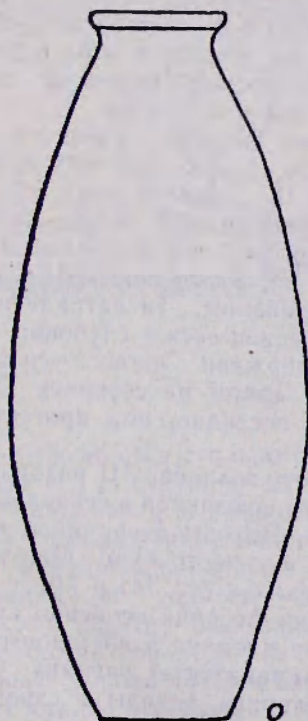

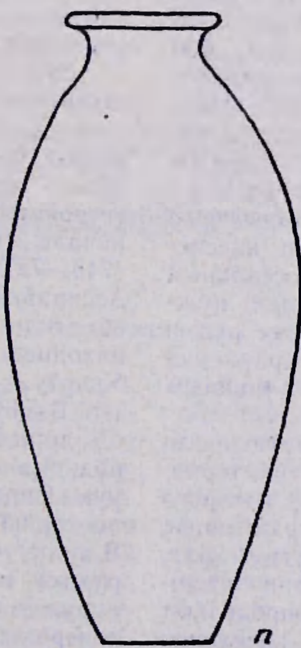
Рис. 10. Структурная схема Аргиштихинили.

0 1 2

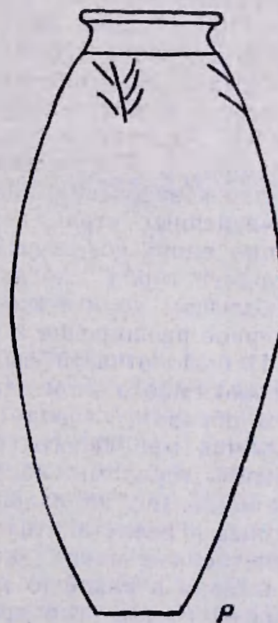

Рис. 14, III, о-р—Тейшебаини; с, т—Аргиштихинили.

закономерно предположить присутствие имени вавилонского бога Мардука также в сардуревской надписи и связать это «странное» вторжение месопотамского верховного божества в урартский пантеон с приливом населения этих отдаленных мест, связанным с походами Сардури в южные страны.

В летописи этого царя, в описании событий, происшедших в 753 или 752 гг. до н. э., говорится «...бог Халди выступил со своим оружием (?)... победил он Ашшурнирари, сына Ададнирари, царя Ассирии, победил страну Арме, победил город Нихириа, царский город [этой] страны, поверг их перед Сардури, сыном Аргишти...» (УКН, 156, D1+D11). Через год или два «... Сардури говорит: Выступил я [в поход] на страну Бабилу, завоевал я страну Бабилу; дошел (?) я до страны Баруата. Величием бога Халди Сардури говорит: «Завоевал я три цитадели, укрепленные, в бою я (их) завоевал. 23 города за один день я захватил, крепости разрушил, города сжег, страну разорил, мужчин (и) женщин оттуда я угнал. 8135 отроков я увел, (а также) 25000 женщин (и) 6000 воинов; 2500 коней я угнал, (а также) 12300 голов крупного рогатого скота... (Все это) досталось царю, но (то), что воины забрали, забрали они отдельно, когда (завоеванную) страну я покидал (?)» (УКН, 155А). В тот же год Сардури совершил походы также и в другие страны. В четырех городах этих стран он полонил 3500 отроков, 15 (?) тысяч женщин, 4000 воинов и угнал их в свою... страну. Из этих же мест он угнал 8525 голов крупного и 18000 мелкого рогатого скота. Из страны Урме Сардури увел 1100 отроков, 6500 женщин, 2000 воинов, 2538 крупного и 8000 голов мелкого рогатого скота. Появление имени бога Мардука, почитаемого населением Бабилу, а частично и в Ассирии, в надписях городов Аргиштихинили и Тейшебаини несомненно было связано с заселением их угнанными из вышеперечисленных стран группами населения. Именно вновь созданный колоссальный для тех времен город Аргиштихинили нуждался в большом количестве рабочих рук и его чрезмерное расширение в годы правления Сардури II было отчасти вызвано мощным приливом иноземного элемента.

Таким образом, город Аргиштихинили представляется мне своего рода «интернациональным» городом, население которого было скомпановано из азайцев, урартийцев, месопотамцев и представителей других стран.

Перечисленные выше категории угнанного населения в какой-то мере определяют и социальный состав городского населения Урарту. Огромное количество женщин-чужестранок могло быть использовано в домашнем хозяйстве, в качестве домашних рабов, в полевых государственных и храмовых хозяйствах, при обработке полей, огородов, переработке земледельческого и скотоводческого добра. В тех же хозяйствах, при строительных, ирригационных и всякого рода тяжелых работах применялся труд отроков и мужчин-чужестранцев. Часть пленных воинов могла быть со временем помилована и зачислена в состав урартского войска.

Однако урартское население Аргиштихинили не было однородным в социальном смысле. Наиболее широкие слои составляли воины городского гарнизона и ремесленническое сословие. В дворцах города обитали высшие государственные сановники и представители жреческой касты с многочисленным обслуживающим персоналом двора: охраной, наложницами, виночерпиями, писцами и пр. В их руках была сосредоточена политическая, экономическая, религиозная жизнь Аргиштихинили и восточных провинций царства, в их ведении находилось огромное хозяйство: оросительные каналы, фруктовые сады, виноградники, посевы, стада животных и табуны лошадей, движимое и недвижимое имущество. В окрестностях Аргиштихинили находились государственные и храмовые виноградники, поля с посевами и связанные с ними хозяйства. Рядом располагались и частные участки. Итак, уже в середине VIII в. до н. э. Аргиштихинили являлся очень крупным городом в масштабах Урарту, с многотысячным населением, имеющим весьма сложную этническую и социальную структуру. Как увидим ниже, именно в этот период достигли высокого уровня основные отрасли хозяйства, ремёсла и искусство.

Эта высокая инерция развития города сохранялась и во вторую половину правления царя Сардури II, однако вряд ли в этот период были предприняты какие-либо серьезные мероприятия по застройке и благоустройству города. В середине VIII в. до н. э., с начала царствования Тиглатпаласара III (745—727), находившаяся в глубоком кризисе Ассирийская держава вновь усилилась и обратила свои взоры па северную Сирию[16], находившуюся, очевидно, под протекторатом Урарту.

В 743 г. Тигратпаласар III разбил войска Сардури II и его союзников в северной Сирии, под Арпадом. Походы ассирийцев в северную Сирию и юго-восточную Малую Азию повторяются также в 742, 741 и 740 гг. до н. э. В годы усиления Ассирии особенно активизируются мощные племена и племенные союзы, окружавшие Айраратскую равнину. Сардури совершает повторные походы в страны Аби-

[16] *Г. А. Меликишвили,* Наири-Урарту, стр. 273—276.

лианехи, Эриахи, Удуриэтиуни (УКН, 155Е, 155В, 155D, 155Г) и, с другой стороны, энергично поддерживает сирийские княжества против Ассирии пока дело доходит до нового крупного столкновения 735 года. На этот раз Сардури II со своими союзниками (Арпад, Милид, Гургум, Куммух) выступает против Тиглатпаласара III в заевфратских землях. Битва происходит у Куммуха, ассирийцы одерживают решающую победу и преследуют Сардури до стен стольного города Тушпы. «Я запер его в Турушпе,—его городе, большое побоище перед его воротами учинил. Мое царское изображение напротив города Турушпа я водрузил»,—пишет Тиглатпаласар. Ассирийцам не удалось взять Тушпу, но урартскому царству был нанесен серьезный урон. Многие области отпали от Урарту, отдаленные города (каким являлся Аргиштихинили) стали, вероятно, «самоуправляющимися», самочинными. В этой тяжелой ситуации царь Сардури II, по предположению Г. А. Меликишвили, «стал жертвой государственного переворота и его сын Руса, опираясь на поддержку определенной партии урартской аристократии, пришел к власти».

Ситуация продолжала оставаться тяжелой. Русе, сыну Сардури (735—713), пришлось завоевать свою страну «своей колесницей, двумя конями и ездовым». Вскоре он оказался и в присеванских районах, присоединил их к своей стране и для упрочения своей власти построил там несколько крепостей-городов. Судя по этим данным, Азайская страна с городом Аргиштихинили прочно оставалась в руках нового урартского царя. Вероятно, последние годы жизни Сардури II и первые годы правления Русы I не были лучшими для Аргиштихинили. Строительные надписи этого последнего не обнаружены в Аргиштихинили, но если бы даже таковые оказались, то вряд ли стали бы свидетелями большого подъема городской жизни в азайской стороне. Он был сильно озабочен строи-

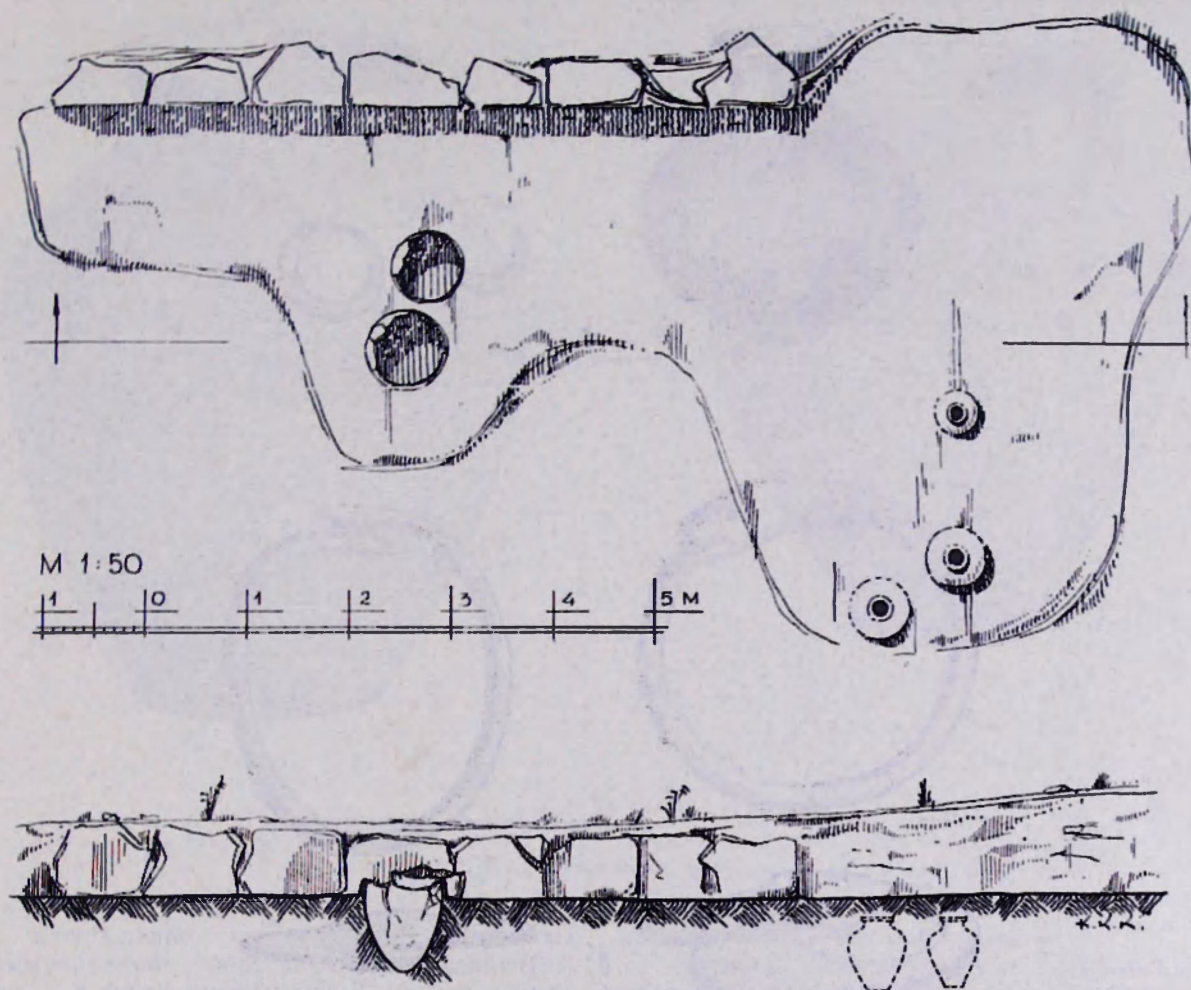

Рис. 15. Стратиграфический разрез урартских слоев.

тельством городов-крепостей Халди и Тейшеба на берегу оз. Севан (УКН, 265—266) и большого. прекрасного города Русахинили на Топрах-кале, рядом с Тушпой (УКН, 268). Однако, имея в виду строительные работы, проводимые некогда в Аргиштихинили Русой I вместе с отцом, а также отсутствие данных о его строительной деятельности в Эребуни, можно полагать, что в Азайской стране этот царь продолжал опираться на Аргиштихинили и кое-какую строительную деятельность все же развернул здесь. Ко второй половине правления этого царя Урарту оказался в тисках киммерийских племен, внутренних мятежей и военно-политического давления усилившейся Ассирийской державы. Руса I терпел поражение от киммерийцев на западе и востоке своей страны, вел военные действия в стране манейцев и в собственной стране против пяти восставших областеначальников[17]. Этой напряженной ситуацией воспользовался ассирийский царь Саргон II, начавший в 714 г. до н. э. свой знаменитый VIII поход. Огнем и мечом прошли ассирийцы через огромную территорию Урарту, разорили ее и в крупном сражении окончательно разгромили ее военную мощь. Царь покончил самоубийством и победа Саргона имела исключительно тяжелые последствия для Урарту. Ею начался глубокий упадок этого некогда очень мощного государства. Многие страны навсегда отпали от него, сильно сократилась арена насильственного грабежа, податей, налогов, торговли и обмена. Захирели даже такие крупные города, как Тушпа, Аргиштихинили, Эребуни и другие, которые по-прежнему оставались в составе Урарту. Азайская страна с ее городами оказалась на крайней северо-восточной границе царства. С освободившихся из-под урартского ига окрестных районов бежали защитники урартских гарнизонов со своими семьями под защиту мощных крепостей Эребуни и Аргиштихинили. Судя по результатам археологических

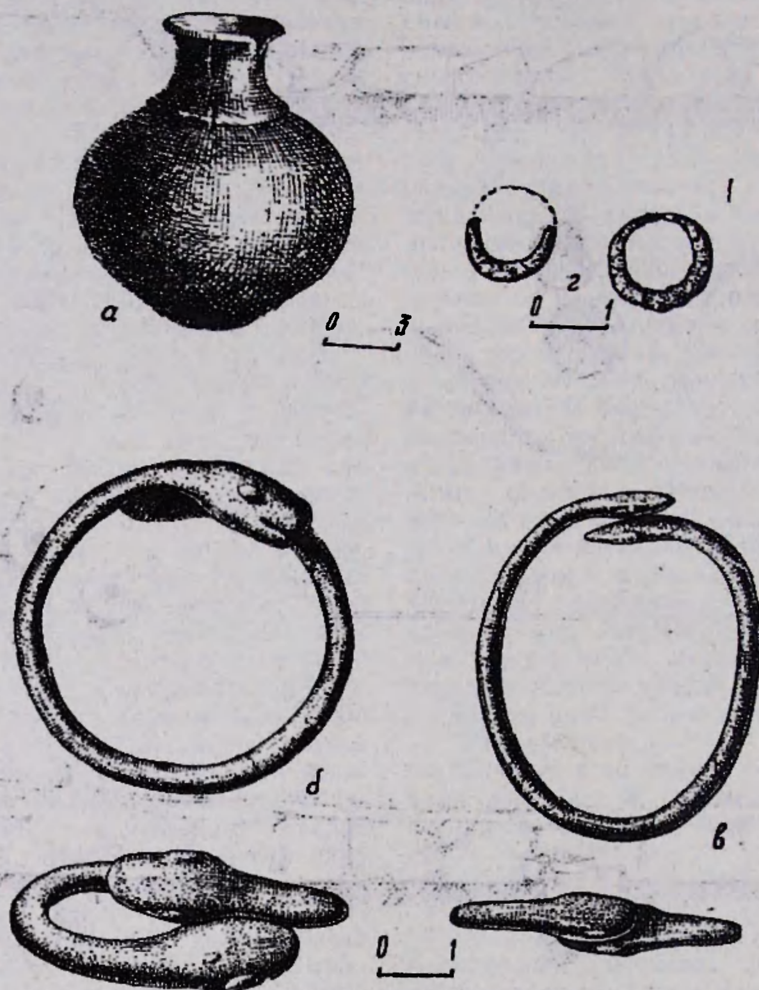

Рис. 16. Инвентарь детского погребения.

[17] Там же, стр. 279—282.

раскопок и по эпиграфическим данным, население города Аргишти сильно пополнилось именно в этот период, главным образом за счет беженцев из областей, расположенных к северо-востоку от Азы вплоть до бассейна оз. Севан. Эти последние сохранили свою самостоятельность и при преемниках Русы I[18], до самого конца существования Урарту.

сы II, сына Аргишти II (685—645), были сравнительно мирными для Урарту. Надписи этих царей указывают на их строительную деятельность. Возможно, что кое-какие мелкие мероприятия проводились ими в городе Аргиштихинили и что среди известных отсюда фрагментов надписей (безымянных, УКН, 315, 316, 317, 367) имеются и такие, которые могли бы рассказать о построенных домах,

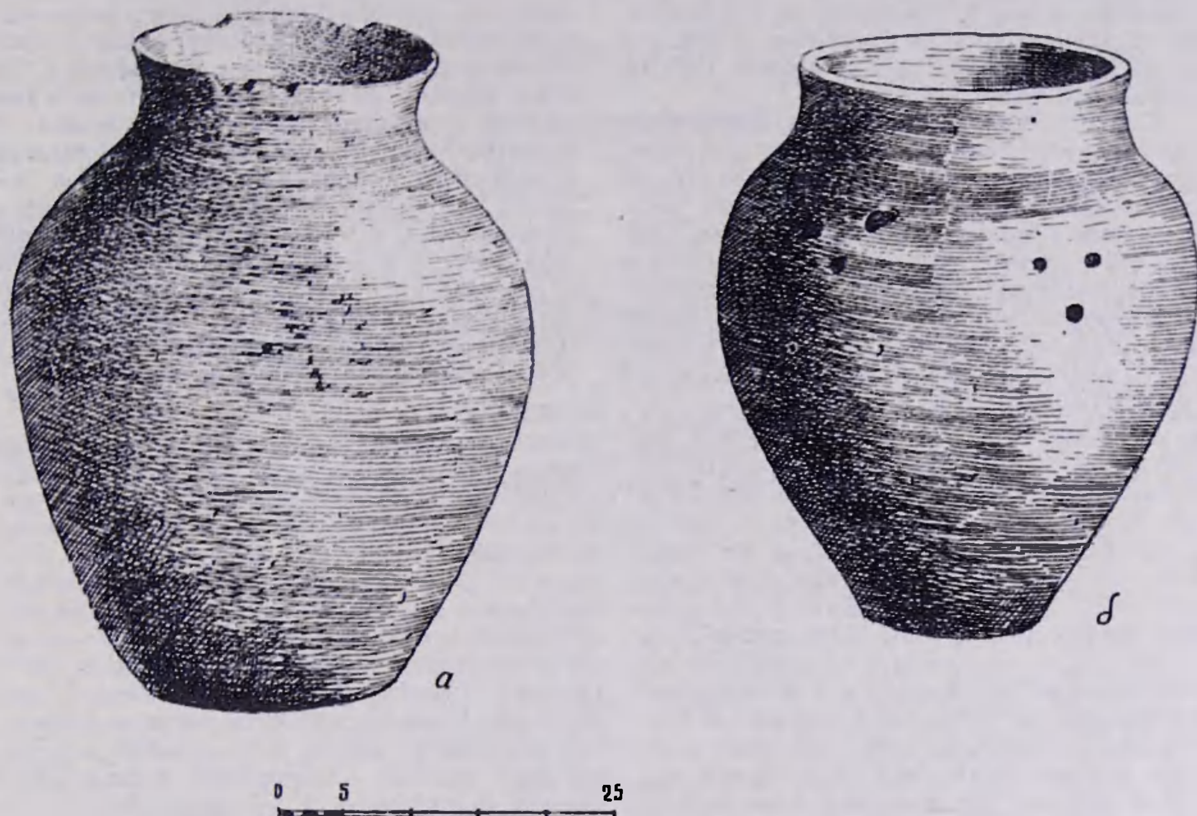

Рис. 17. Погребальные урны.

Сокращение чрезвычайно растянутых коммуникаций урартских войск, концентрация их в Аргиштихинили (и Эребуни) в условиях тяжелого положения страны сильно укрепили обороноспособность этого большого города и вместе с тем всей азайской страны[19], хотя в связи с этим приблизились вражеские силы и сильно ухудшились условия материальной жизни горожан, неподготовленных к такому наплыву новых жильцов.

Годы правления последующих царей— Аргишти II, сына Русы I (713—685), и Ру-

крепостях и других сооружениях.

Внуку Русы I, царю Русе II, удалось наладить вассальные отношения с Ассирийской державой, союзничать с киммерийцами, использовать их военную силу и развернуть довольно интенсивную строительную деятельность и на Айраратской равнине[20]. Наиболее крупным мероприятием такого рода явилась постройка города Тейшебаини, в 60 км от Аргиштихинили, в юго-западной части современного Еревана, на левом берегу реки Раздан. Нет сомнения, что экономически сильно развитый город Аргиштихинили являлся в тот период одним из главных поставщиков материала и продуктов различных ремесел, нужных вновь отстраивавшемуся городу, и что

[18] *Н. В. Арутюнян*, Биаинили (Урарту), автореф. докт. дис., Тбилиси, 1968, стр. 32.

[19] *В. В. Шлеев*, К истории Ванского царства второй половины VIII и первой половины VII вв. до н. э., ВДИ, 1958, № 1, стр. 29.

[20] *Б. Б. Пиотровский*, ук. соч., стр. 112—113.

3—679

после окончания строительных работ в город бога Тейшебы переселилась часть администрации и жречества Аргиштихинили, забрав с собою значительную долю мебели дворцовых и храмовых сооружений, предметов обихода, культа, украшений и т. п.

Поэтому многие кармирблурские изделия носят на себе клинообразные надписи царей IX—VIII вв., строителей Айраратских городов Менуахинили, Аргиштихинили и Эребуни. Есть даже прямое указание на то, что некоторые из этих вещей изготовлены были для города Эребуни или для отдаленных городов центральной части Урарту.

С появлением нового города, Аргиштихинили автоматически отошел на второй план, и все внимание и усилия азайских правителей были направлены к городу Тейшебаини. Весьма вероятно, что именно в связи с этим была оставлена западная крепость Аргиштихинили и, как показывают археологические раскопки, мало-помалу туда просачивались городские жители, приспособив замечательные дворцовые и храмовые постройки под жилье и хозяйственные нужды.

Однако, невзирая ни на какие обстоятельства, Аргиштихинили продолжал существовать до конца царства Урарту, как на это указывают надпись одного из последних царей Урарту и археологические данные о гибели города.

Это надпись царя Русы III (625—609)[21], сына Эрнмены (табл. XVI), которая гласит:

«Руса, сын Эрнмены, это зернохранилище устроил. 1432 капи (есть) там (в нем)» (УКН, 288).

Наличие хозяйственной надписи одного из последних царей Урарту о строительстве крупного зернохранилища свидетельствует неутраченную экономическую мощь Аргиштихинили даже в годы падения царства. Аргиштихинили являлся одним из последних оплотов урартской власти, но отнюдь не единственным. Вместе с ним продолжали существовать города IX—VIII вв. до н. э.— Тушпа, Русахинили, Эребуни, ряд других городов VII в. и множество поселений. Урартские клинописные источники не могли сохранить сведений о гибели царства Ванского, его городов и, в частности, Аргиштихинили. Некоторые штрихи катастрофы этого города можно восстановить лишь археологически.

---

[21] *Н. В. Арутюнян*, К интерпретации надписи, Историко-филол. журн., 1960, № 1, стр. 228.

ГЛАВА III

ТОПОГРАФИЯ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Лаконичные, скупые клинообразные надписи, рассматриваемые в предыдущей главе, не содержат конкретных сведений о масштабах города, о его жилых кварталах, об облике архитектурных памятников, о хозяйстве и ремесле. Они нуждаются в максимальном дополнении, уточнении, проверке, подтверждении или отклонении.

Поэтому первоочередной задачей начальной стадии работ Нор-Армавирской экспедиции являлось детальное наземное обследование местности Аргиштихинили и его окрестностей, составление подробной по возможности топографической съемки, выявление памятников материальной культуры и следов строений, которые могли бы иметь какую-либо связь с этим грандиозным городом древности. Уже первые исследователи урартских городов отмечали, что Аргиштихинили занимал ключевую позицию в сердцевине Араратской долины. «Находясь в центре равнины», Аргиштихинили «открывал удобные пути по всем направлениям в окружающие горные страны», которые предстояло занимать царю Аргишти I и его преемникам. Из этого района «можно было проникнуть во все более населенные и более важные в политическом и культурном отношении местности и воспользоваться естественными путями из долины Аракса к высотам Гокчи, Высокой Армении и к горным перевалам через Малый Кавказ к Большому Кавказу, в долины рек Куры и Риона»[1].

Военно-стратегическое положение города усиливалось еще и другими географическими особенностями всей округи города, окаймленной водами рек Аракс с юга, Ахурян—с запада, Мецамор—с севера и востока. Следует полагать, что наличие речной системы и топографические особенности района были оценены урартскими стратегами как в отношении обороны города, так и в отношении создания мощной оросительной базы (рис. 6, карта района). На площади, очерченной указанными реками и Касахом, в радиусе 25—30 км от Аргиштихинили, экспедицией зафиксировано множество урартских крепостей и поселений, которые расположены на подступах города, на берегу рек и окружают его плотным кольцом. Одни из них запирают подступы города с востока, расположены с севера на юг по берегам рек Касах и Мецамор; это крепости и поселения Арагаца, Грампы, Цахкунка, Звартноца и Мецамора. Другие ограждают город с запада, расположены на узле слияния Ахуряна и Аракса, в узком ущелье, ведущем в Ванандскую равнину и оттуда в Высокую Армению. Это известные античные городища (дастакерты и агараки) Ервандашат и Ервандакерт (в пределах селений Хербеклу и Бахчалар), которые несомненно основаны на развалинах урартских крепостей. Здесь, по левую сторону Аракса, в головняке современного канала, берущего воды с Ахуряна, возвышается могучая крепость из огромных каменных глыб, реконструированная в армянское время, но сохранившая в некоторых больших участках характерную урартскую планировку. С юга и юго-востока Аргиштихинили, на правом берегу Аракса, расположены Менуахинили и Малаклинское поселение, на левом же ее берегу была расположена большая урартская крепость, на развалинах которой во II в. до н. э. была основана столица Армении—Арташат[2]. Несомненно, не все эти поселения были построены во времена Аргишти I, но независимо от этого все они служили обороноспособности Аргиштихинили, пока этот последний существовал. Ряд других поселе-

[1] *М. В. Никольский*, Клинообразные надписи Закавказья, стр. 39.

[2] Во время работ Арташатской экспедиции в 1971 г. (Б. Н. Аракелян) на некоторых участках были обнаружены фрагменты урартских кладок, черепки керамики и урартская печать.

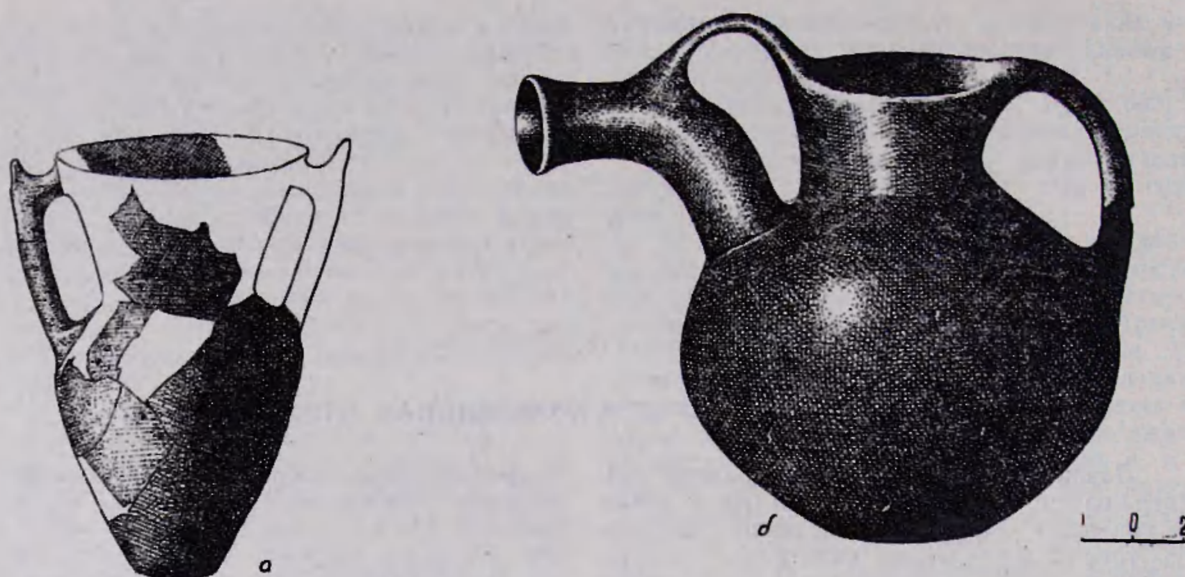

Рис. 18. Культовые сосуды из урартского погребения.

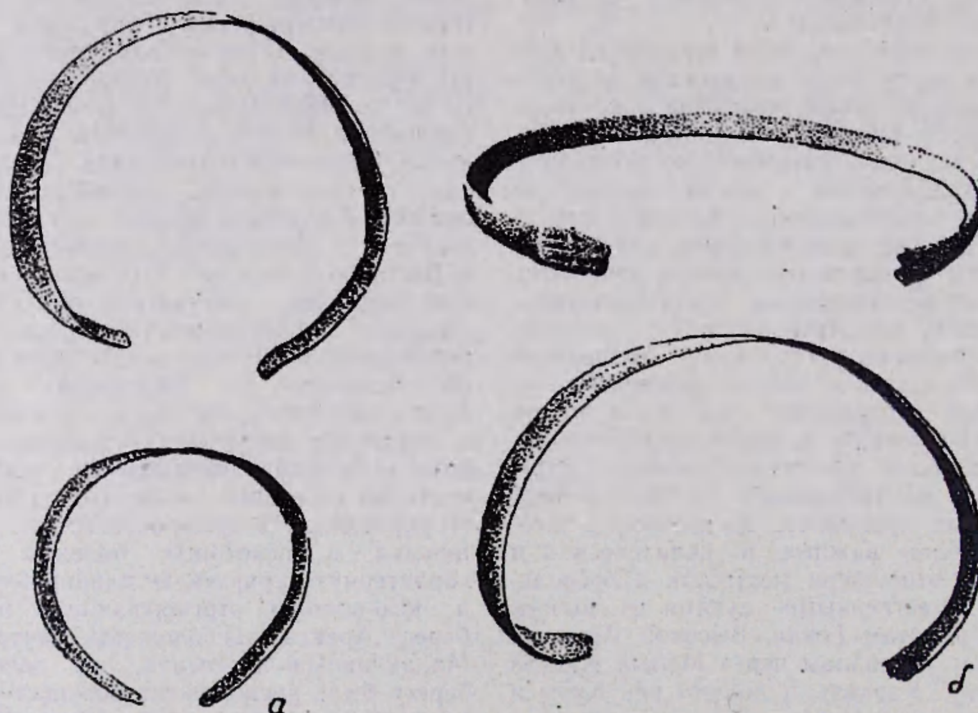

Рис. 19. Бронзовые браслеты из урартского погребения.

ний, имеющих доурартские и урартские слои, находились в непосредственной близости от Аргиштихинили, в радиусе от трех до 10—15 км. Это поселения Амасии, Мецамора и два объекта по левую сторону октемберянского шоссе, в 2—3 км от современного города Октемберяна. Эти поселения связываются с Аргиштихинили хронологически, имеют совершенно идентичный материал (возможно, происходящий из Аргиштихинили) и несомненно земледельческий характер. Не исключена возможность, что эти поселения являлись спутниками Аргиштихинили, возникшими в окружении большого города и подчиненными ему административно, как это бывает обычно на Востоке.

Очевидно, в подобной дислокации урартских фортификационных сооружений и насе-

ленных пунктов в округе Аргиштихинили наиболее рационально и закономерно были сочтены особенности рельефа местности и речной системы с военно-стратегическим и экономическим принципами.

Подобное хорошее сочетание мы наблюдаем также на примере дислокации крепостей в центре Урарту в Ванском оазисе, вокруг стольного города Тушпа. Это крепости Адильджеваза, Кефкалеси, Арджеша, Беркри, Арабзенка, Башкале, Востана и Анзафа, которые окаймляют Ванское озеро и Тушпу с северо-запада на юго-запад, находятся на несколько более дальних подступах (чем в Аргиштихинили), но плотно прикрывают все имеющиеся к столице пути с юга, востока и севера.

* * *

Топографическими особенностями и речной системой сердцевины Араратской равнины обусловливались не только дислокация военно-опорных, населенных пунктов и характер их экономики в округе Аргиштихинили, но и разбивка ирригационной сети, непосредственно определяющей масштабы и характер хозяйства урартского города. Приведенные выше эпиграфические данные о пяти каналах Аргишти I и одном канале Сардури II слишком неопределенны и не дают представления о системе водной сети. В этом отношении гораздо более представительны данные | археолого-разведочных и топографических изысканий, которые подтверждают и дополняют сведения источников. По данным Хорхорской летописи, один из этих каналов был основным, наиболее крупным и предназначался не только для орошения земель Аргиштихинили, но и всей Азайской страны. Местная надпись о проводке этого большого канала (УКН, 136) была высечена над его устьем, на большой левобережной скале р. Аракс, напротив с. Каракала, в 18 км к юго-западу от Аргиштихинили, на том самом месте, где и ныне берет свои воды наиболее крупное оросительное сооружение Араратской равнины. Канал тянулся, вероятно, на 30 км с юго-запада на северо-восток до центра Араратской равнины, перерезая междуречье Ахуряна и Касаха на две равные части, пронося свои воды восточнее норармавирских холмов, в 1—1,5 км к западу от Аргиштихинили. Это единственно удобная, топографически возможная и целесообразная трасса, которая без особых изменений сохраняется и ныне. Ширина древнего русла канала достигает 10 м, глубина—1—1,5 м и на всем своем протяжении напоминает маленькую реку. Остальные каналы города не удостоились упоминания в царской летописи, были отмечены в местных надписях, следовательно, являлись менее значительными. Два из них, общей протяженностью около 9 км, брали свои воды с упомянутого большого канала, тянулись в западно-восточном направлении, по обеим сторонам водораздела холмов, недалеко от соответствующих северных и южных окраин Аргиштихинили. Северный из них пролегал к северу от соответствующей окраины с. Нор-Армавир, где прослежены некоторые части могильника и построек Аргиштихинили, а южный тянулся по еще более древней старице Аракса, за пределами южного продолговатого квартала города, по южным окраинам сел. Большой и Малый Налбандян. Современные каналы Нор-Армавира имеют то же самое направление, однако проложены значительно ближе к водоразделу и прорезают, на большом расстоянии, культурные слои Аргиштихинили.

Эти три канала могли оросить лишь западные земли города. Два остальных канала, общей протяженностью не менее 15 км, предназначенных для нужд восточной части города и района большого Армавирского холма, были, по-видимому, снова связаны с Араксом. Устья этих каналов могли находиться на сравнительно высокой точке течения реки,—значительно западнее с. Джанфида, следовательно, у восточных окраин древнего города. На этом участке наряду со старицами Аракса наблюдаются также многие русла каналов, довольно широких и мелких. Некоторые из них могут быть отнесены к периоду от III до I тыс. до п. э., но точные русла урартских каналов не определены. Гораздо более труднее определить даже ориентировочно направление канала или каналов, проведенных царем Сардури II. Этот царь строил новые кварталы и на западных и на восточных окраинах города и каналы, проведенные для нужд отмеченных новых кварталов могли иметь совершенно противоположные направления и разные истоки.

Составив некоторое конкретное представление о каналах города Аргиштихинили, общей протяженностью не менее 40—50 км, мы можем отметить, что этот город был основан на базе могучей ирригационной сети. Именно в этой его особенности прослеживается один из важнейших градостроительных принципов Урарту и всего Древнего Востока. Известно, что на подобных каналах древней ирригации жиздились многие из городов Ванского оазиса, Тароиской долины, бассейна Даипала—Арацани[3], той же Араратской равнины, окраинных областей Ванского царства и почти всех областей междуречья Евфрата и Тигра, с севера па юг.

---

[3] *Н. В. Арутюнян*, Биайнили-Урарту, стр. 381—390.

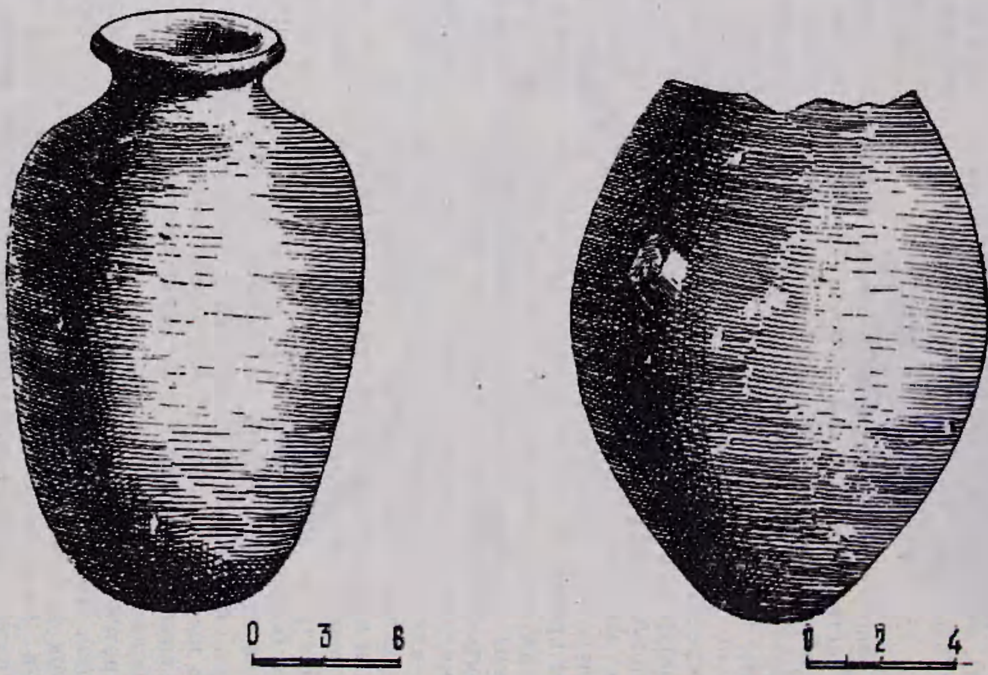
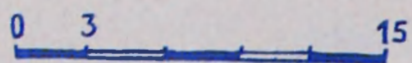

Рис. 20. Раннеармянское погребение в доме №2.

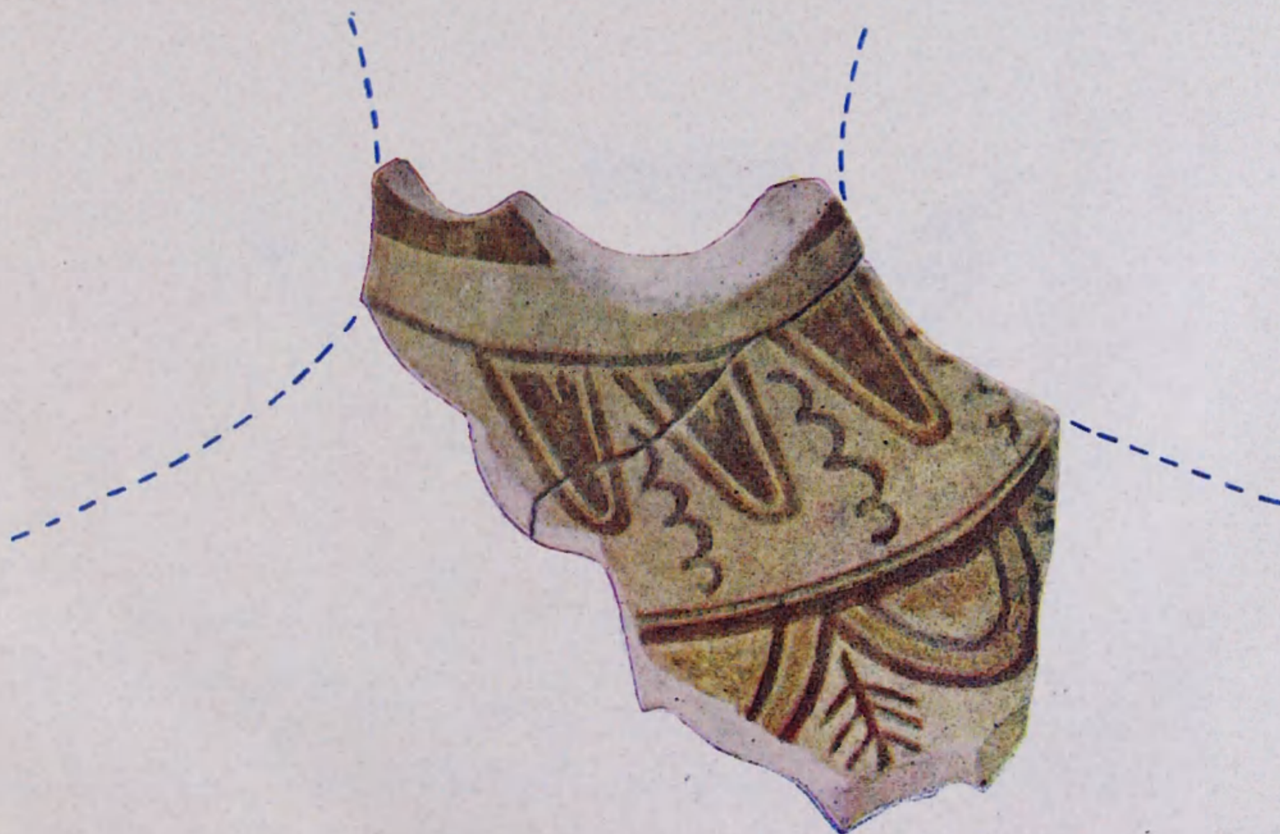

Рис. 23а,б. Армянская расписная керамика.

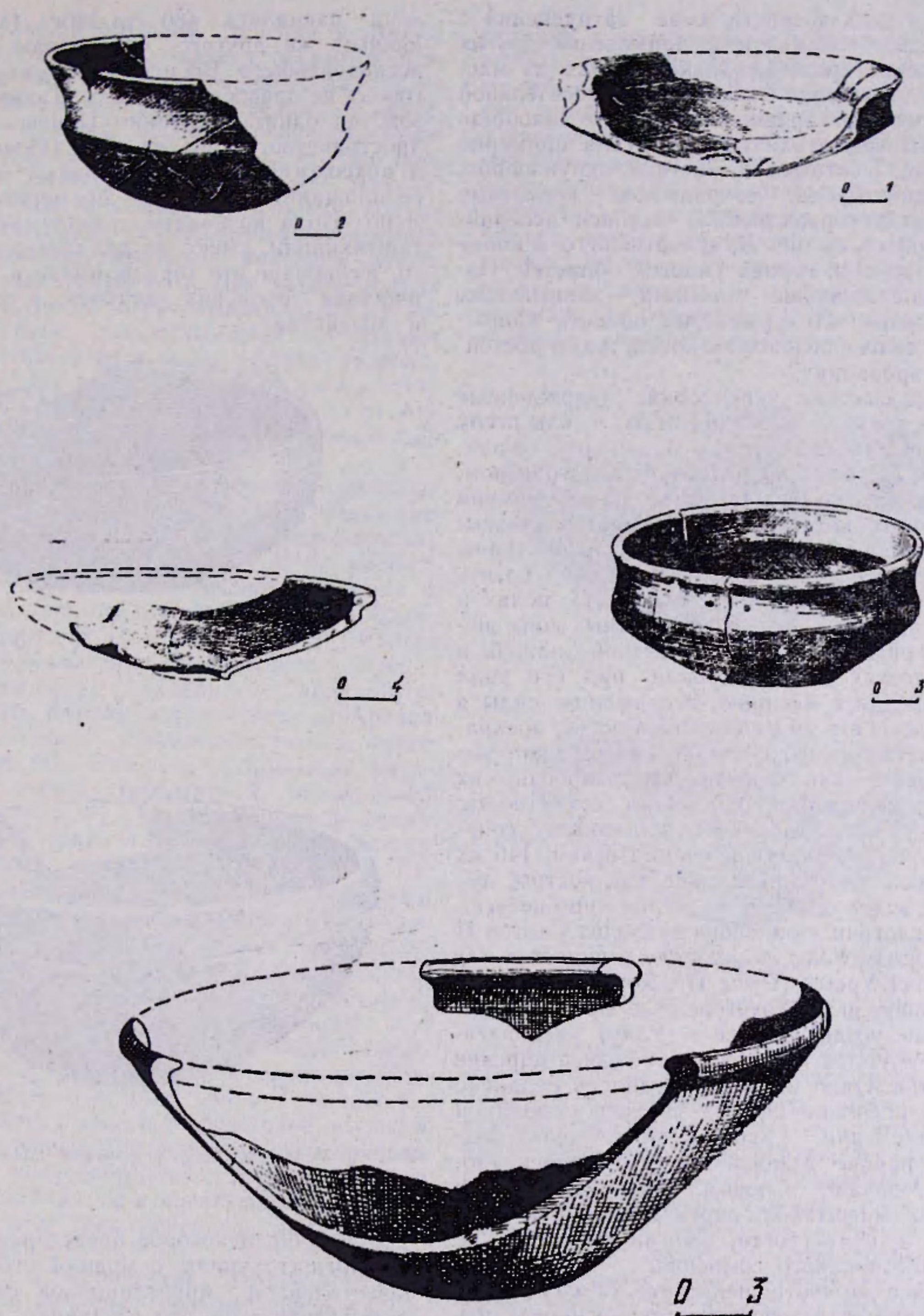

Рис. 21. Урартские чаши без росписи—прототипы армянских.

Этот двуединый принцип урартского градостроительства определял в основном и внешнюю структуру города, и характер земледельческой сути его экономики. Соответственно Аргиштихинили состоял из двух весьма определенных частей, имел внутреннюю черту, заключенную в пространстве между каналами и предназначенную для городских построек (около 1000 га), а также внешнюю черту, охватывающую площадь, которая превышала пространство застроенной части города в несколько раз и представляла собой зеленое кольцо благоустроенных хозяйств. В настоящее время очень трудно определить

пределы этих хозяйств из-за затруднений с пыльцевым анализом и применения других технических средств, однако, исходя из масштабов и условий мощности оросительной сети, можно предполагать, что площадь хозяйств Аргиштихиииили достигала примерно 10000 га. О богатых хозяйствах, окружающих урартские города, сохранились красочные сведения в торжественной надписи ассирийского царя Саргона II, захватившего в конце VIII в. до н. э. города многих областей. Поэтическое описание хозяйств, занимавших окрестности Приурмийской области Сангибуту, с ее баснословными хозяйствами достойно цитирования:

«Их высокие укрепления, утвержденные (?) как горы, с основаниями их, я, как песок (......) их красивые дома я запалил огнем, дым их заставил подняться и, как ураганом, застлал лицо небес. Большие запасы ячменя и пшеницы, которые долгое время он насыпал в амбары для поддержания жизни страны и людей, все мое войско я заставил возить на конях, мулах, верблюдах (?), ослах и насыпал в моем лагере, как холмы; моих людей накормил я богатой и сытной пищей, и на радостях они устроили пир (?), ради возвращения в Ассирию. Его пышные сады я посек, лозы его во множестве я посек, прекратил его питье; его большие рощи, которые густо росли, как тростниковые заросли,—их деревья я порубил, опустошил окрестность; все его срубленные стволы, как солому, гонимую бурей, я собрал и спалил огнем. 146 их окрестных поселений я сжег, как костры, дымом их, как ураганом, я застлал лицо небес»[4].

Аналогичное описание приводит Саргон II и по городу Улху, по «городу имущества (?) [запасов] Урсы» (Русы I)[5]. Конечно, особенно большие и благоустроенные сельскохозяйственные угодья (вроде г. Улху) располагались вокруг тех городов, где имелись царские хозяйства. Одно из них находилось недалеко от Аргиштихиииили, называлось «долиной Куарлини» или «долиной царя Руса», другое—в районе Маназкерта, называлось «долиной Менуа»[6]. Словом, наличие хозяйств больших масштабов, окружающих урартские города и, в частности, Аргиштихиииили, не вызывает никакого сомнения.

Такое же соотношение между площадями жилых частей и хозяйства можно проследить и на примере многих крупных городов Двуречья. Ярчайшим примером подобных пропорций месопотамского города является Вавилон, описанный очевидцем Геродотом (I, 178). Согласно его сведениям, окружность Вавилона равнялась 480 стадиям (85 км), по данным же другого «очевидца»—Колдевея, исследовавшего Вавилон[7], окружность этого города не превосходила 8 км. Таким же образом, по одним сведениям Ниневия занимала пространство в три дня пути (Иоанн, III, 2), а археологическими раскопками окружность ее площади определена примерно в 15 км[8]. Ясно, что и названные города, подобно Аргиштихинили, имеют по два обмера. Археологи, изучавшие эти города, имели в виду лишь площади городских построек, а очевидцы—и хозяйства.

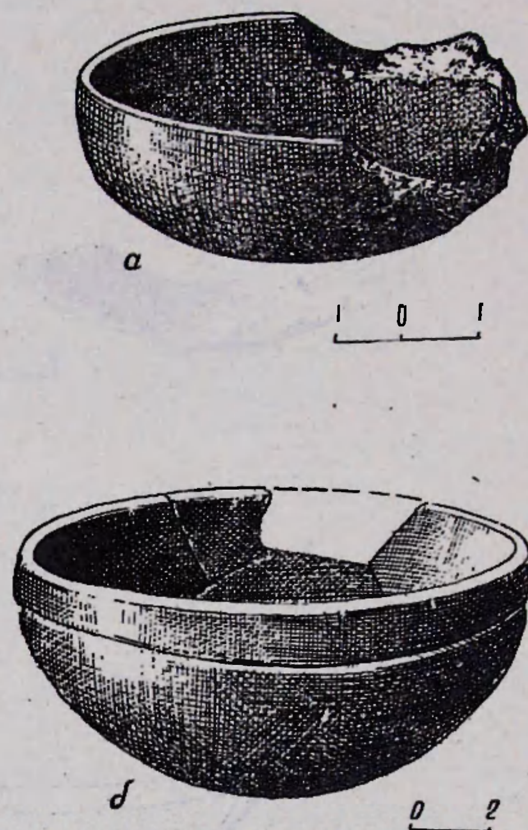

Рис. 22. Урартские полусферические чаши без росписи.

* * *

Получив некоторое представление о районе Аргиштихинили, о мощной его обороне и разветвленной ирригационной сети, можно представить себе, что созданием этого большого города Аргишти I окончательно закрепил за собою всю Араратскую равнину, рас-

---

[4] АВИИУ, 233, ВДИ, № 2, 1951, стр. 328—329.

[5] *Г. А. Меликишвили.* Наири-Урарту, стр. 341.

[6] Там же, стр. 342—343.

[7] *R. Koldewey,* The excavations at Babilon, рис. 1.

[8] Количество подобных примеров можно сильно увеличить за счет древнейших городов южного Двуречья. См., например, *И. М. Дьяконов.* Шумер, М., 1959, стр. 269—271.

положенную в среднем течении р. Аракс, изрезанную многочисленными реками и речками на протяжении 200 км[9] с запада на восток. Помимо ряда естественных и искусственных преград, обороноспособность этого города усиливалась еще и тем, что все пространство между реками Аракс, Ахурян, Мецамор покрыто многочисленными холмами, прорвавшимися в отдаленнейшие времена вулканическими конусами красного шлака, туфа и базальта (редко). При закате солнца эти холмы резко вырисовываются на равнине, освечивая разнообразными оттенками лавы[10]. Некоторые из этих холмов расположены к северо-востоку (у с. Зейва) и к северу (у с. Октемберян, у IV Совхоза) от Аргиштихинили и прикрывают его ближайшие подступы.

Сам же город Аргиштихинили располагался на площади между оросительными каналами и на его территории возвышались наиболее значительные холмы этого района, которые тянутся вдоль течения р. Аракс, с запада на восток, в пределах с. Нор-Армавир, Бамбакашат (б. Молла-Баязед), Малый и Большой Налбандян (б. Шагриары), Джрарат (Керим-арх), Айкаван (б. Тападиби) и Армавир (б. Курдукули), к северу от Аракса в 4—5 км, общей протяженностью не менее 4,5 км (рис. 8). Эта цепь всхолмлений начинается на западе безымянной базальтовой вершиной (рис. 7), примыкающей к холму Св. Давида (рис. 8) и тянется к востоку еще четырьмя холмами (рис. 8 C, D, E, F), связанными между собою удобными мягкими седловинами. Наиболее крупным из упомянутых является холм Св. Давида, возвышающийся на 50 м от поверхности равнины, занимающий довольно большую территорию (ок. 3 га) и имеющий удобные подходы.

К востоку от последнего базальтового выступа этой группы (холм F), сливающегося с равниной, на расстоянии 1 км как бы из-под земли вырастает наиболее высокий (70 м) и крупный армавирский холм красной лавы, с конусообразной труднодоступной вершиной на востоке и расплывчатым беспрерывным рядом трех менее высоких холмов с северо-запада[11].

Именно в районе этих девяти армавирских холмов найдена большая часть надписей, касающихся города Аргиштихинили, и все упомянутые выше археологические памятники. Именно с высокого армавирского холма созерцал М. В. Никольский Араратскую равнину в кольцевом окружении гор, средь алмазных вершин Арарата и Арагаца. «Само по себе,—писал М. В. Никольский,—положение армавирского холма слишком заметное и располагает думать, что в древности здесь мог быть важный политический и культурный центр... Вид на него открывается издалека. Точно так же он виден с правого берега Аракса, почти с самых окраин долины. Взобравшись на вершину холма, зритель чувствует, что он находится в центре этой огромной равнины... по отношению к которой этот холм занимает господствующее положение»[12].

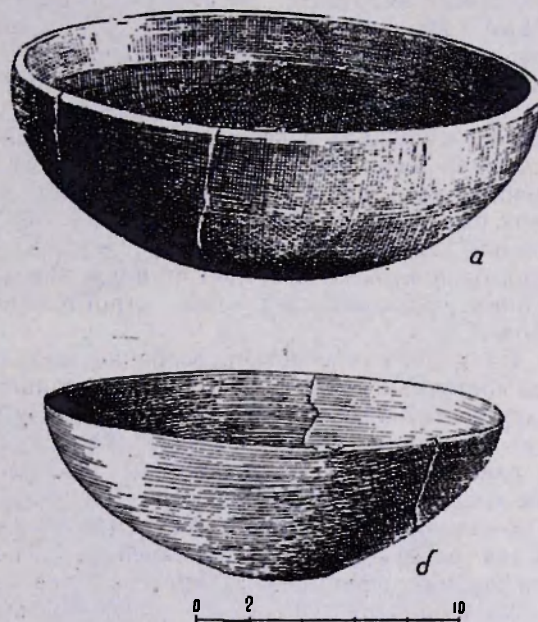

Рис. 24а. Урартские чаши—прототипы армянских.

Другие исследователи обратили внимание на холм св. Давида и высказали предположение, что район этого холма следует считать городищем Аргиштихинили и Армавира[13], тем более, что недалеко от него были найдены некоторые клинообразные надписи.

Такие предельно важные возможности рельефа не мог не заметить и царь Аргишти, превосходный стратег и градостроитель, основавший свой город на столь нужной ключевой позиции. К сожалению, вопреки здравому смыслу некоторые исследователи до сих пор приурочивают Аргиштихинили лишь к большому армавирскому холму и его непосредственному окружению.

---

[9] *Т. Х. Акопян,* Очерки по исторической географии Армении, Ереван, 1960 (на арм. яз.), стр. 16—18, 50—52 и др.

[10] *А. С. Уваров,* Сборник мелких трудов, стр. 143.

[11] Там же.

[12] *М. В. Никольский,* ук. соч., стр. 33—34.

[13] *С. В. Тер-Аветисян,* Археологич. обследования..., стр. 63; *И. И. Мещанинов,* Новая халдская надпись из сел. Джанфида, Изв. АН СССР, 1932, прим. на стр. 259, 260.

Геодезические, археолого-разведочные работы, производимые Нор-Армавирской экспедицией, опровергают в корне неверный взгляд на масштабы этого города и показывают, что он располагался не только на высоком армавирском холме, но и на всех других шести холмах, которые отделены от первого километровой полосой равнины (рис. 9, ситуационная карта). На всех этих холмах выявлены руины самых разнообразных жилых и хозяйственных сооружений, расположенных в определенном направлении на макушках, в седловинах и у подножьев, образуя часто довольно густые скопления особняков, представлявших кварталы древнего города. Подобные кварталы выделялись во время первых съемочных работ в пределах I—VI холмов, на северных склонах IV—V холмов (см. геодезическую съемку) и в других местах. На макушках некоторых высот сохранились лишь полы бывших здесь домов, в виде выравненных прямоугольных площадок оббитых бызальтовых скал. Руины домов отсутствовали лишь в тех участках, где конфигурация базальтовых выступов не представляла никаких возможностей для строительных работ.

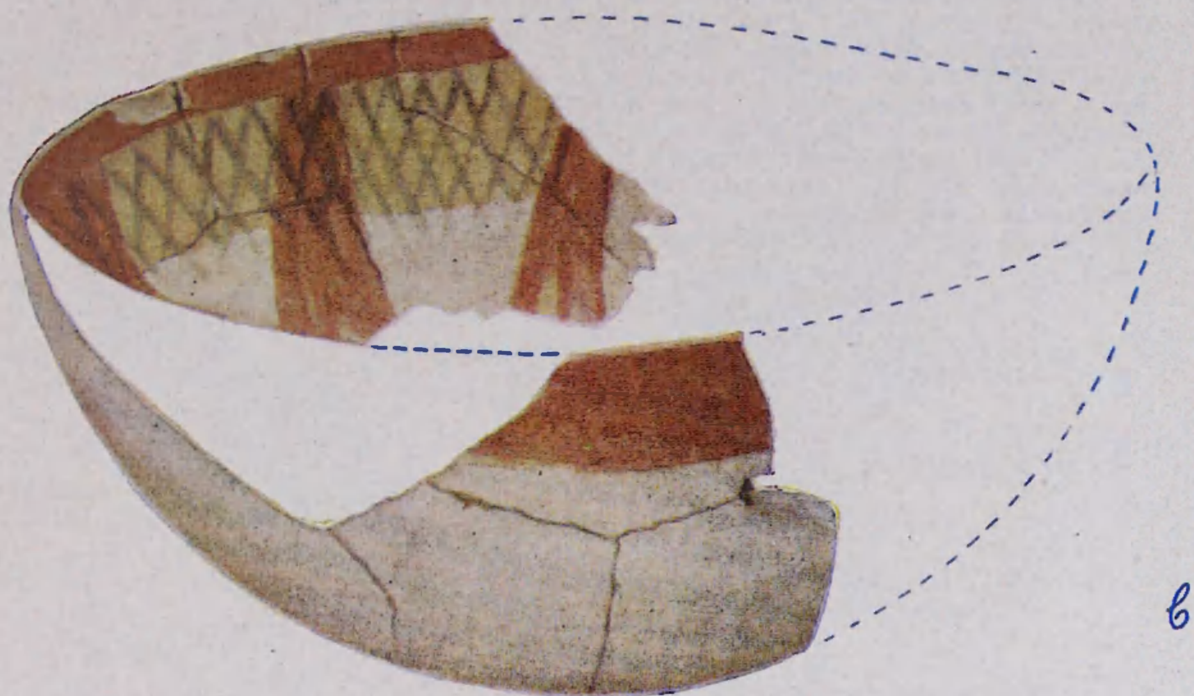
Из подобных участков особенно выделялась восточная конечность VI холма, сливающаяся в этой части с равниной и имеющая очень негладкую, неровную поверхность. На равнине между VI и высоким армавирским холмом остатки строений Аргиштихиинили не выявляли почти никаких внешних признаков, за исключением многотысячных разнообразнейших фрагментов урартской керамики VIII—начала VI вв. до н. э. Большие кварталы этой части города оказались под мощным затвердевшим метровым слоем глины, образовавшимся в результате смыва сырцовых стен и почвы большого армавирского холма, разрушения глинобитных стен самих особняков, расположенных на равнине, а также вследствие действия оросительных каналов последних 150 лет. Однако на краях глубоких траншей, проведенных в военные годы, и в срезах нескольких мелких шурфов, заложенных экспедицией, были выявлены отдельные части капитальных домов и соответствующие кусочки глинобитных полов с керамикой, вполне соответствующей наземному подъемному материалу. Здесь следует добавить, что урартский подъемный материал был представлен в изобилии не только на всех холмах и у подошв их, но и к западу и востоку от самых крайних высот. Таким образом, архитектурные остатки Аргиштихинили и соответствующий им урартский подъемный материал тянулись длинной пятикилометровой полосой от западной окраины с. Нор-Армавир до центральной части с. Айкаван (б. Армавир).

При этом, обращало внимание то обстоятельство, что седловины всех шести холмов, расположенных в восточной половине города, были заперты с южной стороны либо довольно мощными кладками, тянувшимися к противоположным обрывам скал, либо внешними стенами поставленных впритык на краю обрыва домов, либо очень длинными, иногда стометровыми отрезками стен, запирающих доступ к скале. Образуемая таким образом южная ограда, примыкая снизу к высоким стенам, стоящим на краю обрыва, представляла довольно мощную оборонительную стену[14], которая прослежена фрагментами на расстоянии около 2 км. Эти обрывки степ в западной части города примыкают к мощным крепостным кладкам холма св. Давида. Отдельные фрагменты ее прослеживаются на пятом (Е) холме, где они резко заворачивают на север. Продолжение ограды в северной части города не сохранилось. По-видимому, оно было разрушено еще при вражеском штурме и затем окончательно разобрано при строительстве окрестных сел в XIX—XX столетиях.

Теперь нет никакого сомнения, что значительная часть западной половины города была обнесена довольно крепкой оборонительной стеной, которая охватывала овалом срединную, сильно укрепленную часть, в то время как значительная часть жилых кварталов, расположенных к югу от ограды, к западу от холма св. Давида, к востоку от холма Е и в окрестностях большого армавирского холма, оставалась за пределами ограды и представляла собою участки внешнего города (рис. 10, схема структуры города).

Эти структурные данные намекают на разновременность постройки отдельных кварталов и архитектурных памятников, на существование более древнего ядра (срединного или внутреннего города) и так называемых «внешних кварталов» (внешнего города) Аргиштихинили. Глядя на геодезическую съемку, уже теперь, a priori можно сказать,

[14] Подобный способ укрепления внутреннего города был широко известен на всем Древнем Востоке. «... жители Ура применяли самый простой, самый экономный способ укрепления города: они построили свои дома на валу более или менее непрерывной линией. Внешние стены домов совершенно глухие, во всяком случае до второго этажа, с успехом заменяли военную крепостную стену. На Ближнем Востоке это было распространенным явлением. В виде примера можно привести Иерихон, где дом Рахаба стоял на стене и окно его верхнего этажа выходило на равнину за городом» (*Л. Вулли*, Ур халдеев, М., 1961, стр. 171—172).

0 1 5 см.

Рис. 24. Расписные чаши эллинистического периода.

что к сравнительно поздним участкам города, построенным во времена царя Сардури II или его потомков, относились именно упомянутые нами южный узенький отсек на древнем русле Аракса, крайне западный квартал города и некоторые участки в районе большого армавирского холма. Жилые кварталы, расположенные к северу от цепочки норармавирских шести холмов, у подножьев и на равнине, наоборот, входили в черту внутреннего города и были построены большей частью, вероятно, в первые годы строительства Аргиштихинили. Значительная часть этих построек погребена под норармавирским оросительным каналом, под домами, приусадебными участками, фруктовыми садами южной половины с. Нор-Армавир. При проводке нового канала были разрушены поперечные или продольные стены целого ряда урартских построек, вышвырнуты на дневную поверхность огромное множество обломков больших карасов, мелкой красноангобированной тары, части гончарных кругов, ряд архитектурных деталей из камня, каменная статуя бога и другие вещи. Вдоль срезов этого канала и сейчас прослеживаются чудесные ряды кладок урартских домов метровой высоты. Севернее канала, на приусадебных участках колхозников, на площади бывшей деревенской школы при закладке фундаментов и при посадке абрикосовой рощи Нор-Армавирского колхоза были разрушены отдельные части урартских особняков: винные погребы иногда с 10—20 тысячелитровыми карасами, складские или кухонные помещения с «пивными сосудами», мелкой тарой и другими поделками, жилые помещения с чудесными каменными базами от деревянных колонн и другими архитектурными деталями. Некоторые из этих участков доследовались членами Нор-Армавирской экспедиции.

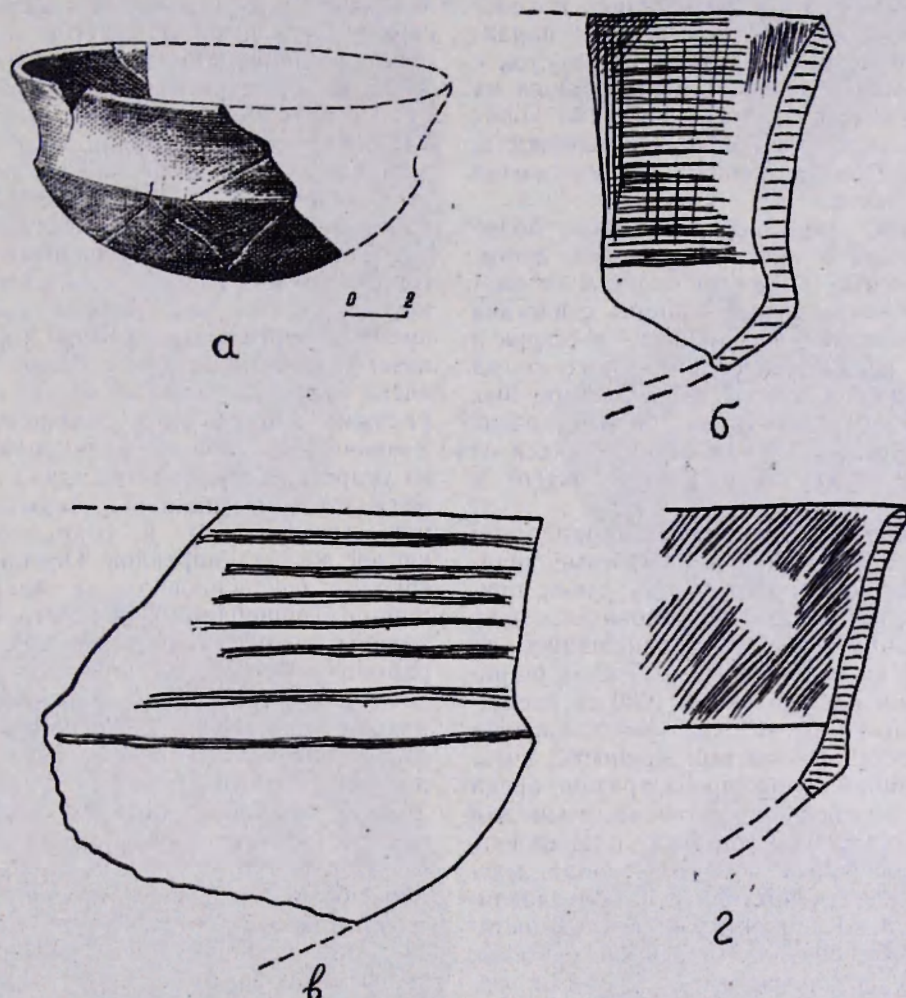

Рис. 25. Урартские и раннеармянские пиалы.

С запада и востока город Аргиштихинили был охвачен двумя могучими крепостями,

которые возвышались на достаточно высоких и больших холмах св. Давида и Армавира. Холм св. Давида имеет сравнительно спокойный рельеф, отвесные скальные обнажения с северной стороны, несколько пологие склоны с юга и довольно удобные подходы с запада и востока. Высота холма 52 м, застроенная площадь около 2 га. Следы построек достаточно четко наблюдались еще до раскопок на макушке холма и на южном скате, на трех террасах которого сохранились цокольные кладки трех оборонительных стен, параллельно проложенных с запада на восток с остатками мощных прямоугольных башен на концах. Сохранился и отсек восточных ворот цитадели. В западной части возвышенности, на месте руин довольно большого сооружения образовался холм.

Восточный (армавирский) холм более труднодоступный и хуже сохранился, достигает 76 м высоты, занимает около 2 га площади, имеет очень крутые склоны с востока и юга и сравнительно пологие—с севера и запада. На вершине и склонах этого холма также сохранились следы жилых дворцовых и оборонительных построек, иногда очень значительных размеров, не отличающихся от остатков холма св. Давида по характеру и особенностям.

Таким образом, по нашим сегодняшним археологическим данным, застроенные кварталы Аргиштихиинили образовали узкий прямоугольник, размещенный в основном между двумя большими холмами и тянувшийся на расстоянии 5 км в длину и 1—1,5 км в ширину. Город, занимавший около 1000 га площади, в окружности 10—12 км, разделялся на несколько составных частей: крепости, внутренний и внешний город, ареал храмов, ареал ирригации и хозяйств. Естественно, в каждом отдельном случае ориентировка, планировка, размещение основных объектов города, масштабы и другие обстоятельства обусловливаются не только конкретными возможностями топографии местности, речной системы, но и внутриэкономическими и другими обстоятельствами. Однако и при этом Аргиштихинили выявляет целый ряд общностей с другими городами Урарту, Месопотамии и Малой Азии, которые касаются принципиально важных особенностей градостроительной практики. Обращают на себя внимание, прежде всего, очень крупные масштабы, которые вполне соответствуют духу надписей Аргиштихиинили и представлениям, складывающимся ныне и о некоторых больших городах Ванского царства.

Своими колоссальными масштабами, многочастной, сложной структурой отличался не только стольный город Тушпа, устоявший всем ассирийским набегам, но и так называемые «провинциальные» города Араратской равнины. Целый ряд случайных находок показывает, например, что город Эребуни, построенный тем же царем Аргишти I, расположенный в 60 км к северо-западу от Аргиштихиинили, занимал не только большой (шестигектаровый) холм цитадели и непосредственные его подошвы, но и возвышенности, окружающие крепость с запада и юга на очень большой территории. В этом именно заключается суть Эребуни в качестве военно-стратегической базы. Другой город Араратской равнины, город Тейшебаини, расположенный примерно на таком же расстоянии от Аргиштихинили, построенный в середине VII века, в период упадка Урарту и проживший менее ста лет, по последним нашим данным, занимал не менее 600—800 га площади и простирался к югу от крепости на 1,5—2 км, в то время как огражденный «внутренний город» охватывал лишь 50 га. Крайний южный участок этого города, выявленный во время строительных работ, имел несколько возвышений, на которых были воздвигнуты очень крупные дома с контрфорсами, с карасными кладовыми и помещениями жилого назначения. Общая планировка некоторых из урартских городов совпадала с Аргиштихинили также по наличию закрытой, укрепленной (внутренней) и открытой (внешней) частей жилых кварталов. Ограды внутренних городов зафиксированы на Араратской равнине в Тейшебаини[15] и Арагаце[16]. Зафиксированы таковые и в городищах центральных районов Ванского царства, в частности вокруг Тушпы. Одно из подобных городищ находилось в 10 км к северо-востоку от Тушпы, у курдского селения Анзаф. Оно было построено отцом Аргишти I, урартским царем Менуа, защищало столицу, охраняя дорогу, идущую мимо Арчешского озера, через Серай и Котур в Хой и Азербайджан[17]. Городище было связано с крепостями Харакониса и Ашотакерта.

Английские археологи Ч. Барней и Г. Лавсон отмечают, что городище верхнего Анзафа имеет две крепости, расположенные на расстоянии 1/3 мили, внешний и внутренний города, оборонительную стену внешнего города и «решетчатый» план довольно значи-

---

[15] *Б. Б. Пиотровский*, Кармир-блур, I, Ереван, 1950, рис. 1.

[16] Крепости Арагаца см. *Т. Тораманян*, Материалы по истории армянской архитектуры (на арм. языке), Ереван, 1942, стр. 33—34; *К. Л. Оганесян*, Урартское поселение в с. Арагац, Изв. АН Арм. ССР, № 4, 1958.

[17] *K. F. Lehmann-Haupt*, Armenien Einst und Jetzt, II, стр. 38. *Г. В. Церетели*, урартские памятники музея) Грузии, Тбилиси, 1939. стр. 39.

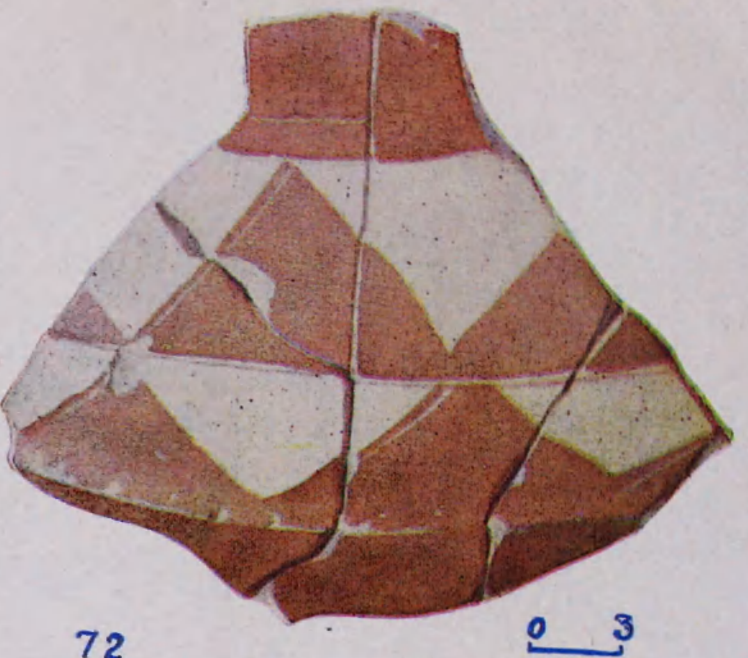
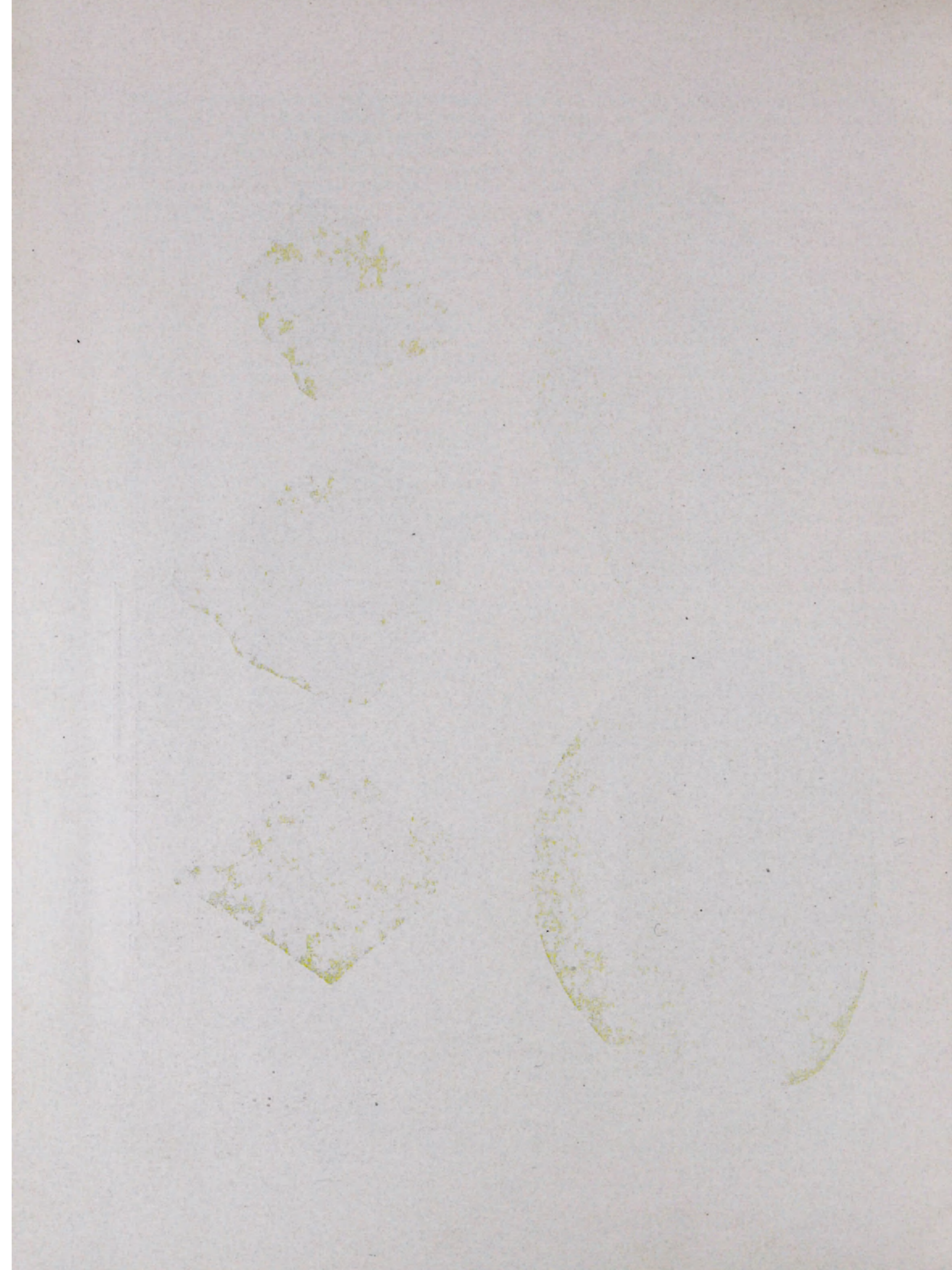

Рис. 22г, 26 античная керамика из Аргиштихинили; 72—фрагмент урартского кубка с поперечными шевронами.

тельного участка городских кварталов, напоминающих строения Зернаки-Тепе[18].

Рядом с внутренним Анзафом, в пределах нижнего Анзафа стоит маленькое, весьма примитивное крепостное сооружение, построенное царем Ишпуини, отцом Менуа и, вероятно, также связанное с городищем верхнего Анзафа. Необходимость подобного фортификационного устройства была вызвана не только структурными требованиями градостроительства, но и желанием укрепления обороноспособности городов путем увязки разрозненных, легко уязвимых равнинных частей с крепостями, тем более, что в условиях Араратской равнины даже крепостные холмы не всегда являлись труднодоступными. Как увидим ниже, теми же обстоятельствами продиктовано наличие нескольких оборонительных оград вокруг одной и той же цитадели, что является характернейшей особенностью строительства циклопических крепостей Армянского нагорья еще задолго до утверждения урартской власти. Некоторые из циклопических крепостей эпохи бронзы имеют вокруг себя обширные поселения, которые также в своих определенных частях обведены очень длинными и мощными оборонительными стенами. Классическим примером подобного поселения является Лчашен[19]. В урартском градостроительстве несомненно играло большую роль традиционное строительство циклопических крепостей и поселений, по немаловажное значение имел и древневосточный градостроительный опыт. Интересно, например, что города Двуречья, основанные в IV—III тыс. до н. э. и прошедшие очень длинный путь дальнейшего развития, иногда весьма близко напоминают Аргиштихинили не только по общей структуре, но и по конкретному размещению главных объектов.

Одним из классических примеров является город Киш, расположенный на большом Евфратском канале и на отходящих от него в северном направлении более мелких рукавах. Наподобие Аргиштихинили, город этот был охвачен двумя крепостями с запада и востока, между которыми размещались жилые кварталы, вероятно внутреннего города. Во внутреннем городе находилась и площадь храмов. Севернее западной крепости располагаются кварталы внешнего города, а за восточной крепостью—маленькое крепостное сооружение, охраняющее канал[20]. Близкую планировку имели также южномесопотамские города Ур[21], Урук[22] и др. Любопытно, что о двучастном делении Урука сохранилось предание в эпосе о Гильгамеше, со времен основания города, вероятно в IV тыс. до н. э.

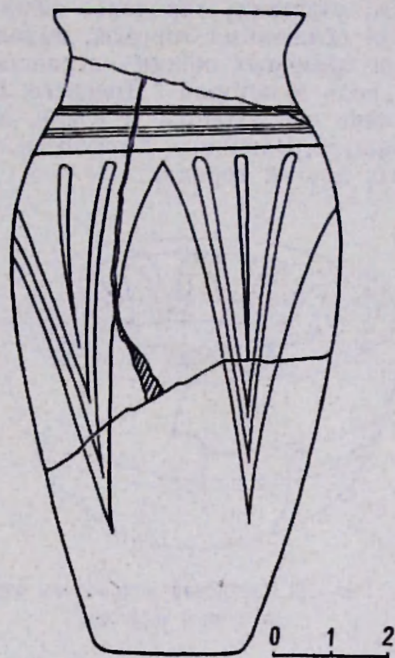

Рис. 27. Античный расписной кубок из Армавира.

Разумеется, особую важность в связи с сопоставлением с Аргиштихинили представляют более молодые города, хронологически территориально и исторически более близко стоящие к Ванскому царству. Примером такого города является Хаттуша, разрушенная в XII в. до н. э. столица Хеттской державы, оказавшая столь ощутимое влияние на Урарту в период образования его культуры, оформления архитектуры и градостроительных принципов. Наподобие Аргиштихинили, город Хаттуша состоял из верхнего и нижнего городов, окруженных довольно мощными оборонительными стенами. За оградой нижнего города, в северо-западной части Хаттуши простираются кварталы открытого или внешнего города, протяженность и территория которых остались, по-видимому, недоследованными. Каждая часть города имеет по одной крепости. В верхнем (или южном) городе со знаменитыми львиными и царскими

---

[18] *С. А. Burney and G. R. J. Lawson.* Measured Plans of Urartian Fortresses, AS, v. X, 1960, стр. 178—181.

[19] *Г. А. Микаелян,* Циклопические крепости Севанского бассейна, Археологические памятники Армении, вып. I, Ереван, 1968, табл. 3—6.

[20] *S. Langdon.* Excavations at Kish, v. I, Paris, 1923—1924, табл. XXXIII

[21] *Л. Вулли,* Ур халдеев, М., 1961, стр. 180.

[22] *V. Christian,* Altertumskunde des Zweistromlandes, Bd. 1, Leipzig, 1940 стр. 185.

воротами расположено множество храмов, в нижнем городе—лишь один храм[23].

При рассмотрении планов шумерских, ассирийских, вавилонских и хеттских городов бросается в глаза концентрированность многочисленных культовых памятников в определенных участках городов, образующих отдельный священный городок, находящийся в ведении храмовых общин, игравших столь важную роль в истории Древнего Востока. Это явление наблюдается в Кише, Уре, Лагаше, Ашшуре, Вавилоне, Хаттуше и в многочисленных других городах.

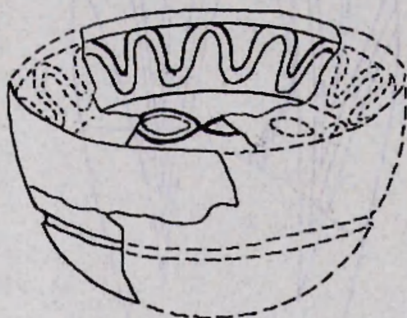

Рис. 28. Расписная яйцевидная чаша античного периода.

Мы склонны усмотреть наличие такого явления и в Аргиштихинили. Как свидетельствует надпись Сардури II, происходящая из восточной крепости, расположенной на самой высокой точке Араратской равнины, в некотором отдалении от жилых кварталов города, этот царь построил значительный комплекс из 7—10 храмов, посвященных разным божествам и образующих священный городок—крупный религиозный центр. Доскональное повторение текста сардуровской надписи в городе Тейшебаини указывает на то, что подобный священный городок имелся и в этом городе, само название которого происходит от имени одного из верховных богов Урарту. Расположение и устройство названных храмов Аргиштихинили слишком напоминают месопотамские, где из-за отсутствия естественных возвышенностей устраивались высокие башни (зиккураты) с храмами, называемыми «небесным холмом» или «горой бога»[24].

Наибольшую известность получил крупнейший из зиккуратов всех времен—зиккурат Вавилона, или, согласно библейской традиции, вавилонская башня...[25] «дом основания небес и земли», с храмами-обиталищами Мардука и других богов. Высота вавилонской башни равнялась 90 м, высота армавирского священного холма —76 м. Не являлся ли этот холм своего рода естественным зиккуратом для всей Араратской округи? Как мы выше убедились, он был святилищем еще с III тыс. до н. э. Этот высокий армавирский холм с урартскими храмами естественно сохранил значение традиционного священного места и в раннеармянское время. Не случайно именно здесь возник центр языческой религии при Ервандидах, с храмами Аполлона и Артемиды[26], с прорицалищем и священной рощей[27], где отправлялся смешанный культ Солнца, Аполлона, Тира, Луны-Артемиды-Анаит и царских предков[28]. Доказано, что большие самостоятельные святилища, находившиеся подчас в некотором отдалении от городов, были созданы и в послеурартский период. Таковыми являлись Немруд-даг, Ани-Камах, Ангелтун, храм Тира у Арташата и др. Этот обычай сохранился также в средневековой Армении и в христианское время.

Выше мы рассмотрели главные градостроительные принципы, примененные при проектировании и возвышении города Аргиштихинили. К числу их относятся: создание укрепленного района и поселений-спутников вокруг большого города, создание мощной ирригационной системы и зеленого кольца больших хозяйств, двучастное деление самого города, наличие (в ряде случаев) двух, а то и трех крепостей, а также обособленного священного участка (рис. 11).

Как увидим ниже, указанные градостроительные принципы были обусловлены не только военно-стратегическими или чисто экономическими соображениями, но и социально-политической структурой урартского общества, разделенного на глубоко антагонистические социальные и этнические слои.

---

[23] *К. Bittel, R. Naumann,* Bogazköy - Ḫattuša, 1, Stutgart, 1952 рис. 282.

[24] *Л. Вулли,* ук. соч., стр. 132—134.

[25] О Вавилоне см. *R. Koldewey,* ук. соч., фиг. 1; *Геродот.* История, кн. 1, гл. 178—181. *В. В. Струве,* История Древнего Востока, Л., 1941, стр. 331—335, 344—352, 369—372.

[26] *Я. А. Манандян,* Армавирские греческие надписи в новом освещении, Ереван, 1946, стр. 45.

[27] *К. В. Тревер,* Очерки по истории культуры древней Армении, стр. 105—110.

[28] *Г. Х. Саркисян,* Тигранакерт, М., 1960, стр. 37.

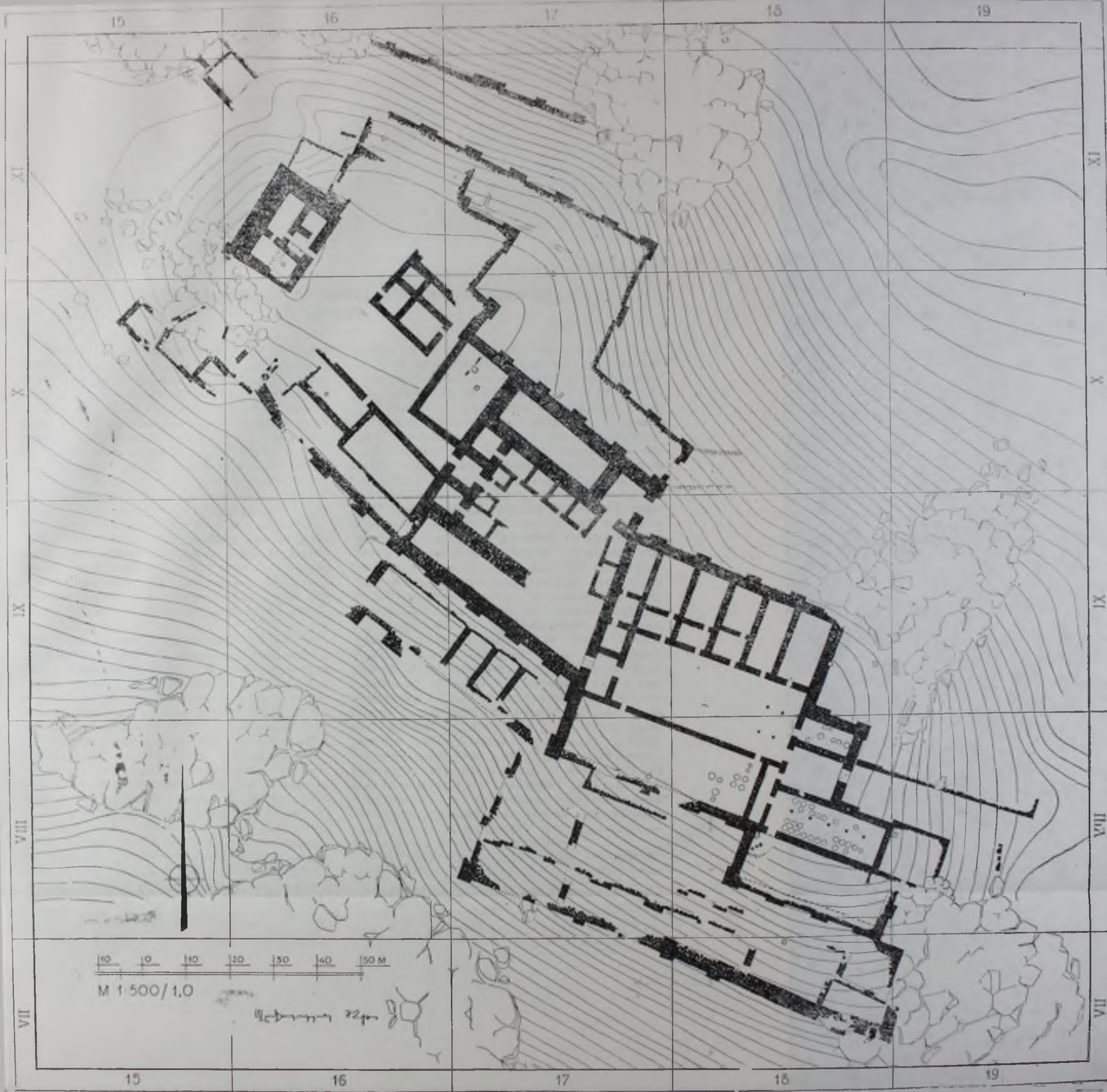

Рис. 29. Западная крепость Аргиштихинили

[24] *Л. Вулли,* ук. соч., стр. 132—134.

ГЛАВА IV

ОБЩИЕ ДАННЫЕ ПО СТРАТИГРАФИИ И ХРОНОЛОГИИ ГОРОДА

Выяснив градостроительную структуру, горизонтальное и пространственное размещение объектов на территории Аргиштихинили, можно перейти к рассмотрению вертикальной и горизонтальной стратиграфии археологических его слоев, отображающих превратности судьбы исследуемой территории во времени, на протяжении веков и тысячелетий.

Древняя земля Аргиштихинили представляет собой многослойный археологический памятник с пятью основными слоями и шестью промежуточными горизонтами. Наседая друг на друга постепенно в длительное время, эти слои представляют нам строгую хронологическую последовательность памятников. Чем древнее то или иное поселение, тем глубже залегают остатки его руин; чем моложе возраст перекрывающих их слоев, тем ближе залегают они на дневной поверхности.

Соответственно с этим, верхние слои крепостей Аргиштихинили содержали остатки наиболее поздних, средневековых поселений. Довольно мощные остатки поселения эпохи развитого феодализма (конец IX—XIII вв. н. э.) были зафиксированы при раскопках западной крепости. Выявленные остатки средневековых слоев: глинобитные дома с многочисленными жилыми помещениями, тонратунами (пекарнями), давильнями винограда, скотскими и складскими помещениями были причудливо вписаны в мощные контуры урартской крепости (табл. XVII, 1—2) или прямо сооружены на площади широких стен, башен и террас. Слои этих средневековых руин покрывали всю территорию бывшей урартской крепости, имели различную мощность и в наиболее сохранившихся местах разделялись на три горизонта, с общей толщиной до 2—2,5 м (рис. 12). Культурные слои урартского периода залегали в западной крепости непосредственно под средневековыми (табл. XVIII—XX). Следовательно, крепость эта не была заселена ни сразу после падения Ванского царства, ни в ахеменидское, эллинистическое или раннефеодальное время. Иную стратиграфическую структуру выявило исследование верхних слоев восточной крепости, проведенное Армавирской экспедицией. Здесь под незначительными остатками позднесредневекового периода были обнаружены смешанные слои или горизонты античного, эллинистического и ахеменидского периодов, которые представляли вещественные остатки армянской резиденции Армавира и находились в общем хронологическом соответствии со сведениями Мовсеса Хоренаци[1], а также греческих эпиграфических надписей, найденных на месте[2]. Да и сами урартские сооружения здесь были несколько видоизменены, а соответствующие культурные слои залегали непосредственно под горизонтами ахеменидского периода, хотя это не везде и не всегда четко фиксируется. Таким образом, над урартскими слоями Аргиштихинили располагались средневековые, античные, эллинистические и ахеменидские слои, а под ними находились руины древнейших поселений III тыс., а затем—рубежа II—I тыс. до н. э., рассмотренные в первой главе настоящей работы. Наличие указанных слоев в крепостях Аргиштихинили интересует нас с точки зрения стратиграфического положения урартских напластований и взаимного территориально-стратиграфического сплетения памятников урартского, ахеменидского и эллинистического времени на этой территории.

Оставляя подробный разбор упомянутых слоев на более удобное время, следует отме-

---

[1] *М. Хоренский,* История Армении, кн. II, гл. 39, кн. III, гл. 31.

[2] *К. В. Тревер,* Очерки по истории культуры..., стр. 58—59.

тить, что анализ стратиграфии и установление хронологической последовательности застройки Аргиштихинили сами по себе вызывают значительные затруднения не только из-за неудовлетворительной сохранности остатков этой яркой культуры или отсутствия в письменных источниках дробных строительных дат, но и потому, что многие из здешних надписей не найдены на своих первоначальных местах.

Между тем, вышерассмотренные клинообразные надписи Аргишти I, Сардури II, Русы III, высеченные по самым приблизительным подсчетам на 50 камнях разных построек, недвусмысленно указывают на разновременность строительных работ и на постепенное расширение масштабов города.

К счастью, весьма надежно устанавливаются места трех надписей, относящихся к начальному периоду истории города. Важнейшая из них, с упоминанием города Аргиштихинили в Азайской стране (УКН, 137), находилась у подножья восточного (большого) армавирского холма до 1827 г., когда она была перевезена в Сардарабад для нужд Гусейн-Кули-хана. Материалы раскопок, произведенных на этом холме еще в 1880 г., подтвердили наличие здесь значительных урартских древностей. В эту коллекцию входили фрагменты красноангобированных типично урартских чаш и гиревидные печати с зооморфными гравированными изображениями, каковые обычно служили для запечатывания дворцовых или храмовых помещений различного назначения[3] (рис. 13 д, е). Позже выяснилось, что эти материалы хронологически соответствуют инвентарям урартских колумбариев Игдыра и города Эребуни[4], относящихся к I половине VIII в. до н. э. Другая надпись Аргишти I, высеченная на базе колонны дворцового сооружения, была обнаружена в здании западной крепости (холм св. Давида)[5]. Аналогичная третья надпись оказалась у южного подножья того же холма в пределах с. Шагриар (Налбандян). Там оказались шесть идентичных баз, изготовленных из того же базальта (1896 г.)[6]. Последняя надпись одинакового содержания была перевезена на правый берег Аракса и найдена в сел. Газанчи[7]. Таким образом, из западной крепости Аргиштихинили происходят три надписи, которые указывают, что часть этого здания возведена в начале строительства города.

В 1929 г. была обнаружена маленькая группа (инв. 777/11—15) типично урартских изделий, которые имеют очень точные соответствия в материалах VIII в. до н. э. из Тушпы, Эребуни, Малаклю, и также подтверждают данные надписей Аргишти о постройке здесь большого урартского комплекса. Группа эта состоит из: глиняной обожженной дисковидной крышки большого урартского караса, черепков с темно-красным блестящим ангобом «ванского типа», изумительно тонкого биконического сосудика с петельчатой боковой ручкой, тонким венчиком и краснoблестящим ванским ангобом (рис. 14а), продолговатого сосудика, покрытого таким же ангобом (рис. 14б), двуручного сосуда урартской работы, но местного образца, а также маленького сосудика (рис. 14в) с сильно раздутым туловом, узким горлышком и широко отогнутым венчиком и острым, проткнутым отверстием донышком (рис. 14г). Эта группа вещей несомненно относится ко времени начального периода основания Аргиштихинили (первой половине VIII в. до н. э.), хотя некоторые из этих образцов встречаются и позже (рис. 14д—ж, о—р). Эти первые, вполне созвучные археолого-эпиграфические данные не оставляют сомнения в том, что западная и восточная крепости Аргиштихинили были завершены постройкой в годы правления Аргишти I и явились, по сути, результатом единого градостроительного замысла, в основе которого лежало стремление создания большого, хорошо укрепленного города. При этом, нам кажется, что одиннадцатый год правления этого царя (776 г. до н. э.) является скорее годом окончания работ, поэтому отмечается в летописи особой надписью с названием города на месте завершения строительства. Следует полагать, что строительство города Аргиштихинили началось раньше 776 г., в западной его части, в районе холма св. Давида, постройкой западной крепости и некоторых близлежащих жилых кварталов. Это было бы совершенно естественно и целесообразно не только потому, что к этой крепости примыкал именно внутренний сильно укрепленный город, не только потому, что ирригационные каналы достигали этого участка раньше всего, но и потому, что здесь находились большие каменоломни и добытый на месте камень легче было использовать без особой затраты сил на перевозку. Из синеватого базальта этих каменоломен построены также все здания восточной крепости Аргиштихинили. Однако добыча камня, перевозка его, доставление вод оросительных каналов требовали не только времени, но и предполагали наличие

---

[3] *Б. А. Куфтин*, Урартский колумбарий..., стр. 58, рис. 38$_{7-8}$

[4] *А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян*, Урартский колумбарий Нор-Ареша (на арм. яз.), *ՀՍՍՀ ԳԱ Տեղեկագիր, 1958, № 10, էջ 63-84։*

[5] Надпись обнаружена в 1967 году и еще не опубликована.

[6] *«Արարատ», 1896, էջ 512։*

[7] *«Արարատ», 1886, էջ 493։*

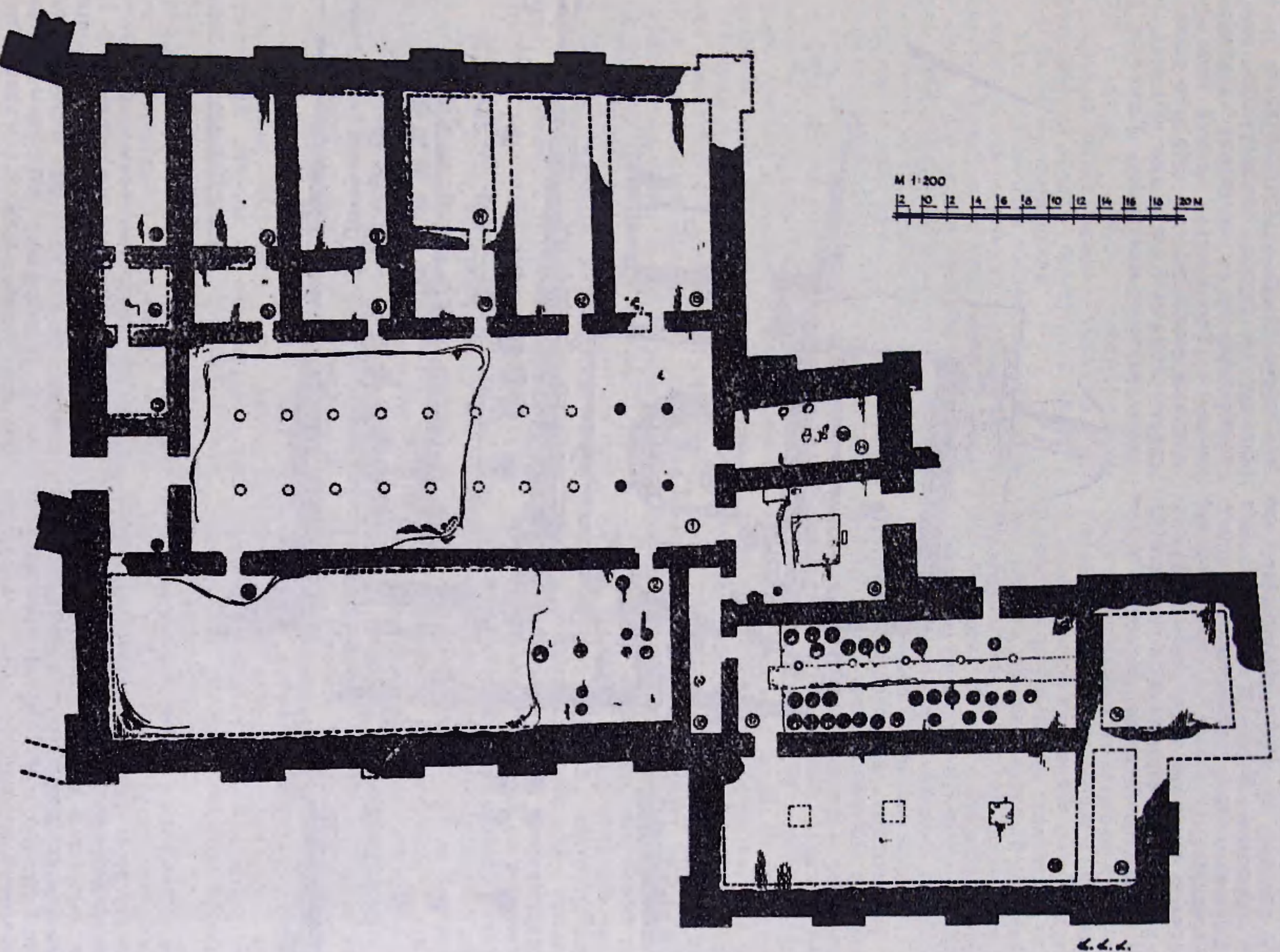

Рис. 30. Дворец западной крепости (план).

на месте прочной рабочей базы с большим количеством мастеровых и простых рабочих.

Некоторые наблюдения стратиграфического порядка как будто подтверждают это наше замечание. К югу от основного ядра внутреннего города, примыкающего к западной крепости, располагался продолговатый квартал на высохшем русле Аракса. Цокольные кладки сохранившихся здесь домов покоились на речной гальке. На такой основе щиеся в ряде случаев под стенами или нивеллировочными полосами урартских же домов. Это обстоятельство прямо указывает на то, что старое кладбище Аргиштихинили располагалось в период возникновения города непосредственно на продолжении западной крепости. Впоследствии на этой территории появился новый квартал. Это ясно видно на стратиграфической схеме (рис. 15) этих двух видов урартских памятников. Мало того, что

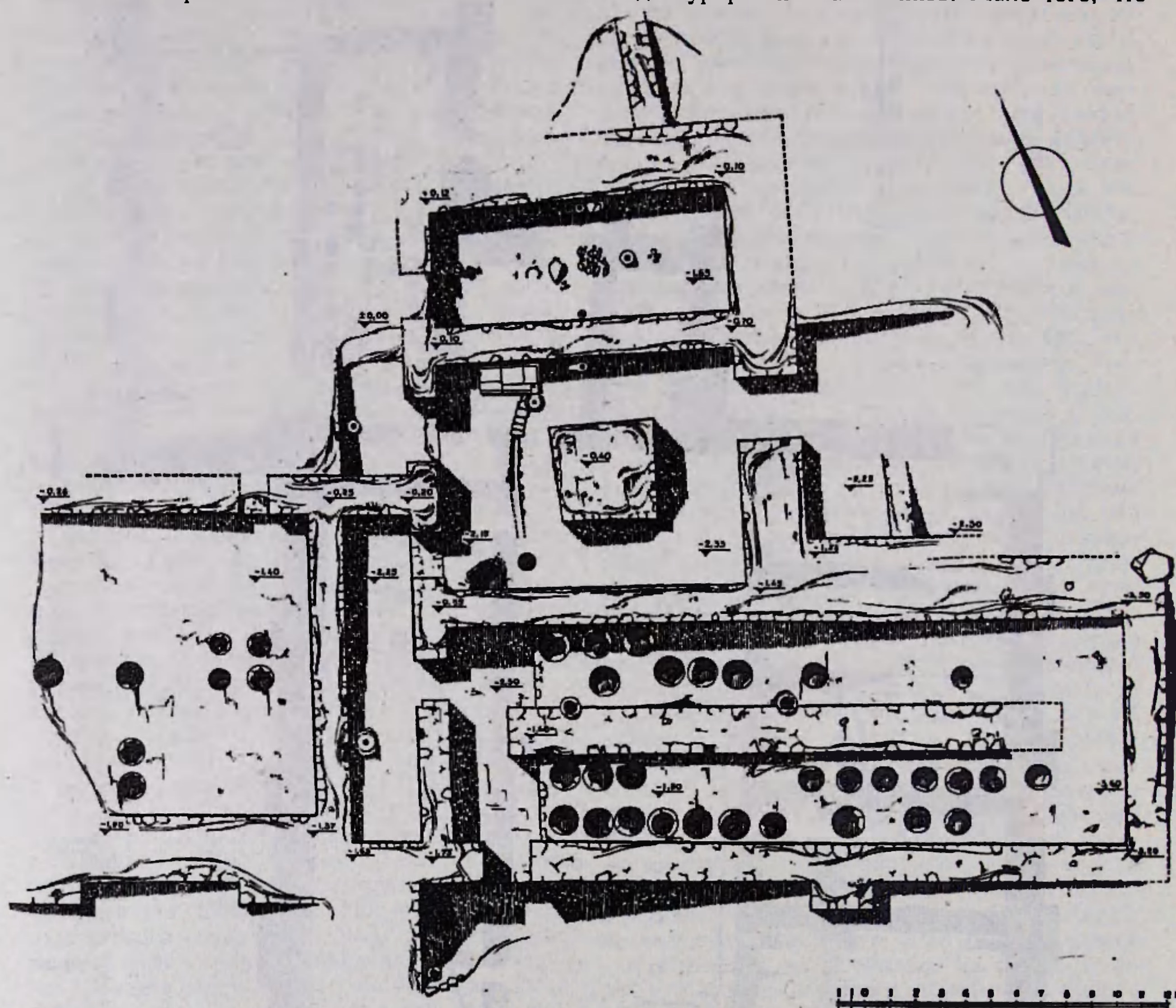

Рис. 31. Карасные кладовые и другие помещения дворца.

был построен крайне западный квартал, занимавший всю западную окраину сел. Нор-Армавир. Этот квартал весьма интересен именно в стратиграфическом отношении. В разных пунктах этой большой территории, от наиболее западного холма (А) до кварталов крайне западных были обследованы или доследованы урартские погребения, находяурартские погребения сами по себе лишены каких-либо наружных признаков, мало того, что они находятся под руинами урартских сооружений, над ними еще построены новые дома с. Нор-Армавир, проложены его улицы. Их обнаружение слишком затруднено, поэтому могильник города Аргиштихинили исследован лишь в незначительной части. Осенью

1964 г., на правой обочине амасийской шоссейной дороги, метрах в 150—200 к северо-западу от холма св. Давида рабочие экспедиции в урартском маленьком карасе обнаружили чудесный красно-ангобированный блестящий кувшинчик, пару змеиноголовых браслетов малого диаметра и пару простых сережек с утолщенной нижней частью, изготовленных из бронзы (рис. 16 а—г). Очевидно, это был инвентарь детского погребения VIII в. до н. э., вполне соответствующий материалам малаклинского урартского колумбария[8], на правом берегу реки Аракс, в 7—8 км от Аргиштихинили.

При доследовании местности было обнаружено еще два погребения в урнах, поставленных вертикально на расстоянии 1,5 м друг от друга. Урна первого погребения представляла собой среднего размера карас (высотой 70 см, пузом 60 см, горлом 30 и дном 32 см), сделанный от руки родными погребенного с неравномерными, плохо обожженными стенками и следами плетенки на наружной части дна. Горло караса было прикрыто камнем и обмазано глиной с примесью соломы. На дне караса ничего не оказалось, кроме пепла покойного (рис. 17а).

Вторая урна отличалась малыми размерами (высота 35 см, ширина 30 см, горло 21 см, дно 13 см) и была сильно закончена (прямо снята с очага). В ней оказались лишь разрозненные кости скелета (рис. 17б) годовалого ребенка. Урны были зарыты в слое гравия, над которым возвышалась стена урартского дома с метровым культурным слоем, насыщенным угольками, золой, черепками явно урартской керамики конца VIII или начала VII в. до н. э. (раскопки 1965 г.).

Точно в таком же стратиграфическом залегании обнаружены и разрушены чрезвычайно бедные погребения, оказавшиеся ниже слоя урартских строений, на северном краю западного холма, примерно в 100 м к югу от описанных (1965—1968 гг.). В 1968 г. в 400 м к северо-западу от приведенных, посреди деревенской улицы сасунцев, юго-западной окраины с. Нор-Армавир, было обнаружено новое карасное погребение, доследованное экспедицией дважды. В нем оказалось два очень интересных урартских сосуда VIII века. Один из них представлял двуручный миниатюрный кубок с округлым низким корпусом, расширяющейся горловиной и зооморфными выступами в верхней части ручек. Второй сосуд имеет форму кувшина с коленчатым носиком и дугообразной ручкой. Оба сосуда вероятно имели культовое назначение (рис. 18а—б). Погребение находилось на глубине 1 м от отметки улицы. Местные жители рассказывали, что примерно на таком уровне при строительстве их домов были найдены в массовом порядке крупные карасы, базальтовые стены, базы от колонн и другие детали, которые находятся на месте и поныне. Это показание может служить свидетельством того, что и в этом участке погребения VIII в. находились под более поздними урартскими строениями. Это подтверждается обнаружением другого кувшинного погребения к западу от описанного, на расстоянии 100—150 м. Погребение было совершено в красноватом (сильно фрагментированном позже) кувшине с венцом и жгутовидным орнаментом на плечах (высота 150 см, ширина 70 см), каковые характерны для складских помещений винных погребов. В нем сохранились скелеты взрослого и несовершеннолетнего—по-видимому, матери с ребенком, лежащих «в обнимку», на боку, в сильно скорченном виде.

Фрагментированный, характерный двуручный кубок, плоская чашечка с отогнутым венчиком, спирали из медной проволоки, цепочка также из проволоки, пара простейших бронзовых сережек, миниатюрная фибула со сломанной железной иглой, разновидные бусинки из голубоватой и белой пасты, а также несколько крупных, чудесно отшлифованных бусин из сердолика красновато-темно-коричневого оттенка составляли весь инвентарь погребения. Картина стратиграфического залегания этого кувшинного погребения та же, что и у прежних. Непосредственно над ним располагалась обмазка полуразрушенного урартского дома с мощным слоем угольков и золы, с обрывками стен, сохранившихся на южной и западной сторонах погребения.

Последнее погребение открыто при строительных работах, к северо-западу от описанного, на расстоянии 400—500 м. Захоронение было совершено в вертикально стоящем кувшине светлоглиняного цвета, простого, среднего размера, горловина покрыта глиняной чашей. При осмотре местности на дне траншеи валялись черепки упомянутых сосудов и разрозненные кости скелета. Из этого погребения рабочие сохранили несколько фрагментов кольцевых круглого сечения браслетов и два малых браслета с тонкой гравировкой плоских змеиных головок на концах (рис. 19а—б).

Подытожив данные о могильнике, можно считать установленным следующее. Погребения, открытые за последние годы, тянутся по линии на северо-запад, общей протяженностью около 1000 м от крайне западного холма Нор-Армавира до колхозной теплицы. Хотя на этой линии обнаружено около десятка разрушенных или полуразрушенных могил, они указывают на очень большую площадь, занимаемую им в свое время. Могильник

[8] *Б. А. Куфтин*, ук. соч., рис. 29.

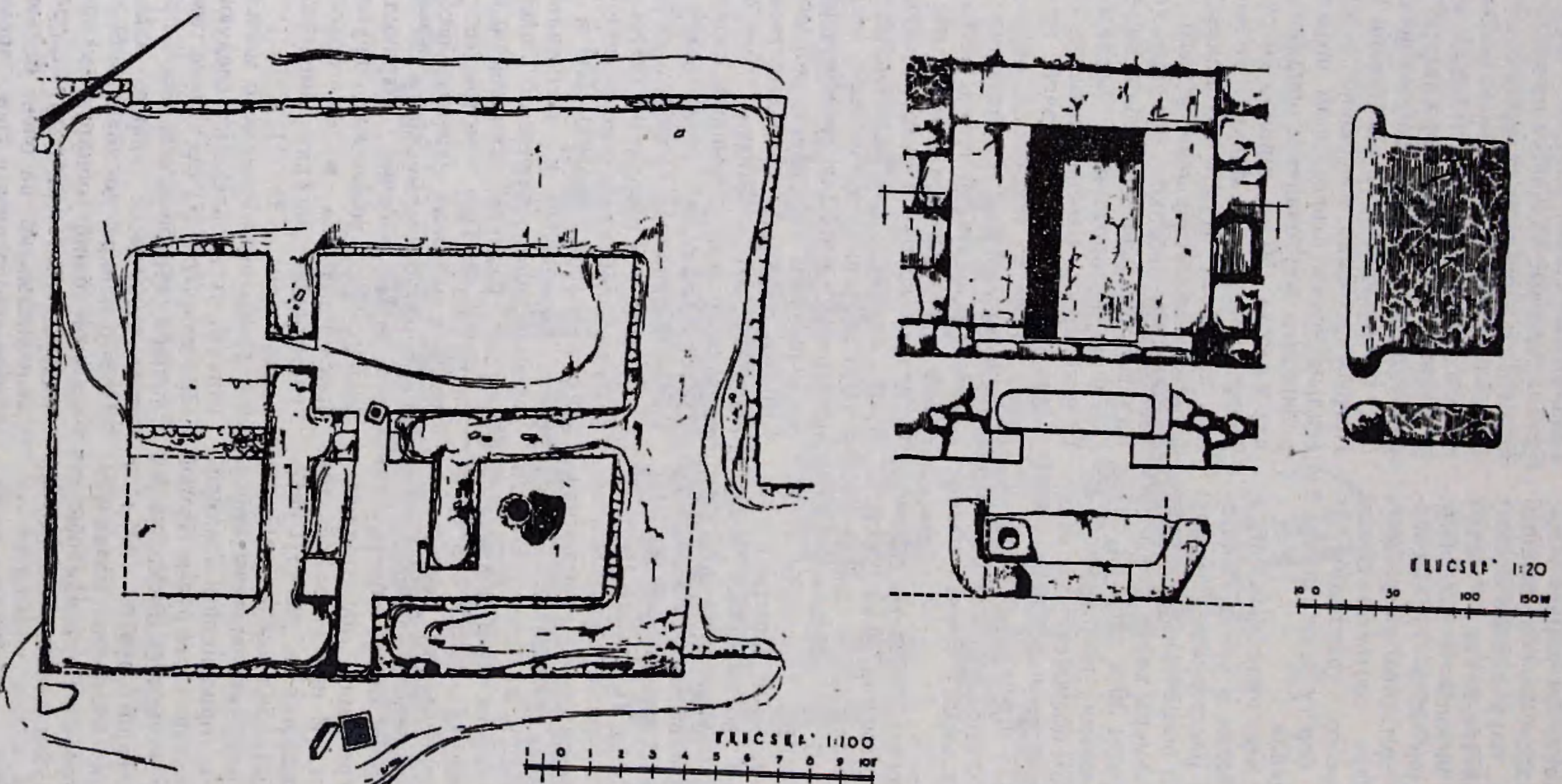

Рис. 32. Малый храм, план (зап. крепость).

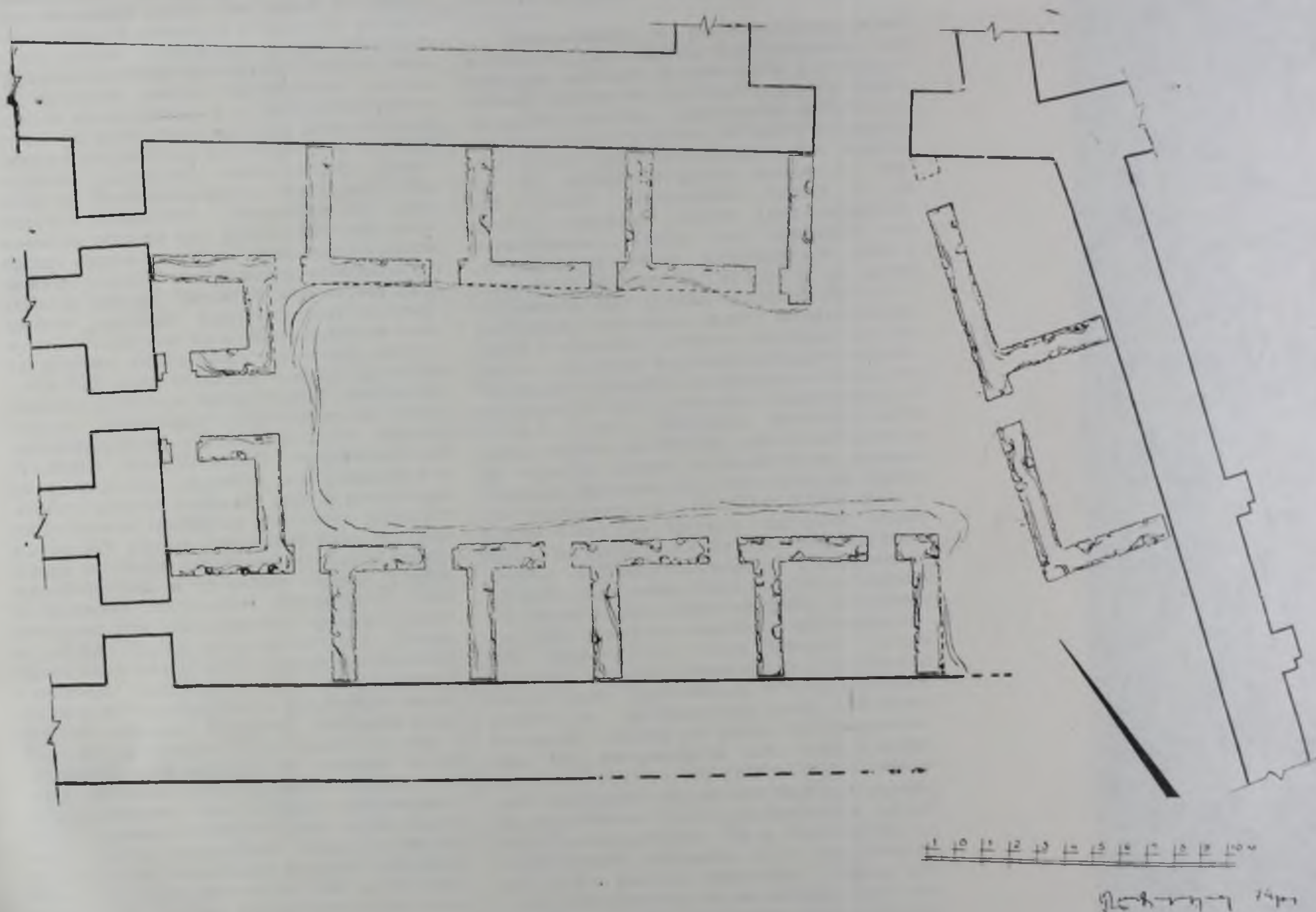

Рис. 33. Помещения центрального двора.

этот примыкает к западной крепости Аргиштихинили и принадлежит ему. Он вполне может датироваться первой половиной VIII в. до н. э., вернее, временем правления Аргишти I, так как при закладке нового городского квартала над ним было даже забыто или не учтено его наличие в этом крайне северо-западном районе города. Могильник этот принадлежал, по-видимому, низшему сословию населения города. Это видно из чрезвычайно бедного инвентаря погребений, из форм и назначения погребальных урн, каковыми служили изготовленные вручную наспех карасы, кухонные сильно закопченные сосуды, карасы из-под вина и т. п. Несостоятельность этого сословия колет глаз при сопоставлении личного «имущества» их захоронений со всеми другими урартскими могильниками, известными из Эребуни-Еревана, Мецамора, Малаклю и Алтын-тепе. Возможно, что здесь покоятся останки тех, руками которых добывались камень и глина, проводились оросительные каналы, выполнялись всевозможные тяжелые работы. Вероятно, именно под ними кроется довольно многочисленная и совершенно бесправная прослойка населения города, которая обозначалась терминами «раб» — «Lú ERE» или «пленный»—«Lú-U-tú-t ú-ḫe» сохранившимися в клинописных документах города Тейшебаини[9]. Нет сомнения, что в Аргиштихинили существовали и богатые гробницы представителей провинциальной знати, которые, вероятно, «устраивались» в многочисленных пещерах, либо в специально сооруженных гробницах в виде двух-трех комнатных жилищ. Это может быть подтверждено наличием обширных скальных сооружений-гробниц в стольном городе Тушпа, в крепостях Бостанкая[10], Каяли-дере[11], Тейшебаини. При обследовании крупных пещер в ущелье Раздан напротив цитадели Тейшебаини были обнаружены фрагменты чудесной урартской керамики и следы сожжения— достоверные свидетельства урартского погребального обряда. Вероятно, гробницы вельмож Аргиштихинили были ограблены еще в древности и мы никогда не нападем на их следы. В таком случае придется ограничиться предположением, что гробницы аристократической и военно-служилой знати этого города могли быть, по-крайней мере, такими же богатыми, как погребения вельмож городища Алтын-тепе. При раскопках этих богато меблированных гробниц обнаружено колоссальное количество изделий урартских ремесел, ювелирного дела и искусства: остатки богатейших разноцветных одеяний, масса золотых украшений, очень тонких изделий из слоновой кости, чудесные бронзовые пояса, даже огромные культовые котлы и прочий инвентарь для вечно живущего духа мертвых. Эти вещи, сами по себе, представляют большой интерес, отображая влияние культуры урартов на соседнюю Фригию, Кипр, Грецию[12], Этрурию.

Возвращаясь к рассмотренному выше материалу, мы можем констатировать, что западная крепость Аргиштихинили, с примыкающей частью внутреннего города и огромным могильником, содержащим останки нескольких тысяч бедняков, является тем ядром, к которому позже добавлены жилые кварталы на крайне западном холме, за южной стеной внутреннего города и на крайне западном участке (над огромным могильником). Почти нет сомнения, что эти кварталы могли возникнуть в связи с постройкой со стороны Сардури II па холме св. Давида двух храмов (надпись 1965 г.) и разбивкой фруктовых садов, виноградников, полей с посевами, которые простирались, вероятно, по длине большого азайского канала. Масштабы застроек показывают, однако, что расширение этих кварталов продолжалось и в VII в. до н. э. Кварталы восточной части города плохо различимы, еще не открыты и не изучены, однако клинообразные надписи Сардури, происходящие из восточной крепости, указывают, что в 60—50 гг. VIII в. до н. э. в этой части сын Аргишти построил новые кварталы («город новый»), основал комплекс храмов («священный город») и достраивал крепость. Как выше было указано, в восточной части города новые постройки появились и в годы правления одного из последних царей Урарту, Русы, сына Эримены. Таким образом, стратиграфические и клинописные данные ясно показывают, что строительные работы не прекращались здесь с момента основания города до конца его существования. Он застраивался все шире и шире, составляя синтез «городков», вернее городских кварталов, возводимых разными царями, но сохранивших свое первоначальное единое имя—Аргиштихинили. Ни в Хорхорской, ни Сардуровской летописях, ни в многочисленных других текстах, найденных в городе или в его окрестностях, мы не находим для него никакого другого названия теофорной или династической формы. Это обычная черта древневосточного и, в частности, урартского

---

[9] *И. М. Дьяконов*, Урартские письма и документы, М.—Л., стр. 34, текст № 4; стр. 34—35, текст 5.

[10] *C. A. Burney* and *G. R. J, Lawson*, Measured plans of urartian Fortresses, AS, v. X, 1960, стр. 194—196.

[11] *C. A. Burney*, A first season of excavations at the urartian citadel of Kayalidere, AS, v. XVI, 1966, стр. 108-111.

[12] *Tansin* Özgüç, Excavations at Altin-Tepe, Türk Tarih Kurumu Belleten, Ankara 1961, рис. 14—24, а также. Թ. Օզգյուչ, *Հնադարյան Արարատը, «Գարուն», 1966, № 8, էջ 19—20։*

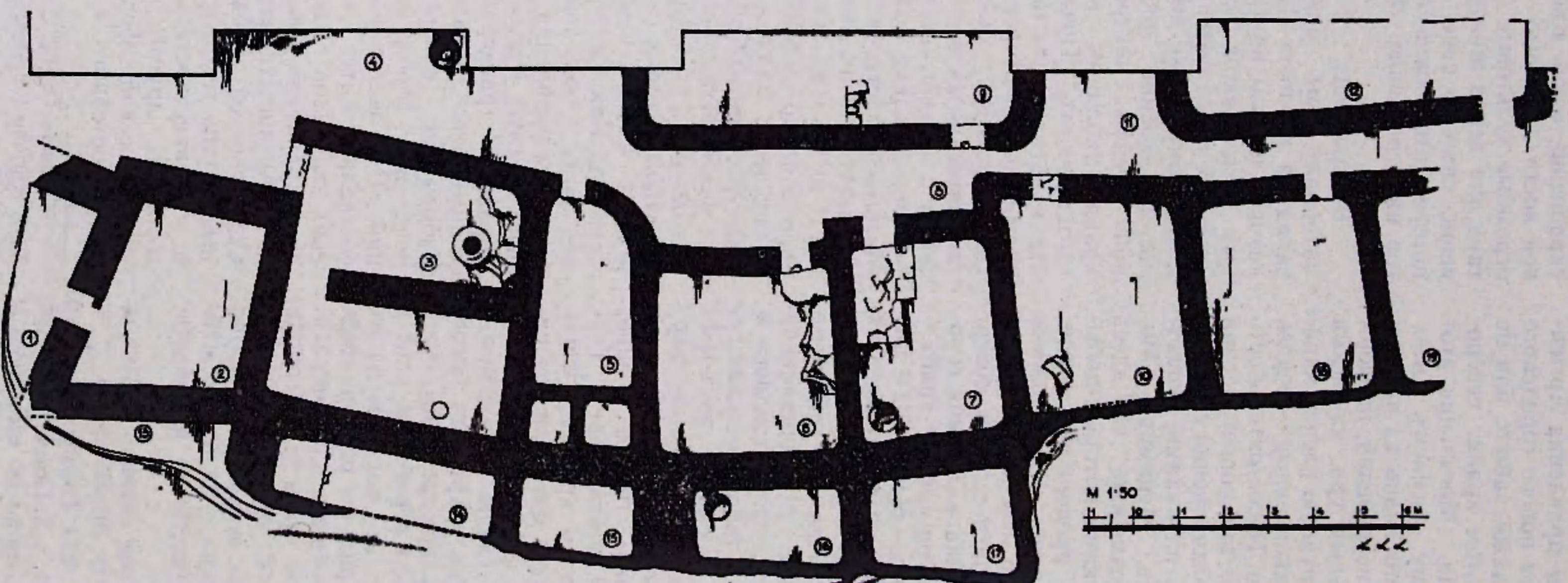

Рис. 34. Позднеурартские хижины второй террасы.

градостроительства. В строительстве города Тушпы принимали участие все урартские цари начиная с Сардури I. Богобоязненные и благочестивые, они всегда считали делом чести возобновление старых и возведение новых культовых и гражданских сооружений в различных городах и никогда не меняли названия города. Даже аккадские властители, предпринимавшие некоторые восстановительные работы в шумерских городах, не меняли их старых названий. Так было и в урартском городе Эребуни (Ереван), застроенном тремя царями (Аргишти I, Сардури II, Руса III). Руса III построил здесь сравнительно большое здание аги, с содержимостью в 6848 капи[13], в пять раз больше, чем подобное сооружение того же Русы III в Аргиштихинили. Однако из-за этого название города не изменилось. Этот принцип градостроительства на Востоке сохранялся и в период эллинизма. Древняя Антиохия, например, состояла первоначально из одного лишь квартала («города»), построенного Селевком Никатором в честь отца. Затем в разное время (при Антиохе III, Антиохе IV) построены другие кварталы и город,—как сообщает Страбон—составляет уже Tetrapolis. Именно так был создан Аргиштихинили усилиями многих поколений.

При разведочно-рекогносцировочных работах на восточной половине Аргиштихинили, кроме урартских древностей были выявлены также культурные напластования послеурартской эпохи, относящиеся к древнейшей столице Армении—Армавиру. Еще в 1880 году Уваров и Ерицов у восточной подошвы большого армавирского холма открыли несколько погребений послеурартского времени, в которых были обнаружены монохромно и бихромно расписанные сосуды, агатовый перстень, разноцветные бусы из стекловидной пасты, бронзовые браслеты с выгибом[14] и другие вещи, основную часть которых можно датировать позднеахеменидским и раннеэллинистическим временем; а отдельные вещи—сасанидским периодом. Новые случайные находки послеурартского времени сделаны и позже (1936) к западу от уваровских мест, на расстоянии 1—1,5 км, в пределах с. Нор-Армавир. Это крупный фрагмент полихромно расписанного сосуда эллинистического периода, покрытого красными, белыми, черными узорами треугольников, сеток и фестонов, а также чрезвычайно интересный сосудик бордового цвета, покрытый желтыми треугольными шевронами и цветками лотоса (инв. 2129/157 ГИМ Армении)[15].

К северо-западу от большого армавирского холма, в пределах северо-восточной окраины с. Бамбакашат было разрушено в свое время маленькое взхолмление, под которым оказались массовые руины построек, базы от колонн и другие архитектурные детали, колоссальные карасы, фрагменты сосудов смешанного урарто-ахеменидского типа и даже большое количество золотых изделий. По сведениям Месропа Смбатянца именно в этой части Бамбакашата (Молла-Баязеа) была найдена одна из надписей Сардури II, которая могла оказаться здесь при постройке новых кварталов Армавира. Все эти находки ясно показывали, что древности, связанные с историческим Армавиром, простирались на восточной окраине бывшего урартского города, охватывая пространство восточной крепости и его окрестностей, на площади около 2 км в южно-северном и 2 км в восточно-западном направлениях от большого холма. Создавалось такое впечатление, что продольные оси этих двух совмещенных городов перекрещивались—Аргиштихинили тянулся в западно-восточном направлении, а Армавир—в южно-северном. Возникла задача уточнения соотношения этих двух городов, частично перекрывавших друг друга. Выяснение ее началось с 1962 года наземным обследованием местности. Уже в 1964 году сделаны первые интересные раскопки в доме № 2, второго квартала Аргиштихинили, у подножья холма D. В помещении № 4 этого дома, ниже отметки урартской кладки и выше пола (на 10—15 см), в урартском культурном слое оказалось кувшинное погребение, содержащее разрозненные косточки черепа и шейных позвонков ребенка, а также кости мелкого животного. Рядом обнаружено синхронное погребение другого типа, впущенное в тот же урартский культурный слой. Камни, покрывающие его, находились ниже верхней отметки урартской степы, а дно—выше пола. Погребение было обложено по бокам кусками рваного камня малого и среднего размера. Костяк располагался на левом боку, в скорченном виде, головой на восток. По конструкции, условиям залегания и виду захоронения это погребение не отличалось от кармирблурских, датированных V—III вв. до н. э.[16].

У шейных позвонков и за спиной погребенного оказалось пять сосудов: черный горшочек с широкой горловиной, сосудик с

[13] *Н. В. Арутюнян, К. Л. Оганесян,* Новые урартские надписи, ВДИ, 1970, № 3, стр. 111 (надпись № 10).

[14] *Б. А. Куфтин,* ук. соч., стр. 17, рис. 20.

[15] Ն. Ս. Բայբուրդյան, *Հայաստանի գունազարդ կերամիկայի պրոբլեմը, ՀՍՍՀ պատմության և գրականության ինստիտուտի Տեղեկագիր, 2-րդ, էջ 291։*

[16] *А. А. Мартиросян,* Город Тейшебаини, стр. 140. рис. 64.

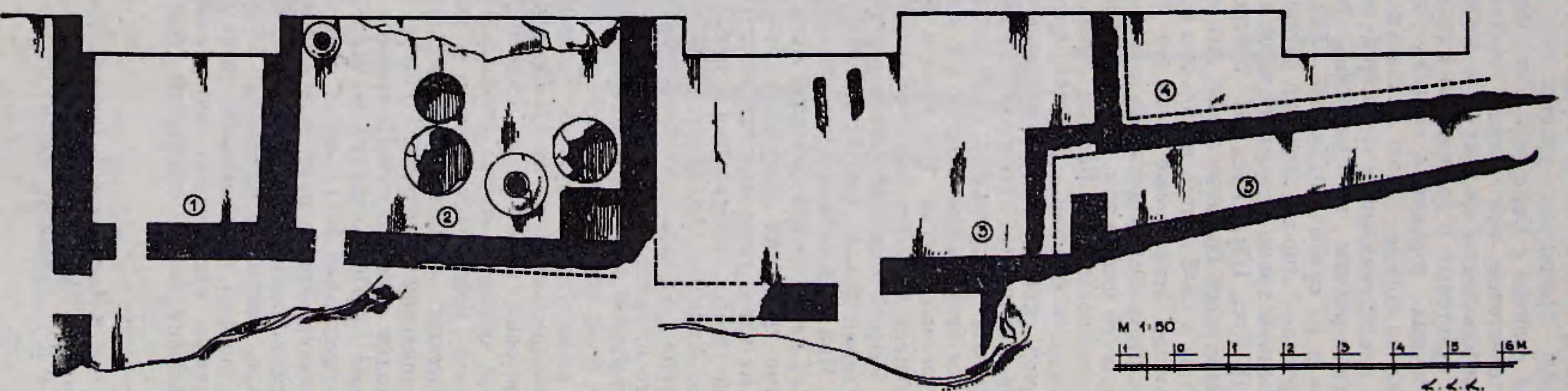

Рис. 35. Дом металлурга (план).

Рис. 36а. Дома первой террасы (зап. крепость).

узкой горловиной и округлым донышком, очень схожим с урартскими (не расписными) и армавирскими расписными сосудами, бомбовидный сосуд с узким горлышком, открытый горшок и малый сосудик розовато-красного или оранжевого оттенков. Все сосуды по формам и по фактуре связываются с урартскими, но несомненно являют собой продукцию раннеармянского производства (рис. 20). В другом доме (№ 3) этого же квартала, в по-

младенца с молочными зубами, косточками черепа и других частей. Маленькая серьга в полтора оборота, колечко и плоский браслет с горизонтальными полосками составляли украшение погребенного. Все они были изготовлены из бронзы. Под полом погребения (стерильный слой толщиной 10 см), в углу помещения № 2, располагался урартский хозяйственный уголочек с зернотеркой, характерным «пивным сосудом», красноангобпро-

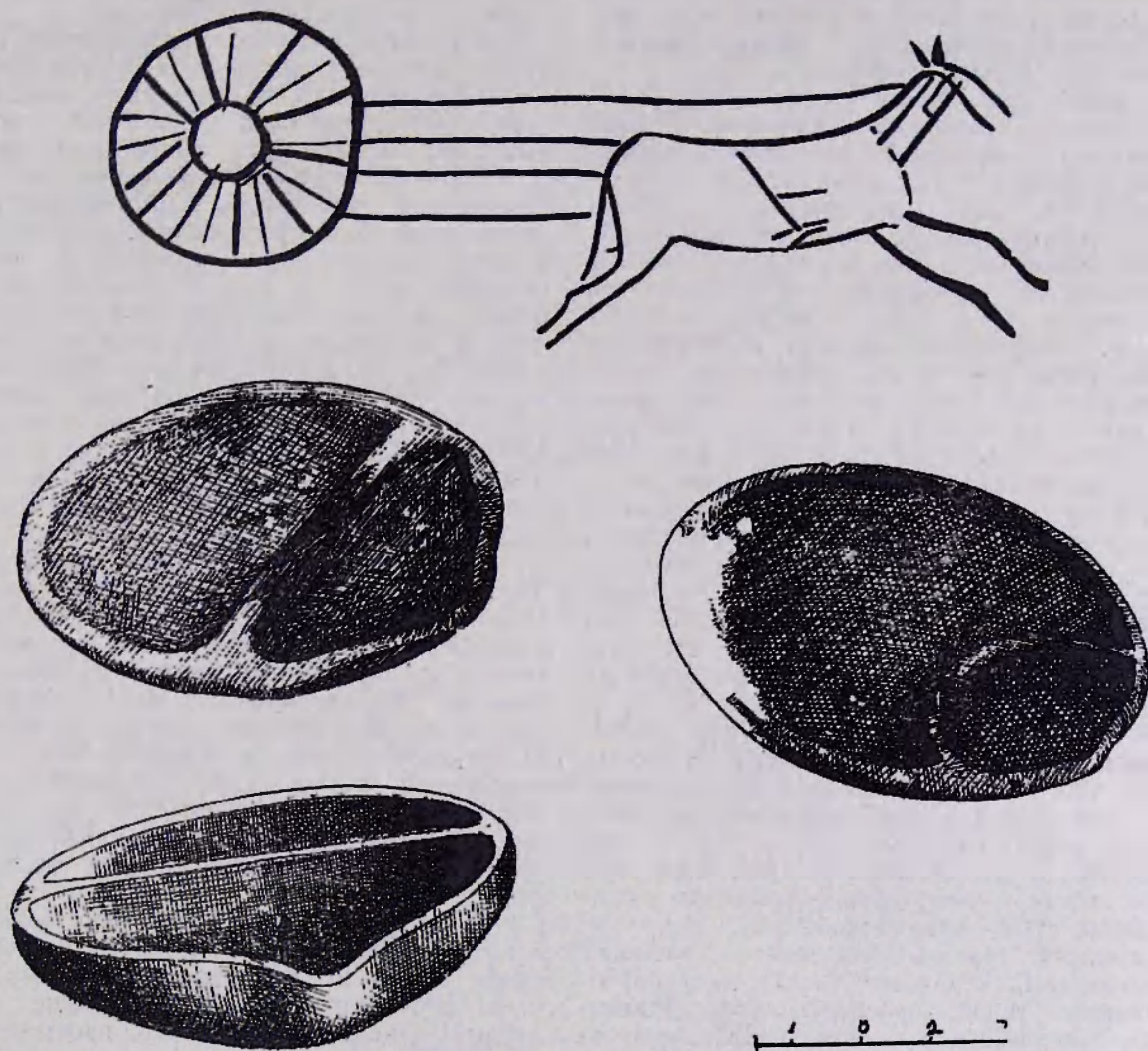

Рис. 36б. Колесница на борту караса и светильники.

мещении № 2 оказались аналогичные могилы в том же стратиграфическом залегании. Первая из них находилась у западной стены помещения № 2, почти на дневной поверхности. Стены ее были обложены с трех сторон полукругом, вертикально стоящими мелкими камнями, общая длина которых составляла всего 60 см. На глубине 70—80 см от поверхности были обнаружены остатки скелета

ванным большим горшком и другими вещами.

Второе погребение, оказавшееся в юго-восточном углу того же помещения, было сделано в яме без каменной обкладки, на глубине 25 см от дневной поверхности. В нем оказались плохо сохранившиеся остатки скелета, миниатюрный лощеный горшочек охристого оттенка, какие-то керамические фрагменты и очень маленький точильный камень

с отверстием наверху. В III урартском квартале, значительно западнее (1000 м) описанных, под завалом камней, в зольном слое дверного проема (дома № 1, помещение № 1) оказался сильно пострадавший череп с раковиной каури и бусинкой. В таких же неясных стратиграфических условиях обнаружен скелет в северном квартале Аргиштихинили. Отсутствие, малочисленность и нехарактерность вещей двух последних погребений не позволяют утвердительно говорить о принадлежности их именно к армавирскому времени, но таковое весьма вероятно.

Шесть-семь сильно разрушенных погребений этого же типа было выявлено на полу большого помещения второго дома центрального квартала Аргиштихинили. Они принадлежали к типу обнаруженных во втором квартале и в городских жилищах Тейшебаини, были сложены из мелкого камня и покрыты таковыми же. Основания их возвышались над полом урартского помещения на 10—15 см. Погребения залегали в урартском культурном слое и были перекрыты сверху затвердевшим глинистым слоем, образовавшимся от разрушения кирпичных стен здания. Следовательно, упомянутые захоронения раннеармянского периода были совершены здесь тогда, когда еще стояли кирпичные стены домов, разрушенных и опустошенных при скифо-мидийском штурме. Эти наблюдения показывают, что погребения Армавира или мелкие группы фамильных усыпальниц занимали значительные полосы II и III кварталов Аргиштихинили и крайне западная их линия проходила через второй квартал. Здесь кончалась черта Армавира, а за нею простирались руины Аргиштихинили еще на добрых 3 км, уже без раннеармянских интерполяций.

Еще более интересные данные получены в ходе работ на участке холма F, у изгиба ирригационного канала, которые наметили нам западную черту самого Армавира и ближайший стык урарто-армянской культуры. Указанный участок был сильно насыщен фрагментами керамики смешанных урарто-армянских типов, простирающихся на дневной поверхности в южном направлении до современного кладбища с. Налбандян, а в северном—до юго-восточных пределов с. Бамбакашат. Стратиграфический шурф был заложен в центре отмеченной площади, в километре на юго-запад от восточноаргиштихинилинской крепости. По срезам шурфа и окружающих песчаных карьеров выявлены фрагменты базальтовых цоколей с урартскими культурными слоями, которые были перекрыты более поздним напластованием и повторяли, таким образом, условия стратиграфического залегания рассмотренных выше погребений в руинах Аргиштихинили и Тейшебаини, а также общий порядок размещения горизонтов под западным отсеком оборонительной стены восточной крепости Аргиштихинили[17].

Возникновение жизни в обжитых уголках древнего города только что упраздненного урартского царства само по себе предполагает традиционно-эволюционное продолжение многих черт древневосточной городской жизни, в том числе и в развитии различных отраслей материального производства.

В рассматриваемых послеурартских погребениях и в срезе стыкового шурфа лучше всего представлены остатки керамического производства урартов и ранних армян, которые дают возможность судить о непосредственной преемственности и хронологической зависимости продуктов раннеармянского и эллинистического производства. Рассмотрим вкратце керамические поздне- или послеурартские изделия, происходящие из погребений и шурфа. Обнаруженный в погребении № 2 (II квартал) банкообразный продолговатый сосудик с округлым донышком, узкой низкой шейкой и буро-оранжевого оттенка по своим формально-морфологическим данным не отличался от урартских сосудов из Тейшебаини и Аргиштихинили, а также из степанаванского погребения, соответствующие слои которых относятся к VII—VI вв. до н. э. Трудноуловимые отличия чувствуются здесь в изломе черепка, в оттенке ангоба и в менее изящной форме. Другой погребальный сосудик этого типа также лишен росписи и отличается от урартских своим темноватым ангобом. Происходящие из этого погребения другие сосуды—простые горшки, бомбовидные и приземистые, с широкой или узкой горловиной, черных, бурых, розоватых оттенков, также с трудом отличаются от урартских. Все они имеют аналоги также в материалах стратиграфического шурфа и его окрестностей.

В самом шурфе выявлен очень большой и интересный материал, достойный несколько более детального рассмотрения. Это множество фрагментов упомянутых выше типов керамики, наделенных, однако, простейшими горизонтальными полосами росписи, выполненной в красном, черном, коричневом и бордовом цвете. Огромным количеством выделяются фрагменты чаш урартских типов (рис. 21), с разнообразно профилированным широким или узким венчиком, украшенным узенькими горизонтальными полосками красного цвета. Не менее редко встречаются чашечки с черной или красной окраской бортов, а также фрагменты несколько одутлова-

---

[17] *Г. А. Тирацян,* О расписной керамике древней Армении, Историко-филол. журн., 1965, № 3, стр. 265.

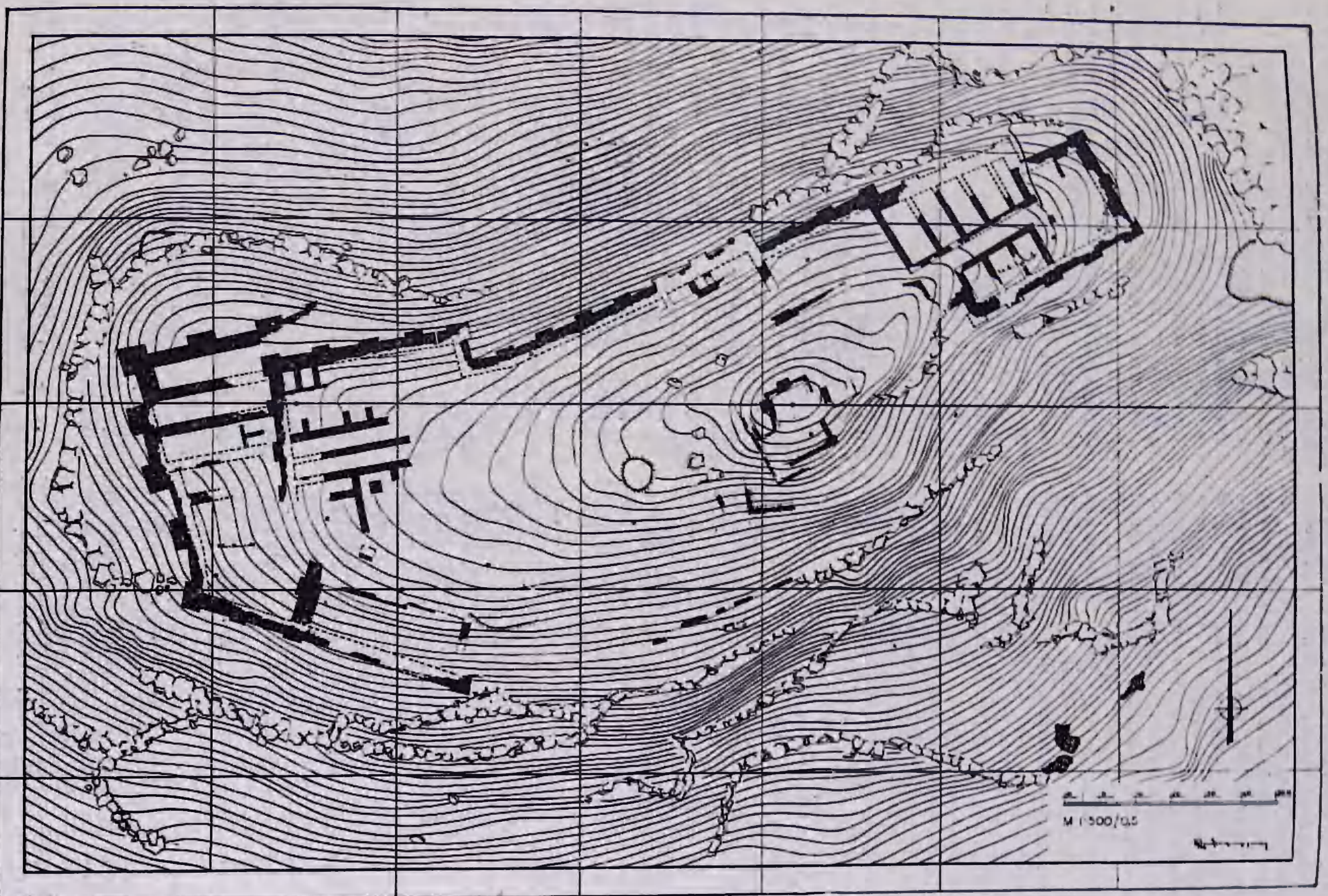

Рис. 37. Восточная крепость (план).

тых чаш с нависающими бортами, украшенными у верхнего среза тонкими цветными каемочками снутри и снаружи (рис. 22). Не отличаясь от урартских по основным формальным признакам, эти сосуды выявляют, помимо цветных линий, также некоторую специфику в изломе, ангобе и обжиге черепка. Хронологически с этой группой связываются также простые бурые сосуды с профилированным носиком, имеющие аналогии среди армянских материалов (рис. 23а—б). Не исключена возможность, что простейшая роспись сосудов описанных типов имеет урартское происхождение. Ведь из Тушпы[18] и Тейшебаини (IX—VI вв.) происходят расписные сосуды не только с простейшими, но и сложными узорами, близко напоминающими фригийскую роспись. Что же касается рассмотренных простейших узоров из Аргиштихинили, то они находят прямые аналогии в материалах III слоя Хасанлу (пласты А и В), на юго-западном углу урмийского озера и в других памятниках приурмийского района, прочно освоенных урартами со времен царя Ишпуини (последняя четверть IX в. до н. э.)[19].

Керамика из указанных слоев Хасанлу не отличается от рассмотренных по техническим и внешним признакам. Чтобы ближе разобраться в этом вопросе, следует рассмотреть и некоторые другие типы керамики из интересующего нас участка. Речь идет о серии фрагментов очень изящных чаш, богато расписанных по борту треугольными шевронами, заполненными сетчаткой, или же покрытых росписью целиком с внутренней стороны. К числу таковых принадлежит очаровательный сосудик розоватого ангоба с красной каемочкой с обеих сторон края борта и многолепестковым красным цветком внутри. Лепестки окаймлены черными линиями, а между ними очень тонкие треугольные узоры ромбической сетки, исполненной также черными линиями. Орнаментация сосуда не имеет прямых аналогий, однако здесь мы замечаем фригийскую манеру нанесения росписи, когда красные линии переплетаются с черными или лежат сверху их, чтобы создать полихромные ленты. С другой стороны, чрезвычайно тонкое треугольно-сетчатое заполнение этого и целого ряда других сосудов весьма характерно для иранских сосудов VIII—VI вв. до н. э. К указанной серии сосудов ближе всего стоит все же керамика западноиранского круга памятников: Хасанлу, Зивие, Калатгаха и др. Среди этих памятников хронологически лучше исследован Хасанлу. Привожу хронологическую характеристику того слоя памятника (III А, В), который содержит керамику описанного выше типа. Начало этого периода, по Р. Дайсону, падает примерно на 700 гг. до н. э., годы правления Саргона II, союза мидян с манейцами (надо добавить и с арменами.—*А. М.*) и основания столицы их—Экбатаны. Предшествующий ему IV период датируется бронзой скифского стиля VIII—VII вв. до н. э., с которой в некоторой мере сочетается керамика III В периода. Основная форма керамики—так называемая «треугольная» (по характерной росписи треугольных шевронов)—распространяется по всему западному Загросу (Маку, центральный Курдистан, Зивие, Керманшах, Луристан, Гиян I), имеет некоторое отношение к IV периоду. Ранняя дата III В периода определяется урартской фибулой и наконечниками стрелы скифского типа. Средние даты, полученные радиокарбонным анализом, определяются 637±28 гг. до п. э. По своей керамике период этот связывается с двумя очень важными памятниками. Один из них Сиалк В, конец которого определяется по аналогии с кубанскими и днепровскими памятниками 600—579 гг. до н. э. Другим соприкасающимся памятником является Зивие, датировка предельного заселения которого по радиокарбонному методу определяется 611±56 и 610±±45 гг. до н. э. Треугольная керамика, характерная и для периода Хасанлу IIIВ и А, обнаружена здесь на поверхности верхних слоев и, следовательно, явно вступает в пределы 500 гг. Поселение Зивие имеет отношение к знаменитому Саккызскому кладу (R. Chirschman, Le Tresor de Sakkez, Artibus Asiae, т. III, № 3, 1950), исследователи которого все больше склоняются к высказанному нами еще в 1954 г. мнению о связи его с культурой скифов, о наличии в них позднескифских элементов литого и келермесского курганов, а также о появлении элементов раннеахеменидского периода (А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино, Ереван, 1954, стр. 78—79). В качестве основной датировки клада ныне предполагаются 625—600 гг. до н. э. Появление клада связывается с периодом после скифской оккупации (653 г.)[20].

Последним и самым интересным памятником рассматриваемого круга северо-западного Ирана является Калатгах, урартское городище, основанное, вероятно, Ишпуини

[18] *H. H. Osten*, Die urartaische Töpferei aus Van..., Orientalni, v. 21, 1952, стр. 307—328.

[19] *Robert H. Dyson*, Jr. Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu, Journal of Near eastern studies, vol XXIV, N 3, July 1965, стр. 204—208, рис. 9, 10, 13, а также A SURVEY OF PERSIAN ART, vol XIV, April-may, 3, 1960, *Robert H. Dyson*, Early cultures of Solduz... стр. 2964—2966, рис. 1036, 1037.

[20] *R. H. Dyson*. Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu, Journal of near-eastern Studies, v. XXIV, N. 3, 1965, Cicago, стр. 203—208.

Рис. 38. Второй жилой квартал Аргиштихинили.

между равнинами Ушну и Солдуза, на высоких холмах, напоминающих рельеф Аргиштихинили. У подножьев холма найдены надписи Ишпуини и Менуа, отца основателя Аргиштихинили (810—786 гг. до н. э.), которые указывают на непосредственную хронологическую связь между двумя памятниками, а также сосуд с большими треугольными шевронами и гиревидная печатка из белого камня, имеющие поразительные аналогии среди материалов Аргиштихинили[21].

Удивительным образом совпадают также образцы керамики, собранные на указанном участке Аргиштихинили и на площадке Калатгаха. Здесь встречены многочисленные фрагменты типично урартских сосудов, даже с блестящим «ванским» ангобом, вместе с фрагментами керамики, расписанными простыми или сетчатыми треугольниками, украшающими внутреннюю сторону чашек и кринок. Исследователь предварительно датирует этот слой третьим периодом железа (после IX в. до н. э.), сопоставляет с Хасанлу, Зивие, Топрах-кале, Тилки-тепе и Алтын-тепе, оставляя вопрос открытым. В овете приведенного материала несомненно лишь то, что расписная керамика ранних типов, встреченных в Аргиштихинили, в ареале от Тушпы до Зивие возникает в пределах урартской культуры, вероятно в конце ее развития, и далее развивается при ранних ахеменидах.

Намечаемые связи раннеармянской керамики с вещественными памятниками Зивие, Хасанлу и других объектов приурмийской области являются весьма закономерными по той простой причине, что в IX—VII вв. эта область являлась именно ареной урартской культуры, ассиро-урартской борьбы, ареной проникновения культуры этих могучих древневосточных держав и скрещивания их с местной маннейской. Связи этих районов с Арменией и, в частности, Аргиштихинили не исчерпываются вышеприведенными материалами. Из помещения № 3 (дом № 3) происходит урартский шаровидный горшочек с откаткой цилиндрической печати, с изображениями чередующихся пар козлов и львов, опирающихся передними ногами на древо жизни. Этот мотив повторяется на резной кости, происходящей из урартского слоя большой карасной кладовой на западном отсеке восточной крепости. Этот мотив в различных вариантах повторяется на голубом сосуде Хасанлу (IX в. до н. э.)[22], на плакетке слоновой кости из Зивие (VIII и VII вв. до н. э.)[23] и на золотой пекторали Саккызского погребения (VII в. до н. э.)[24]. Из Зивие происходят чудесные гравировки, исполненные в урартской манере и изображающие вельможу с подчиненными и подносивших дань иранцев[25]. Наконец, с иранским, мидийско-ахеменидским кругом связывается золотая пектораль восточной крепости Аргиштихинили, датированная VI—V веками[26]. Это именно тот период, когда, по свидетельству Мовсеса Хоренаци, армянские предводители осуществляли оживленные контакты сначала с мидийцами, а затем, вероятно, и с ахеменидами.

Возвращаясь к разбору некоторых других типов керамики, найденных на площади шурфа и его окрестностях, следует отметить, что они также прочно увязываются с урарто-иранским культурным кругом. Прототипы первой группы сосудов представляют собой тонкостенные, изящные полусферические чашечки, с темно-красным «ванским ангобом» VIII в. до н. э., которые особенно часто встречаются при раскопках Аргиштихинили (рис. 24а—б) и, по сути, повторяются в вотивных металлических чашах, снабженных надписями урартских царей VIII века. В конце VII—V вв. до н. э. они претерпевают изменения в ангобе и в форме, украшаются монохромными простейшими горизонтальными линиями в верхней части борта. Розоватый или кремневый фон этих сосудов покрывается по бортам линиями коричневых, серо-коричневых или красных тонов. Нам думается, именно этот вариант чаш относится к раннеармянскому (ахеменидскому) периоду. Однако в серии этих чашек наблюдается и дальнейшее развитие, появляются очень изящные, богато расписанные монохромные или полихромные чашечки, которые, несомненно, относятся к эпохе эллинизма, с вероятной датой IV—III вв. до н. э. (рис. 24в—г). Полусферические чашечки, украшенные последовательными рядами «галочек», лучеобразными или крестообразными расписными фигурами, известны как по случайным находкам, так и из послеурартских слоев Армении. Тонкая чашечка несколько иной формы, но с крестовидным черным узором дна и широкими бортами, совпадающими с узорами сосудов музея Армении, была обнаружена в гарнийском некрополе вместе с драхмой

---

[21] *O. W. Muscarella*, Qalatgah: An urartians site in Nortwestern Iran, Expedition, v. 13, N 3-4, Pennsylvania 1971, стр. 44—49.

[22] *E. Porada*, Alt Iran (Kunst der Welt), Baden-Baden, 1962, стр. 113—114.

[23] Там же, стр. 124, рис. 69.

[24] Там же, стр. 127.

[25] Там же, рис. 65—66, Эдит Порада, сопоставляя изображение с вельможен с ассирийскими рельефами времен Тиглат-Паласара III (745—727), считает эти вещи ассирийскими (стр. 118).

[26] *Г. А. Тирацян*, Золотая пектораль из Армавира, СА, 1968, № 4, стр. 190—197.

Александра Македонского и другими вещами раннеэллинистического периода[27].

Такую же историю развития имеет и другая группа сосудов, встреченная в районе шурфа. Это так называемые пиалы, урартские прототипы которых известны из западной крепости (фрагмент) и третьего квартала Аргиштихинили (рис. 25а—б). Из других урартских городищ известны близкие к ним формы металлических пиал. Однако они получают очень широкое распространение в Армении, Закавказье и Иране именно в период Ахеменидов и доживают в Гарни до I века. Пиалы из рассматриваемого участка Аргиштихинили, представленные множеством фрагментов, принадлежат, несомненно, к послеурартскому времени (рис. 25в—г). Они тонкостенны и изящны, покрыты розоватым или оранжевым ангобом, имеют высокие, прямые борта, отделяющиеся от донца резким уступом, характерным для определенной группы чаш урартского происхождения. Эти образцы отличаются от вышеупомянутых урартских лишь красной окраской, которая покрывает борт сосуда снаружи и снутри широкой единой полосой или же горизонтальными коричневыми линиями. Хронологически очень близкие аналогии этих сосудов происходят из Джраратского раннеармянского могильника V—IV вв.,[28] погребальные инвентари

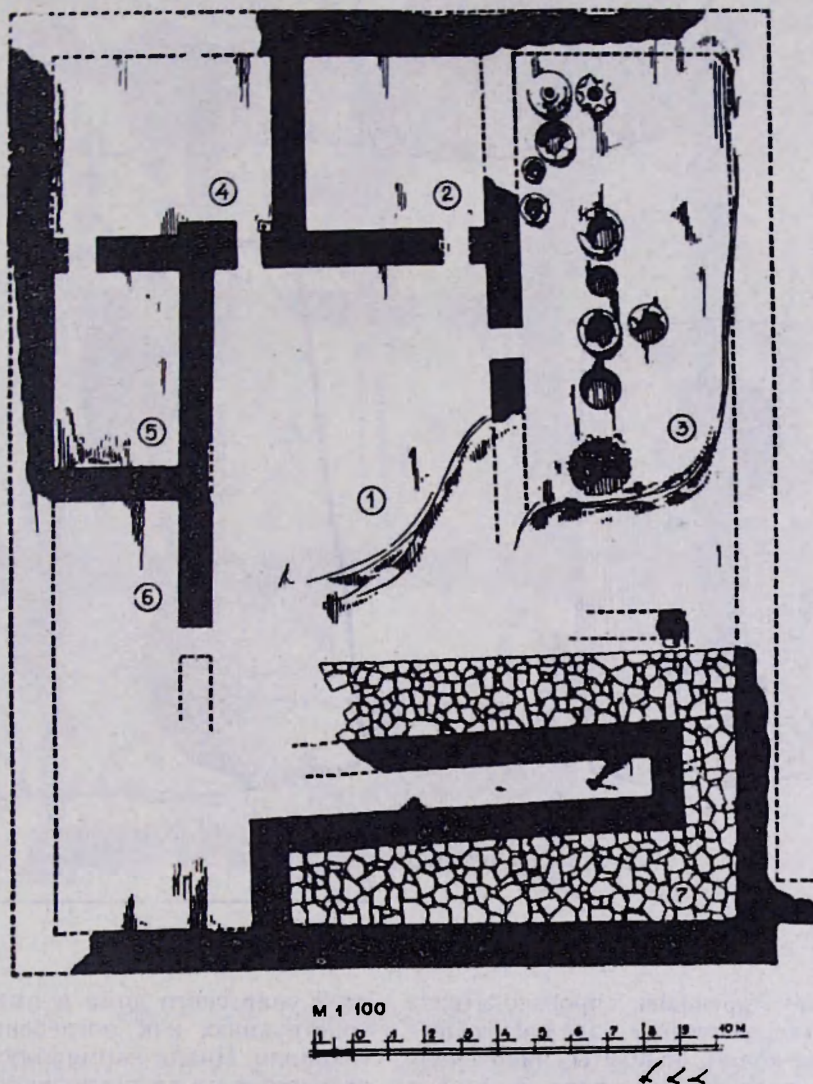

Рис. 39. Дом № 1 второго квартала Аргиштихинили.

[27] *Г. А. Тирацян*, О расписной керамике древней Армении, Историко-филол. журн., 1962, № 2, стр. 267, табл. II, рис. 1.

[28] *А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян*, Новые данные о материальной культуре древней Армении, Изв. АН АрмССР, № 8, 1961, стр. 77.

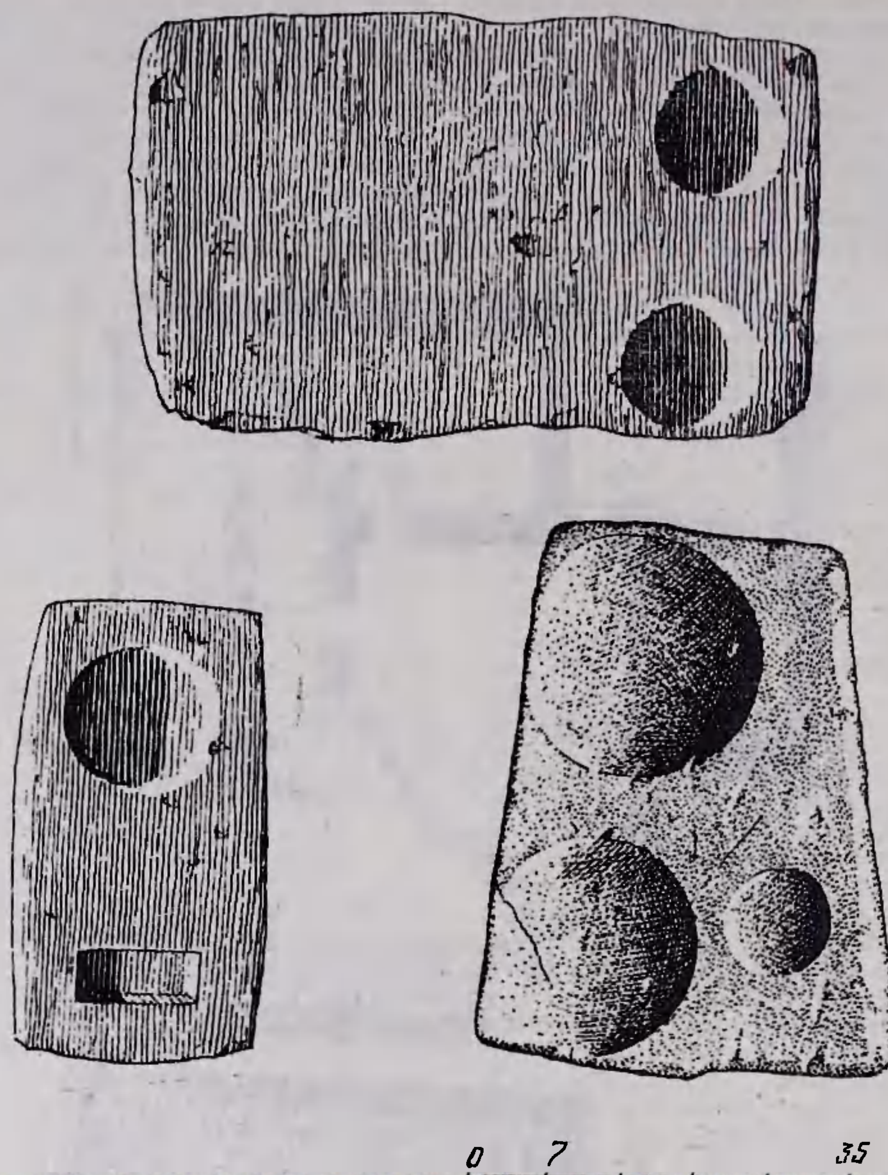

Рис. 40. Туфовые подставки культовых сосудов.

которого сочетают древнюю производственную традицию (керамические изделия, железные наконечники копий, браслеты, наконечники стрел позднескифского типа и пр.) с некоторым количеством привнесенных элементов (браслеты с прогибом, геммы и пр.), не характеризующих отнюдь основную линию развития материального производства[29].

Сосуды из раннеармянского слоя Аргиштихинили имеют, однако, наиболее близкую аналогию в материалах кармирблурского погребения № 3[30], врезанного в культурный слой урартского дома и имеющего такую же конструкцию, как погребение № 2 в Аргиштихинили. Пиала кармирблурского погребения отличается от аргиштихинилинских лишь черным ангобом и отсутствием росписи на борту, имеет довольно близкую аналогию с бронзовым сосудом Персеполя[31], а также с сосудами из серебра и глины, найденными в центре Фригийского царства—Гордионе[32]. Слой этих находок (V) относится к ахеменидскому городищу (V в. до н. э.) и располагается под

[29] *А. А. Мартиросян*, ук. соч., стр. 145—146.

[30] Там же, стр. 141—143.

[31] *E. Schmidt*, Persepolis, 11, Chicago, 1955, табл. 68

[32] *R. Young*, The 1961 Campaign at Gordion, American Journal, v. 66, 1962, стр. 154—155, табл. 41, рис. 1—2

греко-фригийскими горизонтами с крайней датой нашествия на Гордион Александра Македонского (333 г. до н. э.). Чрезвычайно важно то обстоятельство, что вместе с этими гордионскими пиалами были обнаружены глиняные ритоны с головками быка и льва, на белом фоне которых сохранились росписи черной и красной красками. Исследователь отмечает, что эти ритоны продолжают древнюю традицию Гордиона. Бычьеголовый ритон шебанни, построенной в VII в. до н. э., однако отличается от них черно-белой росписью, покрывающей всю поверхность сосуда. Роспись состоит из жирных, волнистых линий, столь характерных для бихромной фригийской керамики урартского периода. Точно такими же волнистыми линиями и мелкой сетчаткой покрыта типично фригийская кружечка, найденная в одном из тумулусов Гордиона (Koetre Tumulus III) и декорпро-

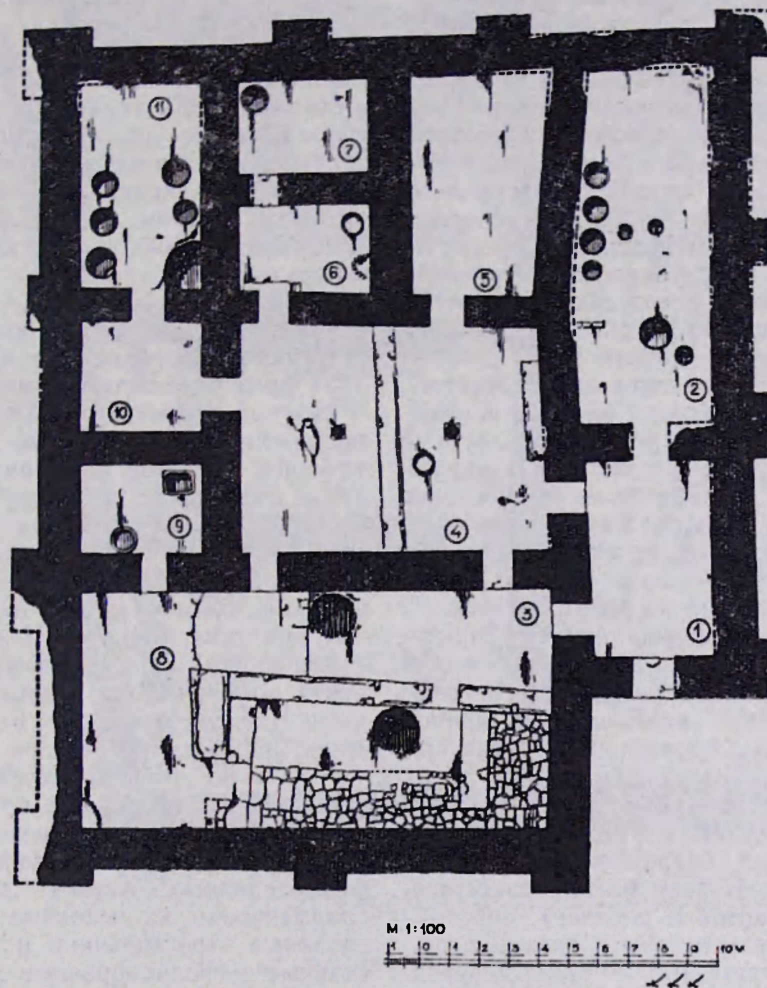

Рис. 41. Дом (№ 2) держателя печати (план).

Гордиона довольно близко подходит к протоме из Армавира, изображающего быка, не отличающегося от гордионского по ведущим признакам[33]. Возможно, здесь и начинаются культурные связи Армении и Фригии. В описуемом кармирблурском погребении найден также сообщающийся сосудик, который точно копирует форму многочисленных сосудиков этого типа, обнаруженных в цитадели Тейванная двуцветной техникой, в которой красные линии перемеживаются с черными или лежат сверху их, чтобы создать полихромные ленты[34]. Как мы убедимся ниже, точно такая же манера применялась и для раскрашивания армавирских сосудов. Третий сосуд кармирблурского погребения представлял собой одноручный малый кувшинчик, дериват кувшинов урартской эпохи с прорезными ручка-

[33] Вряд ли верна датировка, данная этой протоме Б. Н. Аракеляном на основе монеты Митридата II (123—88).

[34] *R. Young*, The Gordion Campaign of 1959, American Journal of Archaelogy, Vol. табл. 64, N. 3, Juli, 1960. стр. 64, табл. 56, рис. 7.

мн. Он имеет аналогии в материалах V в. до н. э. в Макарашене и Джрарате, а также в расписных сосудах кущинского погребения, цалкинского района Грузии, датируемого раннеахеменидским временем на основании серебряного перстня с изображением козы и типологически сходных перстней ахалгорийского клада[35]. Такой же хронологический облик имеют и другие изделия ранних погребений кармирблурского раннеармянского могильника. Речь идет, в частности, о бронзовых браслетах с прогибом, воспроизводящих контур ахеменидских золотых браслетов, найденных вместе со статерами Мелькарта из Ариды в царской гробнице Суз и в погребениях Грузии с монетами и чернолаковой привозной амфорой V—IV вв.[36]. Примерно так же определяется дата кармирблурского двуручного кубка, характернейшего элемента урартских погребений VIII в. в Аргиштихинили и священных уголков всех урартских строений. Они находят аналогии в сосудах, изображенных на рельефах дворца Ксеркса в Персеполе, в которых, по мнению ученых представлены армяне, преподносившие дары ахеменидскому царю[37]. Как и другие формы раннеармянской керамики, возникнув из урартских, двуручные раннеармянские кубки бытуют довольно долго. Фрагменты таковых были обнаружены в древнеармянской крепости Каранлуга (Мартуни), связанной с арамейской надписью армянского царя Арташеса I (190—160). Другая группа сосудов из района рассмотренных погребений и шурфа Аргиштихинили характеризуется наличием прямого носика в форме трубочки или трилистника и не связывается с урартской керамикой по происхождению. Подобные носики очень характерны для приурмийской керамики Хасанлу IIIб, Зивие и Сиалка В[38], относимых к 600—500 гг. до н. э. Описанный тип сосудов Аргиштихинили делится на две вариационные и хронологические группы. Первая из них слагается из простых (без ангоба и росписи) сосудов, которые могут быть отнесены к ахеменидскому кругу, в соответствии с приурмийской керамикой (рис. 23а). Вторая группа состоит из богато украшенных полихромных сосудов, тяготеющих скорее к фригийскому кругу доэллинистического или раннеэллинистического времени. К этой группе относится четыре сосуда: найденный случайно, краснокрашенный горшок с носиком в виде трилистника (рис. 23б) и описанный выше такой же горшок светлого фона, расписанный горизонтальными полосами, треугольными шевронами, гирляндой полукругов, исполненных красной, черной и белыми красками (рис. 23в). Формы этих сосудов точно соответствуют сосуду с петельчатой ручкой из Сиалка В, в одном случае повторяются также строение и расположение носика и ручки. Однако способ нанесения декоров горизонтальными фризами более характерен для поздней фригийской керамики. Такие формы и богатые узоры характеризуют два фрагментированных сосуда, найденных в шурфе. Это обломки узкогорлых кувшинчиков кремневого фона, богато украшенные полихромным двухъярусным узором (рис. 23в). Чередование орнаментов и красок следующее: две красные горизонтальные полоски, широкие черные (подтреугольные) листья, окаймленные коричневой каймой. Из-под острых углов каймы спускаются спиралевидно «крученые» узоры. Этот фриз отделяется от нижнего коричневой и красной полосками. Нижний фриз состоит из гирлянды полукружьев, заполненных коричневой краской, двух рядов гирлянд, черных и коричневых и повернутых вниз елочных деревьев (коричневых или черных). Роспись этих сосудов не имеет аналогий ни среди армавирских, ни среди переднеазиатских материалов, однако формы их более или менее приурмийские, а способ нанесения рисунка—фригийский. Таким образом, если даже имело место проникновение фригийских и иранских элементов, то они были использованы творчески, раннеармянская и эллинистическая керамика была вполне самобытна и возникла в основной своей массе на базе урартской. Что подобное проникновение могло произойти, свидетельствуют не только исходные вышеприведенные формы, способ нанесения орнаментов и их основные мотивы (заштрихованные треугольники и ромбы, горизонтальные и волнообразные полосы, зигзаги, длинные треугольные шевроны, сетка, волюты, гирлянды и пр.), одинаково характерные для фригийской[39], иранской[40] керамики VIII—VI вв. до н. э. и армавирской керамики[41] ахеменидского (раннеармянского) периода. Возможность проникновения элементов этих

[35] *Б. А. Куфтин*, Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, Тбилиси, 1948, стр. 7—9, табл. 3.

[36] *Б. А. Куфтин*, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, I, см. Могильник синхронической эллинистической или позднеахеменидской эпохи.

[37] *E. Schmidt*, Persepolis, 1, Chicago, 1953, стр. 82—85, 118, 135, табл. 29 А и В.

[38] *R. H. Dyson*, ук. соч., табл. 38, рис. II ряда сверху, табл. 40—41, табл. 49—нижние два ряда.

[39] *R. Young*, The Campaign of 1955 at Gordion, American Journal..., v. 60, 1956, табл. 94, рис. 46—49. Там же, 61, № 4, 1957, табл. 93, рис. 25, там же, 64, № 3, 1960, табл. 8, рис. 21, 22, 15, там же, 72, № 3, 1968, табл. 76, рис. 20, 30, табл. 75, рис. 26 и другие.

[40] *R. Dyson*, ук. соч., рис. 7, 9—10, 13.

[41] *Г. А. Тирацян*, ук. соч., табл. I, рис. 1—7, табл. III, рис. 1—2, 6—7, 10.

культур не может быть исключена тем более потому, что процесс этот являлся взаимным и упомянутые культуры сильно обогащались в начале I тыс. до н. э. под влиянием Урарту и в ахеменидское время. Фригия, Армения и Иран являлись большой ареной для «блуждания» взаимопереплетенных фольклорных мотивов, исторических преданий и ранних исторических сведений письменных источников.

выми ручками (рис. 26а, б)[42], аналогии которых известны из соответствующих слоев Армавира, Гарни и Двина. Широкое распространение множества вариантов этих сосудов в Алишаре, Халафе, Херсонесе, Ольвии и других местах указывает на их очень позднюю датировку (рис. 25). Это подтверждается, в частности, находкой фляги в мингечаурском погребении[43], относимом к III—I вв. до н. э.

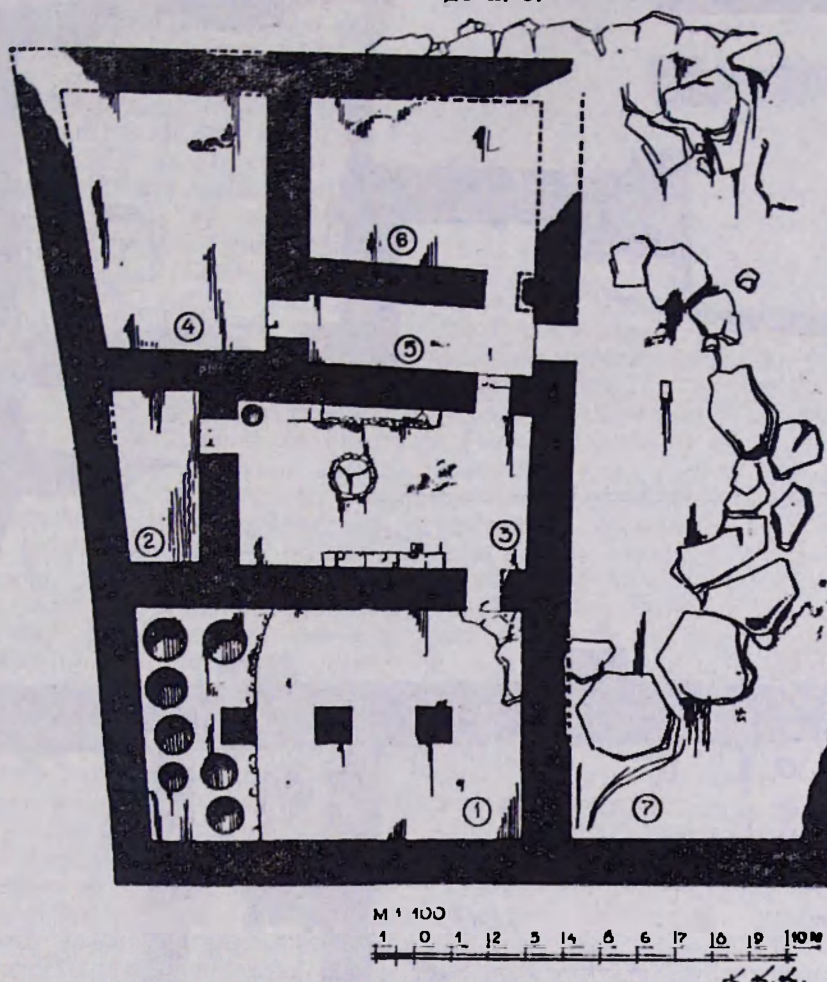

Рис. 42. Дом №3 (дом воина, план).

В материалах рассматриваемого района Аргиштихинили-Армавира представлена и группа предметов эллинистического и античного облика, указывающая на другую датировку и другое направление культурных связей древней Армении, как на это обратил внимание Г. А. Тирацян. Это направление охватывает в основном центры Греции, эллинистические Малую и Переднюю Азию и причерноморские греческие колонии. В эту группу входят многочисленные расписные фрагменты больших глиняных фляг, с равномерно вздутыми стенками, короткой шейкой и петлевидными боко-

В керамической серии исследованного участка представлен также очень любопытный фрагмент светло-кремневого фона, украшенный красно-коричневатой горизонтальной полоской, очень красивым и четким большим завитком. Фон сосуда, орнаментация и строение черепка вполне соответствуют большому сосуду гарнийского некрополя со вздутым

[42] Там же, стр. 277—278.

[43] *Т. И. Голубкина*, Археологическое обследование и раскопки кувшинных погребений в Азербайджане в 1953 г., Изв. АН АзССР, 1959, № 1.

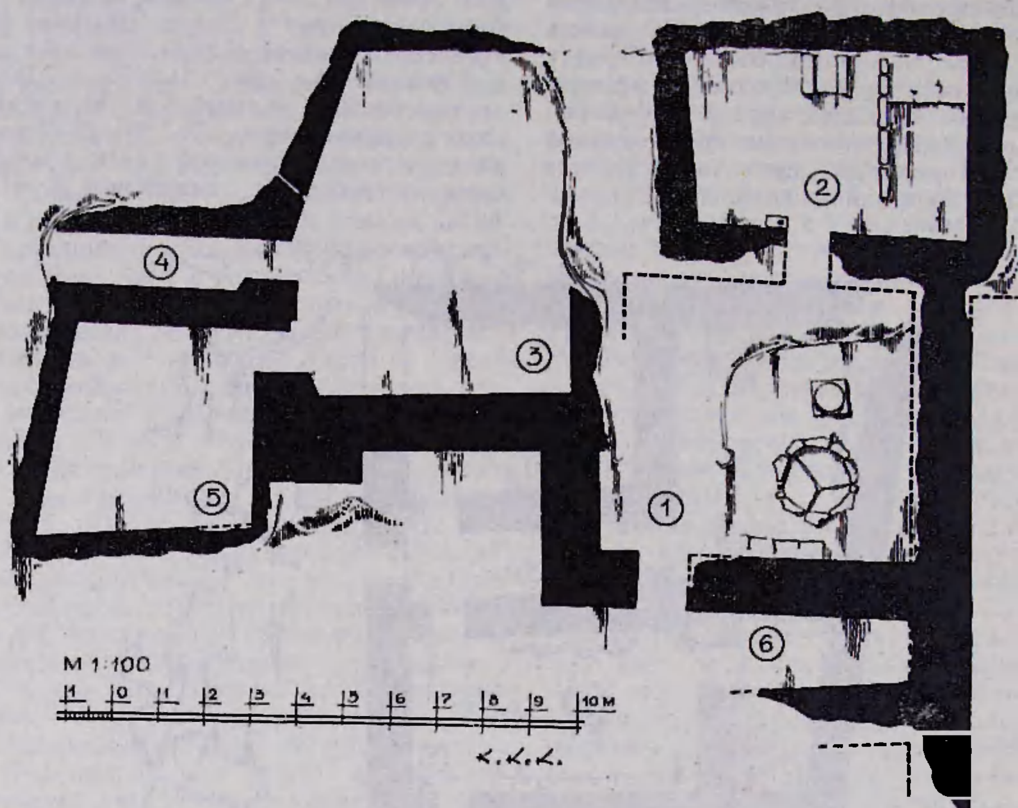

Рис. 43а. Дом № 4.

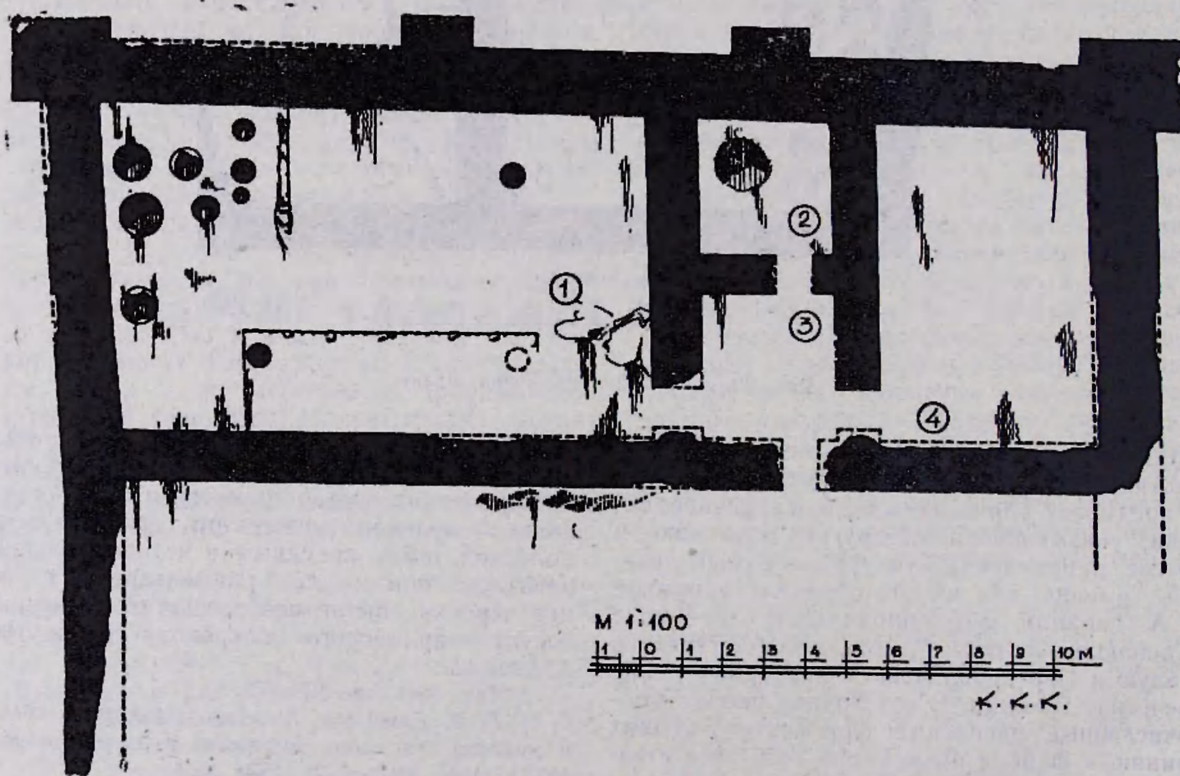

Рис. 43б. Дом № 5.

туловом и петлевидными, низко посаженными ручками (рис. 26г). Орнаментальные мотивы этих сосудов, как уже отмечено, совершенно явно связываются с западными центрами эллинистической керамики, известной по образцам афинской агоры, Северного Причерноморья, Александрии и Антиохии

Следующая группа сосудов из Аргиштихинили имела некогда, вероятно, урартское происхождение, но впоследствии сильно видоизменилась. В этой группе различаются два варианта баночных сосудов, один из которых лишен росписи и с трудом отличается от соответствующих урартских форм, а другой— сильно отошел от них, как по форме, так и по богатой росписи (рис. 27). Как показал Г. А. Тирацян[44], некоторые из них имеют продолговатые треугольные шевроны, а другие —цветки лотоса (ГИМ Армении, инв. 2129/157)[45]. Целый сосуд указанного образца имеет бордовый ангоб, желтые треугольные шевроны, желтоватого оттенка лотосовые стебли и такие же горизонтальные линии у основания. Ясно, что два указанных варианта баночных сосудов сильно разнятся хронологически. Первый из них относится к позднеурартскому и раннеахеменидскому времени, второй—к эллинистическому (рис. 27).

Последнюю группу фрагментов рассматриваемой керамики являют собою обломки полуяйцевидных или полусферических чаш, известных по новым раскопкам Армавира и восстанавливаемых по экземпляру, найденному в 1880 г. (рис. 28). Бихромная орнаментация этого сосуда образована черными фестонами, перевитыми черными и красными лентами. Западное направление параллелей этих сосудов и датировка III в. до н. э., предложенная Г. А. Тирацяном на основе их сопоставления с образцами из Ольвии, Александрии, Антиохии и Дура-Эвропоса, не вызывает особых возражений.

Рассмотренные выше материалы, характеризующие богатство и разнообразие керамики Армении в эпоху Ахеменидов и эллинизма (VI—I вв. до н. э.), показывают, что в основе ее развития лежало урартское гончарное производство, соответственно видоизмененное под влиянием ирано-фригийского, а затем ахеменидского и эллинистического культурного взаимопроникновения. Подобные результаты анализа послеурартской керамики вполне ассоциируются с анализом продуктов и других отраслей материального производства, а главное, с основными этапами развития политической, культурной и экономической жизни страны в период от VI до I вв. до н. э.

В результате рассмотрения стратиграфического залегания разнородных памятников на территории Аргиштихинили и анализа вещественных материалов, добытых при их изучении, мы получили большую и разностороннюю историческую информацию о судьбах Аргиштихинили и Армавира.

1. Заселение территории Аргиштихинили относится ко времени первобытнообщинного строя, когда на Араратской равнине процветала культура древнебронзового этапа. К концу III тыс. местные поселенцы переселились па новые земли.

2. К последней четверти II тыс. до н. э. в районе Аргиштихинили появились поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа, которые были уничтожены урартским нашествием.

Весьма вероятно, что не подлежащие сносу культовые памятники эпохи бронзы— система пещер и вырубленных в скалах сооружений использовались в религиозных целях и были превращены в составные части вновь созданных многочисленных храмов, посвященных почитанию разных божеств. Ведь пещерные святилища были сильно распространены в центральных районах Ванского царства.

3. Строительство города Аргиштихинили началось в первой четверти VIII в. до н. э. в западной ее части, возведением западной крепости и близлежащих кварталов, образовавших внутренний город. Затем, в годы правления того же Аргишти была возведена восточная крепость с окрестными кварталами. Западная черта городских построек во времена Аргишти I кончалась у подножья холма св. Давида, далее простирался большой могильник. В этот период на пространстве между двумя крепостями города было много пустырей. При дальнейшей застройке города потомками Аргишти I, главным образом сыном его, были расширены крепостные сооружения, сильно уплотнены существовавшие городские кварталы и созданы новые участки города к югу и западу от внутреннего города, а также в районе восточной крепости. Накануне скифо-мидийского нашествия город достиг колоссальных для того времени масштабов.

4. В городе Аргиштихинили и в подобных им центрах Ванского царства были созданы все предпосылки для развития материальной жизни и культуры раннеармянской государственности. Однако после гибели урартских городов, в результате мидо-иранского владычества и вассального положения Ервандидов городская жизнь в Армении деградировала

---

[44] *Г. А. Тирацян*, ук. соч., стр. 268, табл. II;

[45] Там же, стр. 266—267, табл. II, рис. 1; табл. I, рис. 7.

вплоть до Арташесидского царства (II в. до н. э.).

5. Созданная на восточном участке Аргиштихинили резиденция ервандидских князей под именем Армавир значительно уступала прежнему городу в масштабах занимаемой территории, ирригационной сети, отраслей материального производства. Для нужд верховной военной касты и жречества Ервандидов предназначалась бывшая восточная кре-

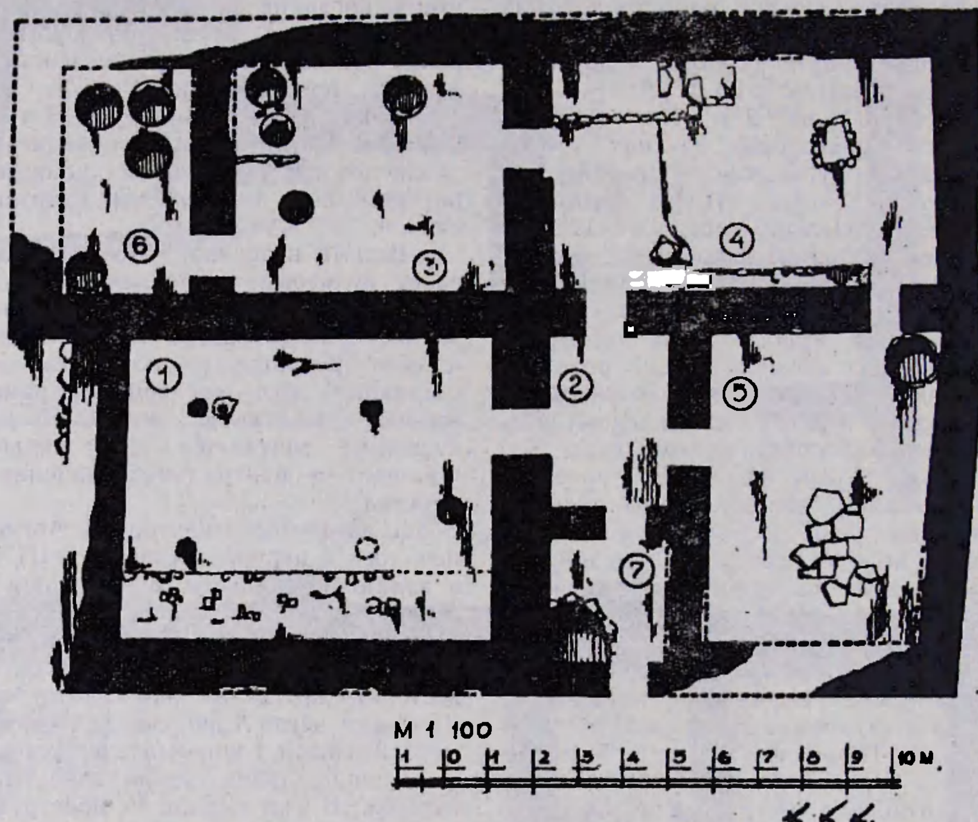

Рис. 44. Дом № 6.

пость Аргиштихинили с некоторым видоизменением уцелевших сооружений. То же самое видим в крепости Эребуни, ставшей, вероятно, центром Ахеменидского сатрапства.

6. Однако с течением времени, с VII по V вв. до н. э. складываются прочные основы раннеармянской культуры во взаимосвязи с культурой ахеменидского Ирана и соседней Фригии. Появляются весьма новые направления культурных взаимоотношений, которые тянутся не только в сторону Фригии и Ирана, но вообще ко всему эллинистическому миру Малой и Передней Азии, к причерноморским греческим колониям и к самим центрам Эллады.

7. Памятники материальной культуры, найденные на территории Аргиштихинили-Армавира, показывают, что после гибели урартского города здесь беспрерывно продолжалась жизнь, начиная с ранних Ахеменидов до Сасанидов и Аршакидов в Армении. Эти археологические данные вполне соответствуют сведениям об Армавире, сохранившимся в армянских письменных источниках феодальной эпохи и древних клинописных документах.

8. Совокупность данных упомянутых источников, относящихся к периоду после падения Урарту, выглядит следующим образом. Города Ванского царства пали в результате неотразимого скифо-мидийского штурма в период до 585 года[46]. В составе этих войск находились отряды предводителей арменов, находившихся в союзе (сначала) с Мидией (а затем) с Ираном[47] и ставших фактическими хозяевами Араратской долины (с 560 г.) с центром в Армавире, а затем самостоятельными правителями Айраратского царства

[46] *И. М. Дьяконов*, Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам, ВДИ, 1951, № 2, стр. 29—31.

[47] Մովսեսի Խորենացւոյ Պատմութիւն Հայոց, գիրք Ա, գլ. ԻԵ։

(с 316 г. до н. э.). В период воцарения Ервандидов большая часть Аргиштихинили лежала в развалинах, но в восточной его крепости — новой резиденции Ервандидов, продолжалась кипучая жизнь, с вековыми хитроумными интригами высшей армянской знати.

его воды так, что не было возможности иметь достаточно воды для местопребывания царя...»[48]. В дни этого Ерванда Армавир перестает быть не только административным, но и религиозным центром, так как он «строит небольшой городок по реке Ахурян, назвав

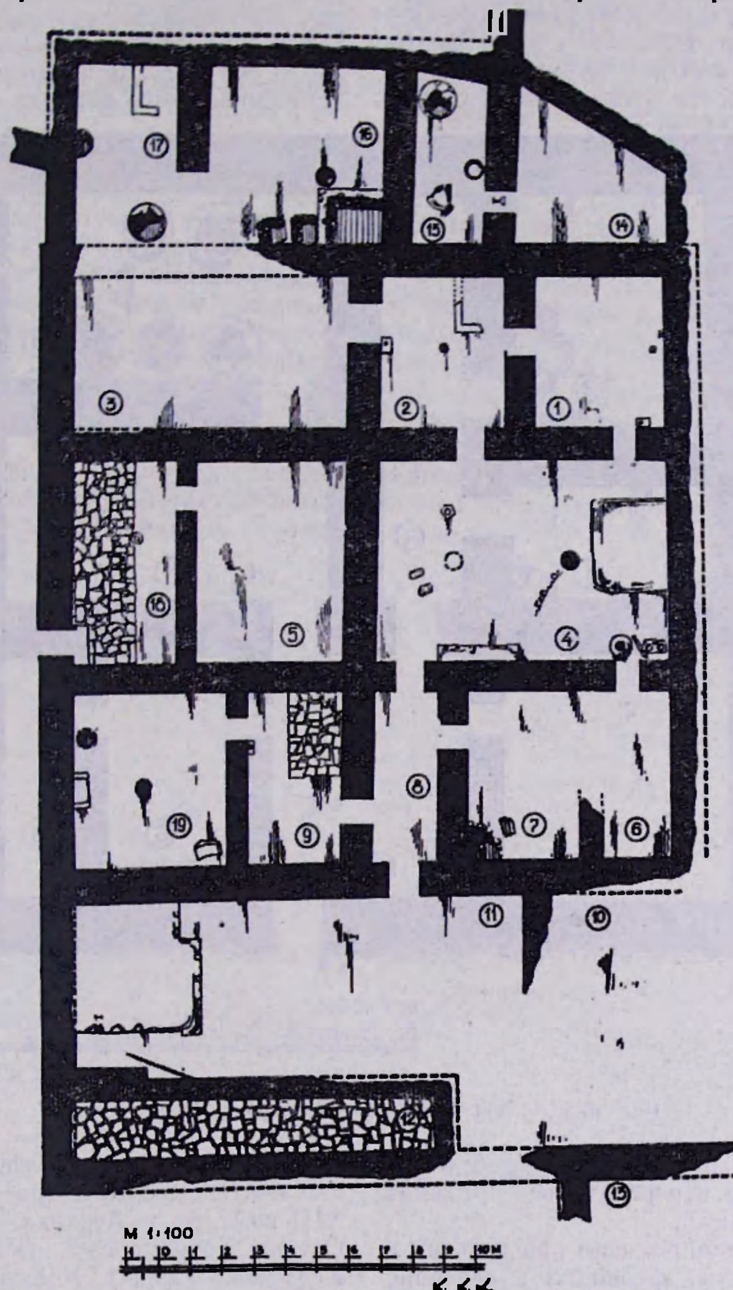

Рис. 45. Дом № 8.

Согласно сведениям Мовсеса Хоренаци, во время правления Ерванда (II в. до н. э.) «... царский двор переносится с холма, называемого Армавиром, ибо река Ерасх удалилась и в продолжительную зиму суровое дыхание северного ветра сковывало льдом

его Багараном, что значит «дом богов» и переносит туда все кумиры, бывшие в Армавире»[49].

[48] *М. Хоренский*, История Армении (пер. Н. О. Эмина), кн. II, гл. 39.

[49] Там же, кн. III, гл. 31.

Однако в начале II в. до н. э. Армавир продолжал оставаться местом пребывания основателя новой династии Арташеса I Великого, который вскоре построил великолепную столицу Арташат на Араксе и навсегда покинул Армавир. Из этой же книги Хоренаци мы узнаем, что в IV в. н. э. Армавирская крепость с дворцом продолжала существовать, так как царь Аршак II под предлогом наградить своих князей «... созвал к себе их, как сродников своих, в покинутый дворец в Армавире и приказал перерезать всех мужчин и женщин с детьми»[50].

Армавир упоминается еще раз в связи с восстанием армянских феодалов в середине V в. н. э., когда отступник Васак, князь Сюнийский «разорял многие места страны Армянской, в особенности зимнюю резиденцию двора Гарни, крепость Ошакан и Армавирскую крепость»[51].

[50] Там же.

[51] *Егише*, О Вардане и войне армянской (пер. И. А. Орбели), Ереван, 1971, стр. 79—80.

После разгрома, учиненного сюнийским князем, в Армавире, по-видимому, надолго прекращается жизнь, хотя историк VII в. Себеос еще один раз упоминает Армавирскую крепость[52]. Спустя более чем 400 лет, в эпоху Багратидов, на восточной и западной окраинах Аргиштихинили возникают мелкие поселения[53], которые продолжают существовать около 300 лет. В некоторых средневековых источниках этого периода среди селений Арагацотна упоминается Сурб Григор в различных контекстах, то у Драсханакертци[54] (XII—XIII вв.), то у Асохика[55] (X—XI вв.), то у Овсепа Католикоса[56] (VIII—IX вв.), то у Кедреноса (XI в.). У Кедреноса сохранилось сведение, что двинский эмир Абул-Асвар захватил у армянского царя Гагика II крепо-

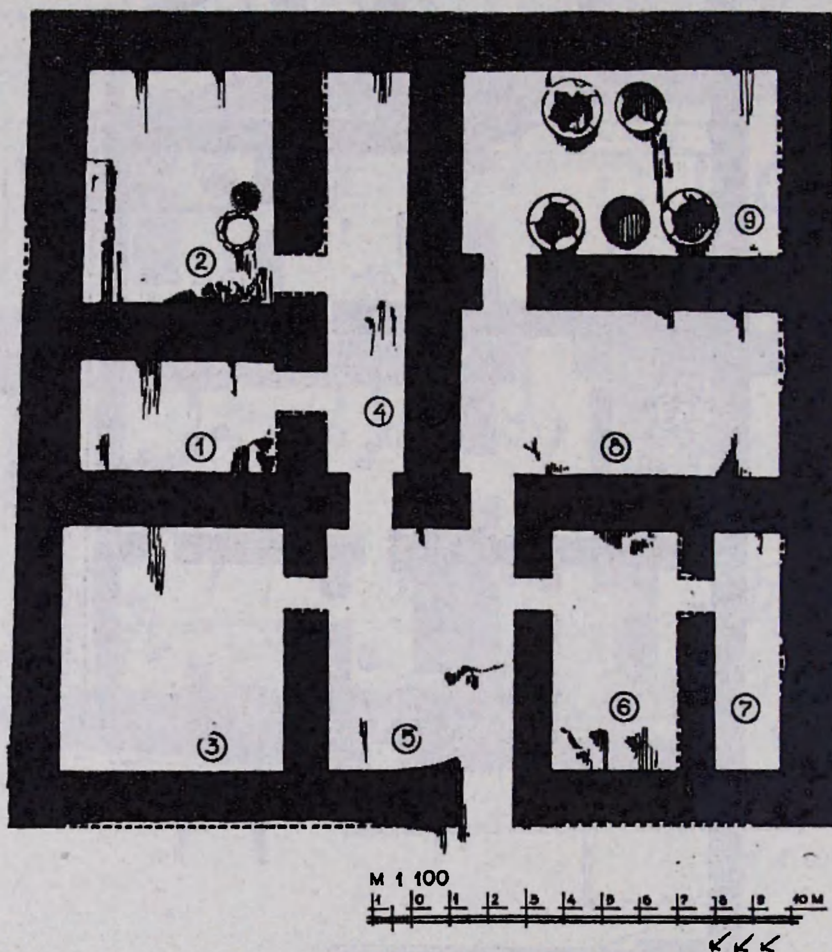

Рис. 46. Дом № 1 (дом врачевателя третьего квартала).

[52] *С. В. Тер-Аветисян*, Археологическое обследование... стр. 58.

[53] Там же, стр. 59.

[54] Հովհ. Դրասխանակերտցի, *Տփղիս, էջ 111։*

[55] Ստ. Ասողիկ, *Պետերբուրգ, էջ 106։*

[56] Ալիշան, *«Այրարատ», էջ 159։*

сти Сурб Мари, Амберд, Сурб Григор и другие[57]. Известный знаток географии древней Армении Г. Алишан в связи с описанием развалин Аргиштихинили-Армавира упоминает находку клинообразной надписи в пределах западной крепости Аргиштихинили (у с. Шагриар), на том самом месте, которое местные жители называли гробницей святого Григория Просветителя[58]. Это дает некоторое основание полагать, что селение Сурб Григор располагалось в западной части города Аргиштихинили. Но существует мнение и о том, что Сурб Григор находился на месте с. Парби. После монгольских нашествий жизнь в Аргиштихинили-Армавире не восстанавливалась на протяжении веков. Безмолвные, безлюдные крепости стояли примерно шесть столетий, в сравнительно хорошей сохранности, вплоть до русско-персидской войны 1827 года, когда Гусейн-Кули-хан разобрал стены Армавирской крепости для своих фортификаций в Сардарабаде. Спустя два года переселенные из Персии армяне построили в окрестностях Аргиштихинили свои села Курдукули, Тапа-диби, Молла-Баязед, Гечерлу и др.,[59] а через сто лет новые армяне-беженцы построили с. Нор-Армавир у подножьев западной крепости Аргиштихинили. Все они ломали стены сооружений древнего города. Гонимые судьбою, лишенные родины и родного крова, обездоленные, эти люди не знали, что собственными руками разрушают великолепные памятники былой славы древней Армении. Многократно разрушенные сооружения древнего Аргиштихинили сохранили богатые, характерные слои с предметами материального производства лишь в тех местах, которые были сожжены врагами и остались нетронутыми. Да, прав был Л. Вулли, когда писал:

«Идеальные условия Помпеи встречаются слишком редко и нам приходится довольствоваться меньшим. Однако и это «меньшее» представляет собою максимум того, что сохранила нам история для всеобщей заботы и любви, для всестороннего, глубокого исследования и восстановления образа жизни и высокой для своего времени культуры наших предков, у которых мы учимся до сих пор»[60].

---

[57] Օրմանյան, *Ազգապատում, Երրորդ, Ս. 914։*

[58] Ալիշան, *«Այրարատ», էջ 151—152։*

[59] *С. В. Тер-Аветисян*, ук. соч., стр. 54.

[60] *Л. Вулли*, Ур халдеев, стр. 180.

ГЛАВА V

ЗАПАДНАЯ КРЕПОСТЬ

Если топографическое рассмотрение города Аргиштихинили дает довольно конкретное представление об общих масштабах этого крупного социального организма, то анализ его структурно-плановых особенностей, помимо хронологических и общевосточных градостроительных принципов, четко вырисовывает классовую сущность урартского города и послойно-сословное сложное его строение. Иначе говоря, общий градостроительный замысел и генеральная планировка города были приведены в соответствие с его социально-экономической структурой.

При первом же взгляде на Аргиштихинили бросаются в глаза упомянутые выше громадные здания двух мощных крепостей, возвышающихся на высоких холмах, отстоящих на расстоянии 3400 м. Они выделяются собранными массивами своих архитектурных форм, изрезанностью линий, ступенчатостью, динамикой (табл. XXI) и, сильно контрастируя, доминируют над жилыми, в общем-то однообразными кварталами города, перекрытыми плоскими земляными крышами. Классовая структура города учитывается и при горизонтальной планировке. Как мы выше увидели, в ней четко выделяются внутренние и внешние части города или, как принято в древневосточной архитектуре—«внутренний» и «внешний» города. На генеральном плане Аргиштихинили внутренний город примыкает к западной крепости. Эта часть города занимала не менее 50—60 га площади. Кварталы же внешнего города располагались узкими каемочками вдоль южной и северной ограды внутреннего города и двумя большими массивами у западных окраин двух крепостей. Подобная планировка большого города позволяет утверждать, что различные его части принадлежали разным категориям городского населения. Наивысшему сословию города принадлежали крепости с многочисленными дворцовыми и храмовыми сооружениями. Все великолепие крепостной архитектуры прямо ассоциируется с бытом таких важных чинов урартской власти, каковыми могли быть наместник ($^{L\acute{u}}$ENNAM) или областеначальник (^{amêlu}bêl paḫâti).

Западная крепость Аргиштихинили, воздвигнутая на холме св. Давида (холм В, рис. 29) урартскими царями Аргишти I и Сардури II на высоте 52 м от уровня равнины, занимала почти всю поверхность холма, площадью около 2 га и представляла собой одну из замечательных архитектурно-фортификационных комплексов урартского зодчества[1]. Она, как и все крепостные сооружения Ванского царства, построена из могучих рядов цокольных базальтовых кладок и сырцового кирпича, образующих верхние части чрезмерно высоких и толстых стен, прямые линии которых разбиты опорными контрфорсами и угловыми башнями (рис. 29). Для создания этого грандиозного комплекса долговечных построек были снивеллированы довольно значительные площади бутовкой из гальки, строительного щебня и глины, подвергнуты соответствующей обработке поверхности могучих базальтовых скал—для продолжения прямых линий стен, устройства полов, дверных проемов и других архитектурных деталей (табл. XXII). Подобной обработке подвергнуты скалы и на многих участках кварталов города и во многих других городах Урарту (Тушпа, восточная крепость Аргиштихинили, Тейшебаини и др.).

В современном своем виде западная крепость Аргиштихинили состоит из целого ряда разнообразных и разновременных, строго прямоугольных архитектурных сооружений, расположенных горизонтальными уступами с востока на запад в соответствии с рельефом вулканического конуса св. Давида. Все эти сооружения окаймлены мощными крепостны-

---

[1] Կ. Կ. Ղաֆադարյան, *Արգիշտիխինիլի քաղաքի արևմտյան միջնաբերդի ամրաշինական կառույցները*, ՀՍՍՀ ԳԱ հաս. բաժ. «Լրաբեր», 1972, № 3, էջ 54-64։

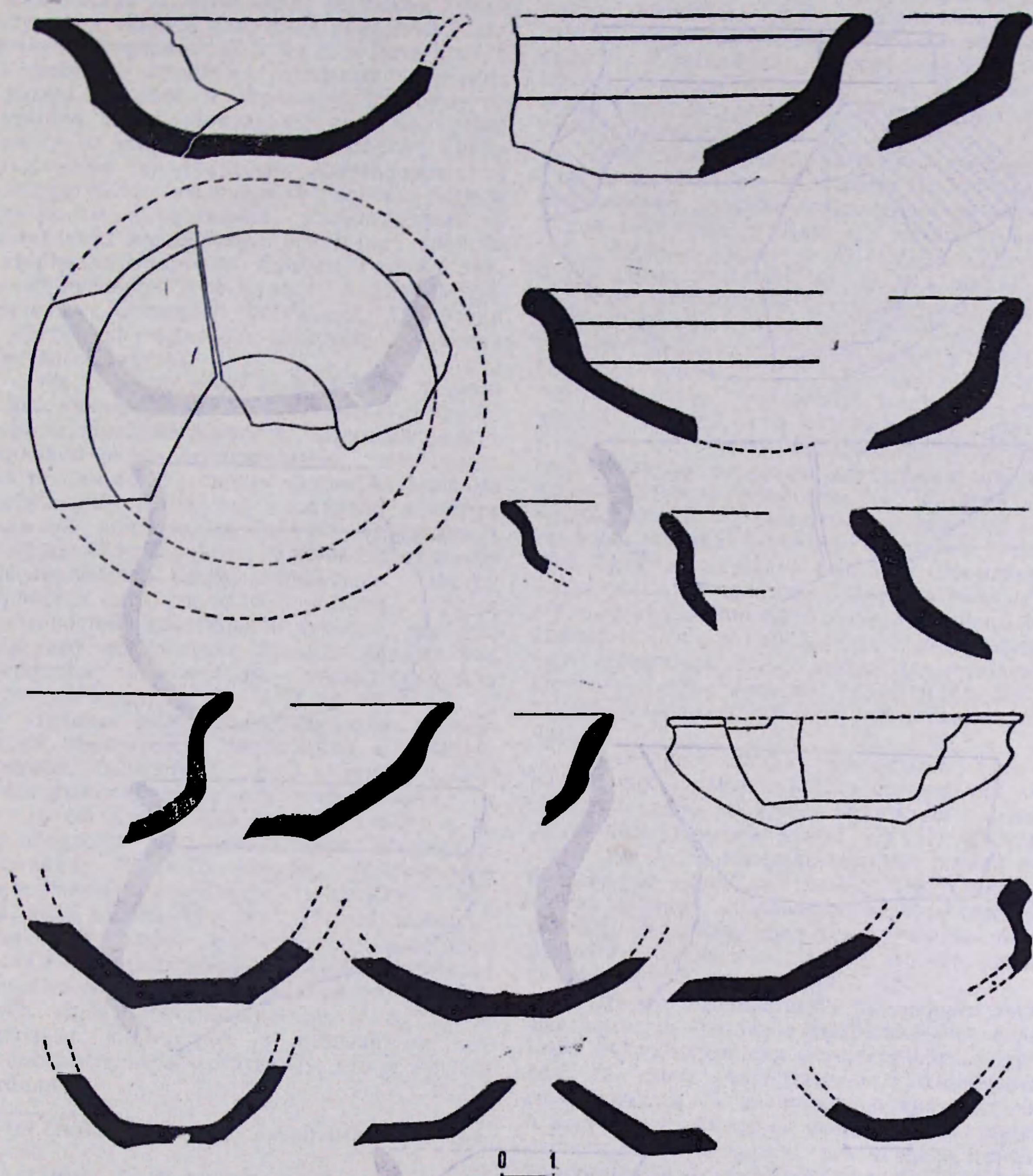

Рис. 47. Мелкие чашечки из дома врачевателя.

ми стенами, которые пролегают тремя параллельными рядами на участке северного ската (табл. XXIII—XXV) и двумя линиями на южном, труднодоступном и отвесном (табл. XXVI). Упомянутые оборонительные стены имеют в основном те же уступчатые объемы, что и здания внутреннего пространства цитадели. Высота цокольных кладок оборонительных стен достигает местами 3—4 м, толщина 3, 2, 5 м. Кирпичная кладка над ними сохранилась в редких случаях до четырнадцати рядов (выс. ок. 2,5 м).

Линии стен крепостных оград воздвигнуты на различных вертикальных отметках крутых скатов холма и придают всему комплексу сооружений конусообразно-вертикальные силуэты, каковые отлично вычеканены на бронзовых обивках ворот Балаватского двор-

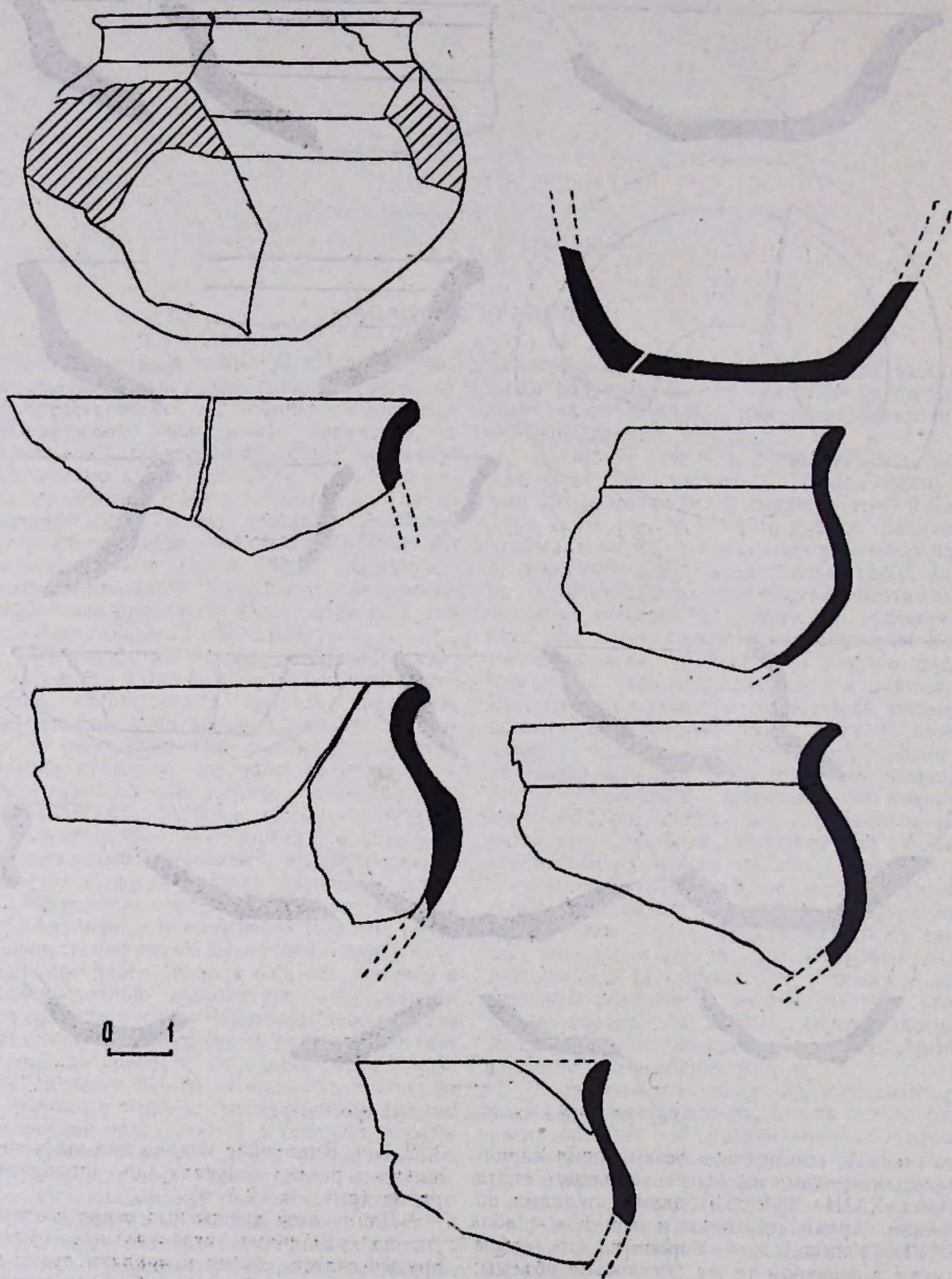

Рис. 48. Баночки и горшочки из дома врачевателя.

па ассирийских царей Ашшурнасирпала II и Салманасара II, оставивших потомкам сцены штурма и захвата урартских крепостей I половины и середины IX в. до н. э. Речь идет, в частности, о крепостях стольных урартских городов Сугуния и Арзашку[2], которые по внешним своим очертаниям мало чем отличаются от современных маштейских[3]. Представленный тип урартских фортификаций и архитектурных сооружений хорошо знаком нам не только по сценам, изображенным на памятниках ассирийского искусства[4], но и по материалам урартских городов Тушпа[5], Эребуни[6], крепостей Кеф-Калеси[7], Анзаф[8], Мурадие-кале, Капчикли[9], Бостанкая, Айкаберда и других на территории западных провинций Ванского царства.

Эти сопоставления приобретают чрезвычайно важное значение близостью внешних форм к западной крепости Аргиштихинили и наличием ряда отличительных признаков, как-то: многотеррасность фортификационных сооружений, устройство цитадели в центре плановой композиции, наличие капитальных сооружений на террасах, наличие аналогичных нивелировочных слоев, одинаковая манера обработки скал, создание площадей и других особенностей строительной техники, которые выделяют определенно выработавшийся тип крепостной архитектуры, характерной для культуры Урарту в IX—VIII вв. до н. э.

Наличие ряда повторяющихся особенностей объясняется, несомненно, и хронологической близостью. Дело в том, что все названные памятники охватывают время от 50-х годов IX до 30-х годов VIII в. до н. э., а в крепостях верхнего Анзафа, Бостанкая, Капчикли, Нижнего Анзафа, Зернаки-тепе обнаружены надписи царей Ишпуини и Менуа, деда и отца Аргишти. Наружное обследование городских кварталов Анзафа, Капчикли и местонахождение надписей указывают также на наличие обширных поселений городского типа, простирающихся в длину на несколько километров и имевших ту же градостроительную структуру, что и Аргиштихинили.

[2] *R. Barnett*, Assyrische Palastreliefs, табл. 143а, 165—166.

[3] *E. Botta* et *F. Flandin*, Monument de Ninive, табл. 146.

[4] *R. Barnett*, ук. соч., табл. 159—160, 163.

[5] *Б. Б. Пиотровский*, Ванское царство, табл. X—XI.

[6] Фортификации Эребуни и Тейшебаини открыты к 1968 г. и их обмеры пока не опубликованы.

[7] *Burney* and *G. R. J. Lawson*. Measured plans of urartian Fortresses, AS, v. X, 1960, стр. 188—189.

[8] Там же, стр. 178—181.

[9] Там же, стр. 182—184.

В соответствии с внешним силуэтом здания и рельефом холма монументальные и другие постройки крепости так же располагались на различных отметках, одна над другой, так как цокольные ряды крепостных оград служили крепидами очерчиваемых ими строительных площадей.

Такое построение крепостных объектов Урарту было замечено впервые И. А. Орбели при работах русской археологической экспедиции 1916 года в Ване. «У халдов (урартов.—*А. М.*),—пишет И. А. Орбели,—видимо была весьма излюбленная система террас по склонам, защищенным не одним рядом стен». Останавливаясь далее на Айкаберде, И. А. Орбели пишет, что на южном склоне Айкабердской крепости «... сооружены по скату горы три ряда массивных стен, одна выше другой, причем пространство за каждой из нижних стен было засыпано до известной высоты земли, вероятно, для увеличения полезной площади крепости»[10]. Повторяя это наблюдение, К. Л. Оганесян в указанном построении внешних объемов урартских крепостей видит «логический вывод из стремления максимально использовать рельеф местности и рационально привязать к нему сооружаемое здание»[11]. Это одна из главных отличительных черт урартской архитектуры (от древневосточной—месопотамской), берущей начало в древнейших циклопических постройках Армении.

Каменная кладка крепостных стен и внутренних архитектурных сооружений состоит из грубо обитых базальтовых глыб различных размеров (табл. XXVII), а чисто стесанные или профилированные камни использованы лишь в самых ответственных частях зданий (парадные ворота, входные проемы, наличники дверей, подпятники, базы от колонн, камни для дверных засовов, крышки дренажных сооружений и пр.).

Крепость сообщалась с внутренним городом двумя великолепно оформленными воротами, расположенными в двух северных оградах, на стыке параллельно проложенных, спускающихся на равнину широких пандусов и восточным парадным входом, выходящим на центральную улицу внутреннего города просторной и длинной лестницей, сооруженной между восточными башнями из камня, глины и кирпичей (табл. XXVIII). Пандусы укреплены боковыми каменными кладками длинных стен, заложены внутри камнем и

[10] Доклады Н. Марра и И. Орбели, Издание русского археологического общества, Петроград, 1922, стр. 10.

[11] «Кармир-Блур», IV, *К. Л. Оганесян*, Архитектура Тейшебаини, Ереван, 1955, стр. 69.

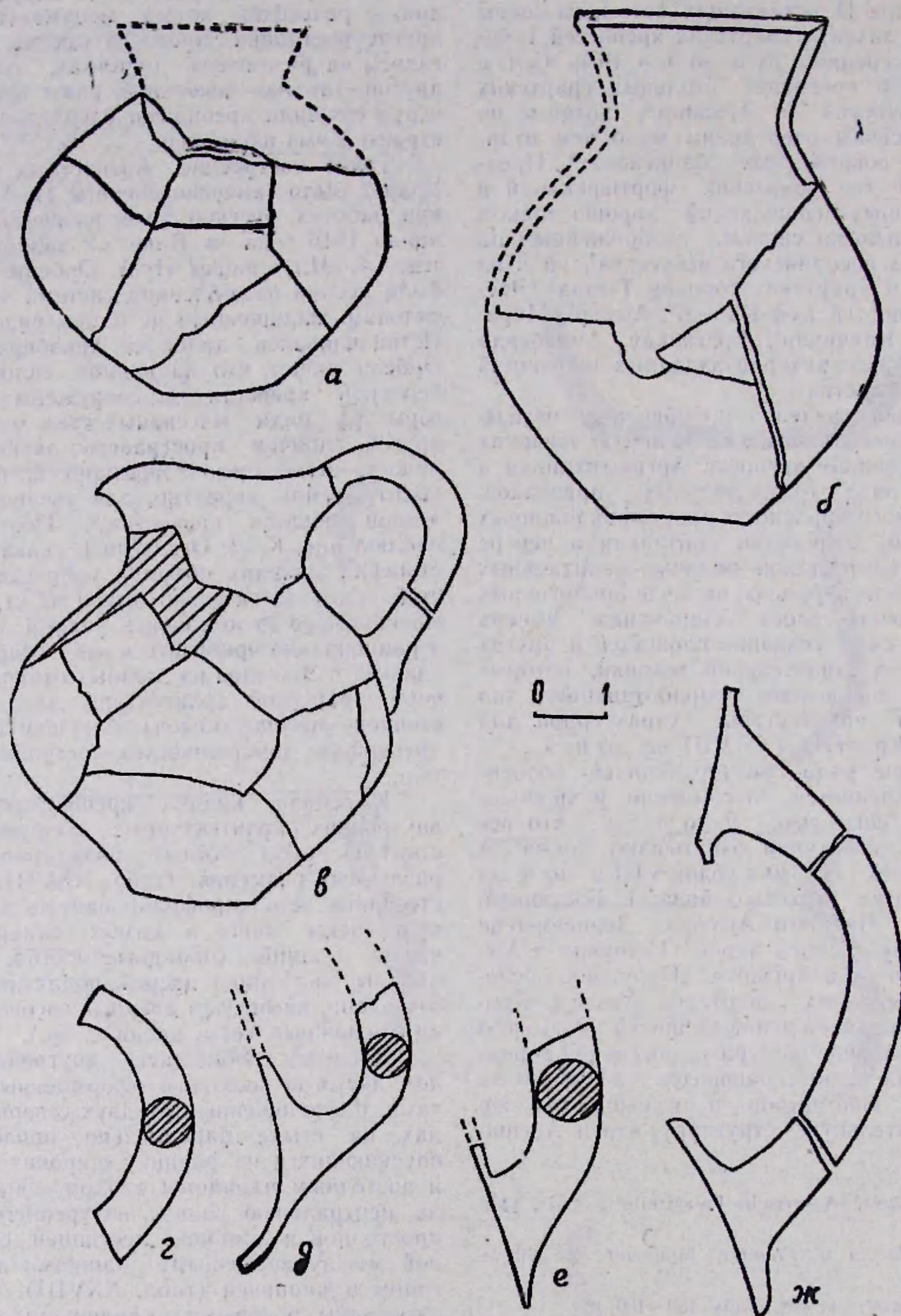

Рис. 49. Кувшинчики из дома врачевателя.

кирпичами. Точно такие же пандусы сделаны и в восточной крепости Аргиштихинили.

Ворота северных оград представляли собой квадратные «карманы», скрытно расположенные в уступах фортификаций и сложенные из хорошо обработанных базальтовых прямоугольных блоков (табл. XXIX—XXX). Высокие проемы их в свое время запирались деревянными створками, блестевшими на солнце своей ослепительной медной обивкой. По пандусам крепости свободно могли двигаться пехота, конники и колесницы. Панду-

сы были очень удобны для повседневной связи с городом и одинаково опасны в случае осады его. От бешеного штурма врага не могли спасти и покрытые листовым металлом толстые деревянные ворота. Поэтому все три ворота располагались на участках, противостоящих мощным угловым башням, с которых, в случае необходимости, они надежно прикрывались фланкирующей стрельбой[12]. Свободные проходы между крепостными оградами создавали простор оперативных действий при обороне, а мощная ограда внутреннего города и расположенные вокруг крепости монументальные урартские дома, огражденные зачастую довольно толстыми каменно-кирпичными стенами, еще более усиливали обороноспособность этой, не очень большой западной крепости города.

Во времена царя Аргишти, сына Менуа, основателя города Аргиштихинили, западная крепость не была столь грандиозной. Она занимала площадь немногим более 1 га и имела лишь одну оборонительную стену, охватывавшую ансамбль сооружений на самой макушке холма и на маленьком участке юго-восточного ската. Крепость Аргишти имела два входа (рис. 29), весьма оригинальное дворцовое сооружение в восточной части (рис. 30), открытый дворик в центре (рис. 29), расположенные по бокам двора хозяйственные и складские помещения (рис. 29), большое жилое здание, выходящее во двор восточным своим фасадом (рис. 29), а также монументальное, четко проектированное здание в западной части цитадели, напоминающее храмы и крупные погребальные сооружения Древнего Востока (рис. 29).

Парадные входы дворцового здания располагались на продольной оси ансамбля и через центральный двор вели к зданию храма, завершающего ансамбль одноэтажных зданий своими высокими силуэтами.

В годы правления царя Сардури II к прежним постройкам западной крепости были пристроены новые оборонительные сооружения на нивелированных северно-южных скатах холма и сильно расширены строительные площади (рис. 29) южного сектора (рис. 29). Назначение этих сардуровских построек (кроме оград) пока не вполне ясно. Однако очевидно, что площади между оборонительными стенами южного сектора были полностью использованы для постройки капитальных сооружений, окаймленных наружной глухой оградой. Это объясняется, очевидно, тем, что из-за отсутствия каких-либо проемов этот сектор был совершенно недоступен противнику и не нуждался в оперативном просторе между оградами. Все же между первой оградой (времен Аргишти) и оборонительной линией Сардури имелся свободный проход по всей длине южной ограды, чудесно замощенный булыжником, галькой и покрытый очень прочной глиняной обмазкой (рис. 29). Наличие такого прохода также объясняется потребностями защиты южного сектора. Сооружения небольших масштабов появились в дни правления Сардури II также в северо-западном отсеке крепости. Одним из подобных сооружений был храм, посвященный богу Халди (или, как в надписи говорится, «ворота бога Халди величественные»), другим—храм «суси», которые, судя по местоположению надписи, стояли уступом к зданию храма *с*, к северо-востоку от него.

Подобное четкое разделение основного ядра крепости и пристроенных позже сооружений хорошо прослеживается не только в отсутствие единого архитектурного замысла в общем плане крепости, не только в расположении двух северных ворот, двух параллельных пандусов, четких линий пристроенных стен, различий нивелировочных слоев, но и в местоположении клинообразных надписей Аргишти I в центре цитадели (рис. 29, XI) и Сардури II (рис. 29, XV) между первой и второй оборонительными оградами северного сектора.

Сардури II несколько видоизменяет также выстроенные отцом сооружения в цитадели, но эти изменения не имели принципиального значения для общего архитектурного облика цитадели Аргишти. На территории западной крепости потомки царя Сардури не проводили сколь-либо значительных строительных работ, если не считать появление в годы их правления разного рода комплексов домишек, не связанных с дворцовым или крепостным строительством. Эти изменения, являвшиеся отражением изменчивой военно-политической ситуации страны, носили скорее социальный характер и не меняли внешнего облика крепостных сооружений.

Возвращаясь к рассмотрению цитадели Аргишти в западной крепости, следует отметить, что наиболее крупным (общая площадь 3000 м²) и значительным архитектурным сооружением оставалось весьма оригинальное дворцовое здание, постройка которого засвидетельствована надписями царя Аргишти, найденными на месте и за пределами крепости (рис. 30). Оно ориентировано с во-

---

[12] Принцип подобного проектирования крепостных ворот был, по-видимому, распространен в Урарту см. W. Kleiss, Ausgrabungen in der urartäischen Festung Bastam, Archäologische Mitteilungen aus Iran, Berlin, 1970, (B. 3), рис. 2. Более подробно этот вопрос разобран архитектором К. К. Кафадаряном в работе *«Դիտողություններ ուրարտական ամրաշինության վերաբերյալ», «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1972, № 2, էջ 151—162։*

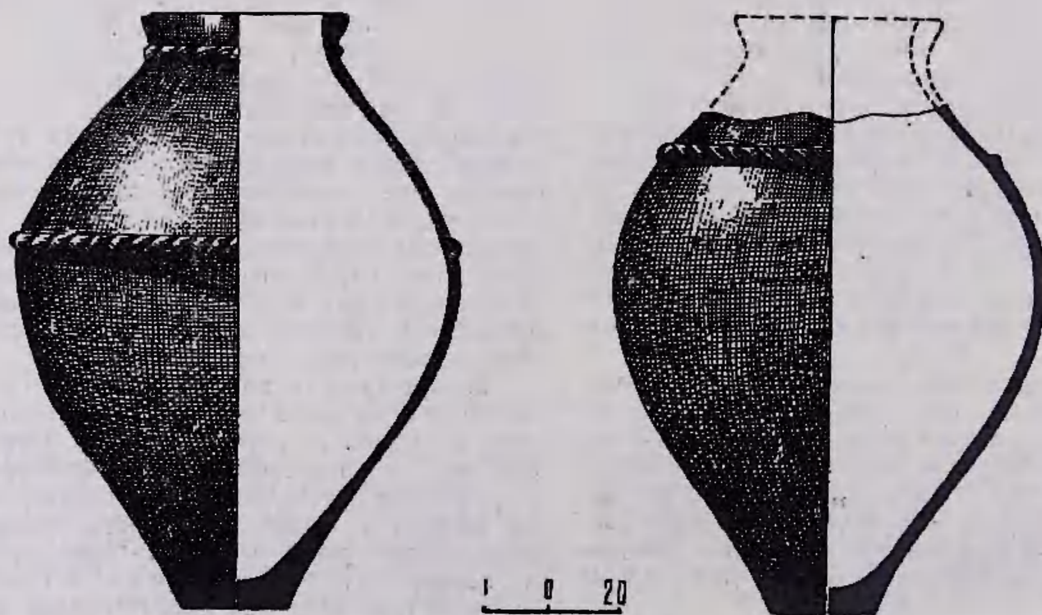

Рис. 50а. Крупные карасы из жилых кварталов.

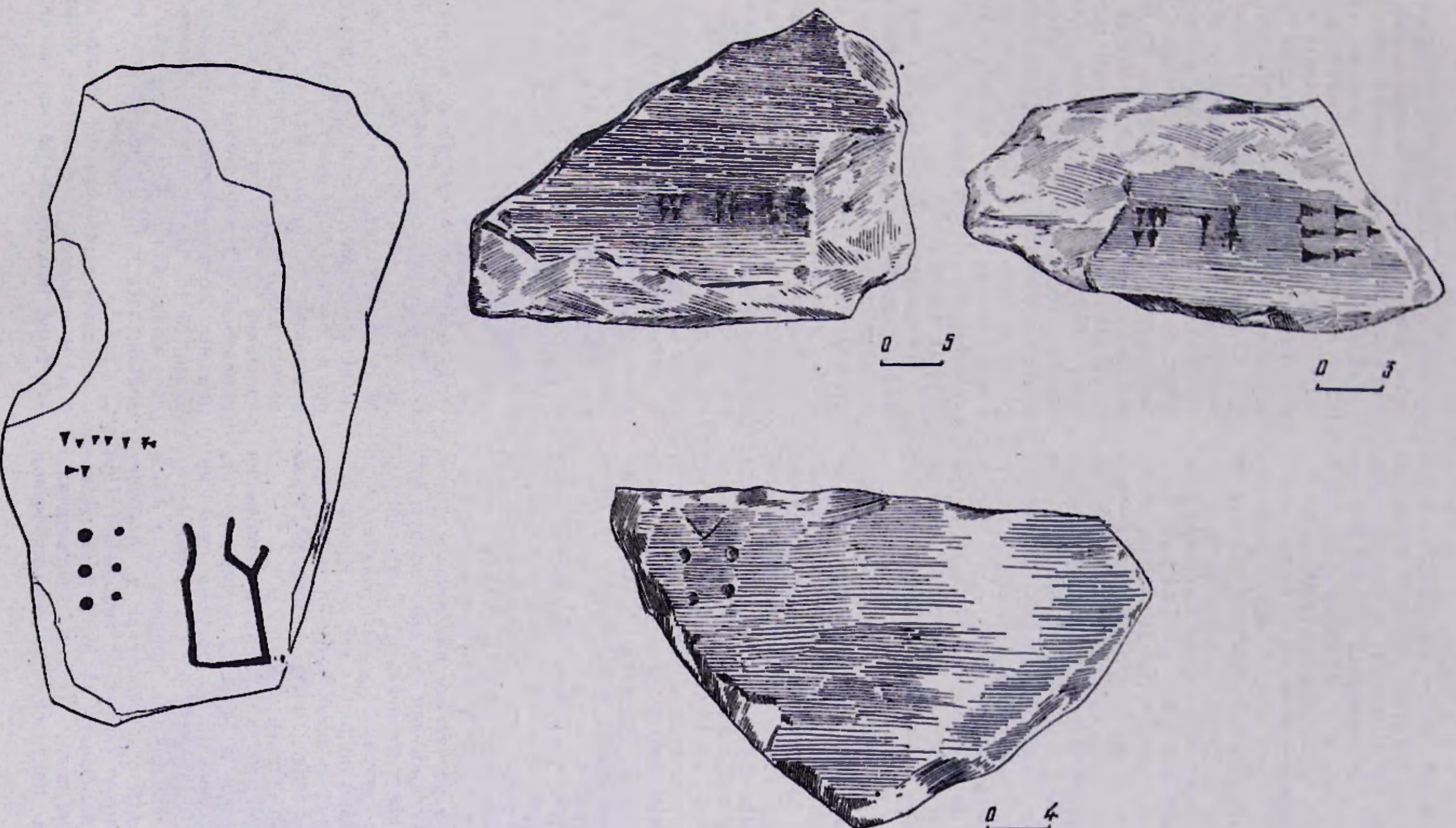

Рис. 50б. Надписи на карасах из дворца.

стока на запад, имеет парадный вход в восточной наружной стене, защищенный двумя очень мощными башнями, западный вход, выходящий на центральный двор и могучие наружные стены с контрфорсами и башнями, составляющие, одновременно, восточный отсек первой крепостной ограды. План здания составлен из трех соединенных уступами квадратов, с соответствующей внутренней разбивкой на 19 светлых, просторных помещений различного назначения. Основное ядро здания, представляющее центральный большой квадрат, разделено на две почти равномерные части, длинным полукрытым внутренним двором (или центральным залом, рис. 30, I), перекрытие которого покоилось на двадцати деревянных колоннах с базальтовыми базами (табл. XXXI). На их барабанах высечены строительные надписи Аргишти. Содержание надписей следующее:

^{D}ḫal-di-i-ni-ni al-su-u-i-ši-ni ^{I}Ar-gi-iš-ti-še ^{I}Me-nu-u-a-ḫi--ni-še i-ni É za-du-ni „Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, этот дом соорудил".

К северу от полукрытого двора располагаются жилые покои (рис. 30, 6—13), а к югу— весьма просторные складские помещения, снабженные некогда квадратными пилонами и уставленные грандиозными карасами—тысячелитровыми кратерами для вина, от которых сохранились массивные тяжелые днища (помещения № 2—3, 17, табл. XXXII—XXXIII), части корпуса, плеч и венцов. Судя по плотности сохранившихся днищ в определенных участках, а также по общим площадям винных складов, в них содержалось не менее 150—200 карасов.

В крайне восточных отсеках здания находились парадно-приемные вместительные залы и подчиненные им помещения (рис. 30, 14—15, 17—18, табл. XXXIII—XXXIV). Архитектор экспедиции К. К. Кафадарян приметил, что подобная двучастная планировка здания весьма характерна для светских сооружений армянской раннесредневековой архитектуры, имея в виду княжеский дворец Мамиконянов в Аруче и патриарший дворец Двина. Это замечание может оказаться весьма перспективным в поисках истоков армянской гражданской архитектуры.

Основные парадно-приемные помещения (№ 15, 17) дворца Аргишти претерпели значительные изменения во времена царя Сардури II и затем в VII в. до н. э. В своем первоначальном виде они представляли собой колонные залы с конусообразным перекрытием и верхними световыми колодцами. При расчистке помещения № 15 оказалось, что оно имеет два пола. Нижний (первоначальный) из них покоился на нивелировочном булыжном слое, был плотно утрамбован глиной и хорошо обмазан (толщина слоя 0,3 м). Над ним простирался новый слой бутовки, трамбованной глины и обмазки (толщина 0,3 м). При этом, в слое бутовки второго пола, помимо фрагментов обработанных базальтовых блоков и чудесной блестящей урартской керамики темно-красного и кремового ангоба VIII в. до н. э., были выявлены также обломки четырех баз от деревянных колонн, не отличающихся от найденных в полукрытом дворе ни по формам, ни по размерам. Нижний пол помещения № 17 покоился на базальтовой скале. Для получения гладкой поверхности скала была выровнена тяжелыми молотами, местами нивелирована бутовкой и покрыта обычным глинистым слоем, как в помещении № 15. По длинной оси помещения располагались пять баз от колонн, обработанные в виде втулок больших диаметров (диаметр 0,5 м) для вдевания стволов, деревянных колонн.

Впоследствии колонный зал был превращен в винный погреб для установления 35 больших карасов (рис. 31), снабженных клинописными и иероглифическими обозначениями мер емкости[13]. Поэтому первичный пол был покрыт мощным слоем глинисто-растительного раствора (толщина 0,6 м) и по длинной оси помещения устроен продолговатый пилон, охватывающий ось помещения и втульчатые базы от колонн (рис. 29—30). Совершенно аналогичную картину мы видим в одном из помещений цитадели Эребуни, служившем колонным залом, украшенным многоцветной росписью в дни Аргишти и перестроенным в винный погреб сыном его—Сардури. Базы от колонн с надписями Аргишти оказались здесь под пилонами и частично в растворе заливки карасов. Тут и там действовала одна рука, царя Сардури, сильно расширившего государственные хозяйства. Об этом свидетельствуют многие надписи городов Эребуни и Аргиштихинили, в том числе и надпись из рассматриваемой крепости. В помещении № 15, над тем же вторым полом был устроен мощный квадратный пилон, перекрывающий ось восточного парадного входа. В урартской архитектуре подобные пилоны предусматривались для поддержания перекрытий больших площадей и, главным образом, для устройства помещений верхнего этажа. На этом основании мы можем полагать, что над помещениями № 15, 17 во времена Сардури появились новые залы. Однако система пилонов применялась и при строительстве некоторых

---

[13] Сравни с обозначениями карасов из крепости Русы II в Бастаме (Archaologische Mitteilungen aus Iran, Berlin, 1970, стр. 93—105, табл. 46—47).

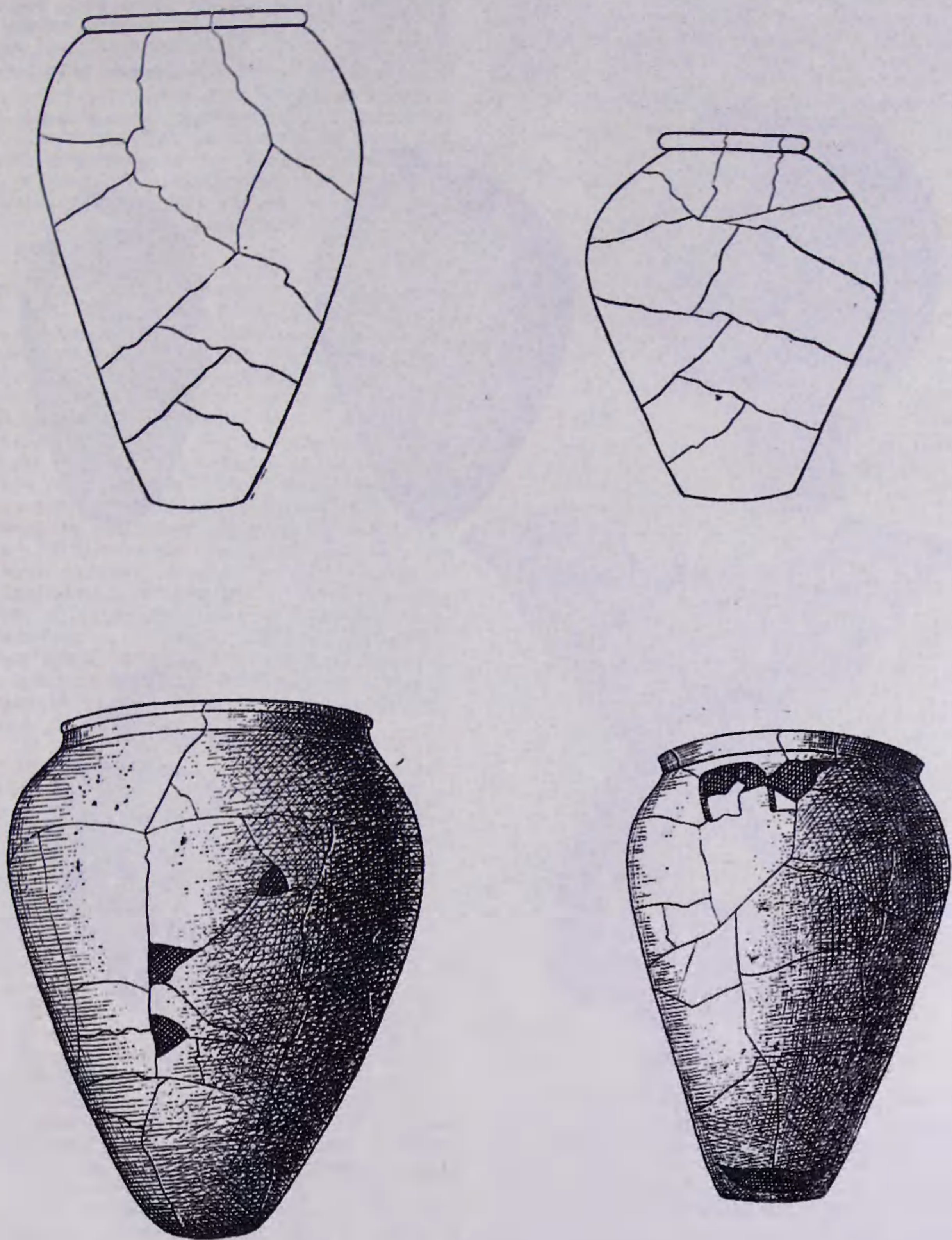

Рис. 51. Мелкие карасы из жилых кварталов.

особо больших хозяйственных помещений рассматриваемого дворцового здания. Именно таким являлось помещение № 19, занимающее около 200 кв. м площади и установленное в свое время десятками очень больших карасов. Три или четыре пилона этого помещения располагались по длинной его оси, разделяя площадь на два неравномерных нефа. В урартской архитектуре хорошо известны двухнефные кладовые вина, с двумя и тремя рядами карасов по сторонам продольных пилонов. Их можно увидеть в помещениях крепостей Тейшебаини и Эребуни. В рассматриваемом помещении № 19, кроме оснований пилонов, сохранились лишь крупные фрагменты карасов, количество которых могло дойти до ста. В средние века здесь был устроен большой хлев для крупных животных.

Рис. 52. Сигарообразные, так называемые «ливные сосуды».

Как уже было отмечено, в северной части дворцового здания располагались жилые покои, о чем свидетельствует наличие в них больших своеобразных очагов, предназначенных для прогревания этих достаточно больших площадей. Возможно, что в свое время стены этих помещений были покрыты яркими рисунками многоцветных росписей, каковые выявляются почти во всех урартских дворцах. От них сохранились здесь лишь крошечные об-

ломки штукатурки, покрытые синей краской. Архитектор К. К. Кафадарян обнаружил штукатурку, сохранившуюся на стене и окрашенную в синевато-серый цвет, наподобие паннелей расписных стен крепости Эребуни. В неоднократно грабившихся, разрушенных, перестроенных помещениях, сохранивших лишь цокольные кладки 1—2-метровой высоты и вписанное в них бесконечное множество убогих средневековых жилищ, были утеряны последние крохи дворцового убранства и богатого имущества.

Помещения эти даже при урартах превратились в обычные жилища горожан, бедняцкого населения и было слишком много перестраиваний, окончательно затруднявших дело исследователя. И все же удается точно установить назначение некоторых из помещений цитадели Аргишти: полукрытый двор (№ 1)—парадно-приемные залы (№ 16—17), жилые комнаты (№ 6—13), складские помещения (№ 2—3, 19) и подчиненная им тупиковая кладовка (№ 18), предназначенная для хранения дворцового «сервиза»—всякого рода кувшинов, подставок и крышек мелких сосудов. Об остальных помещениях дворца мы можем судить исходя из общего плана и предложить более или менее вероятные догадки об их предназначении. Два крохотных помещения по сторонам (№ 5—6) западного входа могли принадлежать привратникам и обслуживающему персоналу дворца, а помещение № 14—охране восточного парадного входа.

За пределами дворцового здания, в северной части двора (рис. 29, е) открыт большой зерновой склад, с площадью в 300 м² и высотой цокольных кладок в 2,5—3 м. Пол зернохранилища покрывала обгорелая, высококачественная пшеница, стены были сильно закопчены от пожара. Помещение было заполнено обгоревшими, обуглившимися, спекшимися кирпичами глиняных стен, обвалившихся сверху. Судя по высоте завала и по сохранности стен подобных же помещений в цитадели города Тейшебаини, высота рассматриваемого зернохранилища достигала 10—12 м и вместимость их становилась воистину колоссальной. Зернохранилище не имело оконных и дверных проемов в цокольной части и зерно засыпалось или вынималось, по-видимому, через амбразуры, сделанные в потолке или верхних частях стен. Разумеется, во избежание пожаров эти хранилища не засыпались зерном до предела.

Точно такое же зернохранилище располагалось в северной части двора. К этим зернохранилищам примыкало по одной большой изолированной комнате с востока. Большой открытый двор, расположенный между описанными зданиями, занимал свыше 700 м² (длина—34 м, ширина—22 м) и был связан с северными воротами цитадели. Он ограничивался с запада капитальной стеной, отделявшей западную половину цитадели Аргишти в обособленный участок храмовых зданий.

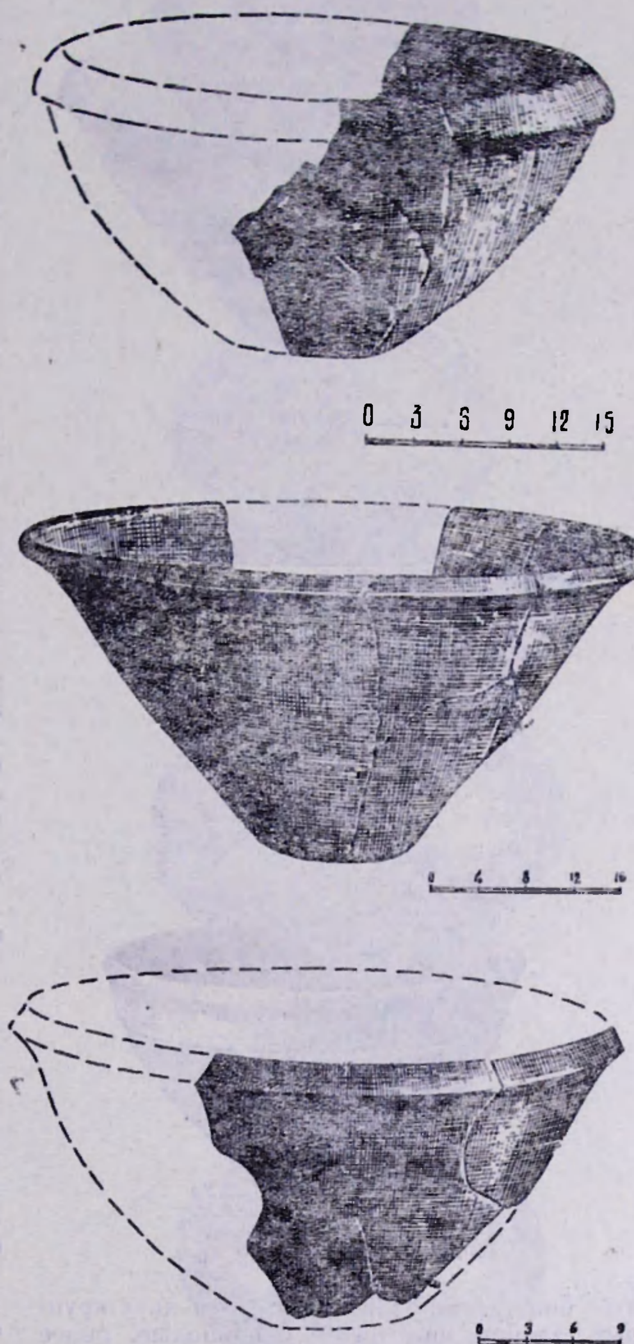
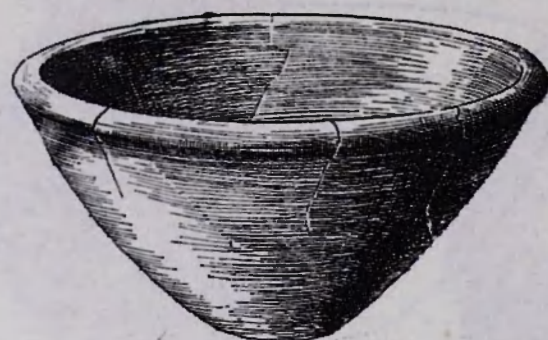

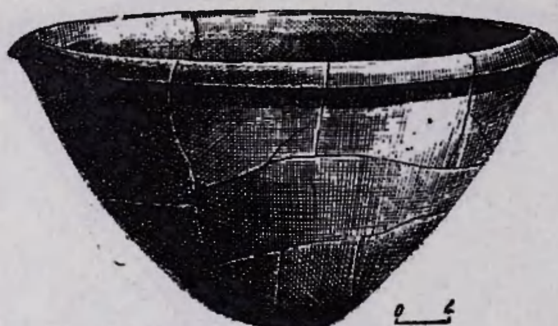
Рис. 53. Конусовидные чаши.

Стена эта имела в центре широкий парадный вход, вернее въезд, для колесниц, конников и пешеходов, направлявшихся на площадь. Площадь эта также подквадратна, имеет почти такие же размеры, как и центральная. По

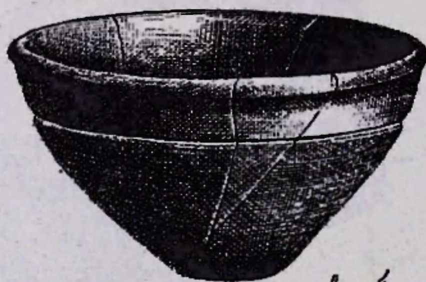
ее периметру некогда возвышались строго четырехугольные высокие сооружения трех храмов и одного жилого дома (возможно, позднего). К подробному описанию храмовых зданий мы вернемся позже, а пока отметим,

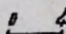

Рис. 54. Конусовидные чаны.

что они состояли из одного или двух крупных зальных помещений, площадью более 200 кв. м, имели когда-то центральную колоннаду (сохранились некоторые осевые колонны) и высокие гладкие стены, покрытые некогда многоцветной росписью религиозного содержания, наподобие храма бога Халди в Эребуни.

Одно из этих зданий располагалось у юго-западной оборонительной стены цитадели Аргишти и состояло из двух продолговатых зальных помещений; другое—стояло напротив и имело лишь одно большое, почти квадратное помещение. В обоих этих зданиях позже были устроены средневековые дома (ацатуны, хлевы, жилые комнаты). Несмотря на это в северо-западном однозальном здании, под завалом обвалившихся сырцовых кирпичей и горелым слоем кровли сохранился урартский культурный слой, содержащий крохи великолепного храмового убранства (светильники, обломки культовых сосудов, пара крупных железных зигатти и пр.).

Раскопки всех помещений показали, что здания храмовой площади горели вместе с зерновыми складами. Рухнули балки перекрытия, камыш, солома, обвалились во внутрь спекшиеся кирпичи.

Третьим капитальным объектом храмовой части крепости Аргишти, как отмечено выше, является здание *д*, многократно обновляемое, «перекроенное» и представшее нам в полуурартском-полусредневековом своем виде (рис. 32, табл. XXXV—XXXVI)[13a]. Значение этого здания подчеркнуто тем, что оно стоит особняком, занимает около 400 м² площади, имеет чрезвычайно мощные стены, толщина фасадных стен доходит до 2,5 метров, а на стыке с крепостной оградой—до 5 метров. Здание имеет ступенчатые ряды нижних кладок цоколя, аккуратно оформленные дверные проемы, выложенные чисто отесанными крупными базальтовыми блоками, и чудесно оформленный парадный вход. Вход здания особо знаменателен тем, что имеет базальтовые наличники и верхнюю перекладину (часть их найдена в in situ, другая—перевезена), которые явно напоминают оформление входа позднейшего гарнийского языческого храма эллинистической эпохи. Дверной проем имеет снизу хорошо обработанный профилированный, корытообразный базальтовый порог с мощным, отдельно выделанным подпятником слева, на котором вращалась четырех-пятитонная базальтовая плита с крайними выступами, служившая дверью помещения. Возможно, что базальтовая дверь и пороги проделаны в средних веках, так как подобные «каменные ворота» встречены в нескольких светских зданиях средневековой Армении (Аруч—дворец Мамиконянов, Амберд—замок князей Пахлавуни). Внутренняя планировка здания проста и строга. Возмож-

[13a] В настоящей книге здание *д* описывается в том виде, в каком оно дошло до нас. Анализ последовательных его изменений будет произведен во второй части отчета по Аргиштихинили, посвященного архитектуре города.

Рис. 55. Горшки мелкие.

но, что оно состояло первоначально из вестибюля и двух прямоугольных помещений, напоминая планировку некоторых культовых сооружений Передней Азии[14]. Позже эти помещения были разделены на четыре комнаты.

Местонахождение, внешний облик, внутренняя планировка и древневосточные аналогии подтверждают наше предположение о том, что описываемое сооружение действительно является памятником культа, обязательным атрибутом всех урартских крепостей.

Некоторые мелкие поделки, в частности заготовки каменных печатей, остатки ожерелий из полудрагоценных камней, чудесные обломки парадной керамики, могут служить дополнительным основанием выдвинутого предположения. Перед входом здания найдена квадратная ванна из рыжеватого туфа, используемая, вероятно, при отправлении культов.

Фиксация трех типовых объектов в западной части цитадели Аргишти и отнесение их к категории памятников религиозного культа оправдывается архитектурно-плановыми композиционными особенностями упомянутых зданий и сильно подчеркивает двучастную структуру урартских крепостных сооружений, состоявших, согласно данным клинообразных надписей, из построек светского и религиозного характера.

При этом, пространные надписи из городов Тейшебаини и Аргиштихинили посвящены исключительно постройке храмовых комплексов, сконцентрированных в одном определенном, священном участке. Что в западной крепости мы открыли именно этот участок—нет никаких сомнений, хотя надписи Аргишти I увезены отсюда. Зато после Аргишти рядом с этим участком новые храмы воздвиг Сардури II, сын Аргишти, оставивший об этом свою довольно значительную надпись (найденную в 1965 г.).

Что касается архитектурно-строительных принципов крепостного ансамбля, вопросов внутренней планировки отдельных его сооружений, композиционного построения объектов, внешнего архитектурного облика и строительной техники, то они вполне вмещаются в систему градостроительных норм Урарту, применяемых в ранний период его развития (IX—VIII вв. до н. э.). Не случайно, что по своим внешним очертаниям и важнейшим особенностям планировка западной крепости Аргиштихинили, не повторяя ни одну из известных, выявляет общие черты с крепостями Эребуни и Тушпы, для которых характерно наличие внутренних площадей или дворов, с изолированными крупными или мелкими постройками гражданского, духовного и хозяйственного характера. Великолепным примером подобного рода комплексов является цитадель Эребуни с дворцом, храмами Халди и «суси», зерновыми складами, винными погребами и другими зданиями, построенными в годы правления Аргишти I и Сардури II[15]. Однако и здесь сходство с крепостями Аргиштихинили исчерпывается наличием тройных крепостных стен, дворов и изолированных сооружений вокруг них и сильно отличаются в плане, проекте, во внешнем облике.

Почти такое же соотношение имеется между рассматриваемой крепостью Аргиштихинили и крепостью Хасанлу, исследуемой в последние 10—12 лет экспедицией Пенсильванского университета под руководством профессора Р. Дайсопа. Это крепость IV периода (1000—800 гг. с одиннадцатью мощными башнями, входом, двумя пандусами на западном склоне холма, дворами и тремя большими, почти однотипными зданиями, напоминающими E. GAL западной крепости Аргиштихинили наличием центральных колонн их помещений, продольно-осевым размещением дверных проемов и боковым размещением хозяйственных и кладовых помещений. В фортификациях Хасанлу Р. Дайсоп находит сближение с Кармир-блуром, хотя отмечает более фригийское устройство ворот и сходство плановой композиции здания с дворцами Малой Азии и Эгейского мира[16]. В великолепных материалах этого слоя зафиксированы ассирийские печати IX в., бронзовые ножки животных—части деревянной мебели, ручки котлов в виде животных, птице-человека, характерные для всех памятников Урарту, Фригийского царства и Запада, а также чудесные изделия из серебра и слоновой кости сирийского стиля[17]. Среди них имеются и вещи, очень близко стоящие к раскопочным материалам из Аргиштихинили. К числу их относятся золотая ручка ножа, выполненная в технической манере золотой пекторали из восточноаргиштихинилинской крепости, а также глазурованный сосуд с изображениями древа жизни и козлов, повторяющихся в резьбе роговой печатки из восточной крепости Аргиштихинили[18]

---

[14] *Henri Eliot*, Excavations in Mesopotamia and Western Iran sites at 4000—500 b. c., табл. 16 (The Royal Tombs of Ur).

[15] *К. Л. Оганесян*, Арин-берд, I, Ереван, 1961, стр. 24—48.

[16] *R. N. Dyson*, Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu, Journal of near eastern Studies, v. XXIV, N 3, Juli, 1965, стр. 198—203, табл. XXXIII—XXXV.

[17] Об этом слое Хасанлу см. *E. Porada*, Alt-Iran. Baden-Baden, 1962, стр. 99—115.

[18] *Б. Н. Аракелян*, О некоторых результатах изучения древнего Армавира, Историко-филолог. журн. № 4, 1969, стр. 157—174.

и в орнаментации сосуда из городского квартала[19]. В Тегеранском археологическом музее известна также коллекция (урартского времени) металлических ритонов с мордами животных[20], повторяющихся в протомах восточ-отдаленные крепости хетто-ассирийского мира выявляют значительные черты сходства с сооружениями Аргиштихинили.

Однако все эти приближения, как правильно замечает архитектор экспедиции К. К.

Рис. 56. Горшки-кувшинчики.

-ноаргиштихинилиской крепости. Приведенный тип урартских крепостных сооружений принципиально отличается от группы урартских же крепостей VII—VI вв. до н. э., известных в Тейшебаини, Алтын-тепе, Арагаце, Цовинаре и во многих других местах Ванского царства, в то время как более ранние и Кафадарян, отражали «дух времени», «мировой стандарт» и «моды». По сути же урартская городская архитектура являлась плодом творческой переработки хетто-ассирийской и синтеза местной «циклопической архитектуры» и строительного дела. Во время обследования каждого архитектурного памятника Урарту чувствуется творческая свобода и простор, а в своеобразии памятника выявляются индивидуальный замысел, талант и умение зодчих

[19] Публикуется впервые в настоящей работе.

[20] *E. Porada*, ук. соч., рис. на стр. 110, 112, 114.

в планировании сооружений гражданского, государственного, фортификационного, культового и бытового характера. Ни один из известных ныне архитектурных памятников Урарту не повторяет другой и во многих из них выявляется умение не известных нам, но щедро одаренных урартских мастеров. Шедевром древневосточной архитектурной мысли является именно дворцовое сооружение западной крепости, построенное по велению Аргишти I. Оно не имеет прямых аналогов ни в известных урартских, ни в ассирийских памятниках искусства.

Во времена Сардури II площади крепости расширились почти на 100%. Кроме многочисленных архитектурных корректур, введенных в самой цитадели Аргишти, этим царем были воздвигнуты северные и южные оборонительные стены, культовые сооружения на северо-восточном отсеке и большое количество складских помещений вдоль южной линии цитадели Аргишти. Однако большая часть упомянутых сооружений еще не раскопана и представляет предмет дальнейшего исследования.

После Сардури II на территории западной крепости ничего важного в архитектурном отношении не появилось, хотя много попорчено и изменено. В связи с глубокими военно-политическими и социальными сдвигами, происшедшими в последней четверти VIII и в первой половине VII века, в западной крепости Аргиштихинили появились комплексы построек, остатки которых простираются по всей длине фортификационных террас здания и во дворе цитадели, в виде руин каменных кладок, обвалившихся частей деревянной кровли, покрытых золой и сажей участков полов или отдельных остатков материального производства.

* * *

Более или менее удовлетворительно сохранились они на северо-западном участке, между второй и третьей оборонительными стенами (пункт М), в центральном участке (за второй оборонительной стеной, пункт Р), на верхней террасе между первой и второй оборонительными стенами (пункт Н), во дворе цитадели (пункт О) и перед восточным входом крепости (пункт П). Это жилые комплексы двух принципиально отличающихся типов, вполне сохранивших идентично урартский быт и остатки материального производства конца VIII—VII вв. до н. э.

К первому типу подобных построек принадлежат типовые изолированные помещения (рис. 33), пристроенные к внутренним стенам больших сооружений центрального двора цитадели Аргишти и образующие однородные цепочки комнат с выходящими во двор дверями. Ряд этих помещений обследован у фасадных стен восточного, западного зданий и северного зернохранилища. Совершенно очевидно, что они построены одновременно, по приказу какого-то важного начальника и по единому типовому проекту архитектора для определенной категории людей, строго подчиненных администрации. Стандартные площади помещений—4,85×4,00 м, ширина, формы дверных проемов, толщина, высота, устройство всех стен совершенно одинаковые. Верхняя кладка сделана из стандартно-урартского кирпича (51×30×14 см), дверные проемы расположены в восточных частях помещений северного отсека двора, в северных частях помещений восточного отсека двора и в северных частях помещений западного отсека двора. Внешние и внутренние линии стен этих помещений образуют четкие, за редкими исключениями, равномерные четырехугольники, построены добротно, на высоком каменном цоколе из рваного камня среднего размера и кирпичной верхней кладки. Стены эти сохранились на высоту 1,50—2 м, имеют довольно аккуратную штукатурку. Полы помещений хорошо снивелированы, утрамбованы и обмазаны, перекрытия сделаны из довольно толстого кругляка (диам.—15—20 см) с шахматно-сетчатым расположением, из камыша, циновки и глины. Уже одно то обстоятельство, что помещения эти пристроены к дворцовым зданиям и не соответствуют основному проекту цитадели, свидетельствует в пользу довольно позднего их появления во дворе цитадели, что было вызвано, конечно, особыми обстоятельствами, связанными с изменением функций дворца. Об этом свидетельствуют также некоторые немаловажные детали, как отсутствие органической связи между кладками дворцовых сооружений и рассматриваемых помещений, узость и незначительные высота и мощность кладок по сравнению с дворцовыми, подчиненное их положение в планово-композиционном отношении, а также то, что постройки эти возведены над нивелировочным, глиняным утрамбованным и обмазанным полом двора, в то время как стены капитальных сооружений крепости покоятся на базальтовых скалах и заключают в себе также все нивелировочные устройства[21].

Время их постройки падает, несомненно, на какой-то промежуток послесардуровского правления, так как, по сообщениям клинописных текстов, Сардури строил здесь важные государственные и храмовые сооружения и

[21] По наблюдениям К. Л. Оганесяна, поздние постройки, не связанные с основным планом здания, находились также во дворе цитадели Эребуни («Арин-берд», I; Архитектура Эребуни, Ереван, 1961, стр. 48), что указывает на общность судеб этих крепостей.

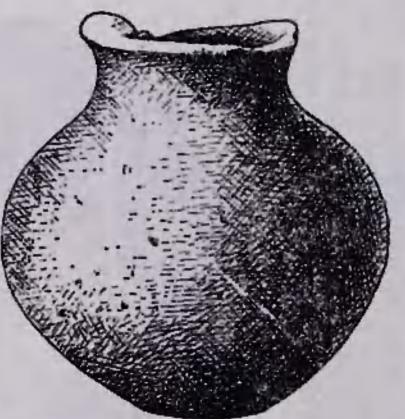
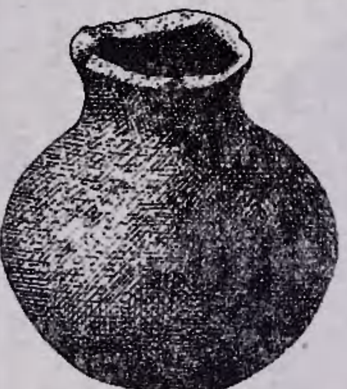
западная крепость Аргиштихинили вполне функционировала. Помимо этого, указанные пристройки иногда устраивались с таким расчетом, чтобы использовать также некоторые из помещений государственных здании. помещений рухнули балки перекрытия, камыш, солома, спекшиеся кирпичи. Они наглухо заперли под собой остатки несложного хозяйства и быта последних жертв западной крепости Аргиштихинили. На полу одного из

Рис. 57. Горшки кухонные.

Как бы то ни было, постройки эти относятся ко второму, упадочному периоду жизни Ванского царства и являются свидетелями гибели города. Как показывают раскопки помещений северного отсека двора, все они горели вместе с большим зернохранилищем и западным капитальным зданием цитадели, во внутрь помещений (№ 4) обнаружены зернотерка и фрагментированные сосуды, другого помещения (№ 3) — маленькая льячка. При доследовании этого помещения был выявлен первый (нижний) урартский пол с зернотеркой и терочником в северо-восточном углу, с остатками хлебных злаков, рядом — маленький

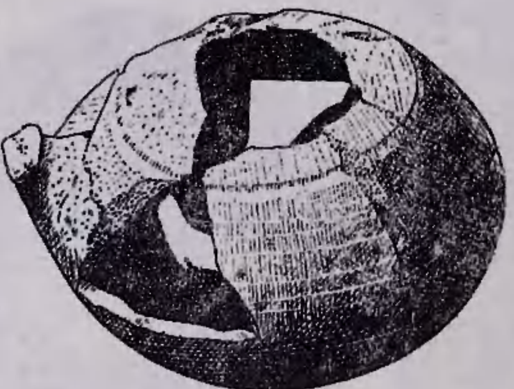

Рис. 58. Мелкая тара для благовоний.

амбарчик, сооруженный из обработанных туфовых плит рыжеватого цвета, в центре помещения - каменная плита, жаровня и еще какие-то незначительные детали. Наиболее важным обстоятельством, связанным с обследованием пристроек двора, является отсутствие особых складских, хозяйственных и кухонных помещений или сколь-либо солидных запасов пищи. Очень типичная картина, в этой связи, предстала глазам археологов в помещении № 2. Здесь под остатками кровли, у восточной стены обнаружены две подчетырехугольные, большие, сильно сработанные зернотерки с терочниками, глубокая базальтовая чаша, вернее, ступа (у западной стены), два фрагментированных караса средних размеров (у южной стены), фрагментированный одноручный кувшин для воды или вина и столовая красноангобированная чашечка. Вот и все хозяйство, предназначенное одному жильцу с минимальными возможностями хранения мелких запасов пищи, их переработки и скромного существования. Отсутствие какого-либо солидного хозяйства недвусмысленно указывает, что жильцы этих помещений являлись «людьми государства», состояли на государственном довольствии и, получая продукты из государственных складов, хранили у себя мелкие их запасы под повседневную, довольно однообразную пищу. Уточнение профессии этих людей является делом времени и везения, однако и ныне ясно, что даже жильцы типовых построек западной крепости принадлежали к разным категориям населения города. Судя по «казарменному» облику описанных помещений, в них могли быть размещены простые воины гарнизона, которые в часы досуга могли заниматься любимой или необходимой профессией. В этом отношении чрезвычайно любопытно, что помимо перечисленных инвентарей в помещении № 2 были обнаружены железные наконечники стрел урартского типа и фрагментированная створка для отливки копьевидного предмета. Предположение о «казарменном» назначении описуемых комнат находит подтверждение и в раскопках помещения № 6, расположенного у стены западного здания. Строительная техника, планировка, ситуация гибели этого помещения те же, что и у описанных выше. При расчистке пола, в северо-западном углу помещения оказались сплетенные прутья и обрывки кожи, оставляющие впечатление остатков, распространенного в тот период круглого щита, покрытого кожей, обломки мощного кольцевидного железного предмета неопределенного назначения, а также вертикально воткнутый в глинобитный пол помещения тяжелый железный акинак, опущенный как бы воином, застигнутым врасплох.

Раскопки описанных выше помещений указывают, как будто, на наличие охранных отрядов и в провинциальных городах, отличавшихся, несомненно, малым количеством воинов и низким их социальным положением. В клинописных урартских источниках такая категория воинов упоминается под термином Lu^{mes} gunušini, Lú gunušini Сардуровской летописи (УКН, 155А, стр. 10 и др.) и других урартских текстов.

Строительством описанных выше типовых помещений был значительно уменьшен двор цитадели, однако все еще сохранялась удобная квадратная площадка, связывавшая между собой различные здания цитадели и представлявшая достаточное удобство для прохода пеших, конных воинов и колесниц. Это неотразимое свидетельство в пользу функционирования крепости в период появления типовых домов, которые, в общем то, не очень изменили первоначальный облик интерьера цитадели Аргишти.

Находясь в зоне ожесточенных боев, у входа и во дворе цитадели, эти дома сильно пострадали, были разграблены, разгромлены, сожжены, и без того жалкое их хозяйство было уничтожено.

* * *

Совершенно другую картину представляет второй тип построек на участках между второй и третьей линиями крепостных стен и перед восточным парадным входом дворца Аргишти I. Они отличаются от описанных и по планировке, и по строительной технике, и по времени строительства (рис. 34, табл. XXXVII). Хижины указанных участков выявили широкую картину быта низших сословий населения города и разительный контраст с великолепными зданиями крепостей и основных городских кварталов. Появление этих жилищ стало возможным намного позже постройки третьей оборонительной стены северо-западного участка и даже после удаления урартской администрации, перемещения резиденции в город Тейшебаини, примерно в середине VII в. до н. э. Это видно, между прочим, также из того, что некоторые дворцовые помещения (например, № 14) были приспособлены под жилье неимущих людей.

В противовес капитальным постройкам крепости, городских кварталов и помещений во дворе цитадели, жилища эти имеют простейшую планировку, прилеплены к контурам больших архитектурных объемов и приспособлены к ним. Тонкие стены их построены из мелкой гальки и булыжника в нижней части (табл. XXXVIII) и мелкого нестандартного сырцового кирпича—в верхней. Узенькие, иногда со ступеньками дверные проемы редко когда сделаны аккуратно обработанными

плитами. Помещения куцые, узкие, иногда имеют двойные глинобитные полы. Перекрытия их сделаны из среднего размера кругляка, камыша и соломы, на высоте 2,5—3 м над уровнем пола. Пол, как правило, состоит из чистой утрамбованной глины, покрытой глиняной же обмазкой с примесью соломы. У дверей всех помещений имеются подпятники и лишь в одном случае обнаружены остатки сгоревших деревянных дверей, изготовленных из простых жердей, каким-то образом приколоченных. Один из кругляков выступал своим заостренным, сильно сработанным концом и лежал над углублением подпятника.

Рассмотрим вкратце эти безобразно-симпатичные хижины, содержащие тонкие подробности быта рядовых тружеников и множество предметов материального производства VII в. до н. э. Комплекс подобных лачуг, расположенных на участке М (раскопки С. Деведжян и А. Исраелян) разделен на две части узким проходом. К югу от него, между контрфорсами второй ограды цитадели расположены узенькие складские продолговатые помещения (№ 4, 9, 11, 12) с северными дверными проемами, к северу—жилые изолированные комнаты с дверными проемами в южной стене (1—3, 5—8, 10, 12—15). Обязательными атрибутами этих продолговатых чуланов являются один или два больших вкопанных караса, так называемые пивные сосуды и более мелкая хозяйственная тара для хранения запасов, в то время как в жилых помещениях выступают инвентари, связанные с производственной деятельностью и бытом жильцов (помещения № 4, 9, 12). Для этих помещений характерны глиняные или каменные очаги, фрагментированные переносные жаровни, зернотерки с мелкими верхними камнями—терочниками, иногда гончарные круги, колесовидные грузила от ткацких станков, костяные (роговые) орудия ткачей, обломки железных серпов, ножей, крючьев, дверные железные запоры, ситообразные сосуды, мелкая столовая тара, горшки, чашечки, кувшины, кружечки с клеймами и метками гончаров, иногда большие и среднего размера карасы, пивные сосуды и прочее. Между помещениями № 5 и 12 было выявлено два зерновых колодца (табл. XXXIX) квадратной формы, очень аккуратно сложенных из мелкого булыжника. Стены их были оштукатурены глиной, на дне находилась ячменная мука с незначительными остатками шелухи, точно так, как в доме № 1 центрального квартала города. В одном из помещений, в очаге, над слоем золы с угольками оказался горшочек с косточками курицы—неопровер-

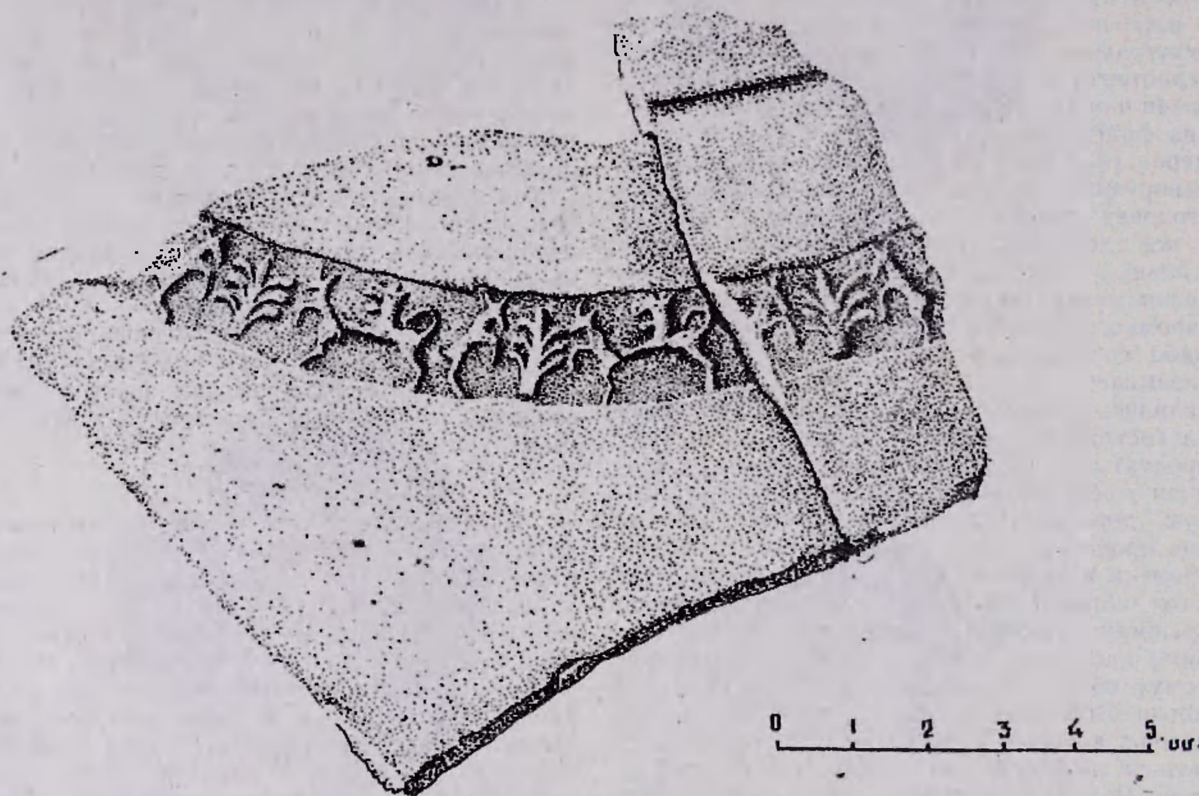

Рис. 59. Сосуд с откатком урартской печати.

таемыми остатками последнего куриного бульона, несъеденного хозяином хижины. В другом помещении оказалась несъеденная дикая груша, которая появляется в Армении во второй половине августа и в сентябре. Под характерной урартской чашечкой оказались перья и косточки голубя, объекта любви детей, продырявленные астрогалы, предметы наиболее древней и распространенной народной (главным образом детской) игры и раковины каури, украшения детских и девичьих волос.

Культурный слой всего комплекса жилищ располагался под горелыми балками и другими растительными остатками перекрытия. Следы сильнейшего пожара зафиксированы также в хижинах участка P, в пункте центрального загиба второй оборонительной стены. Слой обгорелых, перемешанных кирпичей, земли, мелкого камня, балок, частей перекрытия углублялся здесь на метр. Головешки четырех больших балок, упавших с высоты, опирались в оборонительную ограду, на расстоянии 30—40 см друг от друга. Рядом с балками лежала большая железная скоба и фрагмент зигатти квадратного сечения. Стена крепостная в этой части сильно закопчена на высоту помещения, которая определяется отверстиями от балок в сырцовой кладке крепостной стены (табл. XL). Под слоем разрушенного перекрытия у южной стены помещения оказалась большая базальтовая зернотерка с терочником, поставленная на другую, на высоте 70 см от пола помещения. В восточный угол помещения врыт (на глубину 1,10 м) чудесный карас. В западной половине помещения на площади 3 м² оказалось 11 разбитых сосудов, в слое 40-сантиметровой толщины. Здесь были карасик светлоглиняного цвета, одноручный вместительный кувшин, такой же миниатюрный кувшин очень тонкой работы, чудесно сохранившаяся курильница и другие керамические изделия. Среди разбитых сосудов найдены также обломки железного ножа и какого-то костяного (рогового) инструмента. Большой интерес вызвали здесь находки пальчиков обгорелых лоз винограда, тоненьких прутьев кизилового дерева и алычи.

На некотором отдалении сохранились остатки другого помещения, на полу которого лежали обгорелые бревна, а под ними—зернотерки, лощило, точило и поврежденная красноангобированная чашечка.

Описанный здесь большой комплекс беднейших лачуг невольно перекликается с могильником западной части города (см. главу II), взятым царем Сардури под строительство нового квартала внешнего города, а также с терминами урартских письменных документов „LÚ-ú-ú-he" («пленные») и «LÚERE» («раб»)[22], которые беспрерывным потоком направлялись в Аргиштихинили царями Аргишти, Сардури и их потомками для подневольного труда в многочисленных каменоломнях города, в транспортировке камня, глины, лесоматериала, при сооружении каналов и дамб, а затем и в сельскохозяйственных особо тяжелых работах на обширных царских и храмовых плантациях. Клинописные документы гор. Тейшебаини свидетельствуют,

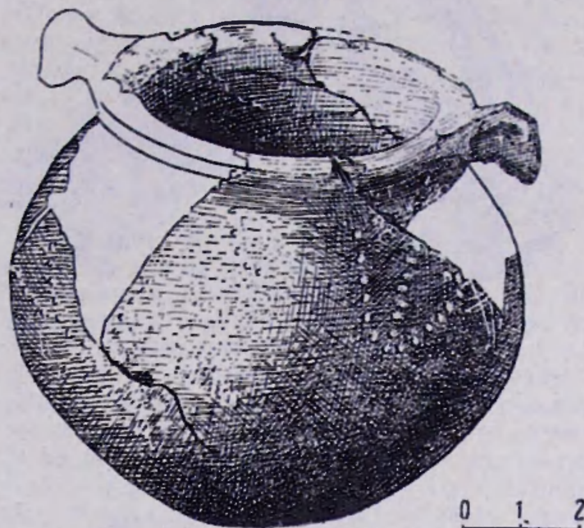

Рис. 60. Сосуд с ручками в виде бычьих головок.

что в урартском обществе были и домашние рабы. Существование значительного числа таковых в городе Аргиштихинили также не исключено. Наиболее существенной чертой хижин этой категории людей является, с одной стороны, обилие орудий труда, с другой—отсутствие сколько-нибудь солидных, налаженных хозяйств полноправных горожан. По-видимому, их горьким уделом был тяжелый, непосильный труд и жалкое существование. Судя по всему, эта категория населения города находилась на государственном довольствии или пользовалась крупицами земельных участков, выделяемых администрацией на кормление.

* * *

Чрезвычайно интересным, богатым жилым комплексом, примыкающим к описанным по двучастному делению хозяйственных и жилых комнат, а также по строительной технике, оказался дом бронзолитейщика-кузнеца, между двумя башнями восточного входа дворца, на месте лестничной клетки и запиравший парадный вход во дворец (рис. 35).

---

[22] *И. М. Дьяконов.* Урартские письма и документы, тексты 4—5, стр. 34—35.

Местонахождение этого дома свидетельствует о полной бесхозяйственности западной крепости в конце VII в. до н. э., но вместе с тем служит указанием продолжения хозяйственной жизни города, продолжения производственно-ремесленнической и сельскохозяйственной деятельности его вплоть до времени исчезновения города с исторической арены.

Рассмотрим вкратце результаты раскопок дома бронзолитейщика-кузнеца, для постройки которого была основательно разрушена парадная лестница дворца, удалены бутовка, засыпка и ступеньки, обнажены цокольные ряды башен и контрфорсов, дабы пристроить к ним жилые, хозяйственные, производственные мелкие ячейки. При этом, некоторые участки восточного отсека крепости ко времени сооружения этого дома захирели настолько, что обвалившиеся колоссальные каменные глыбы башен и контрфорсов

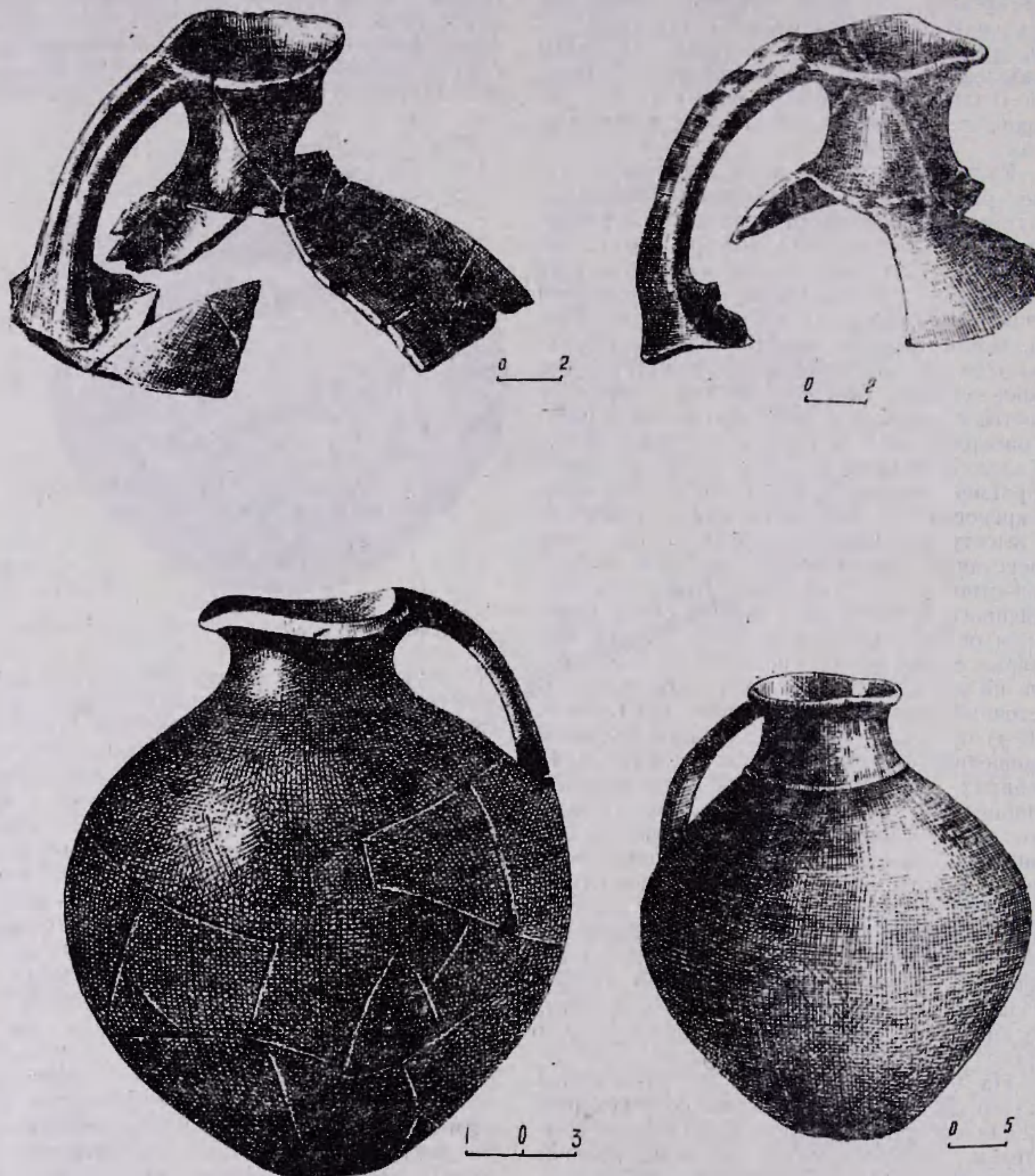

Рис. 61. Крупные одноручные кувшины.

оказались в проеме лестничной клетки и были включены в кладку стен дома бронзолитейщика. Узенькие стены (0,8 м) его помещений сделаны из мелкого рваного камня, булыжника, речной гальки, на глиняном растворе и обмазаны той же глиной на примеси соломы. Кирпич не использован вовсе (рис. 35). Они сохранили местами довольно значительную высоту (до 3 м) и проемы дверей, иногда с каменными ступеньками и подпятниками (табл. XLII—XLIII). Дверные проемы настолько узкие, что через них можно пройти лишь боком. Хижины построены двумя рядами, прислоненными к внутренним стенам северной и южной башен. Между ними оставлен узенький проход, на который выходят все двери. В ходе раскопок выяснилось, что дом бронзолитейщика-кузнеца состоял первоначально из трех помещений (№ 1—3) и маленького чулана (№ 4), превращенного позже в жилую комнату. При этом, две сообщающиеся комнаты были жилыми (№ 1—2), две другие—хозяйственными (рис. 35). Площади помещений колеблются от 7—8 до 11—12 кв. м. Хозяйственные помещения отличались наличием очень большого количества глиняных сосудов различного назначения (табл. XLIII), в то время как в жилых комнатах их количество и типы сильно ограничены. Так, в одной жилой комнате обнаружено всего два караса средних размеров, два больших чана, большой одноручный кувшин для вина и воды, несколько мелких столовых сосудов работы неурартских мастеров VII—VI вв. до н. э., во второй комнате—малый карас со жгутовидным пояском. В кладовке дома (№ 3) на площади 7—8 кв. м обнаружено 14 сосудов самых различных назначений, зернотерка с терочником, шлаки от литья меди, железные крицы и медное, вдвое сложенное колечко, вероятно утерянное кем-то из женщин. В чулане, в углублении скалы обнаружены большой чан, карас, «пивной» сосуд, множество фрагментов другой тары, а также шлаки от литья меди и крицы железа.

Впоследствии к описанному основному ядру дома по мере необходимости были пристроены производственные ячейки (№ 5—8). В одной из них находилось сильно спекшееся кирпичное основание металлургического горна (табл. XLIV) с мощными остатками угля, золы, фрагментов сильно обожженных крупных сосудов, многочисленными кусками металлического шлака и толстостенным мощным тиглем с тремя сливами и толстым налетом спекшейся бронзы. Производственным целям служили и другие три помещения (№ 6—8). В первом из них обнаружен большой карас со срезанной горловиной, заполненный наполовину мелким песком, применяемым в литейном деле, рядом с ним—хорошо сохранившийся тигель с остатками бронзы и великое множество металлических шлаков. В другом помещении валялись каменные формочки для литья металлических клиньев, а в последнем—в мощном слое золы и угля были также найдены тигель, шлаки от плавки меди, железные крицы и прочие отходы производства. Между прочим, шлаки и железные крицы обнаружены во всех помещениях этого комплекса, указывая, тем самым, на интенсивность работы урартских мастеровых. Производство было на мази и дом бронзолитейщика-кузнеца все больше увеличивался цепочкой пристроек по сторонам узкого прохода. К числу этих пристроек принадлежали помещения № 9—14, основанные на более низкой террасе скалы, подчиненные или нуждам производства, или домашнего хозяйства. Возможно, что с металлургическим производством было связано все же помещение № 10 с его двумя карасами, крупными глиняными корытами, с бесчисленным множеством металлических шлаков. Остальные помещения были хозяйственными, складскими или кухонными, в одинаковой мере насыщенными всевозможной глиняной тарой, зернотерками, точилками, лощилами и прочими предметами. В подобных помещениях очень часто встречаются кости кур и другой домашней птицы. Раскопаны простые кухонные очаги цилиндрического устройства (вроде армянских топдыров). Такой очаг был открыт в последнем (№ 14) помещении дома бронзолитейщика с сосудами в нем и вокруг. В соседнем помещении (№ 13) найден скелет двух-трехлетнего ребенка, погибшего под завалом разрушенной стены, во время штурма и ночного пожара.

Таким образом, увеличиваясь постепенно, ко времени гибели города дом бронзолитейщика-кузнеца занимал около 400 кв. м площади. Однако, как видно по препарированным слоям, и эта площадь не удовлетворяла урартского мастерового с его ближайшими помощниками или учениками и он освоил заброшенные помещения старого дворца, приспособив их под производственные нужды.

Чрезвычайно интересная картина была открыта в дворцовом помещении № 14, к которому примыкал с востока дом кузнеца. Под верхней стеной этого помещения, выше уровня пола была обнаружена «ванночка» с выступающими прямыми бортами. Она была составлена из шести прямоугольных плотно пригнанных рыжеватых плит туфа и имела квадратное отводное отверстие у юго-восточного угла (длина ванночки 2,27 см, ширина—127 см). Под этим отверстием находился туфовый хорошо обработанный камень с углублением и желобком, который связывал «ванну» с другим желобом, устроенным под

7—679

полом помещения. Этот последний имел (на месте стыка с ванной) плиту с отверстием для стока воды в желоб, обложенный венцом крупного караса. Желоб состоял из мелких кусков камня, был покрыт такими же плоскими легкими плитами туфа и пролегал в направлении очень большого (диаметр 123 см, глубина 2,5 м) колодца, устроенного в провале скалы, у южной стены помещения. Колодец был обложен большими базальтовыми камнями, на глиняном растворе. Описанное сооружение (ванна, желоб, колодец) могло служить процессу обогащения металлической руды путем измельчения и промывки. Это предположение кажется весьма вероятным еще и потому, что на полу помещения находились колоссальные тяжелые куски металлического шлака, указывающие на производственную функцию бывшего дворцового помещения в поздний период существования города. Здесь же, рядом, к пилону была приставлена человеческая фигура (табл. XLV), вырезанная в рыжеватом туфе. Судя по форме длинной туники и остроконечного головного убора, фигура эта представляла какое-то урартское божество, связанное, вероятно, с какой-то конкретной профессией. У него большие глаза, выполненные глубокими круглыми углублениями, большой, расширяющийся к ноздрям прямой нос, овальный разрез рта и подквадратная бородочка. Руки сложены под грудью, пальцы переданы процарапленными штрихами. Под руками вырезана стилизованная антропоморфная фигура, на которой хорошо выделяются прямоугольный корпус, вертикальные линии—ноги на его продолжении и

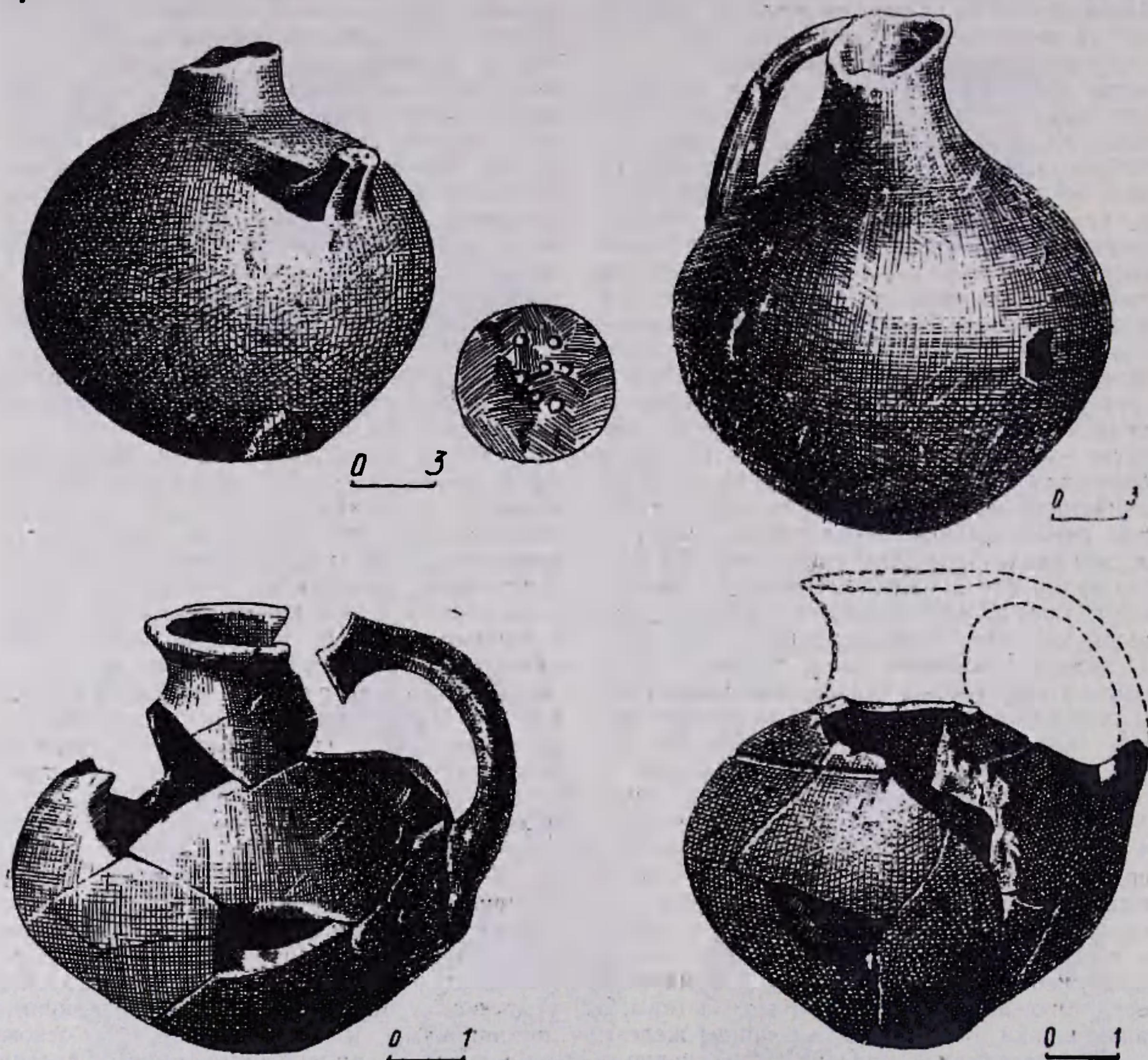

Рис. 62. Средние и мелкие одноручные кувшины.

руки, изображенные также прямой линией, в верхней части корпуса. Эта фигура вполне повторяет стилизованные изображения лучников первобытных петроглифов Армении, которые, в свою очередь, дублируются в зодиакальном знаке «стрелец», считавшемся повсюду, в том числе и в армянской мифологии и в героическом эпосе, покровителем кузнечного дела или просто небесным кузнецом. По городу Аргиштихинили мы знаем еще и вторую кузницу, расположенную за восточной оградой восточной крепости Аргиштихинили, на загороженном участке, между двумя крайне северными контрфорсами. Помещение, пристроенное к внешней ограде, имело первоначально складское назначение, в нем находились большие карасы. Для устройства кузнечной мастерской впоследствии были срезаны верхние части карасов и создана новая площадка, на которой оказались наковальня и большие куски обработанного железа[23].

Судя по продукции, рассмотренные металлургические мастерские не принадлежали к числу царских—государственных и работавшие здесь мастеровые не являлись, конечно, высоко привилегированными. Однако по своему социально-экономическому положению они сильно отличались от жильцов описанных выше лачуг, хотя техника строительства их домов и некоторые черты планировки выявляли много общего. Металлурги города принадлежали, несомненно, к категории свободного населения, с довольно высоким материальным достатком.

* * *

Ко второму типу жилых комплексов послесардуровских времен принадлежат также характерные мелкие особняки, выявленные на участке П, между первой и второй оборонительными линиями (табл. XLVI). Из этого комплекса расчищено пока семь помещений, принадлежавших двум рядом стоявшим домам (рис. 36а). Первый из них состоит из четырех помещений, второй—из трех, невполне сохранившихся в основании. Располагаются они на хорошо утрамбованном и обмазанном полу прохода между крепостными оградами, имеют свои полы, устроенные на высоте 30—40 см от нижнего пола. Появились они, несомненно, после воздвижения второй ограды, на созданной ею террасе, о чем ясно свидетельствует примыкающий к первому особняку забутованный чудесный дренаж, предназначенный для отвода дождевых и использованных вод за вторую оборонительную стену.

Дренаж этот обнаружен в узкой, откосной канаве (ширина 0,5, глубина 0,8), образованной параллельными каменными кладками крепостных строений, в конце которых расположен сложенный из камня колодец, покрытый туфовой плитой с центральным отверстием. Колодец имеет на продолжении каменный желоб, спускающийся под большим углом ниже цоколя второй ограды.

Рис. 63. Катушковидные подставки.

Старый дренаж был забутован именно в связи с постройкой первого особняка участка Н, состоящего, в сохранившемся виде, из двух жилых помещений и зернового погреба, с четырьмя колоссальными карасами, на дне которых сохранились «спрессованные» зерна пшеницы (табл. XLVI). Масштабы и общая планировка этого дома были приспособлены к контурам соответствующего участка крепости и значительно уступали особнякам городских кварталов. Во всем остальном дом этот соответствовал городским. Стены его капитальные, дверные проемы достаточно широкие (иногда с профильным оформлением), над цокольными каменными рядами сохранились остатки капитальных стен сырцового кирпича, балки и другие остатки перекрытия были довольно мощные, связанные между собой жилые и хозяйственные помещения строго прямоугольные. Указанные отличительные черты позволяют отнести описанный дом к тому периоду, когда строились не окраинные, а близкие к крепостям городские кварталы.

[23] *Б. Н. Аракелян*, там же.

Здесь, как и в других домах, выявлены очень разнообразные остатки материального производства, памятники быта и обихода, некоторые из коих отображают творческие возможности и художественные навыки мастеровых. К числу их принадлежат фрагменты пузатого узкогорлого караса, с чудесной гравировкой колесницы, с конской упряжкой,

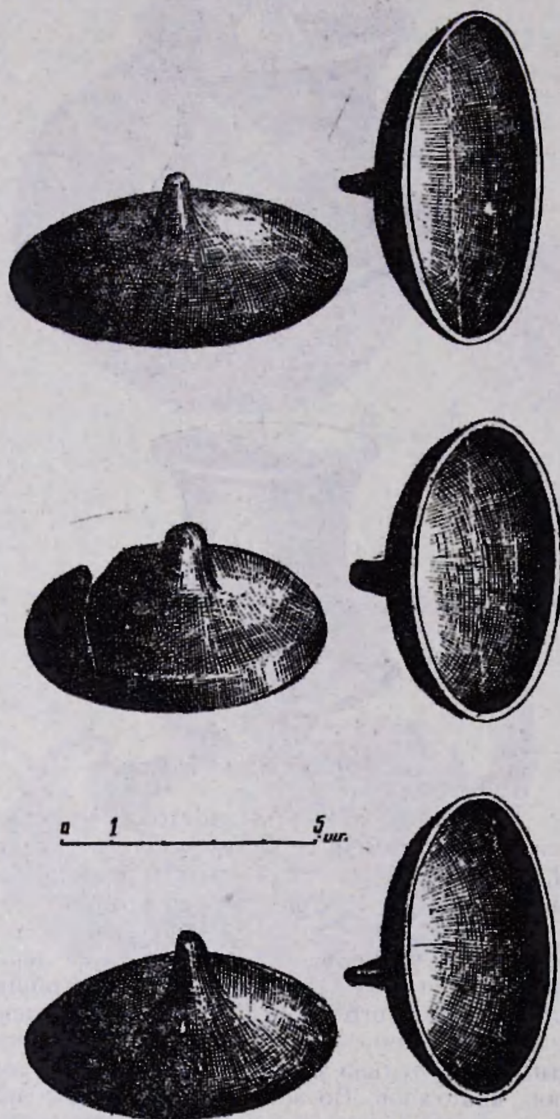

Рис. 64. Крышки кувшинов.

напоминающей хеттские колесницы египетских рельефов (рис. 36б). Замечательны также очень крупные культовые «кубки» с горизонтальными рядами крупных треугольных шевронов—красноангобированных и без ангоба. Курильницы, сосуды с иероглифическими обозначениями, с клеймами и метками мастеров (главным образом кресты и стрелы). Среди предметов домашнего хозяйства все те же базальтовые зернотерки, остатки базальтовых чаш, крупные фрагменты жаровен и прочие вещи. Настоящими шедеврами урартского гончарного производства являлись крупные карасы, иногда с емкостью до двух тысяч литров, с прямыми высокими венцами, с горизонтальными двужилистыми поясками, треугольными и аркообразными крупными углублениями на корпусе. Мощный слой ангоба этих сосудов нанесен на подоснове, имеющей насечки, каковые сделаны были и для подвенечных жгутов, треугольных и аркообразных углублений. Стены карасов состоят из длинных лент, насаженных друг на друга и прочно вдетых друг в друга посредством косых пазов, сделанных на каждом пояске. Детальным исследованием этих карасов можно восстановить всю технологию их изготовления. Для их обжига, вероятно, строились колоссально мощные обжигательные печи, которые, вместе с мастерскими, располагались, несомненно, вблизи каналов или арыков. Но в данном случае нас интересует не столько технология этих чудесных сосудов, сколько то, что они имеют совершенно точные свои повторения в карасах дома № 1 второго городского квартала. Их сходство так велико, что не оставляет сомнения в выделке их одним и тем же мастером. Если верно это наблюдение, то дома на участке Н крепостной террасы и дом № 1 второго городского квартала синхронны и построены, во всяком случае, после появления второй крепостной ограды, несомненно после правления Сардури II. Период их строительства может вполне вкладываться в промежуток между 730—650 гг. до н. э. И поскольку эти постройки являются особняками типа известных по второму кварталу внутреннего города, повторяющими здесь и там одни и те же принципы архитектурного типа и строительной планировки, масштабов и прочее, то несомненно они построены раньше системы хибарок, по всей вероятности, в первые смутные годы правления царя Русы I и после, когда этот урартский правитель был занят строительством крепостей и городов присеванских районов.

Сохранившаяся часть второго дома на участке Н повторяет архитектурно-строительные отличительные признаки первого, вполне связывается по типу с городскими домами, повторяет археологический материал первого дома участка Н в крепости, III дома второго городского квартала и дома № 8 (раскопки Р. М. Торосяна). Дом этот также погиб при штурме крепости, в культурном его слое сохранились довольно мощные обгорелые балки и другие компоненты обвалившейся кровли. Он имел очень хорошую кирпичную кладку на высоте более полутора метра

(табл. XLVII). От этого дома сохранились неполных три помещения (раскопки В. Р. Исраеляна). Бытовой рисунок помещения тот же, остатки трех карасов (вероятно, зерновых), большая зернотерка, поставленная на высоте вместе с верхним камнем терочника, кувшинчики и фрагменты характерного кубка с треугольными шевронами, которые не отличаются от находки вышеупомянутого первого дома террасы и имеют прямые свои аналогии в материалах из крепости Ишпуини и Менуа в Калатгахе, Приурмийском районе западного Ирана. Карас и мелкая чашечка этого помещения имеют метку мастера в виде стрелы, которые повторяются очень часто в материалах городских кварталов, в частности в доме № 3 и 8. С точностью повторяются также фрагменты горшка со вдавленным изображением древа жизни в доме № 8 второго городского квартала. И эти вещи изготовлены для различных семей одним и тем же мастером. Помимо всего этого в доме № 2 на террасе II обнаружены обломок железного ножа, железная стрелочка урартского типа, глиняная простая кружечка с одной ручкой, характерный урартский светильник (рис. 36в), чудесная агатовая бусина и черепок толстостенного сосуда с клеймом, представляющим рисунок «древа жизни» и прочие фрагменты.

Восточная крепость (рис. 37). Раскопки восточной крепости Аргиштихинили велись Армавирской экспедицией, поскольку здесь древности урартские и раннеармянские, причудливо переплетаясь, образовали основу последующего развития материальной и духовной жизни Армении. Восточная крепость была также невелика, занимала около двух гектаров площади, представляла в плане что-то вроде ломаного четырехугольника, сохранила чудесно обработанные блоки нижних рядов двух оборонительных стен с башнями и контрфорсами, незначительные остатки или следы крупных урартских построек и вписанных в них строений ахеменидского и эллинистического времени, которые, в общем-то, не изменили внешнего облика величественных сооружений урартских царей Аргишти I и Сардури II. Остатки большого здания с двухчастной разделкой жилых и хозяйственных помещений препарированы на восточном отсеке крепости, следы схожего большого здания выявлены на западном отсеке. В центре холма, на самой макушке стоят развалины интересного и важного сооружения, до сих пор еще детально не обследованного[24]. Общей картины упомянутых урартских и армянских памятников восточной крепости и окружающих его городских кварталов все еще нет. Однако сходство и детально идентичное отражение социально-экономических и исторических сдвигов в этих двух крепостях Аргиштихинили настолько очевидны, что дают себя чувствовать с первого же ознакомления. Здесь так же, как и в западной крепости,

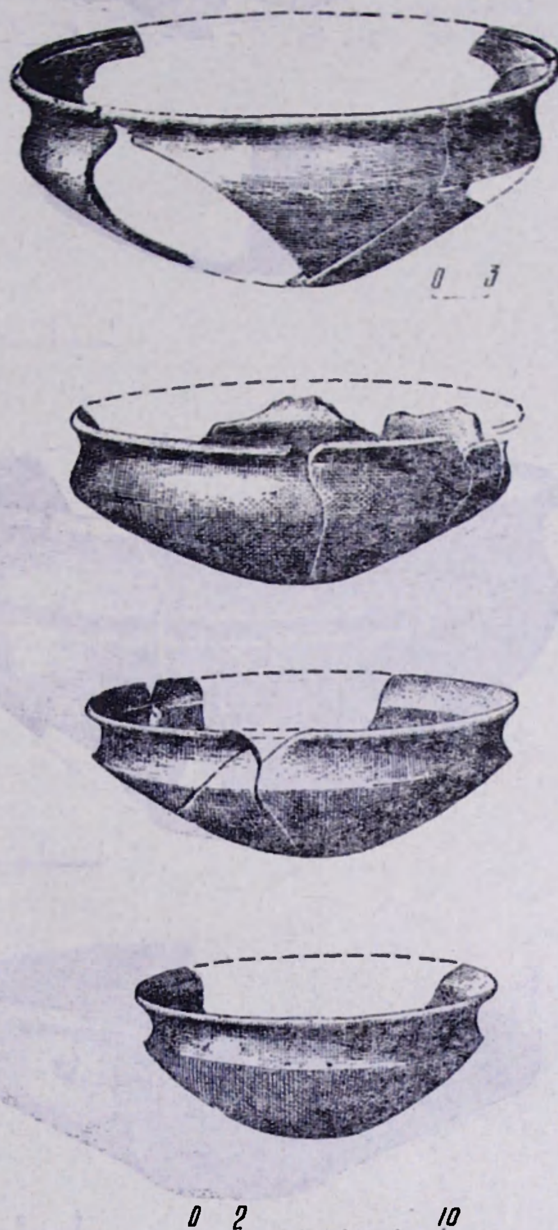

Рис. 65. Красноангобированные чаши разной величины.

найдены важные строительные надписи, Аргишти I и Сардури II, здесь также крепость Аргишти одета в новую оболочку, добавленную царем Сардури, здесь также ворота двух оград и соответствующие пандусы расположены параллельно, одни над другими в северной части здания. Здесь также к капи-

---

[24] О раскопках восточной крепости Аргиштихинили см. *Б. Н. Аракелян*, ук. соч., там же.

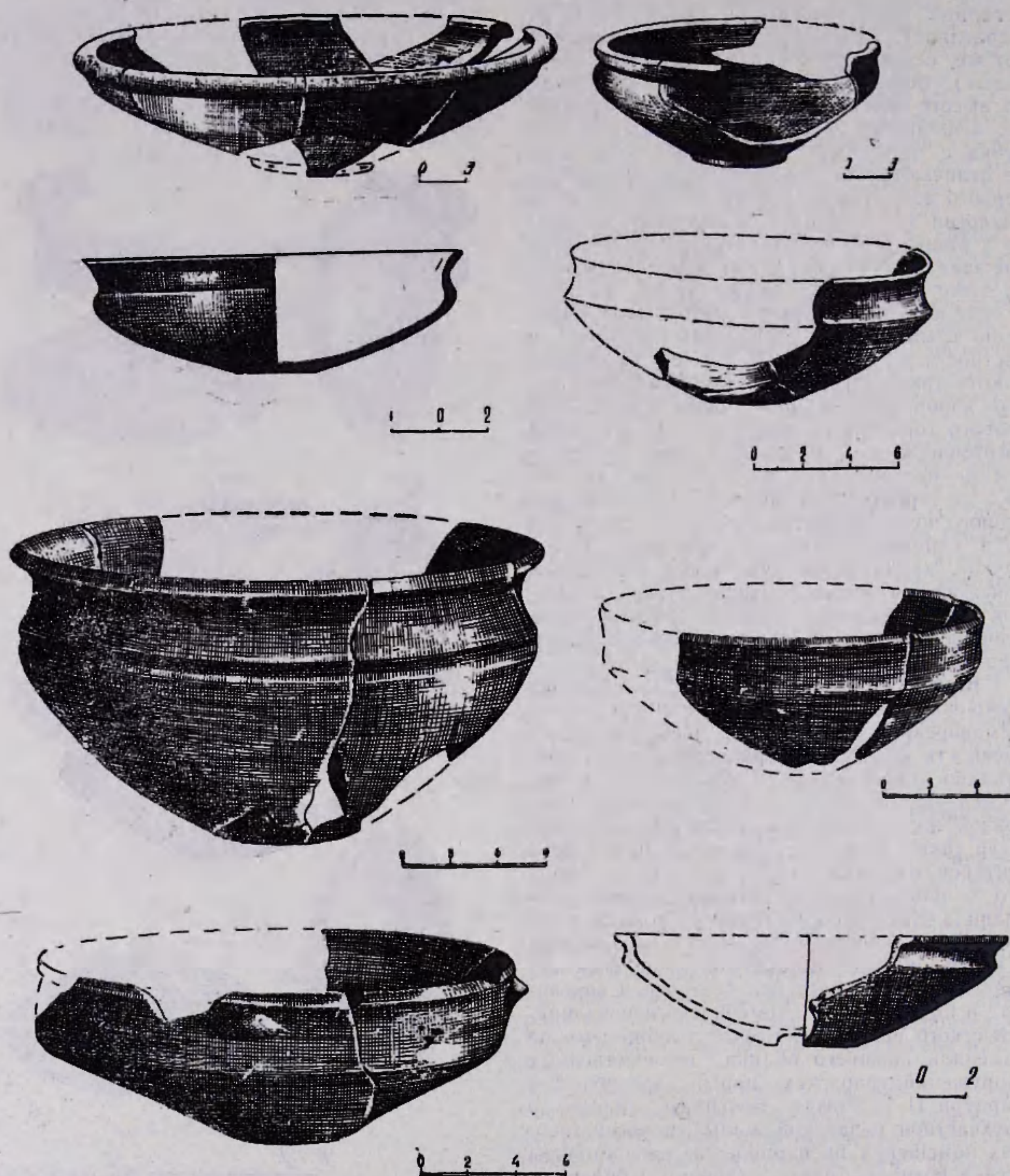

Рис. 66. Красноангобированные чаши.

тальным строениям времен Аргишти добавлены не менее великолепные постройки Сардури, сильно изрезана первоначальная внутренняя планировка сооружений гражданского и религиозного характера урартскими же пристройками последующих периодов, здесь также на террасах крепостных оград появились жалкие хижины и производственные ячейки под крепостными стенами, между башнями и контрфорсами—свидетели позднего периода существования города. Здесь скалы были выровнены для установления

поколя внешней ограды северной части, здесь находились водоотводные и дренажные устройства, как в западной крепости, здесь те же базы от колонн и другие архитектурно-строительные детали.

Эти две крепости Аргиштихинили жили одной жизнью, совместно переносили все превратности судьбы, являлись частями одного большого, живого организма, имеющего, естественно, периоды расцвета, временных спадов и возвышений. Они пользовались продукцией одних и тех же мастерских, на что, между прочим, указывает наличие идентичных знаков, меток, клейм на изделиях гончарного производства, наличие аналогичного состава всего комплекса изделий материального производства урартского времени и условия стратиграфического их залегания.

Обе крепости Аргиштихинили погибли одновременно под ударами одной группировки вражеских сил, одними средствами ведения штурма крепостей. Но об этом несколько позже.

ГЛАВА VI

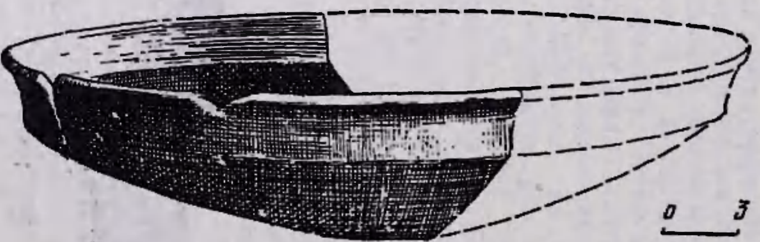
ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ ВНУТРЕННЕГО ГОРОДА

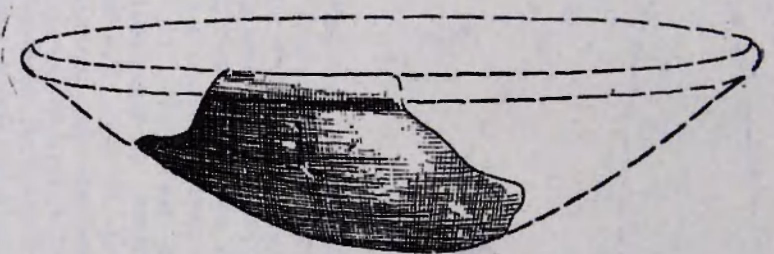
Кроме остатков западной крепости, более или менее удовлетворительно сохранились руины жилых домов внутреннего города, простирающиеся к востоку от западной крепости на протяжении 2,5 км и занимающие поверхности и подножья трех базальтовых выступов (с, d, е), седловины между ними, а также примыкающие к последним с юга и севера равнинные участки. Количество упомянутых особняков, зафиксированных на дневной поверхности, достигает пятидесяти. Дома эти в древности составляли отдельные кварталы, точную разбивку и планировку которых по сегодняшним данным трудно установить. Исходя из рельефа местности можно предполагать наличие не менее трех кварталов в пределах внутригородской ограды, которые могли бы соответствовать западно-восточному расположению холмов и сетчатой разбивке улиц, принятой в древневосточной градостроительной практике. Переходя к рассмотрению раскопанных жилых домов, мы будем придерживаться условно-поквартального их чередования. При этом, на территории I квартала, непосредственно примыкающего к западной крепости с востока, раскопочные работы не произведены из-за плохой сохранности культурных слоев. Раскопки домов велись на территории II (полевой I) квартала, который занимает центральное положение по отношению к другим, имеет более двадцати особняков удовлетворительной сохранности, из коих исследовано лишь восемь (рис. 38, табл. XLVIII). **Дом № 1** сохранился неполностью, раскопан в 1963—64 гг. (А. Исраелян, С. Арутюнян). Открытая часть сооружения имеет прямоугольный план, занимает 450 м² площади (рис. 39), состоит из шести сохранившихся и нескольких основательно разрушенных помещений, планировка и функциональное назначение которых установлены частично. Наружные части стен дома сложены из крупных базальтовых блоков, внутренние— из мелких камней облицовки. Внутренняя поверхность стен обмазана. Над каменным цоколем местами сохранились кирпичи, показывающие, что верхние части стен были кирпичными. Аккуратные дверные проемы имели пороги из обработанных плит туфа или базальта, а также каменные подпятники для оси деревянных дверец. Очень ровный и твердый пол сделан из чистой строительной глины и покрыт сверху тонким слоем белесой прочной массы. Камни цоколя поставлены на прочный грунт без фундамента и до сих пор крепко держатся.

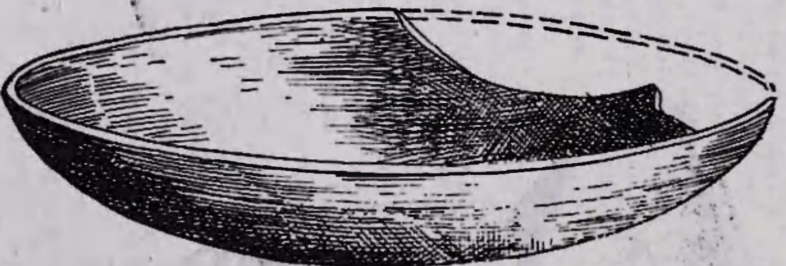
Судя по общей планировке, ядро дома состояло, как обычно, из просторных жилых покоев, вокруг которых группировались сравнительно более мелкие хозяйственные помещения различного назначения. В угловом, северо-восточном, помещении дома был устроен довольно богатый винный погреб с восьмью очень крупными и тремя средними карасами весьма удовлетворительной сохранности (табл. XLIX, L). В отличие от кармирблурских или аринбердских, они были вкопаны в земляной пол лишь в донной части, напоминая более западные погреба. Большие карасы несколько отличались от известных своими высокими венцами, прямоугольными и аркообразными углублениями наружной поверхности. Средние же карасы встречены в Аргиштихинили впервые, имеют черную поверхность и несколько горизонтальных рельефных широких поясков на ней. Как видно, это помещение служило погребом достаточно долгое время, так как в нескольких случаях в разбитые, вышедшие из употребления карасы были вдеты новые. На противоположном углу дома размещалось продолговато-прямоугольное скотское помещение с мощеным полом и несколькими каменными кормушками (табл. L). В винном погребе дома могло храниться одновременно около 12—13 тысяч литров вина, а в скотском помещении—не менее 30—40 голов мелкого рогатого скота. Над каменной подмосткой

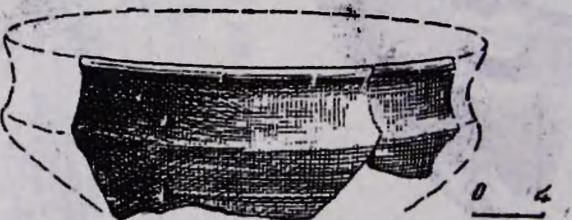

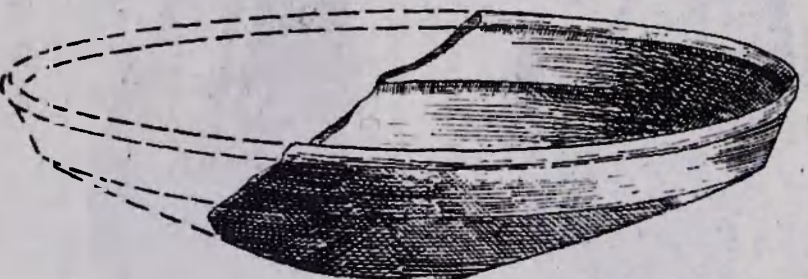
Рис. 67. Красноангобированные чаши.

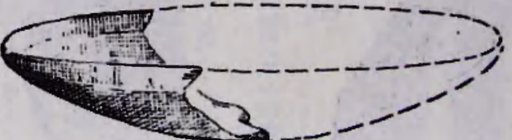

Рис. 68. Красноангобированные чаши.

хлева обнаружен сильно обгоревший слой перекрытия, состоящий из бревен, жердей и камыша и свидетельствующий о том, что дом этот стоял около 200 лет до момента гибели города. На полу пяти других помещений, размещенных вдоль северной и восточной стен, была обнаружена характерная глиняная тара, указывающая на складское и хозяйственное их назначение. Среди керамики особенно большим количеством и размерами отличались сероватые конусовидные чаны, красноангобированные чашечки и фрагментированные одноручные кувшины, которые встречаются здесь, как правило, рядом с карасами. Вполне подтвердилось хозяйственное назначение юго-западного углового помещения, где находились два больших караса в фрагментах, красноангобированные одноручные кувшины, аск, очень тонкие фрагменты чаш VIII в. до н. э. и зернотерки.

На полу разрушенной (центральной) жилой комнаты обнаружена хорошо обработанная туфовая плита (рис. 40) подтреугольной формы с тремя чашечными углублениями для ритуальных сосудов возлияния. Позже было установлено, что в жилых покоях урартских домов имелись свои священные уголки, как это наблюдается в доурартских домах раннежелезной поры. Тут и там на кучах золы и пепла валялись гладкие листовые каменные плиты-жаровни для выпечки хлеба или лепешек. Многочисленны также обломки базальтовых чаш, весьма тонких, профилированных или же грубых глубоких, порою не завершенных обработкой. При расчистке карасов, на дне одного из них была обнаружена связка железных орудий, которые после реставрации оказались топорами каменотесов. На основе этой находки сделано предположение[1], что раскопанный дом (№ 1) мог принадлежать мастеру-каменотесу, полуфабрикаты продукции которого покрывали территорию многих домов этого квартала.

При обследовании этого дома бросилось в глаза архитектурно-плановое, строительное и бытовое сходство с ранее раскопанными жилыми домами свободного урартского населения города Тейшебаини[2] и на этом основании выдвинуто предположение о высоком достатке всего урартского населения города Аргиштихинили. Это предположение вскоре подтвердилось опросом жильцов с. Нор-Армавир, доследованием отдельных участков ранее разрушенных домов на территории внешнего города в западной части Аргиштихинили, а также раскопками всех домов внутреннего города. Фрагментами больших карасов буквально завалена вся территория двух крайне западных холмов, западная окраина города, канал, вырытый до начала раскопок и пролегающий вдоль холмов с запада на восток. На территории сельского детсада, на приусадебных участках сельчан (Х. С. Манукян, А. Мстоян, Р. Авдалян, Т. Мелконян и др.) обнаружены винные кладовые, содержащие 12–15—20 карасов. Весьма вероятно, что эти окраинные дома внешнего города, как и расположенные за южной оградой, принадлежали земледельческому населению города, о чем свидетельствует не только множество винных погребов и других складских помещений, но и то, что, по свидетельству надписи Сардури II, именно на западном холме этим царем был построен храм бога Халди, «разбиты поля и виноградники, построен новый город», т. е. большой квартал города, не отвлеченно и где-нибудь, а именно в западной части Аргиштихинили.

Конечно, своим богатством и великолепием особо отличались дома внутреннего города, местопребывания цвета городского общества.

Дом №2 (раскопки К. К. Кафадаряна)[3] сохранился весьма удовлетворительно в цокольной части (выс. 0,5—1 м), выложен из больших базальтовых глыб и кирпича, внутренние и внешние поверхности стен обмазаны глиной, внешние укреплены равномерно расположенными прямоугольными контрфорсами, расчленяющими глухие поверхности фасадных стен[4]. Парадный вход под навесом расположен в уступе северо-западной стороны. Аккуратно сложенные дверные проемы с подпятными камнями, порогами и ступеньками связывают между собой все помещения, расположенные на разных уровнях, согласно рельефу местности. Здание прямоугольное, с размерами сторон 27×23,8 м и общей площадью 614 м² (рис. 41 табл. LI—LII). Ядром дома является прямоугольный центральный зал в 77 м² с шестью дверными проемами (связывающими все помещения) двумя базами от деревянных колонн для конусовидного перекрытия с верхним световым колодцем, служившим также для вытяжки дыма от очага, открытого в центре зала (пом. №3). Подобные залы, обнаруженные нами в урарт-

---

[1] *А. А. Мартиросян*, Город Аргиштихинили, СА, № 4, 1967, стр. 229.

[2] *А. А. Мартиросян*, Город Тейшебаини, рис. 42—43, 50, табл. 2.

[3] *К. К. Кафадарян*, Новые данные по архитектуре Урарту, СА, № 3, 1967, стр. 242—245.

[4] По внешним очертаниям дом этот повторяет известный в Тейшебаини большой секционный дом (см. *А. А. Мартиросян*, Армения в эпоху бронзы..., рис. 98), а также сильно пострадавший дом, открытый в последнее время в городе Русы в окрестностях с. Бастам Иранского Азербайджана (см. *W. Kleiss*, ук. соч., рис. 7).

скнх домах, служили местом собрания семьи, вернее, большесемейной общины, характерной кровно-родственной хозяйственной ячейки урартского общества. К северу располагалась такая же большая жилая комната с рестроек, разбивших одно большое помещение на три комнаты, фактически на самостоятельную отдельную квартиру с хлевом. Из-за этого еще в урартское время были заложены восточные дверные проемы. Вокруг этих двух

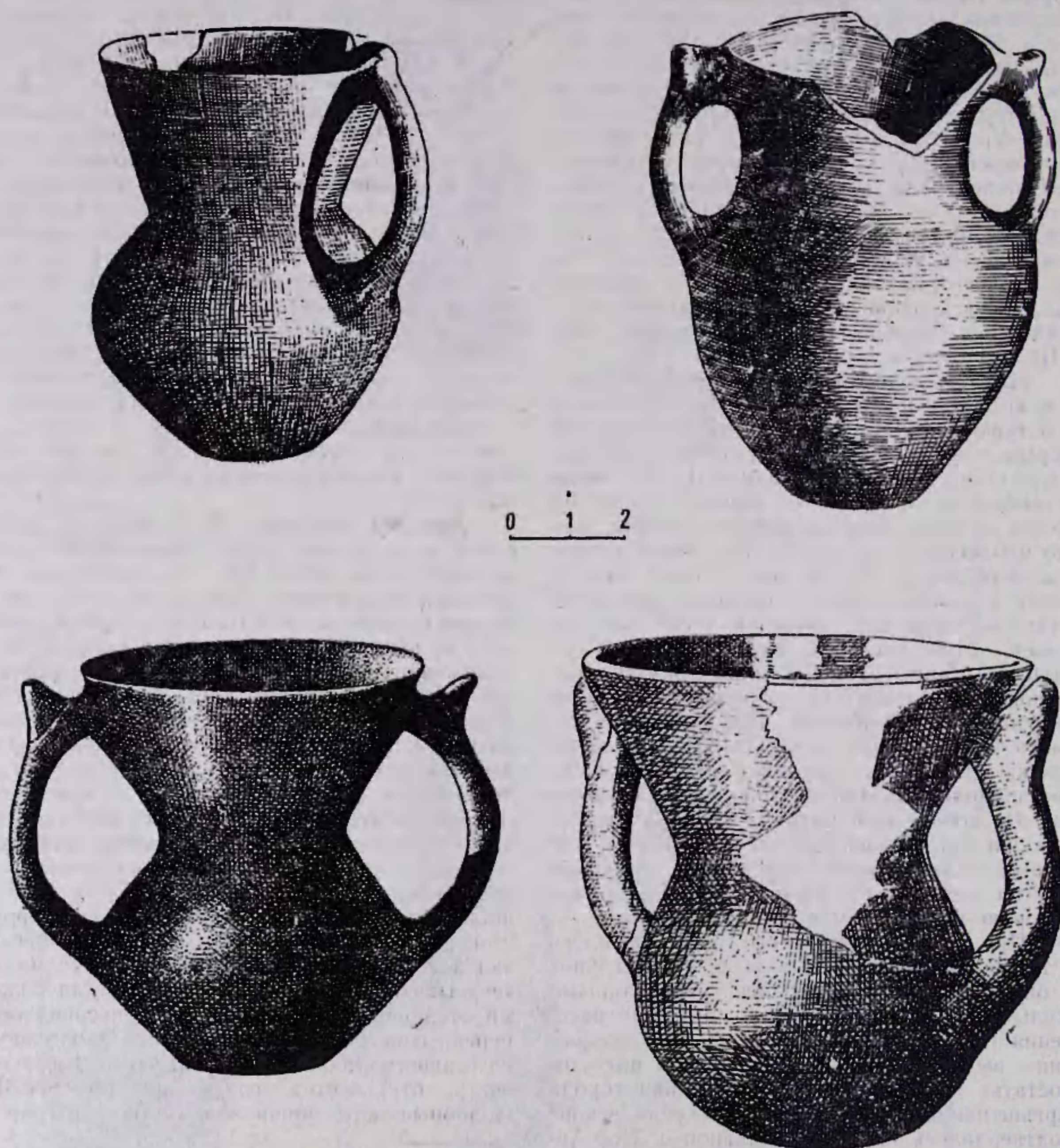

Рис. 69. Красноангобированные двуручные кубки.

четырьмя дверными проемами. Судя по многочисленным аналогиям, подобные комнаты, как и центральные залы, имеют очаги, деревянные колонны и конусовидное перекрытие и световой колодец, однако многие из этих деталей утрачены из-за позднеурартских пе- больших помещений группировались девять комнат по периметру здания, служивших для хранения больших запасов сельскохозяйственных продуктов и хозяйственно-бытовых нужд. Функциональное назначение большинства этих комнат совершенно очевидно. Поме

щения восточного отсека были связаны с выпечкой хлеба. В одном из них находилось пять больших карасов-зерновиков и загороженный уголок для муки (табл. LIV) (№ 11), в другом — урартская тара (№ 10), чаши, чаны, кувшины, в следующем — цилиндрический глиняный тонир для выпечки хлеба и большое толстостенное, добротное лощеное глиняное корыто овальной формы, с высокими бортами для обработки теста (№ 9). В углу VIII помещения находился каменный очаг, что позволяет предполагать жилое его назначение. Возможно, что здесь жил пекарь. Кухня располагалась за центральным залом, имела каменный очаг с золой, глиняной низкобортной жаровней над ней и рядом — цилиндрический тонир. Вся площадь этого помещения была завалена обломками разнообразнейшей сильно закопченной посуды (карасиков, пивного сосуда, горшков, кувшинчиков), многочисленными ступами, пестами, зернотерками (№ 16). В углу соседней комнаты стоял большой одинокий карас, либо от консервированного мяса, либо от топленого масла. Во II помещении находился винный погреб с восьмью довольно вместительными карасами. В общей сложности в этом доме обнаружено 14 больших и более двух десятков малых карасов. Назначение двух остальных помещений (№ 1, 5) не выяснено, так как культурные слои их были окончательно смыты.

Как видно из вышеизложенного, дом №2 принадлежал, несомненно, состоятельной семье. Об этом свидетельствуют добытые раскопками помещений этого дома достаточно разнообразные и богатые остатки материального производства и, главным образом, целый ряд замечательных находок — остатков былой роскоши этого уютненького особнячка. К их числу принадлежит чудесно обработанная большая базальтовая декоративная чаша на низком поддоне, какие украшают помещения дворцов Тейшебаини и Эребуни, превосходные образцы столовой посуды, красноангобированные тонкие одноручные кувшины и чаши VIII в. до н. э., повторяющие формы металлических пиал, сигарообразные, так называемые «пивные» сосуды с урартскими клеймами в виде башенок с древом жизни, встречающиеся на бронзовых чашах, носящих имя царя Сардури, на одном сосуде цитадели города Тейшебаини, а также чудесный бомбовидный горшочек, покрытый красным ангобом и носящий на плечиках поясок, оттиснутый на мягкой глине откаткой цилиндрической печати, на которой выгравированы древо жизни, козлы и львы по обеим сторонам. Мотив этот весьма характерен для памятников искусства Урарту и Ассирии VIII в. до н. э. Наконец, в одном из помещений этого дома найдена ониксовая гиревидная печатка с изображением оленя на нижней плоскости и другая же подобная печатка — в нескольких метрах от входа этого дома, с изображением головки лошади также на нижней плоскости. Полуфабрикаты урартских печатей гиревидной и других форм обнаружены в помещении малого храма западной цитадели Аргиштихинили. Это указывает на то, что здесь широко применялись печати должностными лицами, одним из которых в данном случае мог быть хозяин этого дома. Этот дом мы условно назвали домом «держателя печати» ($^{LU}NA_4.DIB$), важного должностного лица, засвидетельствованного для городов Урарту письменными документами.

Дом № 3 (раскопки К. К. Кафадаряна)[5] сохранился значительно хуже второго, чудесно вписан в рельеф, выстроен из колоссальных каменных глыб, которые подчас прерываются выступами скал, обработанных в виде поверхности стены. Таким же образом для устройства пола помещений выровнены стальными молотами острые части выступающих глыб. Дом этот находится напротив второго, на восточном конце внутренней оборонительной стены. Сохранившаяся часть дома имеет трапециевидную форму, состоит из шести помещений, центральный из которых занимает 36 м² площади, имеет четыре дверных проема, связывающих все комнаты, центральный круглый очаг с гладкой плитой на дне и вертикально поставленными боковыми камнями (рис. 42, табл. LIII—LIV). Судя по наличию очага и цилиндрического малого тонира в северо-восточном углу, перекрытие этого помещения также имело конусовидную форму со световым колодцем в центре, хотя оно не нуждалось в деревянных подпорках. К южной и северной стенам помещения пристроены продолговатые узкие скамьи, сделанные из рядов мелких камней, заполненные глиной и обмазанные сверху. Общая длина этих скамей около 8 метров и разместимость около 30 человек. Эти важные детали ясно указывают, что подобные комнаты действительно служили для семейных советов, сборищ, празднеств и т. п. Общая комната сообщалась с двумя южными подсобными помещениями через узкий коридор и непосредственно с восточной маленькой комнатой. Как видно по фрагментам боковых стен, дом этот имел еще другие хозяйственные помещения, которые в общем-то свидетельствуют о высоком экономическом достатке хозяев этого дома. Вполне удовлетворительно сохранилось примыкающее к центральному с севера складское помещение (винный погреб), которое и указывает на богатство жильцов. Эта обшир-

[5] *К. К. Кафадарян*, ук. соч., стр. 246—247.

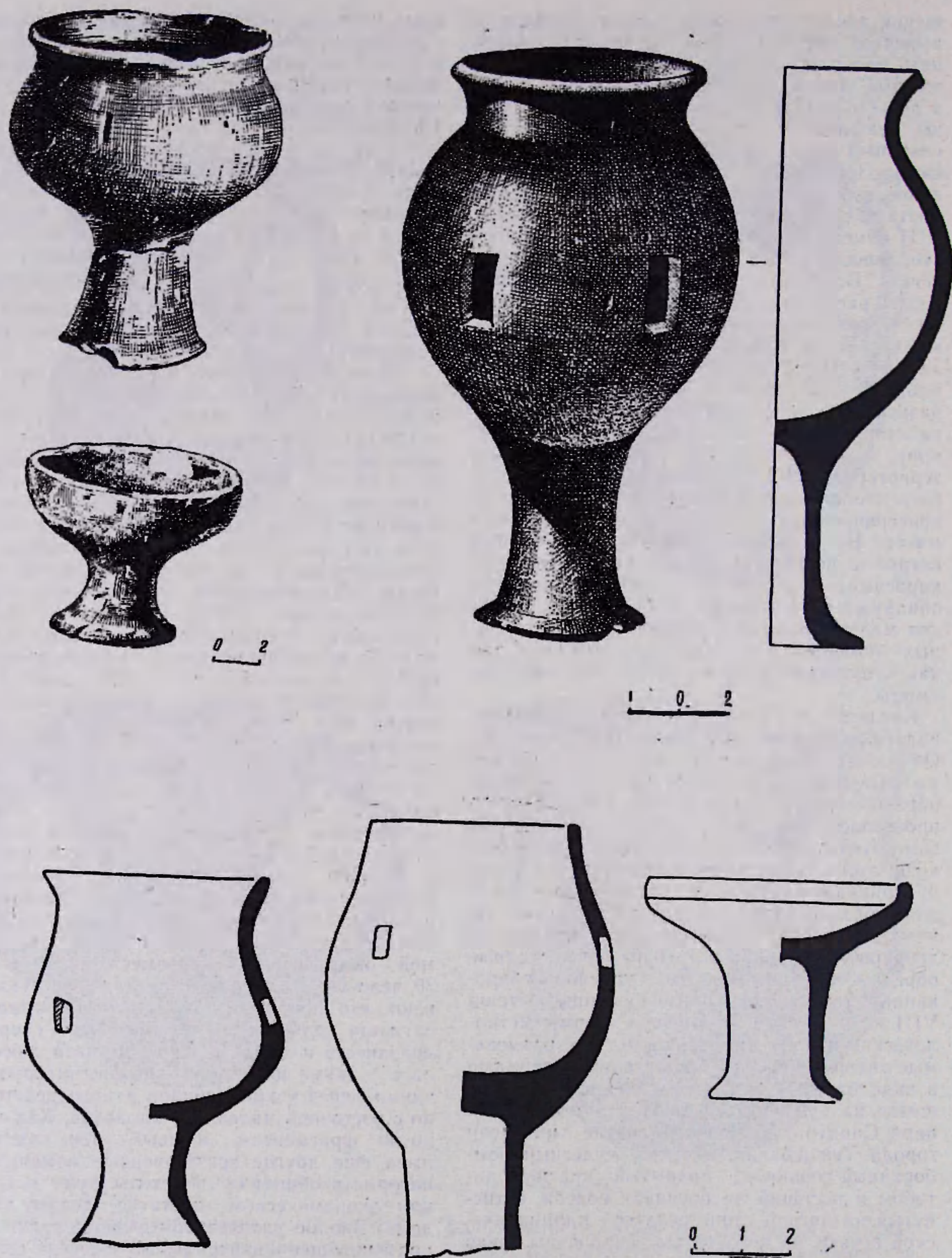

Рис. 70. Курильницы и вазы из Аргиштихинили и Тейшебаини.

ная кладовая углублена в материковый грунт более чем на 1 м, в восточной части имела возвышенную площадку с девятью большими вкопанными карасами и три каменных пилона по продольной оси для поддержания высокой деревянной кровли. Архитектор экспедиции К. К. Кафадарян полагает, что западная углубленная часть винного погреба также предназначалась для карасов, которые почему-то не были установлены[6]. Эта часть комнаты была превращена в складское помещение, а затем, быть может, и в свалку, в котором археологи обнаружили достаточно богатый материал, очень разнообразный и взаимно исключающий. По-видимому, здесь хранилась столовая и парадная посуда, огромное количество глубоких и мелких красноангобированных чаш с тонко профилированными венчиками, открытые и полусферические вазы на высоком поддоне, чашечки аринбердского типа с вертикальными кольцевыми ручками, глубокие полусферические или полуяйцевидные тонкостенные, темно-красного ангоба чарочки—прототипы раннеармянских, одноруч-

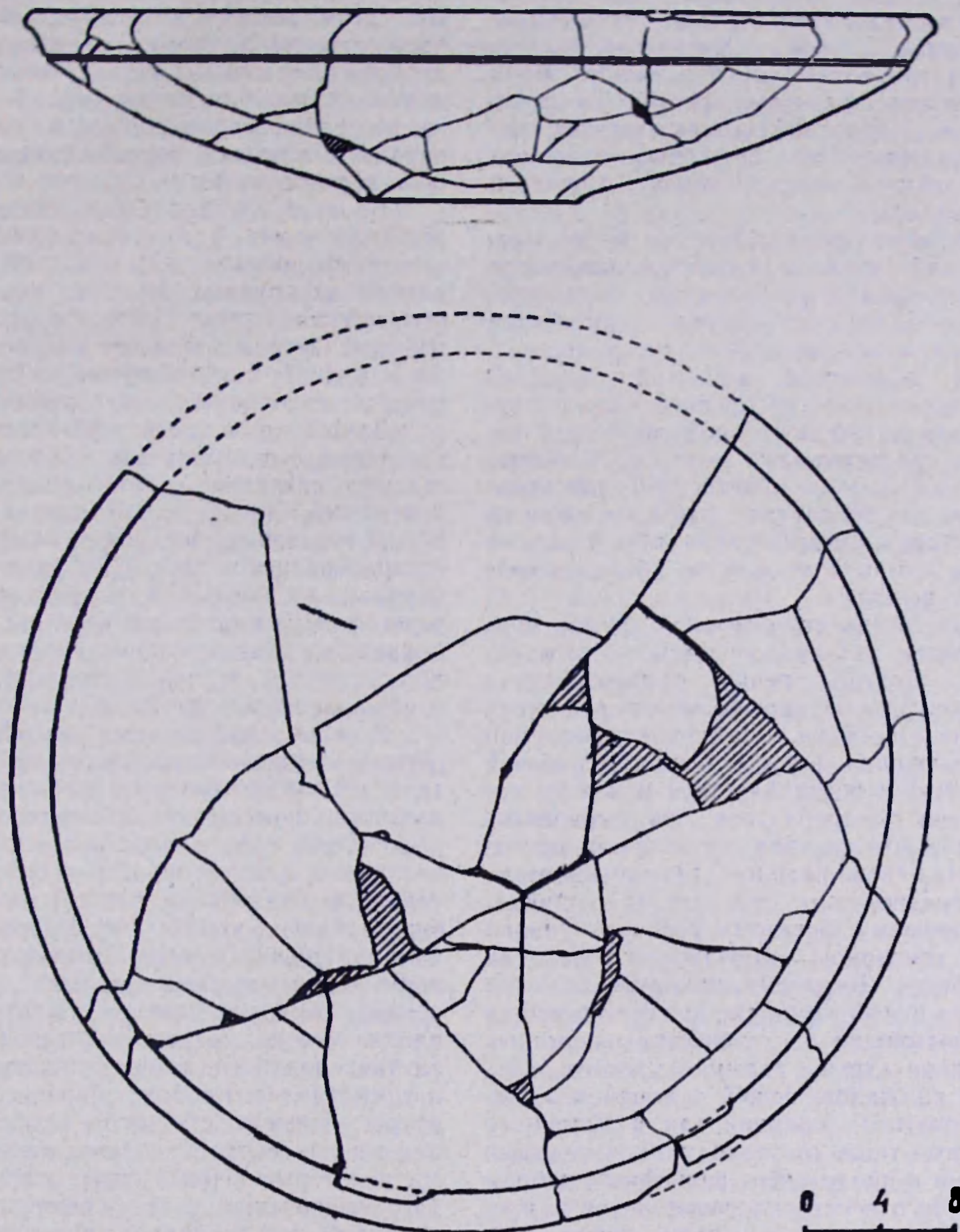

Рис. 71. Большое парадное блюдо.

[6] Там же.

ные характерные урартские красноангобированные кувшины для хранения жидких продуктов и много другого. Здесь хранилась также более крупная хозяйственная тара и кухонная посуда урартских и местных типов—разнообразнейшие горшки, малые карасики, большие глубокие миски и прочее. Многие из урартских сосудов имели метки мастеров в виде прорезных крестиков и стрел, метки—в виде иероглифических хеттских знаков, иероглифические кружочки—меры емкости и клейма в виде башенок с древом и бычьих головок.

Совершенно разнообразен и богат комплекс орудий труда и бытового инвентаря земледельческого и ремесленного характера. Среди земледельческих орудий и инвентаря выделяются железные лопаты, ножи, серпы с остатками деревянной рукоятки, крупный обломок деревянного обгорелого ярма с выгнутым концом, разнообразной прочности веревки из растительного волокна, крупные фрагменты железного решета, чудесная большая корзина, обтянутая большим куском тонкой материи, замечательно обработанные точильные камни и множество более второстепенных вещей.

Вторая, очень значительная группа орудий состояла из продолговатых, четырехугольных, круглых речных камней с очень гладкой и сильно полированной поверхностью, служивших лощилами, и из множества орудий разнообразнейших форм с вогнутой рабочей поверхностью и вертикальными ручками, которые могли употребляться для выравнивания поверхности сосудов в гончарном производстве. На основе находок этих орудий можно было предположить, что дом № 3 принадлежал хорошему, богатому гончару. Однако орудиями гончарного производства дело не исчерпывается. В рассматриваемом помещении найден целый комплекс предметов вооружения, состоящий из множества железных наконечников стрел кармирблурского типа, обломков кинжалов, ножей и копий и остатков чешуйчатого панциря так называемого «сирийского» типа, составляемого железными пластинами с продольным рельефным ребром и концевыми отверстиями, через которые продевались металлические нити скрепления. Наличие такого дорогостоящего доспеха, доступного только высшим чинам ассирийской и урартской армии, делает допустимым предположение о том, что некогда здесь обитал довольно знатный воин местного гарнизона. Подобная категория урартских воинов (Lú KUR. KUR-e) из «mari» (знатных) известна из ряда ассирийских документов. Представители ее занимали, несомненно, высокие должности в местном гарнизоне. Возможно, что впоследствии дом этот перешел в руки мастерового-гончара. Такое предположение допустимо потому, что в доме № 3 наблюдаются поздние пристройки и в связи с этим некоторые помещения, в частности карасное, были заброшены при жизни города. При этом, железные стрелы разбросаны непосредственно на полу помещения, в самом древнем горизонте культурного слоя, без колчанов, чешуйки панциря, давно вышедшие из употребления, оказались на дне карасов, наравне с плетеной корзиной, также пришедшей в негодность.

Во всех случаях былое богатство владельцев этого дома фиксируется такими остатками роскоши, как фрагменты разнообразнейших крупных бусин из египетской пасты, агата и сердолика, художественно оформленные детали утеряных предметов из гранита, браслет с зарубками и шейные гладкие гривны из бронзы.

Другое помещение (№ 2) этого дома, соседящее с центральным залом и непосредственно связанное с ним, оказалось хозяйственным. Здесь обнаружены зернотерки, обгорелые зерна пшеницы, ячменя и проса, сигарообразный «пивной сосуд», красноангобированные, большой и среднего размера черные сосуды, а также крупные фрагменты большого толстостенного глиняного корыта для теста, не отличающегося от найденного в пекарне дома № 2.

В связи с раскопками дома № 3 следует обратить внимание еще на одну важную деталь. В юго-восточном углу центрального зального помещения обнаружена плита из рыжеватого туфа с чашечными углублениями различных диаметров. Как выяснилось впоследствии, подобные плиты находились в определенных уголках центральных семейных помещений вместе с хорошо обработанными вертикальными камнями, которые, вероятно, заменяли статуи своих домашних идолов или же урартских богов. В некоторых случаях подобные камни чудесно обработаны и представляют собою барельефные скульптуры божеств. Было бы весьма логично и естественно связать с этими камнями-статуями некоторые керамические изделия культового назначения, как фрагменты сосудов с носиками для возлияния, курильницы на высоком поддоне и с прямоугольными отверстиями на корпусе, большие красноангобированные блестящие урны с двумя поясками больших треугольных шевронов и малых размеров двуручные кубки с зооморфным оформлением верхних частей ручек. Эти сосуды оказались в складском помещении дома № 3, но в других местах они часто выявляются in situ. Наличие священного уголка в центральном помещении каждого урартского дома аргументируется и тем, что именно эти поме-

щения служили *большесемейному* совету и отправлению положенных религиозных церемоний и ритуалов. Именно подобная ситуация зафиксирована нами в доурартских жилищах, раскопанных под жилыми кварталами города Тейшебаини, где домашние идолы (т. е. священные уголки) размещались в центральном помещении с глинобитными скамьями над зерновой ямой и, где антропоморфные их каменные изваяния часто заменялись гладко обработанной прямоугольной плитой рыжеватого туфа, вделанного в кладку стены.

Дом № 4 (раскопки А. Р. Исраелян, С. Г. Деведжян) находился между вторым и третьим, сохранился плохо, раскопан лишь частично. Стены этого дома разрушены так, что различные уголки его помещений не удается связать даже после раскопок. Дело усугубляется и многочисленными позднеурартскими перестройками. При этом стены западной части помещений местами сохранились до двухметровой высоты, в других местах—в один ряд кладки. В западной части дома удалось зафиксировать наличие коровника с перегороженным продолговатым участком стойла. В восточной части уцелело кухонное помещение с круглым каменным очагом, мощным слоем угольков, золы с глиняной жаровней посредине. На кухне обнаружено множество фрагментов простой битой посуды, подчас с метками мастеров (кресты, стрелы). Повсюду наблюдаются следы сильного пожара. В этом слое вместе с керамикой обнаружены фрагментированные базальтовые чаши, зернотерки, песты, обломки ступ (табл. LV, рис. 43а).

Дом № 5 (раскопки А. Г. Кифишина) крайне западный из раскопанных на этом участке, был сложен из аккуратных, оббитых базальтовых блоков, имел угловые мелкие башенки и равномерно расположенные контрфорсы. Высота стен сохранилась от 0,5 до 1,6 м, в отличие от других домов выстроен на культурном слое доурартского периода, поэтому полы были выровнены бутовкой, очень сильно утрамбованной глиной и белесой добротной обмазкой (рис. 43б).

В прошурфованном участке помещения № 1 слой уходил на глубину 2,2 м. При этом урартский пол находился на глубине 0,9 м от поверхности кладки. Затем простирался этот слой мощностью 0,85 м с остатками костей, доурартской закавказской керамики и горелых бревен, жердей, камыша на глиняном полу. Далее углублялся новый горизонт, сильно насыщенный костями животных. Нет сомнения, что второй «пожарный» слой отображает превратности судьбы местного населения в период захвата урартами Араратской равнины. Такая картина наблюдалась также в городе Тейшебаини.

Квадратный план строения, занимающего 350 м² площади, был разделен продольной глухой срединной стеной на две части. Вероятно, в южной изолированной части располагался большой продолговатый коровник, как и в других домах. К сожалению, эта пристройка сильно разрушена и о точном функциональном назначении ее трудно судить. Северная сохранившаяся раскопанная часть дома состояла из четырех помещений, расположенных на оси углового большого зала с востока на запад. В центральном зале четко выделяется два строительных слоя. Первому строительному слою принадлежит сам зал с наружным дверным проемом в северо-восточном углу, с четырьмя базами от деревянных колонн, с разрушенным центральным очагом, продольными скамьями и несомненно конусовидным перекрытием (несохранившимся), прототипом позднейших армянских конструкций. Зал этот занимал примерно 110 м² площади (табл. LVI—LVII). Это большое помещение сообщалось с двумя продольными и поперечным подсобными помещениями, занимающими по 35—40 м² площади (каждое). Функциональное назначение этих помещений не установлено из-за полного отсутствия культурного слоя. Дом этот был полностью ограблен или опустошен. Позднее появились новые хозяева, переделавшие зальное помещение и пристроившие, вероятно, южное скотское помещение. С помощью поперечной новой кладки была ограждена довольно высокая (40 см) площадка с сильно вкопанными в донной части карасами. Карасная площадка покрыла собой одну из базальтовых баз опоры перекрытия. Другие две базы попали под широкую длинную возвышенную площадку, пристроенную к южной стене мелким камнем и глиняным заполнением. В северо-западном углу бывшего зального помещения продолжала торчать крайне северо-восточная база, которую покрыли новым слоем пола мощностью около 30 см.

Остатки материального производства, сохранившиеся в этом доме, очень незначительны и целиком принадлежат ко второму периоду истории Урарту. Это обычные для Аргиштихинили черные карасы средней емкости с горизонтальными поясками корпуса и столь же обычные большие карасы охрачерного тона, также с широкими поясками. Около этих карасов обнаружены фрагментированный тоненький двуручный кубок, подчетырехугольный точильный камень, красноангобированная чашечка с профилированным венчиком и кольцевым выступом на дне, фрагменты светильника, чернолощенных сосудов закавказских образцов с рядами семячкового орнамента, лощило, фрагментированная чаша из пористого базальта, интересная

бронзовая булавочка урартской работы и, наконец, большой железный кинжал с петельчатой рукоятью, каковые часто встречаются в урартских памятниках и в погребениях Лалвара VIII—VI вв. до н. э.[7]

имеет не менее 20 помещений, некоторые из которых еще не доследованы (рис. 45). Однако уже сейчас ясно, что этот жилой комплекс перестраивался и достраивался неоднократно. В центре комплекса—типично урартского

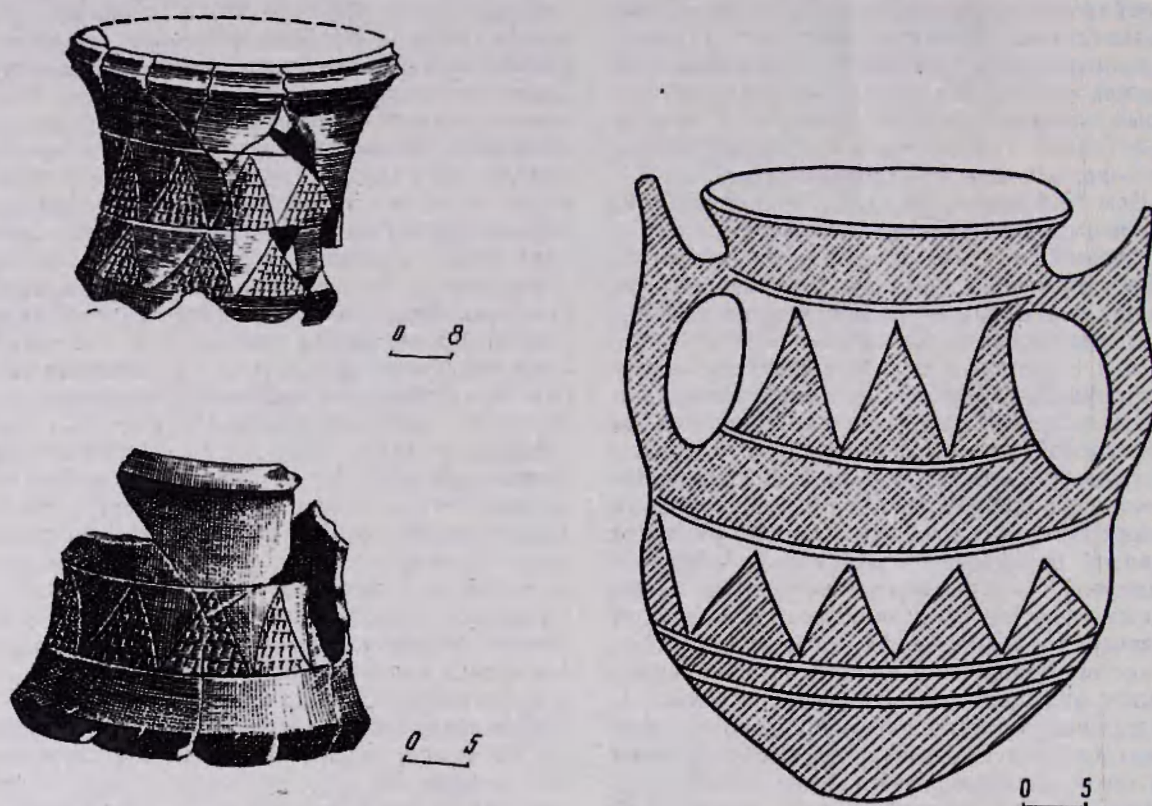

Рис. 72. Парадные кубки с прочерченными шевронами.

Как видно из плана, описанные выше дома располагались в сильно укрепленной части внутреннего города в ложбинке и на скатах холмов. Но следы жилых домов этого квартала тянутся беспрерывной цепью в северную равнинную сторону древнего города, которые не исследованы из-за плохой сохранности. Хорошо сохранившиеся дома выявлены и раскопаны на крайне северо-восточном участке II квартала, в районе колхозной свинарни, метрах в 150-ти к северо-востоку от описанных выше домов.

Дом №8 (полевой №1 у свинарни, раскопки Р. М. Торосяна), весьма удовлетворительно сохранившийся в цокольной части, был сооружен из квадров рваного базальта среднего размера очень аккуратной кладкой, сверх которой кое-где сохранились также остатки кирпичных стен. Высота стен местами достигает 1,2 м. В дошедшем до нас виде дом этот

прямоугольного плана жилой дом с колоссальным квадратным зальным помещением—ядром и многочисленными подсобными комнатами вокруг. Это наиболее ранняя постройка комплекса. Впоследствии к нему был пристроен с запада ряд мелких прямоугольных помещений хозяйственного назначения (пом. №14—18) и с востока (№13)—скотское помещение. Пристройки эти сгорели при штурме города и являются свидетелями его гибели. Ранний жилой дом состоял примерно из 14 помещений, наиболее крупным из которых (около 70 м²) являлся упомянутый уже центральный зал. Он имел квадратную форму, две базы от колонн для конусообразного перекрытия, два дверных проема с запада и востока, малую глинобитную скамью, пристроенную к восточной стене, и возвышенную, довольно просторную (около 6 м²) площадку, пристроенную из камня и глины к северной стене. В центре помещения обнаружены остатки переносного глиняного очага, типа обнаруженного в жилых урарт-

[7] *J. de Morgan*, Mission Scientifique au Caucase т. 1, погребения N 242, 79, 134, 215.

ских комплексах города Тейшебаини, а в северо-восточном углу—рыжеватая плоская плита из туфа с двумя чашечными мелкими углублениями для сосудов и одним прямоугольным и глубоким углублением для вдевания прямоугольного подквадратного сечения каменного столбика, заменяющего домашнего идола или божка. Эти камни сохранились in situ и это место являлось, по-видимому, священным уголком большесемейной комнаты. Любопытно, что около этих камней найден фрагмент культового сосуда, выполненный в виде скульптуры лошади. Такое оформление сосуда позволяет полагать, что в подобных домашних священных уголках главным объектом почитания мог быть бог солнца или, что равносильно, верховный бог урартов—Халди. Возможно, что впоследствии эта комната изменила свое функциональное назначение, так как была сдвинута с места вторая база от колонны, в помещении оказались базальтовые зернотерки и железный изогнутый серп. К югу от центрального помещения располагалось такое же просторное помещение (№ 5, 19), которое было разделено позже на две комнаты узкой перегородкой и дверным проемом. Однако интересно, что на полу этого помещения сохранился опять-таки камень от священного уголка. Другая часть прежнего зала была превращена впоследствии в хлев с каменной подмосткой (отстоящей от первого пола на высоте 20—25 м), над которой был сделан еще и третий глинобитный пол на высоте 30—35 см от второго. Это указывает не только на долголетие сооружения, но и на резкую смену функций помещения, в связи со сменой состава его жильцов. Из-за плохой сохранности культурного слоя функциональное назначение остальных подсобных помещений, расположенных по сторонам центральных, выясняется неполностью. Помещение № 2 являлось складским, северо-западный его угол был загорожен кирпичной кладкой в виде прямоугольного амбара для хранения зерна или муки. Такое или близкое назначение имело помещение № 11 с более вместительным загороженным амбаром. Помещение № 12 являлось хлевом с аккуратной каменной подмосткой более 21 м². Такое же назначение имели восточная продолговатая постройка и помещение № 6, превращенное в хлев позднее. Комната № 7 являлась, вероятно, кухней, там оказался каменный бытовой очаг, зернотерки, множество фрагментов посуды, сильно закопченный и несколько поврежденный глиняный гончарный круг конусовидной конструкции с суживающимся вертикальным отверстием для деревянного стержня вращения, с гладкими поверхностями и ребристыми боками. Два точно таких же гончарных круга обнаружили сотрудники экспедиции на поверхности земли возле дома. Здесь же недалеко было найдено каменное изваяние, неизвестного пока назначения. Эта мужская фигура изготовлена из рыжеватого туфа, сохранила корпус, одетый в короткую тунику, бороду, руки, сложенные под грудью, и верхние части ног. В руках он держит какой-то трудноопределимый предмет.

Закономерное повторение находок гончарного круга и каменного изваяния, подобного найденному в ареале дома кузнеца с зодиакальным знаком «стрелец», наводит на подозрение, что дом № 6 мог принадлежать богатому гончару, который имел своего бога, связанного с гончарством. Помимо гончарных кругов в некоторых помещениях дома найдены сильно полированные лощила из речных камней и керамические шлаки, выявленные в хозяйственном помещении № 15.

Кухонное назначение имело, по-видимому, и помещение № 20, в центре которого обнаружена маленькая база от колонны, у восточной стены—большой камень, часть зернотерки из пористого подквадратного базальта, несколько легких овальных терочников. На полу помещения валялись обломки разбитой хозяйственной посуды—карасиков, чаш, горшков. К центральной части южной стены пристроена высокая квадратная скамья для сиденья, рядом—продолговатый большой каменный очаг с боковыми плитами и продольной кладкой обвалившихся мелких камней. В этом очаге находился еще и крупный тонир, сделанный из больших прямых черепков керамики. В очаге обнаружены угольки, зола от кизяка и дно большого кухонного горшка. На полу помещения сохранился также сильно фрагментированный железный обломок с рукоятью и основанием широкой, толстой лезвийной части предмета, который напоминает изогнутый кинжал или мощную сечку, которые используют обычно мясники.

Остатки материального производства, обнаруженные в разных помещениях этого дома, также свидетельствуют о зажиточности его владельцев. Там и сям найдены чудесно отполированные фрагменты базальтовых чаш на кольцевом поддоне, фрагменты сосудов с изображениями древа жизни, с процарапанными рисунками головы козла, фрагмента торса и головы лошади, запряженной, по-видимому, в колесницу, фрагменты многочисленных сосудов с метками и клеймами мастеров, обломки металлической посуды, мелких бронзовых булавок, костяных изделий и пр. Зажиточность хозяев дома № 6 видна даже из того, что помещения его запирались добротно сделанными толстыми деревянными дверями и балочным мощным засовом, остатки которых сохранились в овальном отверстии бокового камня двери. По-видимому,

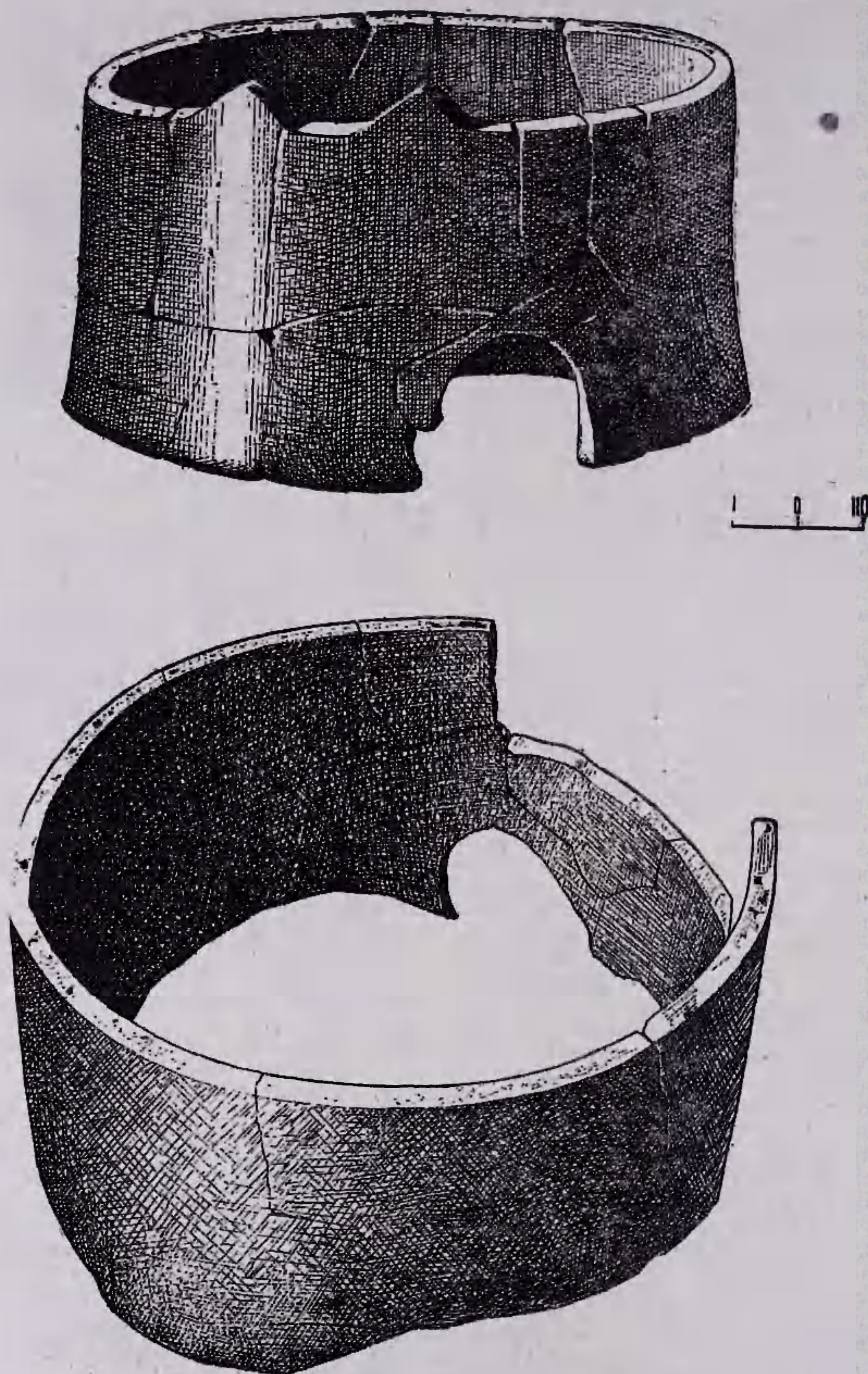

Рис. 73. Урартские очаги-курси крупного размера.

Где-то рядом с этим домом протекал арык и дом имел канализацию, от которой сохранились фрагменты каменных желобов. Особенно яркую картину быта жильцов сохранили хозяйственные помещения (№ 14—18) западной пристройки, культурные слои которых сохранились нетронутыми под остатками обгорелой кровли. Вкратце остановимся на этих слоях. В помещении № 18 под бревнами, досками и камышом перекрытия сохранились полукруглый каменный очажок, зерновая яма, подквадратные углубленные в землю и обмазанные амбарики, заполненные пшеничной и просяной мукой. В юго-восточном углу оказался загороженный квадратный амбарик с остатками пшеницы и ячменя. В крайне юго-западном углу сохранился большой фрагмент обгоревшей деревянной двери и рядом медный тонкостенный котелочек с дугообразной ручкой. Как будто только что горели балки перекрытия и двери, как будто кто-то выбегал с котелком в суматохе и в пламени пожара уронил котелочек. Такая же картина была в помещении № 15. Под остатками обгоревшей кровли оказались раздавленный карас среднего размера, зернотерки, зерна проса, спекшиеся на железном серпе, обрывки веревок из растительного волокна, железная дужка ведерка, красноангобированные чудесные чашечки, фрагменты очень тонкой базальтовой чаши, бомбовидные кухонные горшки и прочие вещи; в момент штурма и пожара у южной стенки помещения горел подковообразный глиняный очажок, только был отставлен малый горшок с мясной пищей, кто-то бросил на пол грушу, кто-то выбежал с красноангобированной чудесной вазочкой в руках и уронил ее в дверях. Хозяева покинули свой дом, чтобы больше никогда не возвращаться в него.

Дом № 7 (раскопки Л. А. Петросяна) расположен в нескольких метрах к северо-западу от предыдущего, сооружен из камня и глины, раскопан только в части большого зального помещения, сохранил каменные базы от колонн и другие детали. В свое время в развалинах этого дома появились раннеармянские могилки, сильно потревожившие урартский слой и позже ограбленные. Тем не менее в рассматриваемом помещении сохранились фрагментированные карасы среднего размера и пара трехручных амфоровидных сосудов, напоминающих металлическую большую ситулу Жемталинского клада[8].

Дом № 6 (раскопки К. К. Кафадаряна) расположен севернее дома № 3, сооружен из больших базальтовых глыб, имеет четырехугольную форму и множество помещений (рис. 44). Помещение № 1 расположено в юго-западном углу, имеет четыре колонны, следовательно, конусовидное перекрытие со световым колодцем и глинобитную высокую площадочку-тахту, которая могла вместить от 8 до 10 человек. Вероятно, это была спальня и когда-то имела в центре очаг. Другое жилое помещение (№ 8) дома находится на противоположном углу, имеет два входа, пятиметровую скамью под южной стеной, тахту около 6 м² и прямоугольный очаг из камня. Остальные помещения дома подсобные. Помещения № 3 и 6 карасные — с восьмью нижними частями карасов и множеством крупных обломков от верхних частей. В помещении № 2 размещалась кухня. Здесь были зернотерки. Помещение № 7 связано с кухней, помещение № 5 имеет хозяйственный очаг в углу и замощенную часть в южной половине. Дом этот многократно перестроен, местами зафиксировано по два пола. Первоначально здесь стоял какой-то очень большой капитальный дом, который был основательно снесен. От него сохранились хозяйственная яма в углу помещения № 7, уходящая под стену рассматриваемого дома, затем углубленный участок бывшей карасной кладовой в восточной части помещения № 1 с огромными фрагментами карасов, великолепно обработанная базальтовая база колонны, типа дворцовых и два подпятника рядом, взятые под скамью помещения № 8. План первоначального дома восстановить невозможно. В открытом своем виде дом № 8 был сооружен одновременно с домом № 1. У одного и того же мастера владельцы этих домов покупали черные карасы с поясками и большие глиняного цвета карасы с углублениями на наружной поверхности. Но и после постройки этого дома имела место реконструкция. Некоторые дверные проемы были заложены и фактически дом был разделен на две семьи с раздельным поселением, но общим хозяйством. Общими оставались кладовки и хозяйственные помещения. Судя по площади, дом (около 250 м²) этот принадлежал не совсем зажиточному горожанину, не имевшему большого хозяйства.

Обитая рядом с каменотесом, хозяин этого дома являлся, по-видимому, резчиком по камню (^{Lu}ZA. DIM. MAX)[9] урартских клинообразных надписей, профессией, очень распространенной в урартской действительности. В помещении № 3 было обнаружено большое количество белых финиковидных камней с отшлифованной нижней плоскостью —

[8] *Е. И. Крупнов*, Жемталинский клад, М., 1951, стр. 29—32.

[9] *Н. В. Арутюнян*, Новая клинописная таблетка из раскопок Кармир-Блура, Festschrift Johannes Friedrich, Heidelberg, 1959, стр. 47—48.

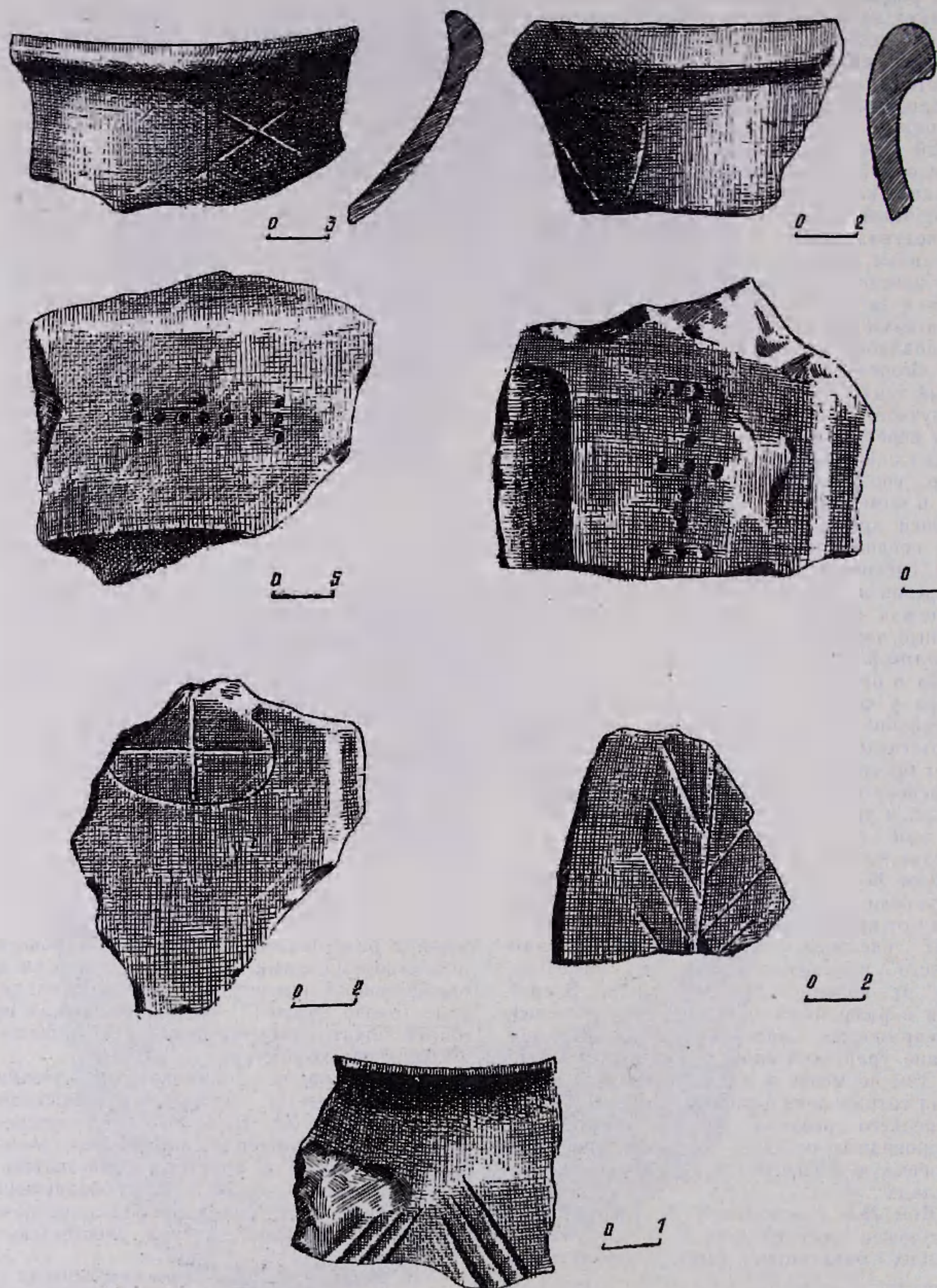

Рис. 74. Меры емкости, знаки, метки и клейма урартских мастеров.

заготовок урартских конусовидных печатей или амулетов, гиревидной урартской печати с закругленной нижней частью и четырехгранной ручкой из белого камня, обработанных кусков красных оттенков камней разных пород, темно-коричневых с каштановыми прожилками и угольного цвета с сильно отшлифованными поверхностями. Найдена заготовка грузила от тканкого станка, каковые бывают в армянских селах и ныне с обоюдосторонними углублениями для просверливания и граненые терочники или лощила.

Остальные находки незначительны. Это бронзовые шила и плоский кругловатый лист (фрагментированные), чудесная фибула с рифленым, резным валиковым оформлением дуги, с влагалищем в виде человеческой руки, с железной утерянной иглой (найдены в помещении № 3), а также железный фрагментированный серп с очень толстой спинкой и сильно заостренной рабочей частью. В помещениях этого дома были найдены разные типы урартских сосудов. В раннеармянское время, когда дом этот лежал в развалинах, в полу помещения № 3 было устроено погребение, обложенное мелкими камнями по овалу, с двумя сильно пострадавшими скелетами. В погребении сохранились лишь медные проволочные колечки в фрагментах.

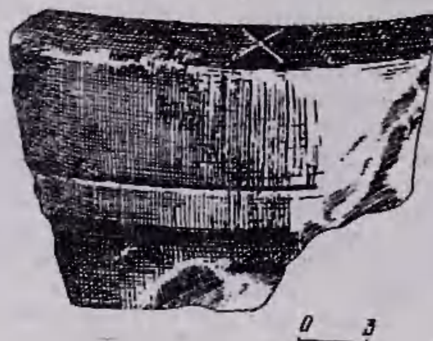
Дом № 1 (III квартал, раскопки А. Г. Кифишина, К. К. Кафадаряна)[10]. Большое скопление домов зафиксировано на территории наиболее восточного (III) квартала внутреннего города. Из них раскопан лишь один (1965). Он расположен в самом конце квартала, рядом с мощной каменной оградой, на самой высокой точке третьего квартала, на гладкой макушке базальтового вулканического конуса. Он сильно отличался от соседних домов не только своим выгодным расположением, но и квадратным планом, размерами занимаемой площади (около 400 м²), аккуратно сложенными большими базальтовыми квадрами цокольных кладок и очень четкой внутренней планировкой (рис. 46). Состоял он из девяти плохо сохранившихся больших и малых помещений разного функционального назначения, из коих особо отличались весьма просторные жилые покои (пом. № 5—6, соответственно по 30 м²), наделенные некогда высокими деревянными колоннами, поддерживавшими громоздкие плоские кровли с конусовидными световыми колодцами. Под этими колодцами, на полу, были устроены центральные очаги квадратных или овальных очертаний, а у стен—невысокие широкие лежи и узенькие приступочки. Менее значительные площади занимали служебные и складские комнаты (пом. № 1—3, 7—9).

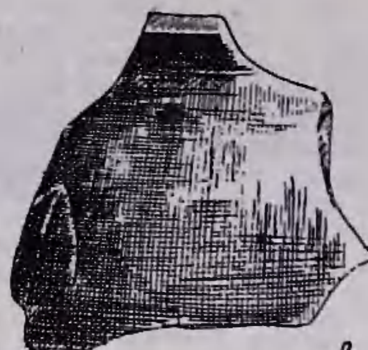
Люди урартской крови, вероятно довольно знатные и состоятельные, жили в этом доме около двухсот лет, вплоть до гибели Аргиштихинили.

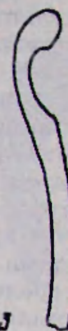
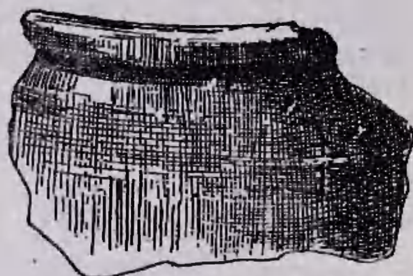
При осаде и штурме города Аргиштихинили вместе с сотнями других домов был ограблен, разрушен и сожжен также описанный особняк третьего квартала. Богатства его были увезены завоевателями и к моменту раскопок сохранились лишь руины цокольных кладок стен и полуметровый культурный слой, состоящий из рухнувших кирпичей верхних частей стен, остатков кровли—полуобгоревших балок, жердей, камыша, соломы, угольков и золы. Под этим слоем в дверном проеме помещения № 2 были выявлены кости скелета и черепа женщины (с бусами и раковинами каури), одной из обитательниц этого дома и последней свидетельницы катастрофы родного города. Остальные жильцы дома вместе со многими горожанами спаслись бегством, скрылись во мраке веков, не оставив за собою никаких записей о роде и имени своем, о жизни, делах и профессии. Под мощными остатками обвалившейся кровли, на глинобитном полу разных помещений сохранились лишь части скелетов трудноразличимых животных и сильно раздробленные фрагменты обычной урартской керамической тары—одноручных кувшинов охра-красного ангоба, замечательных красноангобированных пиал, мисок и других сосудов. Среди столь банального «рядового» материала внимание наше приковала группа миниатюрных сосудиков характерных урартских форм, но чрезвычайно мелких, специализированных размеров, обнаруженных в служебных помещениях № 1 и 2 в количестве 40 единиц.

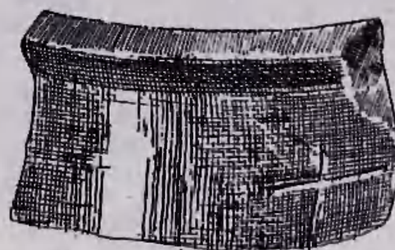
Подобный состав сосудов никогда более не был встречен при обследовании урартских объектов. Сосудики эти разделялись на пять специфических групп. Наибольшим количеством выделялись чашечки с профилированными венчиками, вогнутыми или углубленными донышками (рис. 47). Диаметр их колеблется от 5 до 8,5 см, высота—от 2 до 4 см. Такую же большую серию образуют и приземистые, широкогорлые горшочки с низкоотогнутыми венчиками и горизонтальными врезными линиями на плечиках (рис. 48). Размеры их тоже почти стандартны: высота 5—5,5 см, наибольший диаметр корпуса 6—7 см, диаметр горлышка 5—5,5 см. Следующая группа маленьких горшочков также имеет стандартные размеры (высота 5,5—7,5 см, диаметр тулова 5—6 см, диаметр горлышка от 2,5 до 4 см и диаметр донышек 2 см), но отличаются узким и высоким горлышком,

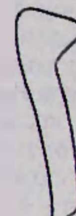
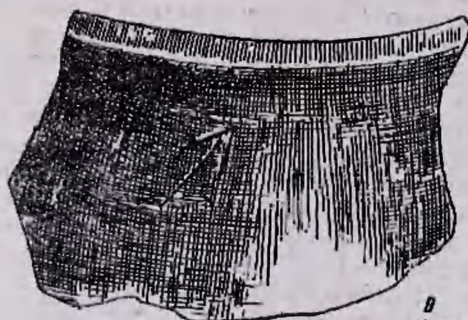
[10] Результаты исследования этого дома см. *С. К. Межлумян, А. А. Маргиросян,* Некоторые данные по урартской медицине, Историко-филол. журн., 1972, № 1, стр. 235—251.

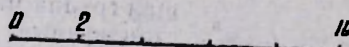

Рис. 75

приземистым или вытянуто-биконическим строением корпуса (рис. 49а, б).

В описываемой группе специализированных сосудиков меньшим количеством выделялись одноручные кувшинчики характерного урартского типа с высоким горлышком и сливом (рис. 49в). Высота их составляет 6—7 см, диаметр тулова 5—6 см, диаметр донышек 1,5—2 см, высота и диаметр горлышек 2—2,5 см. Последняя группа состояла из незначительного числа сильно фрагментированных миниатюрных двуручных кубков, крупные аналоги которых являлись, несомненно, ритуальными (рис. 49 г—ж).

Очевидно, что описанные разновидные сосудики не могли служить кухонной, столовой посудой, хозяйственной тарой и были предназначены для изготовления и хранения веществ особого назначения, незначительных, но весьма определенных доз, каковыми могли быть, например, всевозможные благовония, мази, лекарственные зелия. На этом основании еще в 1967 году[11] было выдвинуто предположение о принадлежности дома № 1 третьего квартала жрецу-врачевателю, человеку специфической профессии, достигшей значительных успехов и пользовавшейся особым уважением на Древнем Востоке. Выявление археологических следов народной медицины, возникшей в глубине недр первобытной эпохи, пережившей древневосточную историю и средневековье, было делом весьма заманчивым, рискованным и малодоказуемым. Для надлежащей аргументации (или для опровержения) выдвинутого предположения не было решительно никаких материалов кроме упомянутых выше костных остатков явно не хозяйственных видов животных, выявленных в доме врачевателя. Определенные органы или части животных, содержащихся в свое время в доме № 1, могли быть использованы для изготовления разнообразнейших лекарственных средств. При детальном исследовании упомянутого остеологического материала и целого ряда вспомогательных свидетельств были получены чрезвычайно интересные и важные данные, неопровержимо свидетельствующие в пользу выдвинутого предположения.

Ниже приводим сводку данных по палеозоологическому материалу, разработанному С. К. Межлумян.

При разборе остеологического материала выяснилось, что из 21 вида диких животных, найденных в раскопках города Аргиштихинили, 20 видов обнаружены в помещениях дома № 1. С явлением аналогичного характера нам не приходилось сталкиваться ни в одном из изученных объектов. Беглый взгляд на приведенную таблицу позволяет представить, насколько богат и качественно разнороден состав животных.

Наличие костных остатков слепца, черепахи, ежа, речного бобра, волчонка и других животных позволяет утверждать, что их использование выходит за рамки хозяйственного и охотничье-промыслового значения.

Список животных, найденных в доме № 1

Вид животного	Количество костей	Число особей	Примечания
Джейран	5	4	Пять роговых стержней
Безоаровый козел	2	1	Роговые стержни
Муфлон	1	1	Фрагмент черепа и роговые стержни
Олень	1	1	Часть рога
Лисица	1	1	Обломок левой нижней челюсти с клыком
Барсук	1	1	Левая ветвь нижней челюсти
Волчонок	1	1	Обломок верхней челюсти с тремя зубами (левый)
Заяц	1	1	Нижняя челюсть с зубами (правая)
Речной бобр	1	1	Фрагмент нижней челюсти с одним зубом
Еж (обыкновенный)	2	1	Две кости конечностей
Черепаха	3	1	Обломки панциря
Слепец	1	1	Обломок левой нижней челюсти
Рыба (сазан)	1	1	Нижнечелюстная кость с глоточными зубами
Рыба (форель)	3	1	Два элемента черепа и позвонок
Дрофа	1	1	Фрагмент черепа
Свинья (поросята)	14	3	Фрагменты черепов молочных поросят
Ворон	29	1	Почти все элементы скелета
Сокол (пустельга)	9	1	Отдельные части скелета
Гусь домашний или дикий	2	1	Кости конечностей
Утка серая	2	1	Кости конечностей
Петух	18	1	Фрагменты черепа и скелета

Речной бобр—Castor fiber L.

О наличии и промысле этого зверька свидетельствуют находки остеологических остатков на Шенгавитском поселении III тыс. до н. э. и в доме врачевателя в Аргиштихинили. Зверек этот обитает в Армении, Турции и Иране[12], ведет полуводный образ жизни. Населяет берега медленно текущих рек и озер, что позволяет полагать обитание бобров и на Араксе, а может быть, и в районе Мецамора. Эти места располагались в радиусе от

[11] А. А. Мартиросян. Раскопки Аргиштихинили, СА, 1967, № 4, стр. 229.

[12] И. Шопен. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб, 1852.

5 до 16 км от Аргиштихинили и жители его находили бобров недалеко от городских хозяйств. Известно, что помимо ценного меха речной бобр имеет не менее ценную «бобровую струю»—мускус (экстракт особой при-

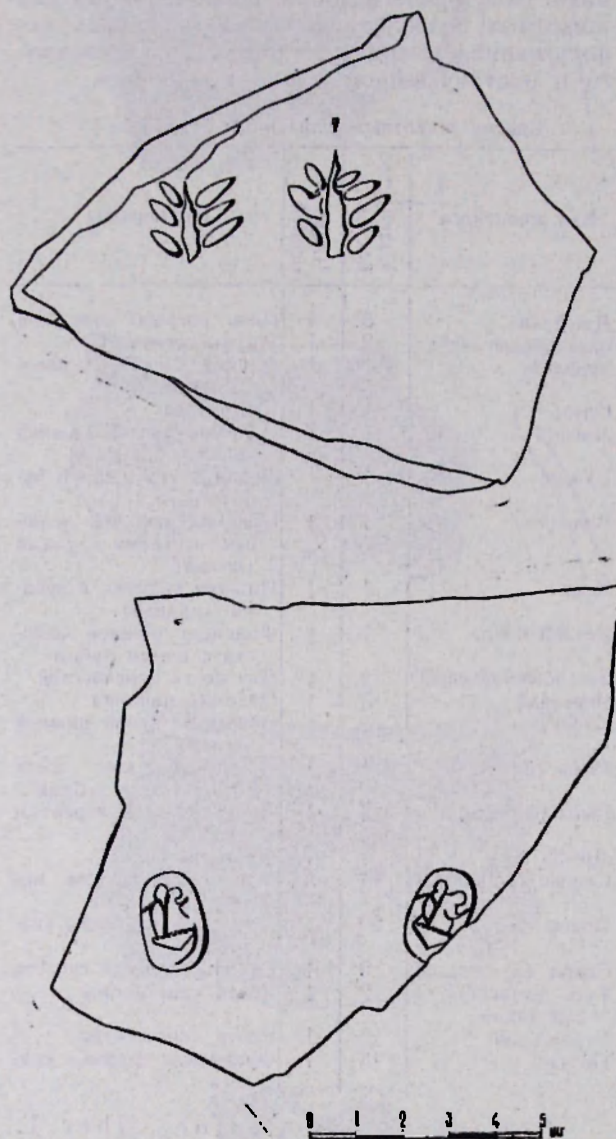

Рис. 76.

даточной железы, встречающейся у обоих полов)—употребляющуюся в медицине с древних времен. В прошлом мускус использовался в восточной и европейской медицине. Возможно, что в древности он использовался также при изготовлении благовоний. Ведь само слово «мускус» происходит от персидского слова «мушк» именно в значении благовонного и закрепляющего средства[13].

[13] *В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников,* Млекопитающие Советского Союза, изд. «Высшая школа», М., 1961, стр. 97.

Бобровая струя, по-видимому, широко использовалась в античное время и «определяется в армянском, как и во всех европейских языках, греческим термином «афродитикон», т. е. опять-таки имея в виду лекарство возбуждающее, прописываемое при общем упадке сил»[14].

Бобровая струя в армянских средневековых медицинских трудах упоминается под названием «яички бобра». В древности половые железы бобра обычно хранились в высушенном виде и употреблялись при надобности. Армянские врачи в прошлом применяли бобровую струю при нервных и психических болезнях, при ослаблении памяти, в качестве тонизирующего и возбуждающего средства. Ни одно лекарство животного происхождения не приводится у Амирдовлата Амасийского так часто, как бобровая струя. Последняя предлагается им при головокружении и «расточении сил», для усиления «половой близости»[15] и «активации мозга»[16].

Если в трудах Амирдовлата приводится свыше 150 названий животных, то большая часть упоминаемых в труде Мхитара Гераци лекарственных средств является веществами растительного происхождения (свыше 200) и лишь несколько средств животного происхождения. И в этом немногочисленном списке упоминаются: бобровая струя, паутина, раки, черепахи и жженные кости молодого поросенка.

Эта тема просачивается и в народные сказания и находит отражение в средневековых баснях, которые, несомненно, ходили в народе еще в языческие времена.

—«Иные упрекали бобра: «Почему ты прячешься в воду? И он сказал: «Потому что не довольствуются тем, что берут при жизни от меня железы, но и после смерти сдирают с меня шкуру»[17].

Ту же тему врачевания и лекарственных снадобий затрагивает в баснях Вардан Айгегци: «Водится зверь, яйца которого—целебное средство. Когда он видит, что охотник настигает его, то он своими зубами отрывает у себя яйца и, бросив их охотнику, спасается»[18].

Черепаха—Clemmys caspica Gm.

Вид этот в Армянской ССР обитает в реке Аракс, от Мегринского до Октемберяпского

[14] *И. А. Орбели,* Избранные труды, т. I, Изд. «Наука», М., 1968, стр. 288.

[15] Ամիրդովլաթ Ամասիացի, *Անգիտաց անպէտ, Վիեննա, 1926,* стр. *366, § 2166։*

[16] Там же, стр. 370.

[17] *И. А. Орбели,* там же.

[18] *Н. Я. Марр,* Сборники притч Вардана, т. I, СПб., 1899, стр. 188.

Рис. 77

районов, т. е. до района расположения древнего города Аргиштихинили. Вверх по притокам Аракса эти черепахи зарегистрированы в долине Арпы до 1360 м.

В общей этнографии первобытных народов не редки упоминания об использовании черепахи в лечебных целях, особенно черепашьей желчи и яиц. Сопоставляя эти данные

с армянскими средневековыми источниками, находим довольно подробные и идентичные указания. Достаточно эрудированный армянский врач-биолог сообщает о существовании на поверхности; никогда не водится в домах, зерновых амбарах, в складских помещениях. Ближайший район, откуда может быть добыт этот зверек—Талинский.

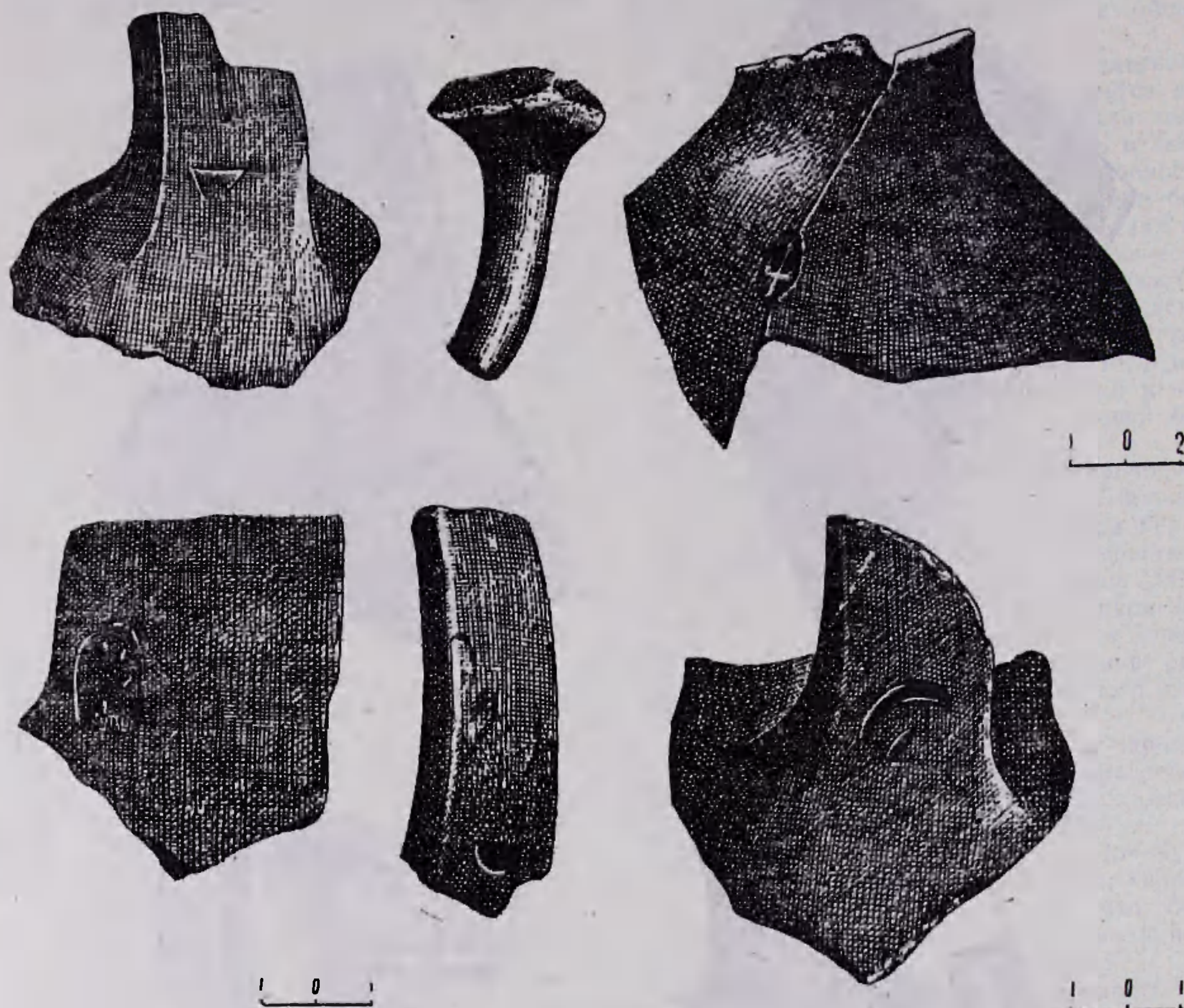

Рис. 78

двух видов черепах: болотной и сухопутной. При этом особенно любопытно, что в качестве объекта для приготовления лекарств приводится им именно водная. Он пишет о том, что черепашья кровь при употреблении с вином помогает «при язве» и при «ушной болезни»[19], «яйца—прекращают кашель, а желчь—кровотечение»[20].

Слепец — Spalax leucodon.

Зверек этот обитает в зоне горных степей, вертикальное его распространение от 1400 до 2439 м. Он ведет исключительно подземный образ жизни, совершенно не появляется

В средневековой медицине использовалась кровь слепца при туберкулезе, а «мозги, смешанные с розовым маслом» предлагались при «различных опухолях»[21]. Если же «голову слепца зажарить на костре, стереть в порошок и втянуть носом» моментально «удаляется зловоние из носу»[22].

Считаем уместным напомнить, что в Армении и сейчас в народной медицине часто используется мясо слепца в качестве средства, приостанавливающего кровохарканье при туберкулезе.

[19] Ամիրդովլաթ Ամասիացի, ук. соч., стр. 558, § 3357.
[20] Там же, стр. 538, § 3199.
[21] Там же, стр. 225, § 1197.
[22] Там же, стр. 226.

Еж — Erinaceus europeus L.

Встречается в полупустыне, в горных степях, лугостепях и на участках зоны леса. Обычен в садах и по долинам речек с наличием кустарников и галерейных лесов; отмечен среди посевов зерновых культур и на огородах. Зарегистрирован в вертикальном распространении от 725 до 2450 м. Об употреблении различных органов и желчи ежа имеются многочисленные данные. О лечебных свойствах мяса ежа находим упоминание в знаменитом армянском Физиологе, где приводится подробная характеристика, позволяющая узнать в описываемом зверьке именно обыкновенного, а не ушастого ежа: очень образно говорится, что «при ходьбе морда напоминает мышиную»[23].

Средневековые медики предлагали жженые иглы ежа «против бельма на глазу», мясо от «заболевания почек» и при «укусе змеи»[24], а желчь «приостанавливала нежелательный рост волос»[25]. О лечебных свойствах желчи ежа указанным автором приведены сведения, почерпнутые им из арабской медицины со специальным названием («марарат ал хунфуз».

Мясо ежа в народной медицине употребляется и сейчас в качестве лекарства при различных ревматических и суставных заболеваниях. Это обстоятельство и легло в основу армянской народной загадки:

Сам—снадобье,
Спина—игла? (еж)[26].

Барсук — Meles meles canescens Blanf.

В Армении барсуки зарегистрированы в сухих субтропиках, полупустыне, в горной степи, лугостепях и в зоне леса на высоте от 550 до 1750 м.

Шкура барсука малоценна и промыслового значения не имеет, мясо у некоторых народностей употребляется в пищу. Очень ценится барсучье сало, и охотятся на барсука, главным образом, из-за него. Сало широко используется в народной медицине при ранениях, ревматических заболеваниях и даже при туберкулезе, т. е. аналогично медвежьему[27].

Волчонок и лиса.

Найдены остатки очень молодых особей.

Волк — Canis lupus hajastanicus Dahl.

В Армении волки распространены повсеместно. Обитают на высоте от 550 до 3800 м. Наибольшее количество волков в Армянской ССР зарегистрировано весной и летом на высокогорье, в местах выпасов и на кочевьях крупного и мелкого рогатого скота.

Не зря изображения волков часто встречаются в наскальных рисунках эпохи бронзы[28] на Зангезурских летних пастбищах.

Волки в качестве пищи вряд ли добывались жителями Аргиштихинили. Шкура их также не представляет особой ценности.

Подробные сведения о применении тех или иных органов волка приводятся в средневековой медицине. Особенно часто упоминается жир волка для лечения внутренних и наружных язв. Экстракт «печени волчицы с красным вином» предлагается против «болей в печени», а «язык волчий с медом снимает длительную лихорадку»[29].

В народе распространено мнение, что печень волка помогает при сильном испуге.

Заслуженный врач республики В. А. Чахкалян любезно сообщила нам, что в своей многолетней практике встречала много случаев, когда близкие больных туберкулезом кормили их мясом молодых волчиц и собак.

Лисица — Vulpes vulpes L.

В Армянской ССР лисицы встречаются в различных ландшафтных зонах и разнообразных местообитаниях. Обычна она в скалах южной части республики в долине Аракса и на скелетных горах бассейна этой реки на высотах от 545 до 2000 м.

Можно вполне допустить, что лисица могла быть добыта ради пушнины, однако настораживает молодой возраст зверька.

Остается предположить, что и лисья тушка служила в данном случае сырьем для изготовления различных снадобий. Лисий жир употребляется в народной медицине от «болей в суставах», а «высушенные и мелко просеянные легкие лисы» использовались при «чахотке и сильном кашле»[30]. «Растопленный теплый жир» (если капать в ухо) снимает «шум и тяжесть в ушах»[31]. Любопытно также, что советуют мясо молодого лисенка (целиком) сварить в воде до полного разваривания

---

[23] *Н. Я. Марр,* ук. соч., т. III, Физиолог, стр. 156(16 В).

[24] Ամիրդովլաթ Ամասիացի, ук. соч., стр. 311, § 1837

[25] Там же, § 2014, (стр. 345).

[26] Ս. Բ. Հարությունյան, *Հայ ժողովրդական հանելուկներ, Երևան, 1965, էջ 62։*

[27] *В. Г. Гептнер, Н. П. Наумов и др.,* Млекопитающие Советского Союза, т. II, М., изд. «Высшая школа», 1967.

[28] *А. А. Мартиросян, А. Р. Исраелян,* Наскальные изображения Гегамских гор, Изд. АН АрмССР, Ереван, 1971; *Г. О. Караханян, П. Г. Сафян,* Наскальные изображения Сюника, Изд. АН АрмССР, Ереван, 1970.

[29] Ամիրդովլաթ Ամասիացի, ук. соч., стр. 113, § 601.

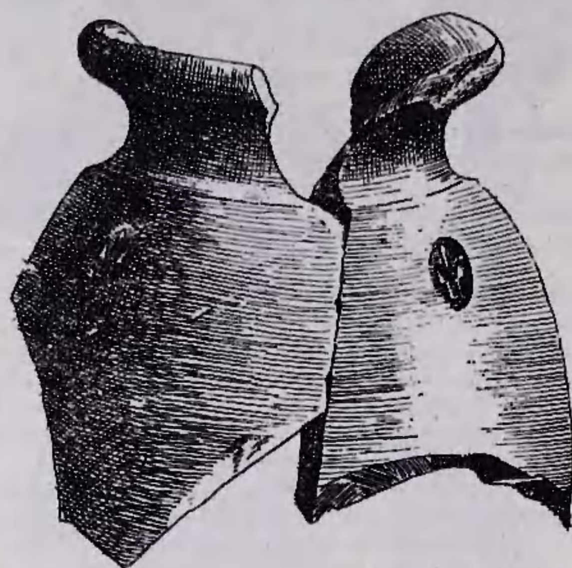
[30] Там же, стр. 44, § 93.

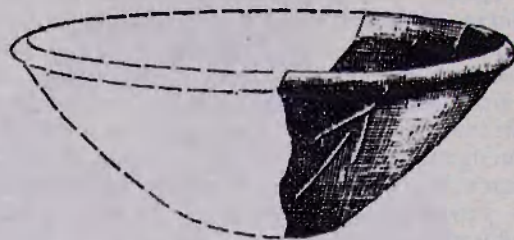
[31] Там же.

и положить на те части, где «чувствуется боль в костях»[32].

Заяц — Lepus europeus Pall.

Заяц в Армянской ССР распространен повсеместно. Относительно применения раз-

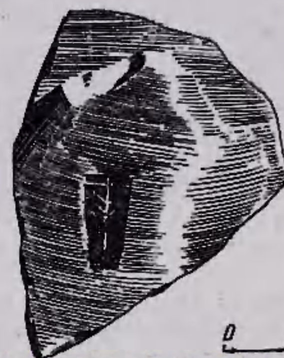

Рис. 79

личных частей зайца в качестве лечебных снадобий сохранилось множество данных в источниках армянской народной медицины. Заячья желчь, смешанная с мукой, смолой и вином,—пишет Амирдовлат,—является «идеальным средством при хронической бессоннице»[33]. «Заячий жир» предохраняет волос от выпадения»[34]. Измельченный, превращенный в порошок жженый волос зайца «приостанавливает кровотечение из носу»[35], а кровь, выпитая женщиной, «способствует зачатию и укреплению зародыша»[36].

Рыбы представлены в интересующем нас материале двумя видами—сазан и форель. Первый—Cyprinus carpio L. В Армянской ССР встречается в Араксе, Севджуре, в низовьях рек Раздан, Ахурян и, главным образом, в бассейне озера Арпи-лич.

Второй вид рыбы трудно определим по сохранившимся остаткам—относится ли он к севанской форели или ручьевой. Наиболее благоприятные условия обитания ручьевая форель находит в воде при температуре до 15°. Так что наличие этих рыб в реках бли-

---

[32] Там же.

[33] Там же, стр. 345, § 2015.

[34] Там же, стр. 491, § 2941.

[35] Там же, стр. 544, § 3236.

[36] Там жс, стр. 91—92, § 500.

жайших к Аргиштихинили районов—весьма вероятно.

В народной медицине рыбы широко применялись для лечения различных болезней. Средневековым медикам Мхитару Гераци и Амирдовлату был известен рыбий жир, называемый у них «ձուկի ձեթ», который рекомендовался женщинам «для усиления половой близости и верного зачатия»[37], а мелкая ручьевая рыба, промолотая вместе с костями «снимает опухоли»[38]. Излечить от однодневной лихорадки может «теплая ванна и свежая речная рыба, только та, которая имеет нежное мясо, а не грубое и клейкое»[39]. И в наши дни знахари применяют свежую рыбу при вывихе, трещинах и переломах костей конечностей, заменяя ею еще фиксирующую гипсовую повязку.

Дрофа—Otis tarda tarda L.

В Армянской ССР зарегистрирована во время пролета и, частично, на зимовках. Осенью на пролете ее бывает, по словам охотников, довольно много в Сардарабадской степи[40]. Это единственный район, откуда дрофа могла добываться жителями Аргиштихинили. В армянской средневековой медицинской литературе приводится арабское название этой птицы «Հուպարայ», чем подчеркивается ее широкое применение в арабской медицине. Против «непрекращающихся резей в желудке» предлагалось растереть жир дрофы в равном количестве с солью и принять «пилюлю, величиной с горошину натощак», высушенную и мелко просеянную кожу дрофы, смешанную с растительным маслом, прикладывали к глазу «если начиналось помутнение глаза»; растопленный жир применялся при обмораживании[41].

Ворон—Corvus corax L.

Редкая для Армении птица, принадлежит очень взрослой особи, имеющей, несомненно, черное оперение (так называемое «воронье крыло»). Как отмечает Амирдовлат, именно эти животные пригодны для получения лекарства против наружных ран, а также против суставных заболеваний.

Пустельга (сокол)—Falco tinunculus L.

В Армении широко распространена оседлая птица, встречающаяся и гнездящаяся как в более низких районах, так и в горах до высоты 3000—3500 м над уровнем моря. Размножается пустельга в долине Аракса в мае-июне. Гнездится на деревьях, в скалах, на различных строениях и, реже, на земле, по безлесным оврагам.

Народная медицина, по-видимому, широко применяла как мясо, так и отдельные внутренние органы различных соколиных. Высушенное и мелко протертое мясо пустельги предлагалось принимать натощак, запивая холодной водой «для прекращения кашля» и при слабой работе сердца. А если печень протереть в руке и провести по глазам—улучшится зрение и пройдет помутнение[42]. Чрезвычайно интересно применение и сейчас у эскимосов и нанайцев мяса пустельги и других мелких соколиных. Оно аналогично применению нашими знахарями рыбы.

Гусь (домашний или дикий)—Anser anser L.

В Армянской ССР гуси гнездятся на Севане и в небольшом количестве в бассейне оз. Арпи-лич. На пролете обычны в долине Аракса.

Гусиное мясо и жир еще издавна считались целебными. Средневековые врачи рекомендовали гусиное мясо очень истощенным, худым. Считалось, что оно улучшает голос, цвет лица, а печень оздоровляет кровь. «Растопленный гусиный жир» снимает боль и шум в ушах, а также «исцеляет от болей в суставах», помогает при обмораживании[43]. Значение последнего и по сей день велико. Жир гусей применяется повсеместно как профилактическое средство, особенно у северных народов.

Серая утка—Anas strepera L.

В Армении держится оседло и встречается почти на всех более или менее значительных водоемах (Севан, Арпи-лич, Айгр-лич, Аракс и др.). В наших условиях гнездится в июне.

В средневековой медицине мясо, жир и печень утки имели то же самое применение, как и таковые гуся. Однако считалось, что «кровь утки приостанавливает длительный понос» и, что особенно важно, «нейтрализует действие ранее принятой смертельной дозы лекарства»[44].

Домашний петух—Gallus domesticus.

Найдены кости скелета очень взрослой особи. Весьма удивительно, что эндокринология, процветающая в современной нам биологии, дает о себе знать в средневековой медицине и даже много раньше, в V в. и. э. у Ла-

[37] Там же, стр. 276, § 1606.

[38] Там же, стр. 277, § 1606.

[39] *Мхитар Гераци*, Утешение при лихорадках, Ереван, изд. «Анастан», 1968, стр. 86 и 191.

[40] *А. Ляйстер, Г. Соснин*, Материалы по орнитофауне Армянской ССР, Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1942, стр. 141.

[41] Ամիրտովլաթ Ամասիացի, ук. соч., стр. 272, § 1582.

[42] Ամիրտովլաթ Ամասիացի, ук. соч., стр. 520, § 3088.

[43] Там же, стр. 356—357, § 3345.

[44] Там же, § 33, 45.

Рис. 80

заря Парбеци[45]. Дело в том, что в то время уже было известно, что семенники петуха и теленка «прибавляют семя», «усиливают зачатие», «укрепляют зародыш», «оживляют и усиливают половую силу», т. е. оказывают то действие, которое в наши дни доказано опытами многих ученых. Известно, как нашумели в последней четверти XIX столетия опыты знаменитого ученого-физиолога Броун-Секара по «омолаживанию». В 20-е годы нашего столетия немецкий ученый Штайнбах в Вене и русский ученый Воронов в Париже своими интересными опытами снова вернулись к этой преданной забвению проблеме.

Переходя к описанию четырех видов копытных животных, останки которых обнаружены в указанном доме (олень, муфлон, безоар и джейран), отметим, что все они, за исключением джейрана, представлены костными остатками одной особи. Найдены рога перечисленных животных тщательно отпиленных у основания.

Олень — Cervus elaphus caucasicus L.

Вид этот ныне отсутствует па нашей территории. Еще в недалеком прошлом кавказский благородный олень встречался и был широко распространен в лесах северной, восточной и южной Армении. Местонахождения ископаемых и субфоссильных остатков, а также многочисленные их изображения в петроглифах и на бронзовых поясах первобытной Армении свидетельствуют о весьма широком распространении данного вида. Олени издавна известны как ценное промысловое животное, одной из причин добывания которых было получение лекарственных веществ.

Желчь многих животных имела широкое применение в древней и средневековой медицине; одной из наиболее эффективных считалась оленья желчь. Она входила в состав слабительных лекарственных смесей, различных мазей, применявшихся для лечения труднозаживающих язв. Экстракт оленьей желчи применялся в медицине вплоть до XIX века. Мхитар Гераци при чахотке с кровохарканьем в случае необходимости как слабительное средство рекомендует «вытяжку из желчи»[46].

Амирдовлат, говоря устами «сына Синая», утверждает, что полезно «высушить половые члены оленя, растолочь, смешать с вином и выпить—усилится половая близость»[47]. Эти данные великолепно увязываются с распространенным и в наши дни использованием некоторых атрибутов оленя в медицине. Известно, что добывают оленя и в наши дни не ради мяса в основном, а из-за пант, окостеневших рогов и других частей тела. В частности, хвосты и половые члены самцов «пырки» и «лутаи» используются в некоторых районах СССР (эвенками, нанайцами и др.) как возбуждающее средство, при родах и в качестве лечебных препаратов от различных недугов (сердечные и половые заболевания, малярия и др.)[48]. Что касается использования окостеневших рогов, то последние у оленей, равно как и у трех остальных видов (муфлон, безоар и джейран) имеют почти идентичное применение.

Горный баран, муфлон — Ovis gmelini Bl.

На нашей территории зарегистрирован по склонам отрогов Зангезурского хребта, далее на запад он встречается на Айоцдзорском и Урцском хребтах. Распространение по вертикали—от 700 до 3130 м. Муфлоны совершают сезонные миграции: летом они пасутся на горно-степных участках скелетных гор, зимой спускаются ниже — к подножию хребтов, вплоть до равнин в долине среднего течения реки Аракс.

Джейран — Gazella subgutturosa Güld.

Типичный обитатель открытых полупустынь, избегает сильнокаменистых участков.

Имеются указания о существовании джейранов в долине среднего Аракса еще в середине прошлого столетия[49]. Очевидно, джейраны здесь были уничтожены на загонных охотах лишь во второй половине прошлого столетия. Первые находки остатков джейрана сделаны на стоянке каменного века Ереванской пещеры, затем в урартских городах Тейшебаини и Аргиштихинили. Все три находки зарегистрированы на Араратской равнине.

Безоаровый козел — Capra aegagrus Erxl.

В Армянской ССР встречается на скальных массивах Зангезурского хребта. Обитает на высотах от 550 до 3200 м. Типичным местообитанием безоаровых козлов являются скалистые массивы и каменистые россыпи на склонах скелетных гор с изреженной древесной растительностью. В холодное время года безоаровые козлы из высокогорных районов спускаются на скалы нижерасположенных массивов. В прошлом они были довольно широко расселены. Не случайно, что тысячи изображений безоаровых козлов встречены

[45] Ա. Գ. Տեր-Պողոսյան, *Բիոլոգիական մտքի զարգացումը Հայաստանում, Երևան, 1960, էջ 100։*

[46] *Мхитар Гераци,* ук. соч., стр. 136.

[47] Ամիրդովլաթ Ամասիացի, ук. соч., стр. 38, § 49.

[48] *В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников,* там же.

[49] *И. Шопен,* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб., 1852.

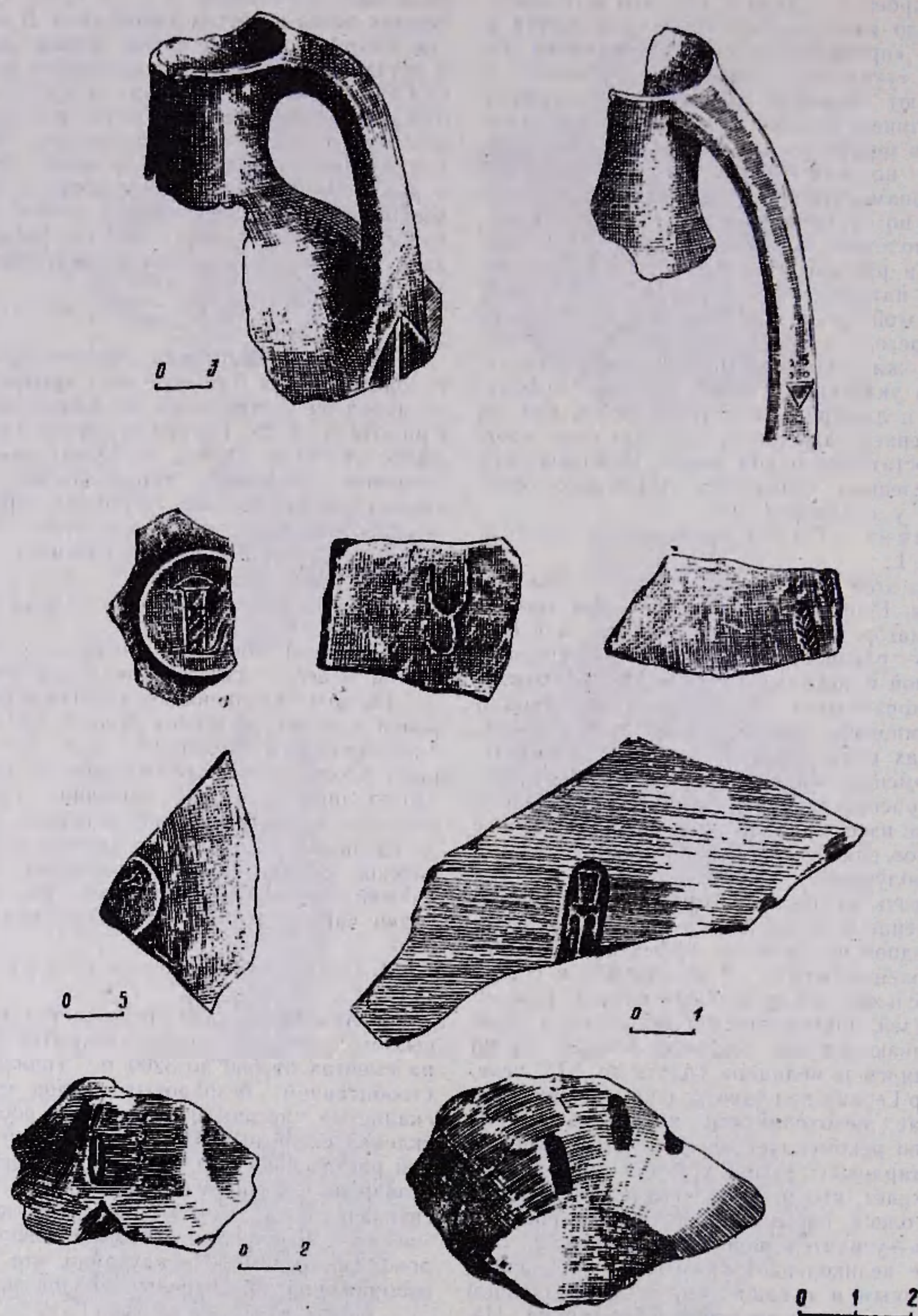

Рис. 81

именно в наскальных изображениях горных массивов Арагаца, Зангезура, Гегамских гор и других возвышенностей Армянского нагорья.

Промышляется безоаровый козел из-за мяса, шкуры и окостеневших рогов.

Рога оленей, джейранов, сайгаков и безоаровых козлов в дореволюционные годы шли на экспорт в Китай (использовались в «тибетской медицине»)[50]. Очень широко использовались рога в нашей народной медицине. Пережженные и мелко просеянные рога, растворенные в растительном масле предлагались в качестве лекарства для больных активным туберкулезом, а также женщинам для «облегчения родов» и при многих других болезнях[51]. Народная медицина широко использовала жир дикого козла, «жженные копытца с растительным маслом» для лечения «труднозаживающих язв»[52].

«Безоар» в средние века и даже в более поздние времена в Европе и в некоторых других странах считался магическим «камнем», помогающим при бесплодии, а также при отравлении. На Руси он назывался «безуй» или «безуй-камень» и ему приписывались те же свойства—«едва безуем отлизался» писал патриарх Никон царю Алексею Михайловичу, жалуясь, что его кто-то пытался отравить[53].

И, наконец, несколько слов о наличии среди описанных остатков диких животных, фрагментов черепов трех особей домашних молочных поросят.

Обращаясь к народной медицине, трудно найти какое-либо домашнее животное, которое имело бы такое широкое применение, как свинья. Небезынтересен и тот факт, что кроме применения тех или иных органов в медицине, впервые описывается употребление жира и жженных костей свиньи в качестве косметических средств.

Если «несколько подержанное сало молодой свиньи» «приложить к глазам» последние приобретут блеск; или: порошок, полученный от жженных костей опять же молодой свиньи «придаст ослепительную белизну зубам»[54]. Если «кости молочной свиньи сжечь и посыпать им раны—они иссушатся», «жир поможет ожоговым язвам» и от укуса скорпиона»[55], а желчь, «приготовленная с медом и перцем, будет способствовать росту волос»[56] и «залечит язвы кишок»[57]. Моча молодого самца «растворит камень»[58]. Таков далеко не полный перечень всех лекарственных средств, основой которых служат молодые свиньи.

У нас впервые появилась возможность определения так называемых «лекарственных животных», однако нет сомнения, что урартские врачеватели также хорошо владели методами изготовления всевозможных целебных средств из цветов, растений и трав, которые, к сожалению, не могли сохраниться.

Из анализа вышерассмотренных материалов видно, что при раскопках дома № 1 третьего квартала был выявлен состав животных явно не хозяйственного, в большинстве случаев даже не промыслового назначения. Очевидно, что в данном случае представлен весьма специфический состав животных, предназначенных для изготовления различных лекарственных средств и снадобий, каковые очень широко применялись в эпоху первобытности, складывания раннеклассовых обществ и на протяжении всего средневековья. Сохранение и развитие глубоких традиций народной медицины видно хотя бы из того, что некоторые из приведенных выше лекарственных средств общи для современных примитивных племен, народов Древнего Востока и средневекового населения на обширных территориях Азии, Африки и Европы. К сожалению, остатки упомянутых средств или какие-либо клинописные документы относительно их изготовления не сохранились. Однако уже то обстоятельство, что материал урартской эпохи прямо и тесно увязывается с фольклорными данными, с современной народной медициной и с научными медицинскими трактатами Армении, созданными на основе тысячелетнего опыта и использования передовых идей Востока, указывает на непрерывность развития врачевания в Армении, корни которого нисходят, возможно, к каменному веку. Ограничиваясь лишь некоторыми наблюдениями, соображениями и догадками, мы не упомянули и десятой доли известного материала. Однако и приведенные данные позволяют указать, что уже в начале I тыс. до п. э. люди изобретали или совершенствовали средства против таких заболеваний, как общее недомогание, вялость, болезни почек, легких, органов внутренней секреции, слуховых и дыхательных органов, против малярии, «упорной» лихорадки и прочих болезней. Однако, как видно, в народной медицине

---

[50] *В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников*, ук. соч., стр. 170.

[51] Ամիրդովլաթ Ամասիացի, ук. соч., стр. 314, 135, § 1859.

[52] Там же, стр. 342, 343, § 2000.

[53] *В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. И. Банников*, ук. соч., стр. 533.

[54] Ամիրդովլաթ Ամասիացի, ук. соч., стр. 222, § 1169.

[55] Там же, стр. 192, § 976.

[56] Там же, стр. 344, § 2008.

[57] Там же, стр. 421, § 2467.

[58] Там же, стр. 465, § 2759.

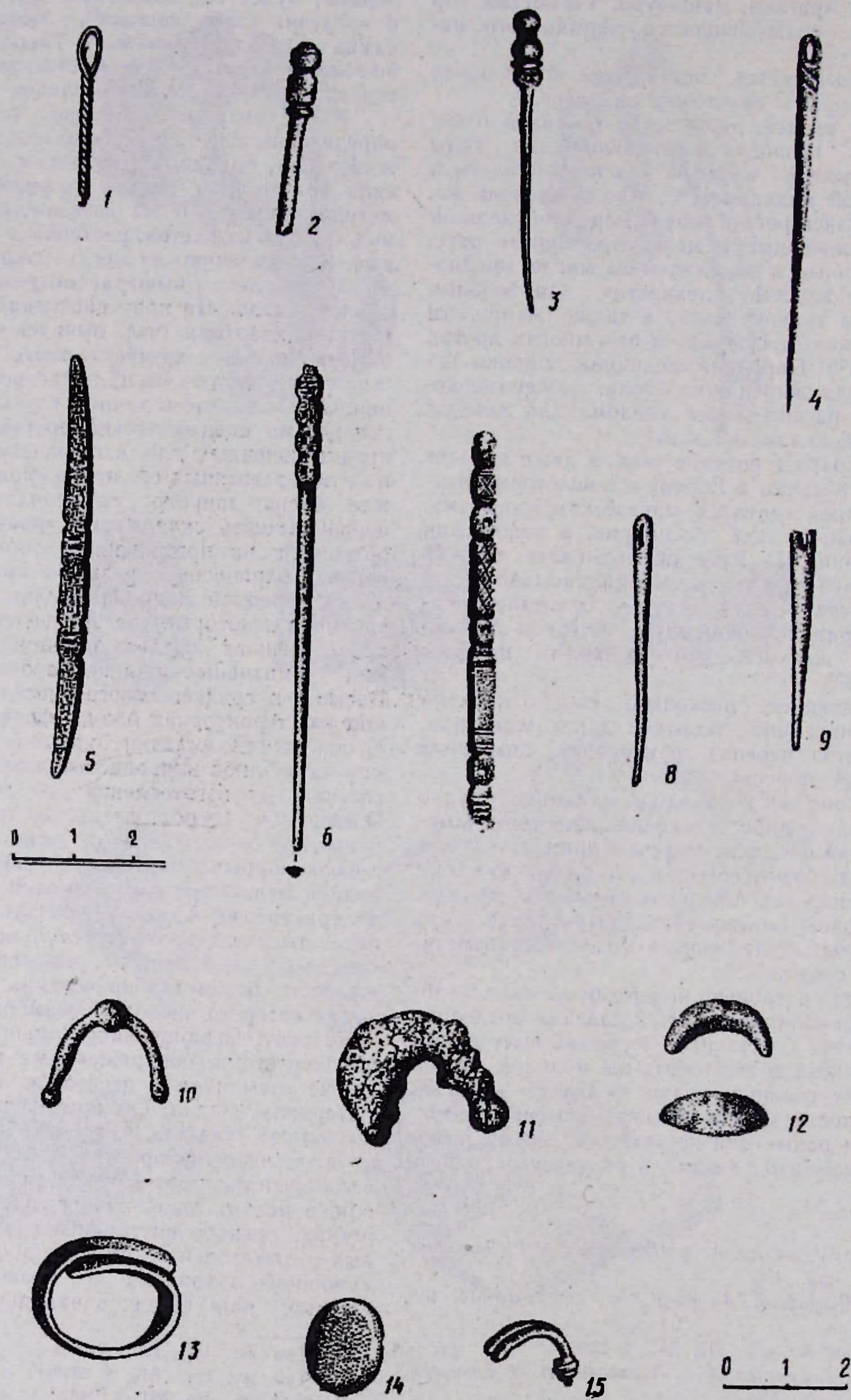

Рис. 82. Металлические булавки, шилья, фибулы.

древнейших времен обращалось самое пристальное внимание на средства, укрепляющие материнский организм, мужскую силу и человеческий зародыш. Это все связано с первобытной универсальной идеологией плодородия, продолжения, обновления и увеличения рода.

* * *

Остальные дома III квартала города Аргиштихинили не исследованы, так как расположены, главным образом, на скатах холмов и не сохранили почти никаких остатков материального производства. Дислоцированные же в равнинной части внутреннего города дома попали под абрикосовую рощу и поля местного колхоза. В аналогичной ситуации находятся и развалины домов первого квартала, непосредственно примыкавшего к восточным башням западной крепости и к южной ограде внутреннего города. Здесь, у юго-восточной конечности крепости находились одни из ворот внутреннего города, через которые осуществлялось сообщение с южными внешними кварталами. На гладкой лакушке базальтовой скалы (С) возвышались некогда два продолговатых больших здания, между которыми проходила улочка, ведшая прямо к пандусу восточного парадного входа крепости. Вероятно, здесь обитали знатные люди города, однако от их жилья сохранилось только по одному ряду прямоугольной кладки цоколя. Севернее этих домов зафиксированы остатки многих построек, особенно хорошо сохранившихся, но находящихся ныне под деревенскими домами.

Археологически очень трудно определить принадлежность каждого особняка представителю какого-либо городского сословия. Ясно одно, что внутренний город служил обиталищем высших сословий горожан и важных производственников, которые выполняли руководящую функцию. Поэтому нетрудно полагать, что именно в этой части города, наряду с людьми упомянутых профессий или должностей, должны были проживать и другие лица, связанные с экономикой города(^{LÚ}NIG-ŠID „человек счета, „^{LU}KUG^{meš} „человек денег“ „^{LU}ŠE.NUMUN-ḫu“ „человек посева“, ^{LU}NA.KAD „старший пастух“ и другие), категории людей, связанных с дворцовой службой („виночерпий—„^{LU}É.TIN“, „евнух“—^{LU}ŠA.RÊŠI и другие), категория разностепенных служителей культов и вообще представители mari, каковые наиболее часто упоминаются в документах городского архива Тейшебаини.

Описание вышерассмотренных бытовых памятников внутреннего города настоятельно требует исторической интерпретации добытых археологических данных, какого-то обобщения всего материала. При этом обращают на себя внимание значительные масштабы жилых домов, величина центральных общесемейных помещений и окружающего их множества складских и хозяйственных помещений. Очевидно, что подобные бытовые комплексы

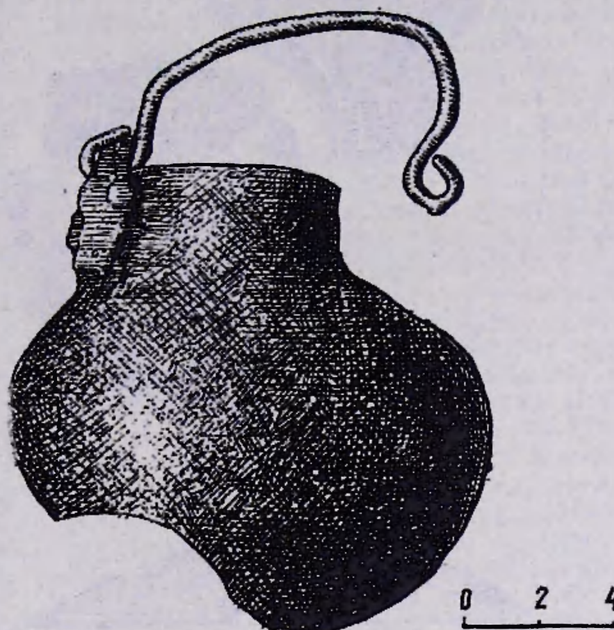

Рис. 83. Фрагмент урартского котелка.

могли быть предназначены для больших кровно-родственных коллективов, насчитывавших несколько десятков членов большесемейной общины с представителями не менее трех поколений. Иначе совершенно необъяснимо наличие жилых площадей до 140—200 м² и запасов продовольствия в объеме 10—20 тысяч литров вина и соответственно других сельскохозяйственных продуктов.

Сказанное позволяет заметить, что серия рассмотренных домов внутреннего города отражает жизнь большесемейной урартской общины, отличавшейся локальным (общие жилые помещения, семейные священные уголки) и хозяйственным (общие хозяйственные помещения) единством, при раздельном малосемейном (наличие нескольких кухонных помещений) потреблении[59].

---

[59] *Э. Т. Карапетян, А. А. Мартиросян,* Жилища большой семьи, рукопись.

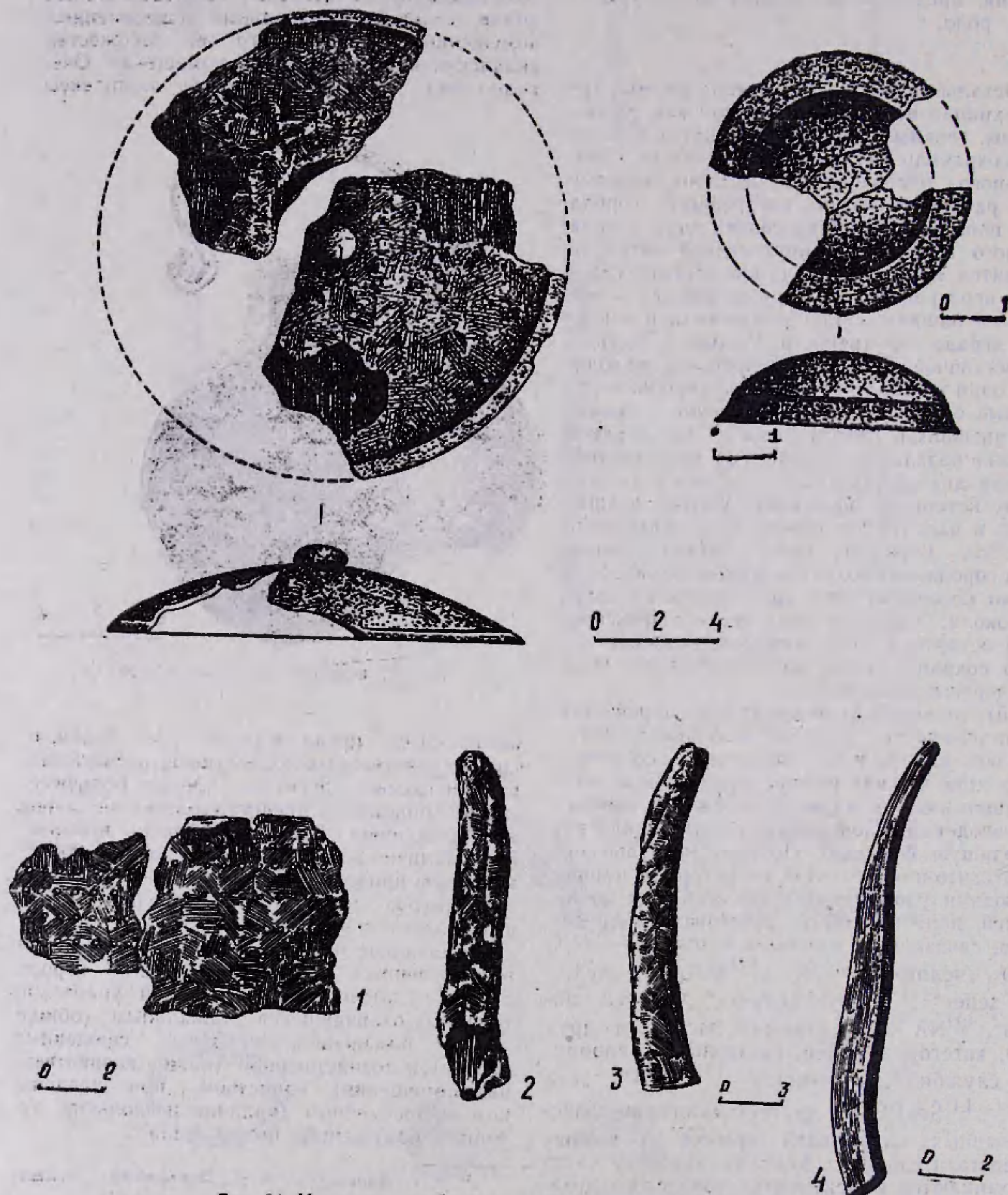

Рис. 84. Металлические бляхи, пуговицы, решето, зигатти.

Некоторые неотразимые факты подтверждают принадлежность рассмотренных урартских особняков большесемейным общинам, образовавшимся в Армении не позднее III тыс. до н. э. и продолжавшим свое существование в эпоху бронзы, железа и в армянское время. Чрезвычайно важно, например, что дома города Аргиштихинили находят свои довольно четкие параллели в армянском этнографическом материале. Сопоставление урартских домов с характерным вариантом армянского глхатуна—жилища большесемейной общины не оставляет сомнения в их полной тождественности. О существовании большесемейной общины в рассматриваемый период истории Урарту имеются и прямые сведения ассирийских источников[60], в которых перечисляется иногда количество членов семьи от 80 до 260, представителей нескольких поколений. Важно напомнить здесь, что Мовсес Хоренаци в роду легендарного родоначальника армян Хайка насчитывает до 320 членов, в число которых включены, однако, и рабы, рожденные уже при этом роде[61]. Установление факта наличия большесемейных общин в урартских городах имеет колоссальное значение для подсчета общего количества населения Аргиштихинили. При этом учитываются средний численный состав большесемейных общин урартов и армян, площади жилых и хозяйственных помещений, возможности хранения продовольственных продуктов, плотность застройки различных кварталов города и наличие пустырей по данным ситуационного плана.

Можно предполагать, что в городских кварталах Аргиштихинили проживало в общем около 30000 человек. Естественно, предложенная цифра сугубо предварительна и нуждается в дальнейшем уточнении. Помимо этого, очевидно, не всегда в этих кварталах проживало одинаковое количество людей.

Во второй половине исторической жизни города, начиная с конца VIII в. до начала VI в. до н. э. наблюдается сильное уплотнение прежних жилых площадей, масса перестроек, в результате которых просторные великолепные дома в корне изменяются в планировке, подразделяются на ряд изолированных ячеек, предназначенных для жилья отдельных семей. Было бы легче всего предположить в данном случае сегментацию большесемейной общины, однако трудно представить столь скоротечный распад основной хозяйственной единицы общества—кровно-родственной большой семьи при низкой производительности труда и, с другой стороны, такому предположению мешает явно прослеживаемая смена социального состава населения внутреннего города, что могло быть связано исключительно с внешне- и внутриполитической ситуацией в пределах этого царства. Подобная картина наблюдается во всех урартских городах Араратской равнины. Уплотнение населения этих городов могло быть результатом исключительно утери царством всех присеванских территорий, происшедшей после гибели царя Русы I, сына Сардури, и никогда более не восстановленной. Впоследствии в корне изменился и социальный состав населения города. Это было вызвано, несомненно, возникновением нового административного центра—города Тейшебаини, куда перекочевала верхушка населения, знать города и значительное число ремесленничества. В великолепных зальных помещениях появлялись хлевы, хозяйственные неряшливые помещения, скотские и жилые помещения часто строго не разграничивались. В доме № 6 II квартала было устроено три-четыре хлева, в доме № 1 хлев оказался в зальном помещении. Примерно такие же перемены произошли и во всех других домах. Население города стало в основном земледельческим. Былая роскошь города исчезла, крепости были запущены, дворцовые инвентари перевезены большей частью. Жилые площади значительно сократились, население обитало в тесноте, без особых удобств, но город сохранил значение житницы царства, продолжал производство земледельческих и скотоводческих продуктов и ремесел.

В связи с изменением социального состава населения в городе более широко распространились дома, простые, сооруженные без особой планировки, вне определенных канонов домостроительства и, главное, очень небогатые. Наличие этих домов показывает, что не все население города было зажиточным. Рядовые земледельцы все же подвергались жестокой эксплуатации, что находилось в прямой зависимости от затухания экспансивной завоевательной политики царства на Востоке.

Один из подобных домов частично раскопан на территории внешнего города, другие—зафиксированы. К ним мы вернемся в следующем выпуске экспедиционного отчета.

---

[60] АВИУ, ВДИ, 1951, № 2, стр. 317, 325; ВДИ, 1951, № 3, стр. 209 и др.

[61] Մովսեսի Խորենացւոյ Պատմութիւն Հայոց, գիրք Ա, գլ. Ժ.

ГЛАВА VII

ХОЗЯЙСТВО ГОРОДА

Земледелие и скотоводство. Основой хозяйства города Аргиштихинили являлось высокоразвитое для того времени земледелие. При раскопках амбаров дворцовых сооружений, кладовых и хозяйственных помещений города обнаружены запасы пшеничной и ячменной муки, большое количество пшеничного, ячменного, просяного зерна, гороха, ржи, конских бобов, косточки винограда, груша, прутья виноградной лозы, кизилового дерева и алычи (рис. 49). Все эти находки позволяют констатировать наличие в Аргиштихинили многоотраслевого хозяйства. При определении видов зерновых злаков В. А. Гулканян отмечает разновидность зерновых, наличие пестрой популяции одного из лучших сортов пшеницы «кармраат», чистоту зерен, отсутствие каких-либо видов, напоминающих дикие, и на прочие обстоятельства[1], свидетельствующие о глубокой традиции возделывания культурных злаков в Армении, берущего начало в раннем неолите.

Однако изучение зерен, остатков бахчевых и садовых культур само по себе не дает возможности судить о масштабах и характере хозяйств, о доходах горожан и городских властей. В выяснении подобных вопросов значительна роль клинописных источников, которые иногда упоминают частные хозяйства рядовых горожан, вроде сада некоего Ишпилини, сына Бату[2], или же больших хозяйств представителей высшей знати. Совокупность надписей из Аргиштихинили и данных раскопочных работ не оставляют сомнения, что земледельческое его население (или «люди посева» урартских клинообразных надписей) принадлежало в основной своей массе к свободной категории населения, пользовавшегося определенными земельными участками. Большими земельными наделами владели также жители кварталов внутреннего города. Масштабы их хозяйств были весьма различны. Так, в двух особняках западной (земледельческой) окраины города, разрушенных к началу работ экспедиции, были обнаружены по 20 карасов 1000-литровой емкости каждый, в доме № 1 внутреннего города—15 таких же карасов, в большом особняке (№ 1)—18, в других домах—по 10—8, наконец, 3—4. Приведенные данные показывают, что размеры земельных участков горожан были весьма различны.

Некоторые эпиграфические данные Аргиштихинили заставляют думать, что земледельческое население его объединялось в территориальной общине или общинах, связанных круговой порукой и определенными повинностями. Первоосновой этого служило не только верховное собственничество урартских царей, но и то, что центральное правительство являлось монопольным владельцем ирригационной сети—основы всей хозяйственной жизни[3]. Более того, урартские власти, по-видимому, создавали большие хозяйства для городских общин. Из каракалинской надписи Аргишти I выясняется, что проведенный им могучий канал из Аракса (УКН, 136) предназначался и для Аргиштихинили, и для страны Аза. В другой надписи этого же царя (УКН, 137) говорится о постройке города Аргиштихинили и о проведении четырех каналов, разумеется, для всех хозяйств города. В урартском эпиграфическом материале содержатся не только повеления царей об использовании каналов определенными городами, но и регламентируется, по-видимому, порядок их использования[4]. В этом отношении соблазнительную догадку для города Аргиш-

[1] *В. О. Гулканян,* О некоторых сельскохозяйственных культурах из Аргиштихинили, Историко-филол. журн., 1966, № 4, стр. 103—116.

[2] *Г. А. Меликишвили,* Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту, ВДИ, 1951, № 4, стр. 36—37.

[3] Там же, стр. 30—31.

[4] Там же.

тихинили высказал Г. А. Меликишвили на основе фрагмента надписи (УКН, 147), в которой упоминаются какие-то категории людей: Урбика, Пурунурда, Шелуини, а также «хлеб в поле», «мясо», «бык» и т. п. Г. А. Меликишвили склонен видеть в этом документе акт, устанавливающий долю паря натурой, вносимой разными категориями населения Аргиштихинили и страны Аза за орошение[5]. В связи с изучением городского протяжении 200 лет новые хозяйства создавались здесь и другими царями. Площади этих хозяйств нам не известны, однако известны доходы с некоторых полей или некоторых крепостей в общем (рис. 50). По данным И. М. Дьяконова[6], царь Руса I с одного поля города Улху получал 12 тонн зерна. Б. Б. Пиотровский[7] на основе достаточно надежных данных установил количество пшеницы, содержавшейся в амбарах дворца Тейшебаи-

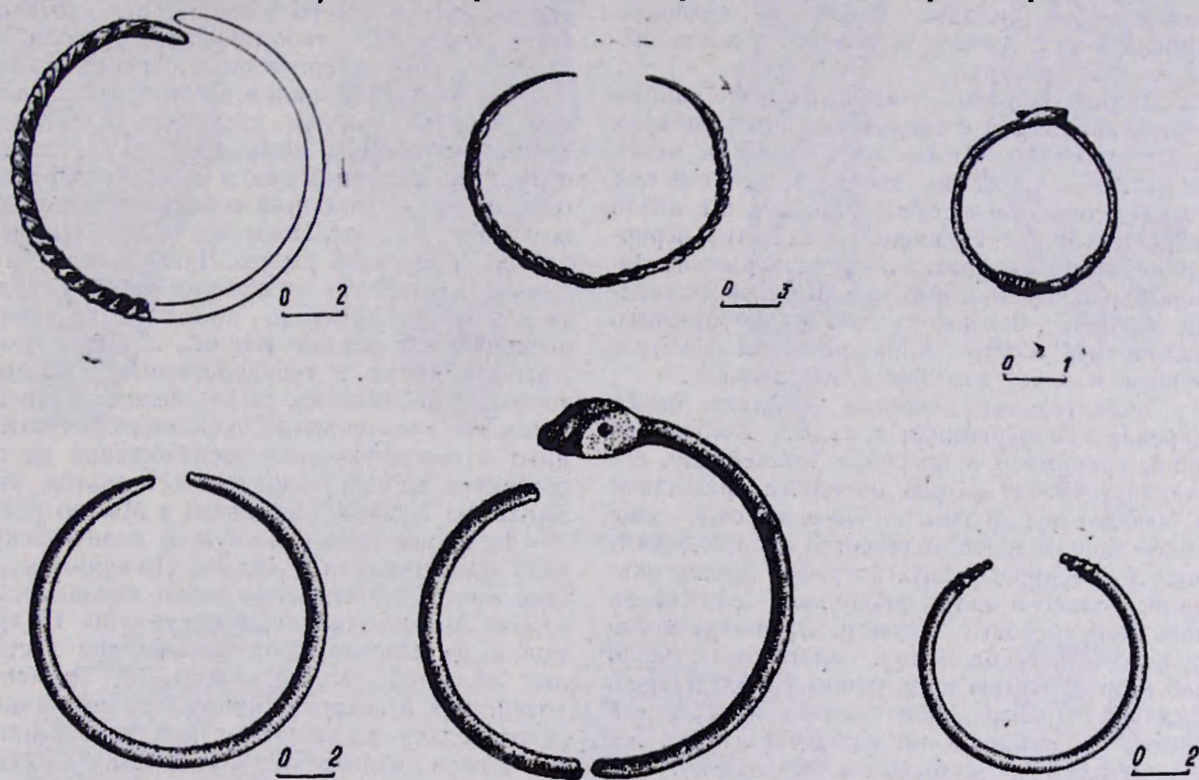

Рис. 85. Бронзовые простые и фигурные браслеты.

хозяйства привлекает внимание также одна из надписей Сардури II (УКН, 172), в которой царь сообщает: «Новый виноградник и сад города... я устроил... могучие дела я там совершил». Как мне кажется, здесь кроется указание на то, что Сардури создал эти хозяйства для городской общины и взамен получал натурой определенную долю урожая.

Наиболее богатыми и обширными были в Аргиштихинили царские (государственные) хозяйства. Согласно сохранившимся сведениям, Аргишти I устраивает здесь «виноградник и фруктовый сад» (УКН, 137), сын его Сардури II и внук Руса I разбивают три «новых виноградника, три сада и три поля с посевами» (УКН, 171, 172). Надо полагать, что сведения эти далеко не полны и что на ни, в порядке 750 тонн. Если эту цифру превратим в меру площади, то для посевов не совсем большого города Тейшебаини получим площадь, равную приблизительно 750 га, при условии, если его урожай был собран с государственных полей.

Особенно грандиозны были зерновые амбары крепостей Аргиштихинили. Один из них расположен на северном фасаде дворца западной крепости Аргишти I, занимает площадь 250 м², при высоте каменного цоколя

[5] *Г. А. Меликишвили,* Наирн-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 262.

[6] *И. М. Дьяконов,* АВИИУ, 49(199), ВДИ, № 2, 1951, стр. 327 и примечание. Приведенная И. М. Дьяконовым цифра урожая явно занижена примерно в 10 раз, так как по этим подсчетам с гектара получается около 55 кг зерна, что совершенно немыслимо ни для какого времени.

[7] *Б. Б. Пиотровский,* Искусство Урарту, Л., 1962, стр. 40—41.

3 м и условной высоте стен 10 м. Шесть других складов, построенных во времена Сардури II на южном крыле того же здания, занимают около 400 м^2 площади, вероятно, при такой же высоте, что у склада Аргишти. Урожай, хранившийся в этих складах, по аналогии с Тейшебаини, составит примерно 2300 тонн, без учета не выявленных еще складских помещений, предполагаемых на юго-западном крыле западной крепости, а также всех складов восточной крепости, имеющей аналогичное устройство и повторяющуюся квадратуру.

Таким образом, минимальные запасы зерна, хранимого в государственных амбарах Аргиштихинили, могли составлять не менее 5000 тонн, а площади хозяйств, запятые под государственные посевы, занимали бы около 5000 гектаров. Подобное количество зернохранилищ в Аргиштихинили совершенно закономерно, так как в цитадели близкого города Эребуни насчитано (по клинообразным надписям) шесть зернохранилищ (`arı`), с общим количеством зерна 56248 капи[8].

Значительные площади занимали также царские виноградники и сады. Количество вина, хранимого в погребах Тейшебаини, составляет 400000 литров по одним расчетам[9] и 500000—по другим[10]. По-видимому, еще более значительное количество вина содержалось в государственных погребах Аргиштихинили. Только в одном дворцовом сооружении западной крепости (времен Аргишти) обнаружено 3 погреба общей площадью около 650 м^2 и емкостью вина около 160000 литров. Складские помещения восточной крепости плохо сохранились, но допущение таких же объемов для них не было бы большой погрешностью. Мы не торопимся сделать соответствующие выкладки до получения более или менее полных данных по Аргиштихинили, но, исходя из данных Тейшебаини, можем отметить, что для изготовления полумиллиона литров вина требовалось около 1 млн. кг винограда, а подобное количество его можно было бы вырастить на 1000—1500 га земли. Масштабы царских-государственных хозяйств, лишь частично восстанавливаемые на основе данных археологии и эпиграфики, вполне созвучны с теми красочными строками, которые сохранились в торжественной надписи ассирийского царя Саргона II, захватившего в конце VIII в. до н. э. многие урартские города и описавшего баснословное их богатство. Саргон предал огню и мечу приурмийские города. «Большие запасы ячменя и пшеницы,—сообщает царь,—которые долгое время он (царь Руса I.—*А. М.*) насыпал в амбары для поддержания жизни страны и людей, все мое войско я заставил возить на конях, мулах, верблюдах (?), ослах и насыпал в моем лагере, как холмы; моих людей я накормил богатой и сытной пищей... Его пышные сады я посек, лозы его во множестве я посек, прекратил его питье; его большие рощи, которые густо росли, как тростниковые заросли, их деревья я порубил, опустошил окрестность...»[11]

В упомянутой надписи Саргона сохранились и более важные сведения о продаже зерна, увеличившей доходы Русы I[12]. Наличие огромных запасов зерна и вина в урартских городах свидетельствует о большом товарном хозяйстве, захватившем не только внутренний, но и внешний рынок. Лишь в свете этих данных становятся понятными слова Геродота о купцах Армении, продававших вино в ассирийских землях (Herod., I, 194). Роль Аргиштихинили в государственной оптовой торговле, несомненно, была велика, если мы учтем его колоссальный экономический потенциал и географическое расположение на перекрестке важных караванных трактов, связывавших Кавказ, Переднюю и Малую Азию.

Великую экономическую и политическую силу представляли и храмы. По-видимому, в свое время это особенно резко ощущалось в городе Аргиштихинили, в средоточии 10 храмов и религиозном большом центре восточных областей. К сожалению, о храмовых хозяйствах и сокровищницах Аргиштихинили, основательно разрушенных или ограбленных, мы можем судить лишь по аналогии со сказочными богатствами Мусасирского храма[13], декоративно-посвятительными изделиями высокого искусства городов Эребуни и Тейшебаини[14], а также по некоторым слишком суммарным и лаконичным сведениям надписей самого города Аргиштихинили. Вот содержание фрагмента надписи, найденного в западной крепости Аргиштихинили, в переводе Н. В. Арутюняна[15]: «Богу Халди, владыке своему, Сардури, сын Аргишти этот дом susı (?) соорудил (?), а также ворота бога Халди величественные. Бог Халди... воздвиг, посвятил (?) богу Халди, владыке (своему)

---

[8] Ն. Վ. Հարությունյան, *«Պատմա-բանասիրական հանդես», 1969, № 3, էջ 176։*

[9] *Б. Б. Пиотровский,* там же.

[10] *А. А. Мартиросян,* Город Тейшебаини, стр. 96. Подобные подсчеты для Тейшебаини сделал С. А. Есаян, см. Ереван, 1969, стр. 80.

[11] АВИИУ, 49(233), ВДИ, № 2, 1951, стр. 328.

[12] Там же, 49, а также *Г. А. Меликишвили,* ук. соч., стр. 341.

[13] *Б. Б. Пиотровский,* Ванское царство, стр. 108—110.

[14] *Б. Б. Пиотровский,* Кармир-блур, III, 1955, Ереван, стр. 26—30, рис. 17—18.

[15] *Н. В. Арутюнян,* Новая урартская надпись из Давти-блура, стр. 103.

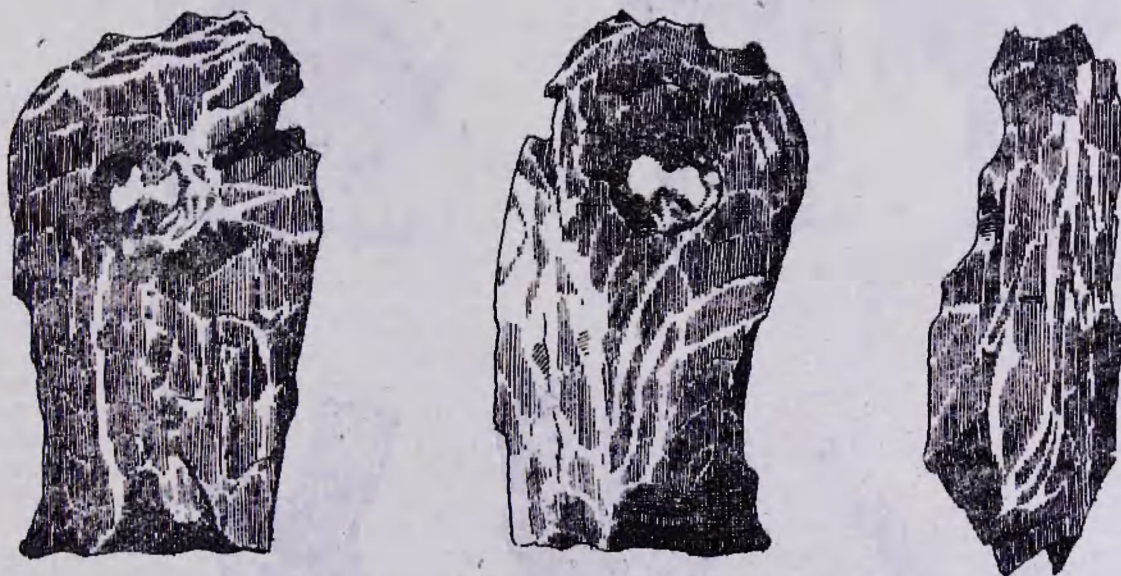

Рис. 86. Железные орудия каменотеса.

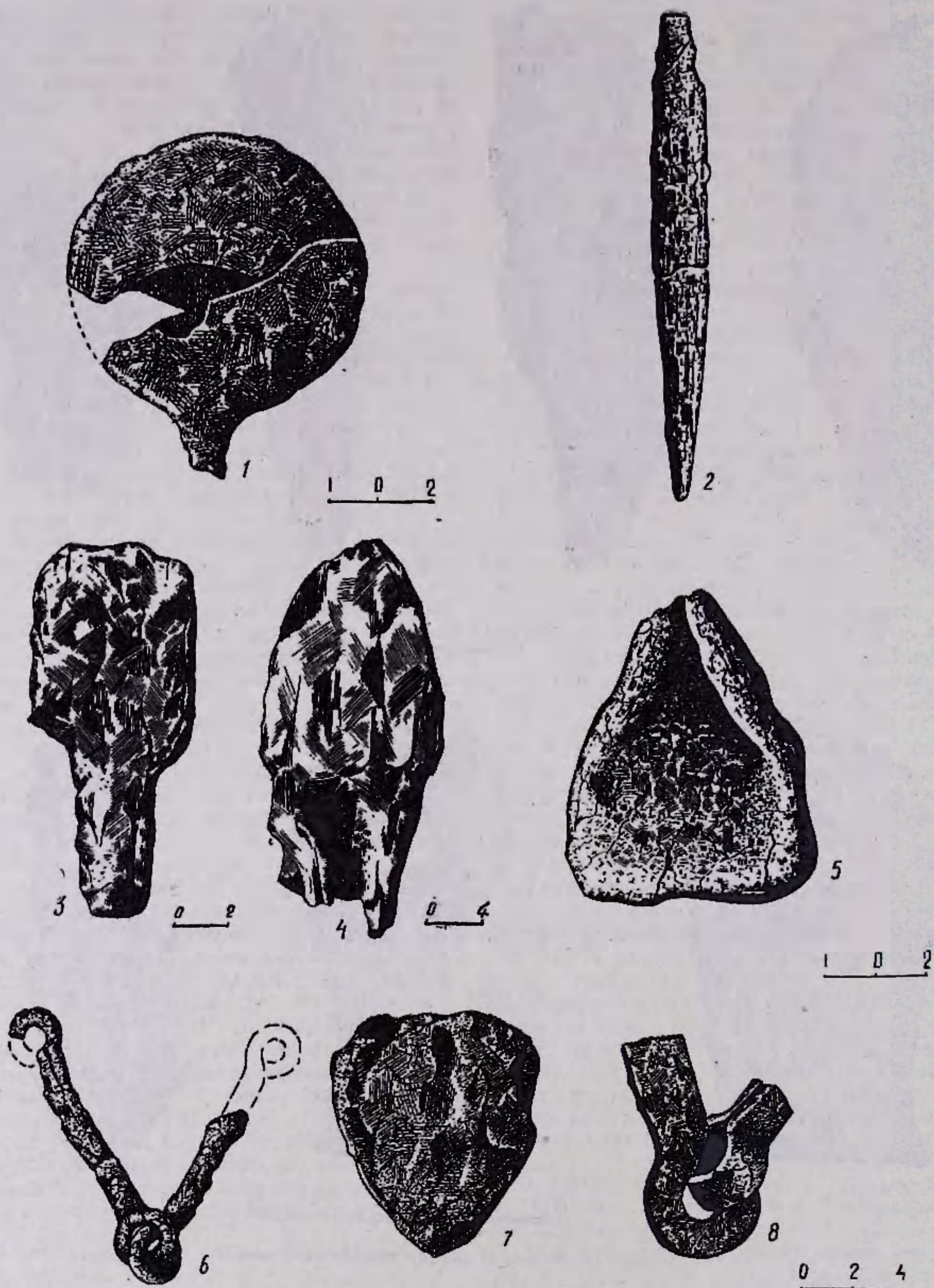

Рис. 87а. Железные орудия хозяйственного назначения.

Сардури говорит... Бог Халди мне господство как даровал, я... [...]-qi-ulhi страну склонил (он) перед мной.... ворота бога Халди соорудил (я)..... виноградник, фруктовый сад новый разбил (я), поля с посевами новые здесь разбил (я). Да будет (?) со стороны бога Халди, со стороны бога ворот Халди (царю) Сардури жизнь, величие, власть, сила, могущество, радость....» и т. д. и т. п.

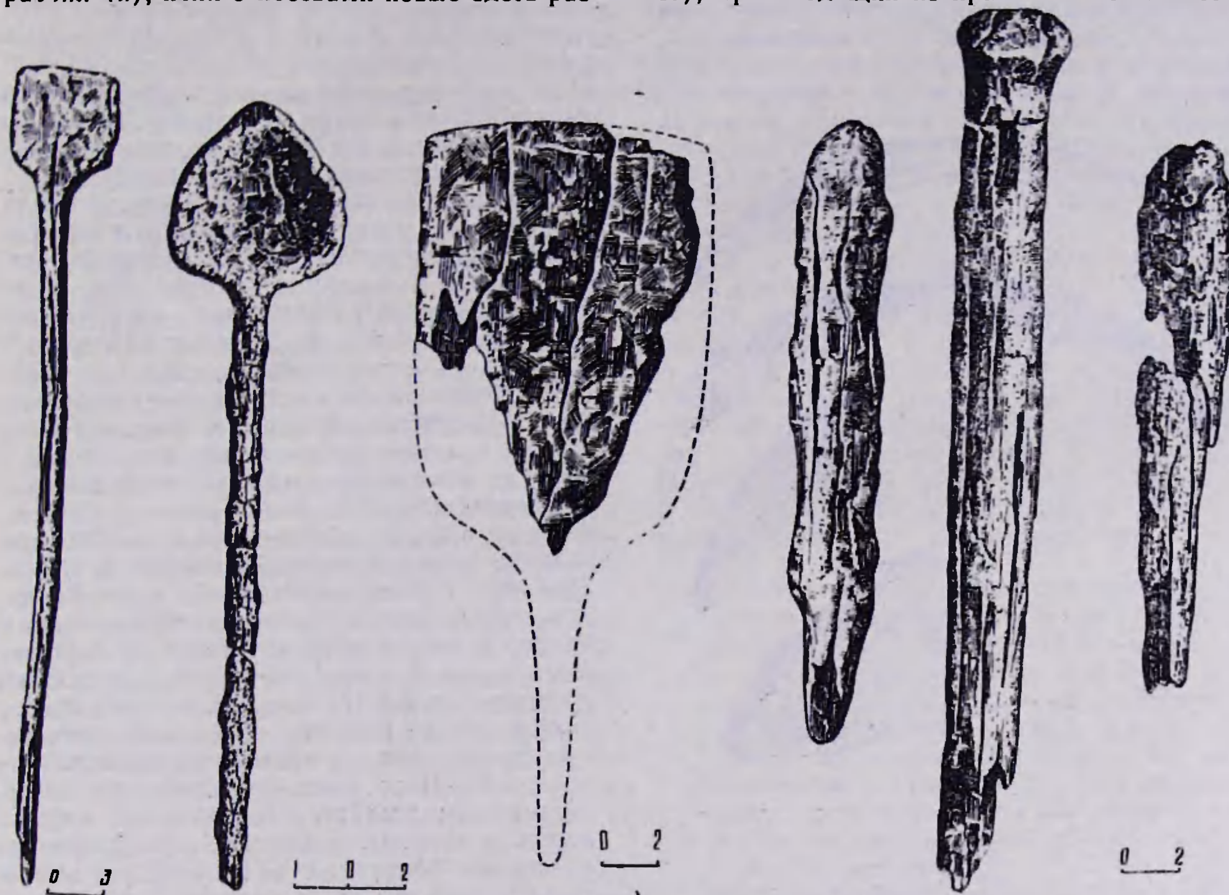

Рис. 87б. Хозяйственные орудия и зигатти.

Логическая последовательность совершенно ясна: обеспокоенный смутами в момент вступления на престол и одержавший «с помощью богов» победу над врагами, Сардури II воздвигает храмы в честь своих владык, приносит им в дар вновь созданные большие хозяйства и умоляет сохранить ему жизнь, силу, могущество, власть. Подобная трактовка надписи увязывается с данными Мхер-капусинской надписи о построении ворот Халди, об устройстве виноградников и садов для бога Халди, об установлении периодических жертвоприношений скотом в этом храме[16].

Это хорошо связывается также с Адильджевазской надписью Русы II[17]. В этой связи чрезвычайно интересны также два фрагмента пространной надписи Сардури II (УКН, 165, 143), происходящих из храмовых комплексов Армавирской крепости и буквально повторяющихся, как доказал Н. В. Арутюнян, в надписи Русы II (текст I) из Тейшебаини[18]. В этих текстах речь идет о сооружении Малого храма с «домом сирихани» и «домом Адунусини», а также Большого храма, в который входили susi и Халдовы ворота. В продолжении текста содержится приказ о совершении культовых обрядов с жертвоприношением перед статуями богов, а также о количестве и порядке пожертвования животных Халди, Тейшебе, Шиуини (Шивини), Уаруб(а)ни и Иуарша. Если подтвердится предположение Н. В. Арутюняна о том, что надписи Сардури II из Аргиштихинили содержат основные моменты также II и III кармирблурских тек-

[16] См. *Г. А. Меликишвили*, Некоторые вопросы социально-экономической истории, стр. 34.

[17] Там же.

[18] *Н. В. Арутюнян*, Новые урартские надписи, стр. 40, 41, 65—74.

стов[19], то мы будем иметь возможность утверждать также, что упомянутые храмы Аргиштихинили получили в дар священное оружие и земельные угодья.

Некоторые данные позволяют утверждать, что крупные государственные (царские и храмовые) хозяйства продолжали существовать и даже увеличивали свои доходы в конце урартского владычества, хотя главенствующая роль центрального города айраратских провинций перешла городу Тейшебаини уже в первой половине VII в. до н. э. Об этом свидетельствует, в частности, надпись Русы, сына Эримены, одного из последних царей Урарту, построившего крупное зернохранилище в Аргиштихинили (УКН, 288), вероятно, в связи с устройством нового государственного хозяйства. Подобный факт имеет место и в городе Эребуни. Ряд косвенных данных наводит на мысль, что в VII в. до н. э. увеличивались доходы и частных хозяйств, это было связано особенно с увеличением населения араратских городов (Аргиштихинили, Эребуни, Тейшебаини) в результате утраты царством присеванских районов после правления Русы I. Во всех жилых домах указанных городов наблюдается сильное уплотнение, расчленение и уменьшение жилых площадей, создание новых хозяйств. Определение размеров частновладельческих участков земли является делом будущего. Ныне же можно полагать, что общая их площадь превосходила масштабы государственных.

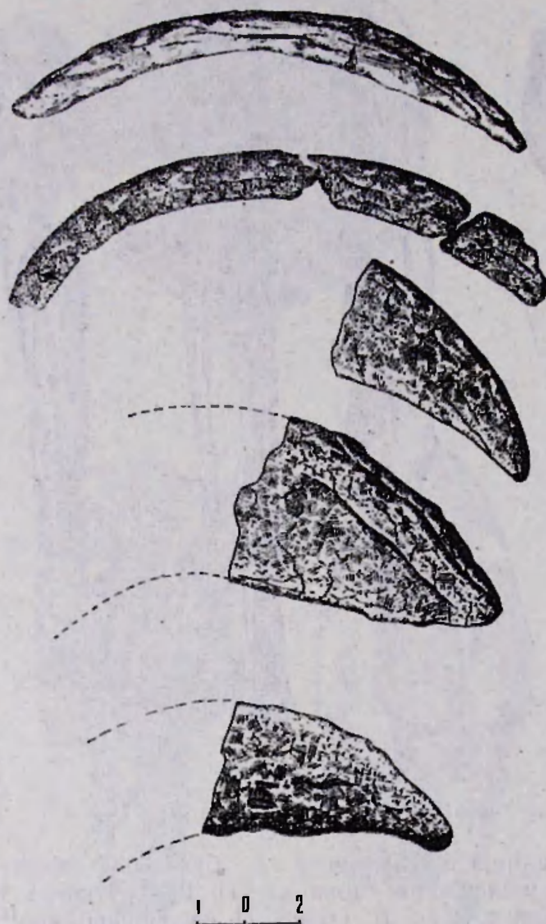

Рис. 88. Железные серпы.

Клинообразные надписи Аргиштихинили не сохранили никаких сведений о скотоводстве, о государственных, храмовых и частных скотоводческих хозяйствах. Да и сохранившийся остеологический материал недостаточно полно и ярко характеризует уровень развития скотоводства в городе[20]. Немногочисленность подобных остатков объясняется тем, что в период гибели города, в летнее время, скот был угнан в горы, на альпийские луга и скотские помещения многочисленных домов не только пустовали, но и были убраны начисто. Все же, наличие больших скотских помещений в каждом доме, близость альпийских лугов Гегамских гор и высокое развитие скотоводства в Урарту, засвидетельствованное в десятках сотен клинообразных надписей, позволяют полагать, что и в Аргиштихинили скотоводство находилось на высоком уровне, обеспечиваемом также обилием отходов земледельческих продуктов. Некоторое представление о скотоводческом хозяйстве города дают остатки костей животных, найденные при раскопках различных объектов с 1962 по 1970 гг., которые исследованы палеозоологом С. К. Межлумян. Из предоставленных 1880 обломков определено 440 анатомических единиц, принадлежащих следующим видам животных: крупный рогатый скот—9 особей, молодых самок краниологического типа Bos brachyiceros, трубчатые кости конечностей расколоты в нескольких местах, что является типичным показателем использования их мяса в пищу, то же можно сказать о черепе. В таком же состоянии были выявлены остатки, принадлежавшие мелкому рогатому скоту: овцам (Ovis sp., 6 особей) и козам (Capra domestica—2 особи).

В отличие от других урартских городов (Эребуни, Тейшебаини), где свиноводство является слаборазвитой отраслью, выражавшейся в инфантильности и малочисленности особей, фрагменты черепов, сохранившиеся в Аргиштихинили, позволяют констатировать

[19] Там же, стр. 72.

[20] О скотоводстве см. *С. К. Межлумян,* Домашние и промысловые животные урартского города Аргиштихинили (рукопись).

факт высокого уровня свиноводства. Наличные здесь особи крупные (Sus scrofa—9 особей). При сравнении обнаруживают больше сходства с мецаморскими, которые отличаются рослым экстерьером. Они представлены в большем количестве по сравнению с другими видами домашних животных, так как они не угонялись далеко и в какой-то мере восполняли потребность в мясной пище. Важно отметить, что и здесь встречены лишь раздробленные кости поросят с молочной генерацией зубов. Это вполне импонировало климатическим условиям Араратской равнины в летнее время. В доме кузнеца-бронзолитейщика сделана редкая находка: в помещении найдены фрагменты скелета и полная нижняя челюсть свиноматки с четырьмя поросятами, утробными или же новорожденными. Все эти животные явно погибли в каких-то исключительных обстоятельствах.

Иронией судьбы здесь и сейчас располагается колхозная свинарня с дальними потомками урартских поросят.

Среди остатков домашних животных в доме врачевателя найден целый костяк лошади без разломов, верховой, типа урартской (описанной С. К. Межлумян), взрослой, с сильно стертыми от удил коренными зубами и резцами. На основе этой находки С. К. Межлумян полагает, что верховые лошади в Урарту были относительно крупными, какими они часто показаны в фресках и на гравированных бронзовых поясах. В материалах раскопок бросается в глаза исключительно малое число собак (1 особь), которые могли оказаться в горах вместе со стадами. В доме № 5 выявлены также кости верблюда, животного, особенно широко распространившегося в Урарту (по данным ассирийской надписи VIII похода Саргона II) в годы правления царя Русы I и применяемого весьма успешно при строительных работах.

В домах Аргиштихинили содержалось большое число домашних птиц, принадлежавших четырем отдельным видам (куры, водоплавающие птицы). Найдены также остатки диких голубей.

Остатки очень интересных охото-промысловых животных были рассмотрены уже в связи с домом врачевателя, но таковые были найдены и в других домах, указывая на одно из излюбленных занятий горожан. Это кости джейранов (дом № 3 второго квартала), крупных рослых самцов, обугленные обломки оленьих рогов (дом № 2), поджаренных на огне. Этот вид кавказских благородных оленей был сильно распространен в Гегамских горах, где они запечатлены в наскальных изображениях.

Остатки от безоаровых коз оказались в доме бронзолитейщика, кости поджаренные, с ржавым оттенком. Эти козы водились в Гегамских горах в несметном количестве, куда, вероятно, выгонялся скот города Аргиштихинили. Шел в пищу также муфлон, от которого сохранились обломки костей конечности. Муфлоны водились в ущельях тех же Гегамских гор, присеванских районов, хорошо знакомых урартам. Среди редких находок имеются остатки дикого камышового кота, который водился в районе Мецамора в 20 км от Аргиштихинили. И сейчас они там обитают. Трудно определить смысл этой находки, поскольку домашние коты, судя по находкам Тейшебаини, водились в Урарту.

В доме мастерового-бронзолитейщика была сделана последняя, чрезвычайно интересная, находка. Это фрагмент левой нижней челюсти гепарда, хищника из семейства кошачьих, легко приручаемого и используемого во все времена в охоте за быстробегущими животными. Изображения охотничьих гепардов имеются в петроглифах Гегамских гор III—I тыс. до н. э. Весьма интересные данные о них сохранились у древнеармянских историков и в средневековых армянских баснях.

> «Гепард, погнавшись за дичью и не настигнув ее, упрекал своего вожака, не ел, не пил и на коня не садился. А тот ему сказал: «Сам ты виноват, потому что гонишь дичь лениво, а не с упорством».
>
> Уныние, в которое впал гепард, привело его не только к утрате аппетита, он досаду свою проявил и в отказе от работы, не пожелав садиться на круп коня, чтобы участвовать в охоте за джейранами или быстрыми сернами».

Следует полагать, что в ходе дальнейших раскопок будет выявлен все более обширный и интересный материал, характеризующий настоящий уровень развития скотоводства и охотничьего промысла в урартском городе, однако и представленный в Аргиштихинили материал богаче по видовому составу, чем остатки, найденные в других урартских городах. Приводим составленный С. К. Межлумян сравнительный список остатков животных, найденных в трех городах (см. таблицу).

Ремесла. В связи с развитием земледелия и скотоводства в Аргиштихинили широко развернулось гончарное производство, организованное на базе местного сырья. Судя по разнообразию, совершенству форм и качеству сосудов, гончарное дело достигло здесь зенита своего развития. Ни в одном урартском городе не встречено еще такое обилие разного назначения и разных морфологических признаков глиняной тары, как в Аргиштихинили. Из этой массы выделяются, прежде всего, большие, средние и малые карасы, одни с треугольными, аркообразными, прямоуголь-

Эребуни	Тейшебаини	Аргиштихинили	
Домашние			
Крупный рогатый скот	Крупный рогатый скот	Крупный рогатый скот	Еж
Лошадь	Лошадь	Лошадь	Черепаха
Овца	Овца	Овца	Слепец
Коза	Коза	Коза	Рыба (сазан)
Свинья	Свинья	Свинья	Рыба (форель)
	Собака	Собака	Ворон
	Осел	Верблюд	Сокол
	Буйвол	Курица	
		Гусь, утка, голубь	
Итого: 5 видов	Итого: 8 видов	Итого: 11 видов	Итого 20 видов
Дикие			
Олень	Олень	Олень	
Безоаровый козел	Безоаровый козел	Безоаровый козел	
	Джейран	Джейран	
	Муфлон	Муфлон	
	Куница	Косуля	
	Камышовый кот	Лиса	
	Лесная мышь	Барсук	
	Домовая мышь	Гепард	
	Серый хомячок	Волк (очень молодой)	
	Землеройка	Дикая кошка	
		Заяц	
		Речной бобр	
		Дрофа	
Итого:2 вида	Итого: 10 видов		

ными углублениями, жгутовидной ленточкой под венцом, другие—с несколькими широкими горизонтальными гладкими или рельефными поясами па корпусе и последние—с совершенно гладкими поверхностями (рис. 50—51). Это зерновики, сосуды для хранения вина и консервированных продуктов. Сильно отличаются от них сигарообразные сосуды с узким горлом и незначительным донышком, предназначенные для изготовления и хранения ячменного и просяного пива (рис. 52). В домах Аргиштихинили впервые встречены большие глиняные корыта для теста овальной формы, с высокими перпендикулярными бортами, низко отогнутыми краями. Варианты этого типа весьма разнообразны и имеют разную емкость. По функциональному назначению и по месту находок с последними связываются большие, средние и малые сероглиняные конусовидные чаны (рис. 53—54) также для теста, которые имеют свои аналогии в урартском материале из других объектов и сохранили свою характерную форму в армянском сельском быту. Особым разнообразием выделяются горшки кухонные и столовые, самых разнообразных размеров и форм: приплюснуто-приземистые, узкогорлые и широкогорлые, яйцевидно вытянутые с широким горлом и вертикально стоящими бортами, шаровидные с широким или узким горлом, горшки с биконическим строением корпуса, горшки с очень высокими бортами горловины, иногда грубые, сделанные от руки, иногда с одной или двумя ручками, светло-глиняных, охристых оттенков или красноангобированных, часто бурых, сильно закопченных—местных образцов, встречаемых в погребениях Восточной Армении IX—VI вв. до н. э. (рис. 55—57—58). Горшки эти, как правило, неорнаментированы, не украшены рельефами или резными рисунками. Однако и здесь имеются оригинальные исключения. Рядом с большими бомбовидными неорнаментированными горшками или малыми карасами с тремя ручками па пузе мы видим колоссальный шаровидный горшок с узким горлышком, плечо которого украшено резным рисунком боевой колесницы хеттского образца с парой запряженных лошадей, фрагмент малого горшка—тоже с колесницей, от которой сохранился лишь торс лошади, фрагментированный бомбовидный горшок с тремя крупными изображениями древа жизни па корпусе и, наконец, красноангобированный горшочек, плечики которого украшены откаткой цилиндрической печати по мягкой глине, изображавшей поясок, состоящий из ряда деревьев жизни со львами и козлами по сторонам (рис. 59). Один из красноангобированных горшочков украшен в части тонкого венчика ручками в виде бычьих голов и не отличается от бронзового сосуда цитадели Тейшебаини, другие—имеют горизонтальные линии на плечиках, семячковый простой орнамент или заштрихованные валики на плечах (рис. 60).

Множество подвидов образуют одноручные красноангобированные кувшины и кувшинчики для вина и воды. Наиболее крупные из них вмещают около 20 литров, наиболее мелкие—около четверти литра, а самые миниатюрные—не более 15—20 г. Несмотря на общее морфологическое сходство, сосуды эти весьма различны в деталях и в качестве. Большая их часть отличается охристым цветом, шаровидным корпусом, ручкой, имеющей форму фасоли в сечении, и горловиной со сливом в форме трилистника. Узенькие донышки их несколько вогнуты. Более древние парадные образцы этих сосудов отличаются превосходным качеством черепка, темно-красным или темно-кремовым блестящим ангобом, кольцевым выступом на дне. Иные отличаются биконическим строением корпуса или выступающим циркульным утолщением дна (рис. 61—62). В одном из помещений дворца вместе с блестящими фрагментами рассматриваемых кувшинов впервые встречено множество катушковидных красноангобированных полых подставок и миниатюрных полусфери-

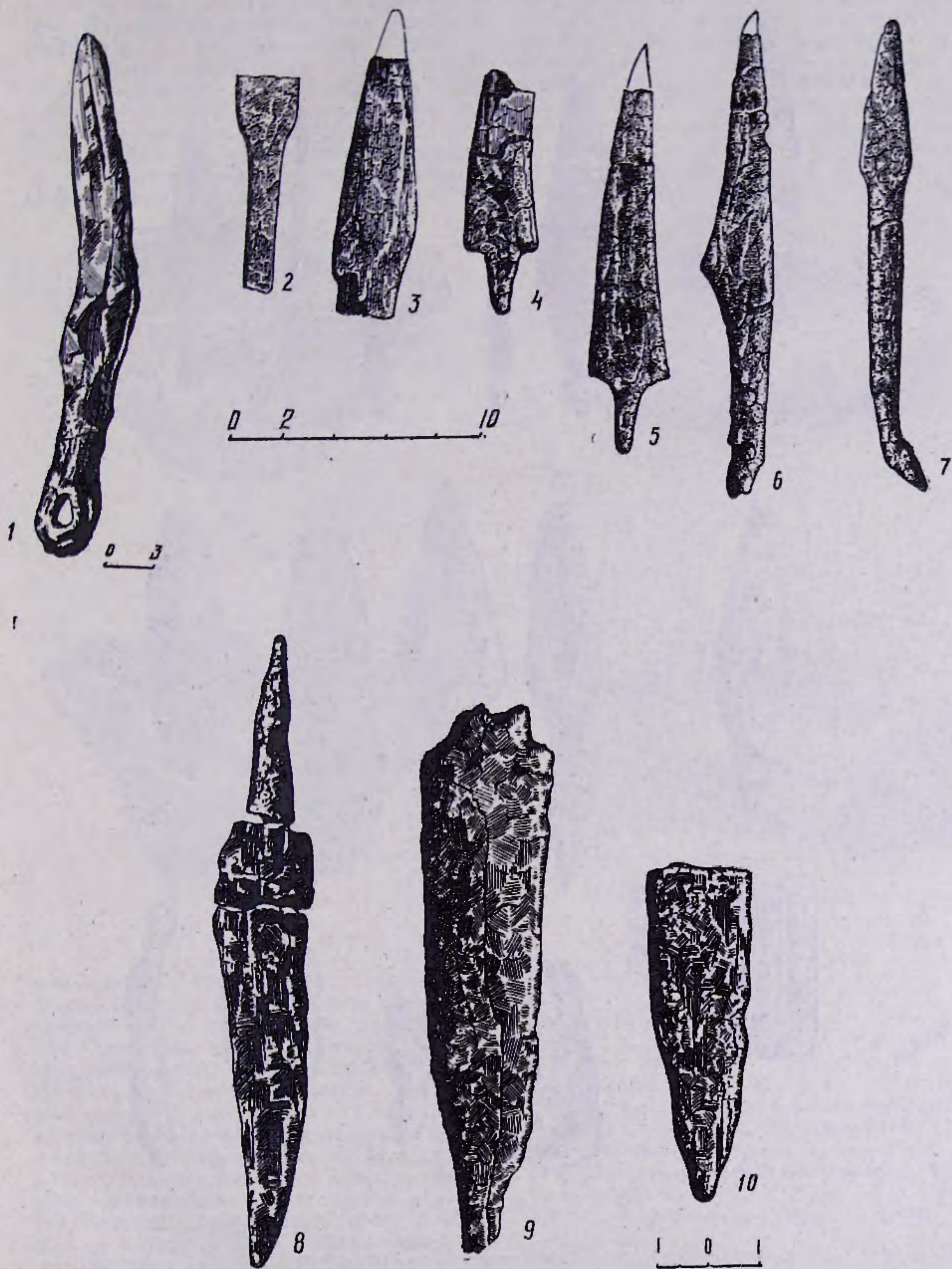

Рис. 89а. Железные ножи, фрагменты кинжалов.

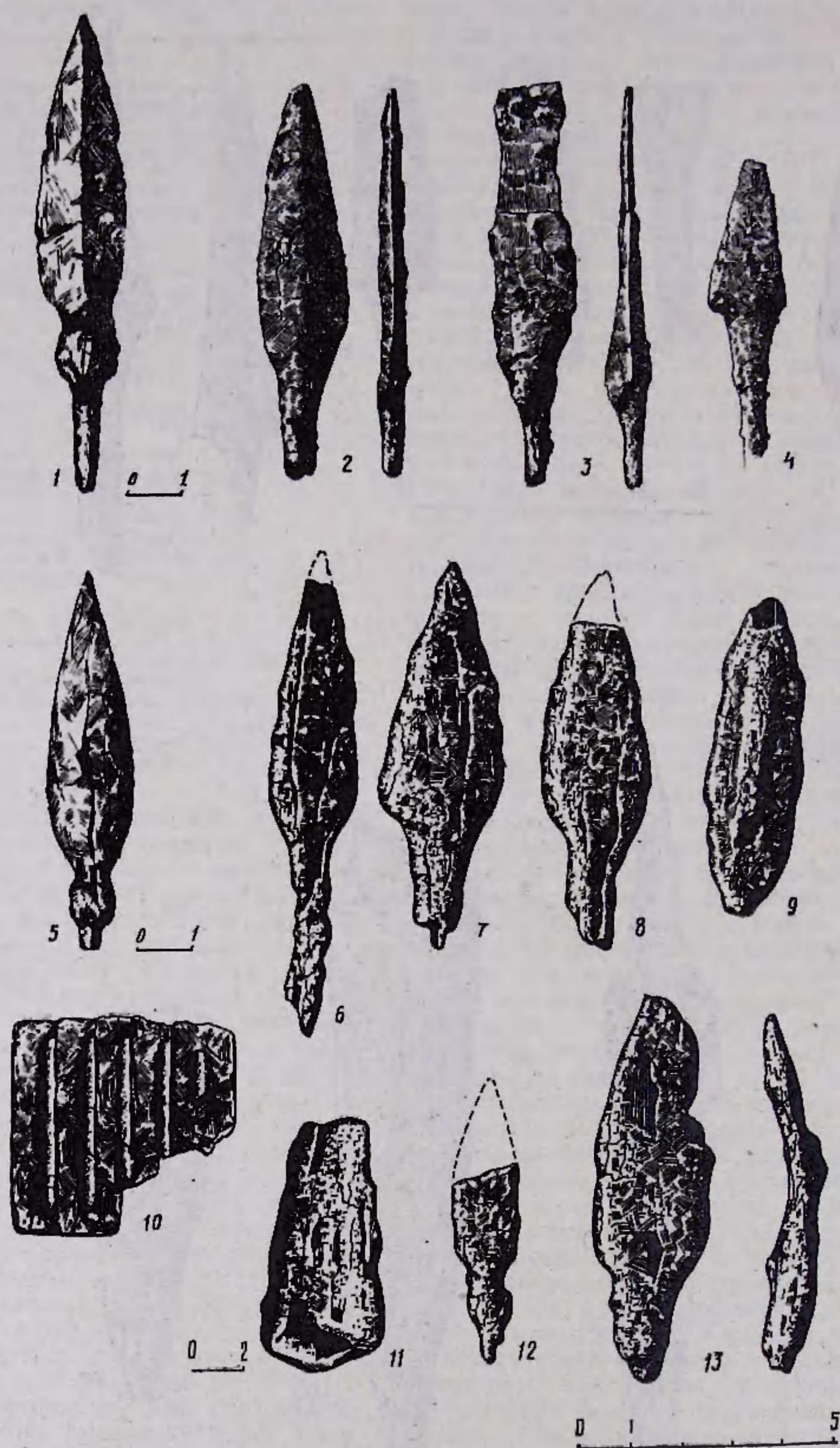

Рис. 89б. Железные наконечники стрел, части панциря и копий.

ческих крышек с центральной шишечкой-ручкой. Эти изделия не имеют пока аналогий среди урартских материалов (рис. 63—64).

Наиболее обильную и разнообразную группу составляют столовые миски и чаши, варианты которых отличаются строением корпуса и венчиков. Миски отличаются глубиной, широко отогнутыми профилированными или, наоборот, нависающими вовнутрь краями. Чаши тонкостенные, краснoблестящие или охристого цвета имеют вертикально поставленные вогнутые, высокие или низкие, отогнутые, косо поставленные, широкие прямые борта, нависающие вовнутрь венцы с наружной полукруглой глубокой бороздкой. Встречаются совершенно мелкие, миниатюрные чашечки с вертикально или горизонтально приставленной к борту петельчатой ручкой и, наконец, полусферические, глубокие или мелкие, большие или малые чаши, тонкостенные, темно-красного ангоба или охристые толстостенные, которые появляются с VIII в. до н. э. Урартские чаши и миски перечисленных образцов (рис. 65—68) являются прототипами раннеармянской посуды указанного назначения и, сохраняя свои древние морфологические признаки, получают вдобавок еще и роспись под влиянием фригийского или ахеменидского ремесла. Подобная раннеармянская керамика известна в массовом порядке из Армавира—древней столицы Армении, возникшей на развалинах Аргиштихинили. Преемственная связь здесь прямая и непосредственная. Большую группу образуют типы парадно-торжественной или культовой керамики Аргиштихинили, некоторые образцы которой также продолжают бытовать в ранней армянской среде. К этой подгруппе относятся двуручные кубки (рис. 69), красноангобированные, большей частью тонкостенные и миниатюрные. Они встречаются во всех урартских домах всех раскопанных городов, доживают в Армении до II—III вв. н. э., встречаются на известных рельефах дворца Ксеркса (V в. до н. э.), в сценах, в которых армяне направляются к царю с дарами[21]. Они

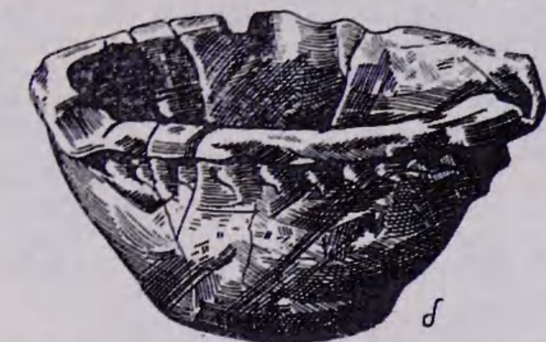

Рис. 90. Глиняные тигли.

Рис. 91. Каменные формы.

[21] См. *E. Schmidt*, Persepolis, 1, Chicago, 1953, стр. 82, 85, 118, 135, табл. 29A и B, а также *А. А. Мартиросян*, Город Тейшебаини, стр. 137—141, рис. 63.

превращаются, таким образом, в прототипы известной группы ахеменидских сосудов. Такими же прототипами для иранских и раннеармянских образцов служат вазы на трубчатой ножке с открытой чашеобразной частью, глубокой или мелкой. Таковые в Аргиштихинили подразделяются на два варианта—парадные, темного или светло-красного ангоба и светлоглиняные, более простые и грубые (рис. 70). В раннеармянском и иранском производстве повторяются также открытые, большого диаметра, почти дисковидные, с низкими изящными бортами парадные блюда, чудесного темно-красного ангоба, с малюсеньким кольцевым донцем. Этот тип керамики в урартском производстве также встречается впервые (рис. 71). Впервые же встречаются в урартском производстве красноангобированные кувшины для возлияния, снабженные коленчато-трубчатым носиком и большой вертикальной ручкой. Фрагменты таковых встречаются очень часто в священных уголках урартских домов с большими красивыми «кубками» непонятного назначения, наружные поверхности которых украшены поясами больших треугольных шевронов, чередующихся в красном и матово-желтоватом цвете, полученном снятием ангоба (рис. 72). «Кубки» эти в центре корпуса суживаются, а сверху и снизу расширяются. Второй подвид этих «кубков» представлен аналогичными крупными фрагментами, которые при составлении образуют большие сосуды, отличающиеся от описанных наличием конусовидного дна (рис. 73). Рассмотренные широко распространенные в Аргиштихинили типы культовых изделий не были встречены до сих пор в урартских древностях. Единственная их аналогия происходит из крепости Ишпуини-Менуа в Калатгахе, в северо-западном Иране[22].

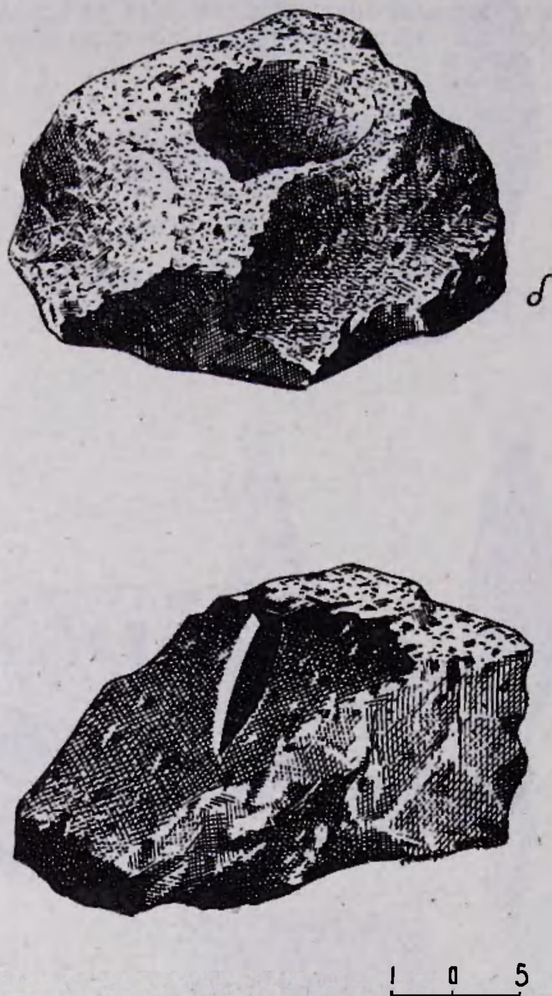

Рис. 92. Каменные формы.

К разряду рассматриваемой керамики относятся также широкоизвестные в урартском производстве курильницы (рис. 70) на высокой ножке и четырехугольными отверстиями на корпусе, а также безручные красноангобированные кубки с биконическим строением низкого корпуса с высокой шейкой, широко отогнутым венчиком и с заостренной пуговкой на дне. Эти сосуды устанавливались на железных треножниках и выполняли определенную ритуальную функцию. Таковые представляются часто в ассирийских рельефах. Наконец, урартские мастера изготавливали из глины орудия производства и быта, характерные светильники, ситовидные сосуды, высокобортные очаги—курси с поддувалом (рис. 73), цилиндрические малого диаметра тоныри, всевозможные тигли, лячки, формочки для отливки различных металлических предметов, гончарные круги и массу других изделий, до нас не дошедших.

Простое описание или даже перечисление видов керамической продукции Аргиштихинили показывает, что здесь встречены в обилии и разнообразии все типы известной до сих пор урартской керамики и масса не известных дотоле изделий. Это обстоятельство позволяет утверждать, что Аргиштихинили являлся крупным центром производства урартской керамики восточных провинций царства, с несколькими большими мастерскими, хотя таковые еще не обнаружены.

Как видно из анализа материала, некоторые гончарные мастерские выделывали парадную керамику для храмов и дворцов, другие—самую разнообразную керамическую тару массового потребления. На всех видах керамической продукции имеются метки и клейма (рис. 74) мастерских, которые иг-

[22] *O. W. Muscarella*, An urartians site in Nortwestn Iran, Expedition, v. 13, стр. 44, рис. 1.

рали роль марки производства, служили подсчету выпускаемой продукции. Ныне они позволяют определить наличие разных мастерских в городе с определенными видами их продукции и предполагать существование

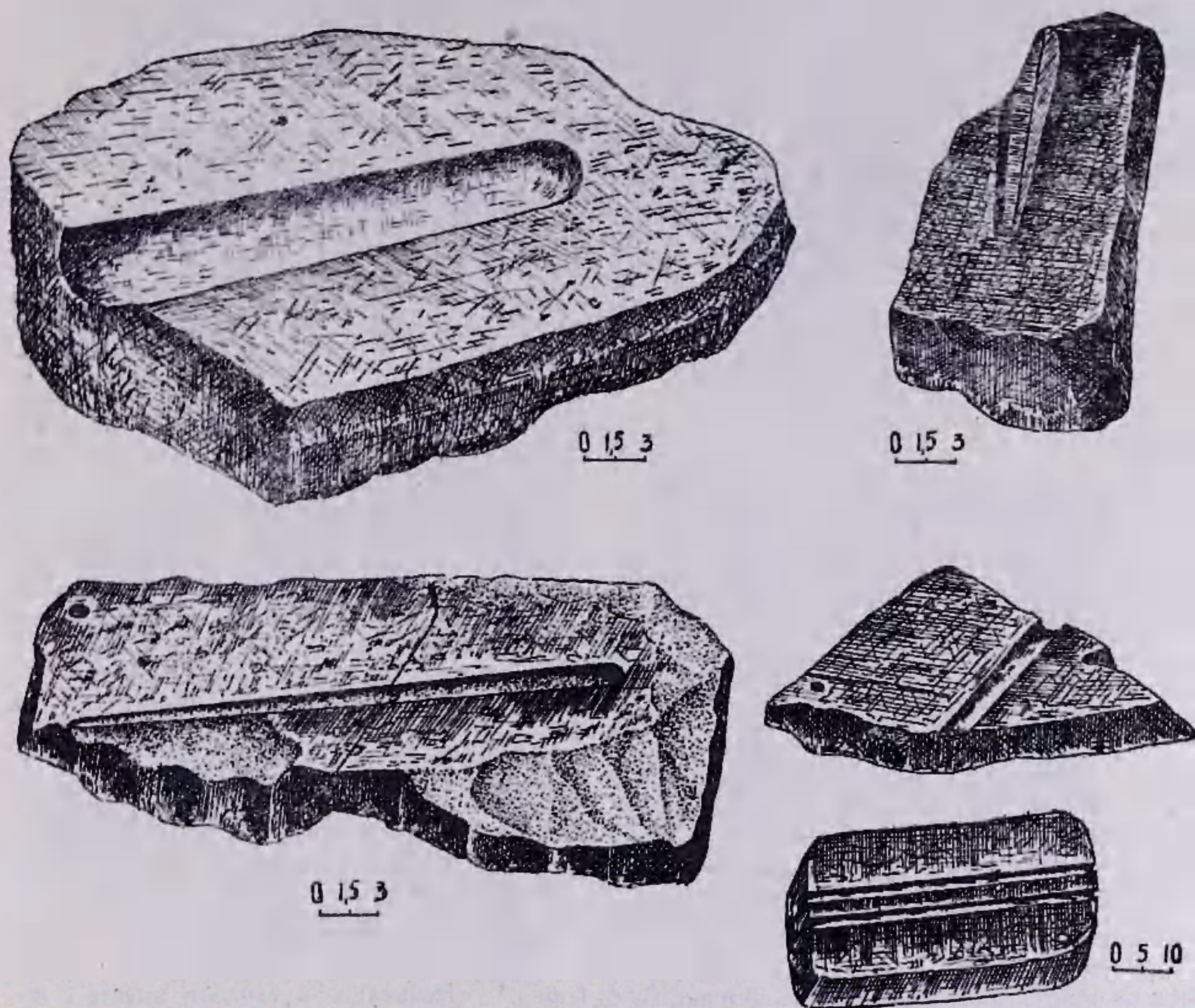

Рис. 93. Формы для отливки бронзовых изделий.

цеховых организаций ремесленников, разные ответвления которых могли распространяться от Тушпы до Аргиштихинили. По этим знакам мы можем судить также об удельном весе экспорта и торговли.

Приводим таблицы клейм и меток керамических мастерских Аргиштихинили (рис. 75—81)[23].

Знаки и клейма керамики из Аргиштихинили почти поголовно повторяются на разнообразнейших сосудах Тейшебаини, перевезенных сюда из мастерских города Аргишти. Ведь именно в Тейшебаини сохранились записи двух поставок или поступлений довольно большого количества воловьих, бараньих, козьих кож и шерстяных тканей либо из Аргиштихинили в Тейшебаини, либо в обратном направлении (имя города неясно), свидетельствующие об оживленных связях между городами Араратской равнины[24]. Несом-

[23] По-видимому, клейма, метки, иероглифические знаки и меры емкости, встречаемые на сосудах Аргиштихинили, выполняли не только роль «марки» мастерских, но и ряд других функций, которые обозначались знаками, общими для всего Урарту. Поэтому знаки сосудов Аргиштихинили имеют свои соответствия в материалах крепостей Эребуни, Тейшебаини, Каяли-Дере, Тушпа, Бастама.

[24] *Н. В. Арутюнян*, Новонайденная клинописная таблетка..., ВДИ, 1957, № 3, стр. 114 и сл.; *Б. Б. Пиотровский*, Ванское царство, табл. XXII, I; УКН, доп. № 62; *И. М. Дьяконов*, Урартские письма и документы, текст 10, стр. 37, 38.

ненно, мастерские Аргиштихинили работали на особого заказчика, на массового потребителя и на экспорт. Поэтому доходы их должны были быть весьма значительными, что прекрасно было видно при описании домов некоторых мастеровых в предыдущей главе.

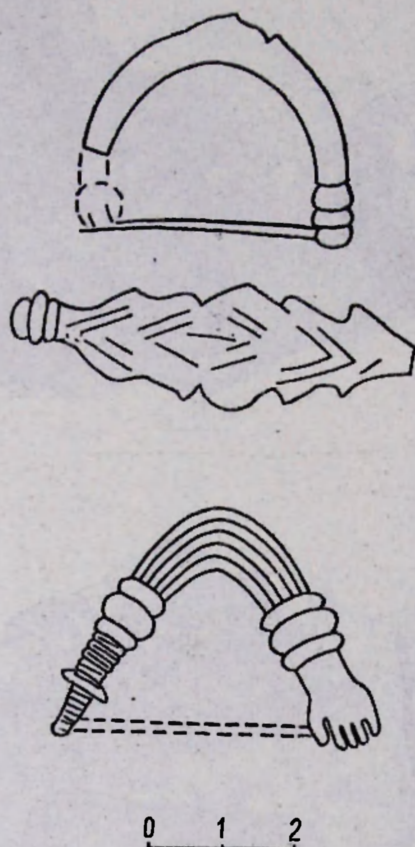

Рис. 94. Фигурные бронзовые фибулы.

Металлургия. Выше мы подробно описали и охарактеризовали дом бронзолитейщика-кузнеца, раскопанный на стыке западной крепости Аргиштихинили. Теперь следует более детально рассмотреть археологические остатки, непосредственно связанные с самим производственным процессом. Мы имеем в виду прежде всего бронзовые и железные предметы, найденные в помещениях дома металлурга и в заброшенных комнатах бывшего дворца. Они полностью обрисовывают характер продукции, сильно отличавшейся от дворцового ассортимента великолепных бронзовых скульптур, рельефно украшенных щитов, колчанов, шлемов (с царскими надписями), известных из Тушпы и Тейшебанни. Мастерские позднего этапа Аргиштихинили изготавливали для массового потребителя орудия, инструменты и предметы, употребляемые в материальном производстве, хозяйстве, в быту, а также предметы вооружения и украшения.

Из предметов домашнего обихода и украшения найдены были бронзовые плетеные и простые дужки (рис. 82, 1), фрагменты характерных урартских котелков (рис. 83), каковые часто изображаются в урартских росписях дворцов, бронзовые клинья разных размеров (рис. 84, 1—3), разнотипные шилья (рис. 82, 5—4, 8—9), булавочки (рис. 82, 2—3, 6—7), фибулы (рис. 82, 10—12, 15), простые диадемы из листовой бронзы, полусферические бляхи (рис. 84), колечки (рис. 82, 13), браслеты гладкие и с насечками на поверхности (рис. 85). Из орудий производства выделывались всевозможные молоты, молотки, тесла (рис. 86), лопаты, мотыги (рис. 87), тяпки, серпы (рис. 88), ножи (рис. 89) и другие предметы из железа (рис. 88б). Для воинов гарнизона изготовлялись железные наконечники копий, бронзовые и железные стрелы (рис. 89б), мечи, кинжалы, акинакн (рис. 89, 1, 9—10). Ясно видно, что относящаяся ко времени упадка города мастерская металлурга, не выполняя государственных заказов, работала на массового потребителя, выпускала широкий ассортимент изделий для всего городского хозяйства, для всех других ремесел. Уже при описании комплекса жилых и производственных помещений металлурга было видно, что здесь производились все процессы, связанные с металлургией, кроме добычи руды, доставляемой, по мнению геолога К. А. Мкртчяна, из Кагызванских или Кульпских чрезвычайно богатых рудников, расположенных к юго-западу от Аргиштихинили, на расстоянии 30—40 км. Судя по наличию описанного выше обогатительного устройства и ряда каменных отбойников, поступающая из указанных рудников порода измельчалась в туфовой низкобортной ванне (табл. XLV), в результате чего сравнительно легкие куски породы отмывались и уходили вместе с водой, а металлоносная тяжелая масса оседала на дне ванны. Обогащенная указанным способом руда подвергалась плавке в плавильных печах разных размеров и устройств, которые могли находиться вне пределов мастерской. От плавильной же печи мастерской, как указано выше, сохранилось лишь кирпичное, сильно обожженное основание, судя по которому она имела весьма незначительные размеры и после процесса плавки была разрушена или разобрана. Это видно от найденного рядом довольно массивного фрагмента глиняной стенки печи, на которой сохранились следы плавки. Эта деталь позволяет полагать, что плавильная печь данной мастерской была изготовлена из глины, имела цилиндрическую форму и разные отверстия в донной части для поступления воздуха и выхода расплавлен-

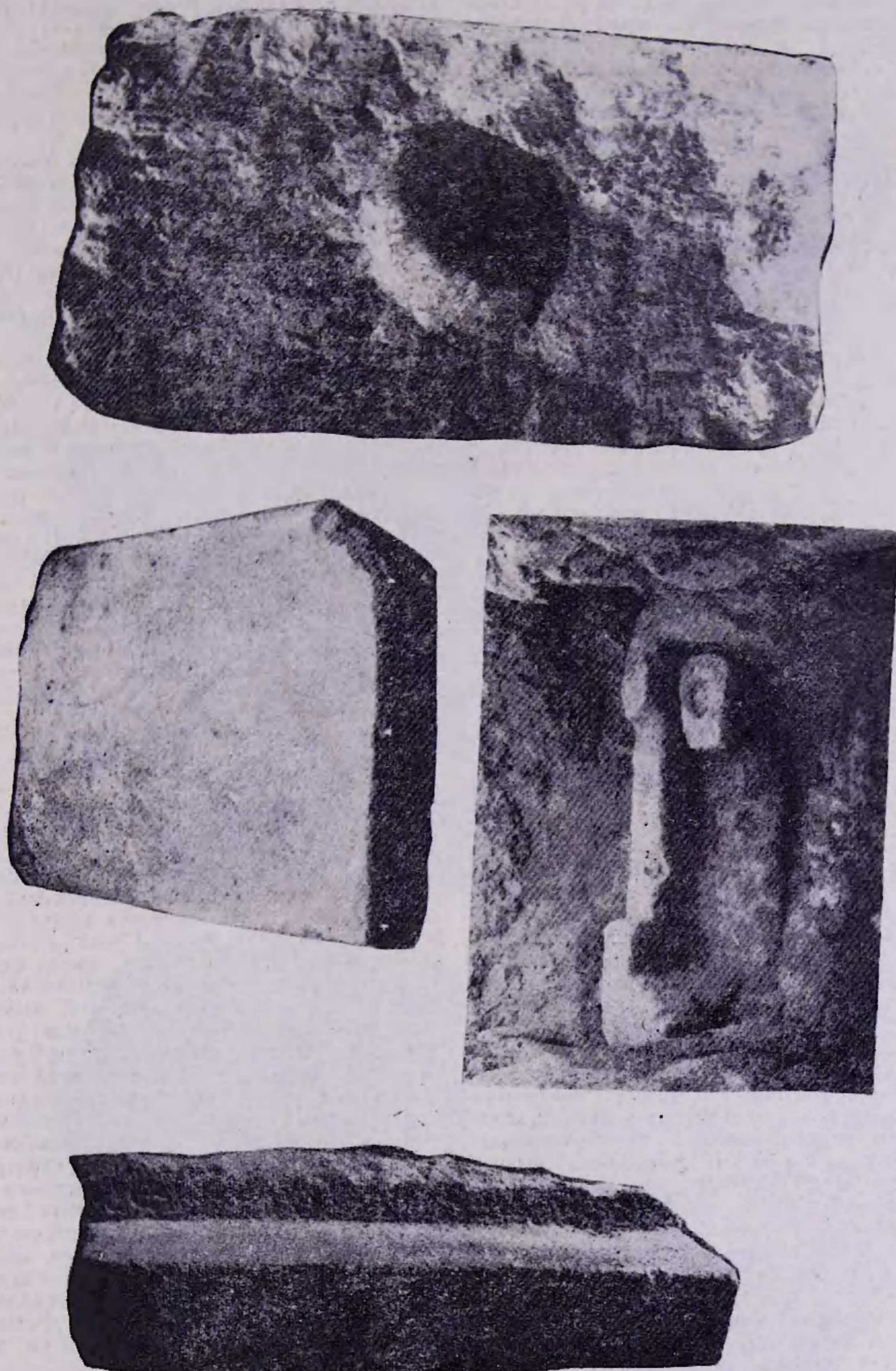

Рис. 95. Строительные детали.

ного металла. Она, вероятно, не отличалась от множества плавильных печей Мецамора, относящихся, в основном, к началу I тыс. до н. э. Разумеется, для разных целей и для повторения плавки применялись плавильные печи разных габаритов и устройств, как это наблюдается на Мецаморе и явствует из множества колоссальных кусков различных шлаков и кричного железа, выявленного на участке мастерской. После раскопок дома металлурга мы передали в Государственный Исторический музей Армении несколько больших кусков шлака, на которых сохранились прямоугольные углубленные ячейки древесного угля, с отпечатками рисунка тонкой поверхности дерева. Эти следы неопровержимо доказывают, что при плавке металлов употреблялось дерево, которое складывалось пластами, в перемежку с рудой. К сожалению, сами остатки угольков не сохранились в шлаке и нам не удалось установить виды древесины, употребляемой для плавки. Однако естественно полагать, что здесь применялся такой вид дерева, как дуб, обеспечивающий при горении особенно высокую температуру, нужную не только для плавки меди, но и железа.

При спектральном анализе материала среди отходов производства оказались карбонат-фосфоритные легкие шлаки канареечной или буро-коричневой расцветки без малахита (шлаки № 4, 6а, 6б, табл. I и шлаки № 2, 3а, 3б, 7, 8, табл. II), с повышенным содержанием стронция, фосфора и бария. По мнению геолога К. А. Мкртчяна, шлаки эти могли быть остатками вещества, полученного из мощной костной смеси, служившей флюсом, значительно облегчавшим процесс плавки. Близкого содержания брикеты обнаружены в большом количестве в производственных участках Мецаморского поселения. При анализе литейных отходов медно-цинковых, медно-оловянистых бронз и кричного железа также зафиксированы остатки элементов флюса (стронций, барий, фосфор). Как видно из табл. (III) и таблицы химического анализа, в некоторых железных крицах фосфор отсутствует, в других же—содержится в большом количестве (0,74—0,97, пробы № 5—8). Из этого вытекает, что при плавке кричного железа употреблялось разное количество флюса при различных циклах плавки, в зависимости от чего менялось качество плавки. При нормальном применении флюса получались крицы доброкачественные без содержания фосфора, при повышенном же употреблении—получался хрупкий металл.

Среди остальных отходов производства четко выделялись бронзовые шлаки с малахитами (табл. I, № 1—3, 5а, 5б). При этом шлаки, содержащиеся в двух тиглях из помещений № 5 и 6 дома металлурга, оказались шлаками оловянистых бронз с большим (проба 1, табл. I) или меньшим (проба 3, табл. I) содержанием олова, а остатки третьего тигля—шлаками медно-цинковых бронз (пробы № 5а, 5б, табл. I), с искусственной присадкой цинка около или больше 1% и с другими естественными примесями.

Вывод ясен: в бронзолитейной и кузнечной мастерской Аргиштихинили для различных целей изготовлялись различные бронзы, что для металлопроизводства Армении II—I тыс. до н. э. не является удивительным. При анализе особенно урартского металла (бронзы и железа) были зафиксированы самые различные смеси и весьма часто—абсолютно высокое качество металлов.

Все же, судя по остаткам металлопроизводства, в мастерских Аргиштихинили преобладало именно кузнечное дело, в соответствии с большим спросом на орудия производства и предметы вооружения. В разных помещениях дома мастерового встречено огромное количество кричного железа блиновидной—овально-округлой формы, самых разных размеров (табл. LVIII): 4×11×13 см, 8,5×9,5×3 см, 6×8×4 см, 5×7×2,5 см, 5×6×3 см, 4,5×8×2 см, 4×6,5×4 см, 4×4,5×3 см, 7×9×3 см и др. Эти железные блиновидные куски ныне сильно окислены, в результате чего потеряли ковкость, однако после химического анализа выяснилось, что даже в таком состоянии они содержат от 50,79 до 55,10% железа (табл. III, пробы 1,5—15).

Как отмечено выше, кроме рассмотренных отходов металлургического производства, в доме бронзолитейщика обнаружены и различные орудия производства. К их числу относятся всевозможные карасы с песком, разных размеров и форм глиняные высокобортные ванны, дробилки, отбойники и прочие орудия из твердых пород камня. Найдено также три тигля. Первый из них оказался рядом с горном, в помещении № 3 (1968), был изготовлен из чрезмерно грубого теста, имел форму усеченного конуса с широкой верхней частью (диам. 16,9 см) и суживающимся плоским дном (рис. 90а). Верхняя чашеобразно углубленная часть тигля завершалась двумя сливами у спекшихся краев. Высота тигля достигала 9 см. В чашеобразном углублении сохранились остатки прилипшей бронзы толщиной 8—9 мм в среднем. Второй тигель оказался в помещении № 6, (1968), между карасами, забитыми песком. По общим очертаниям тигель этот не отличается от первого, имеет несколько бо́льшие размеры, три слива, грубые, неравномерные толстые стены, сильно потрескавшиеся от жары, со спекшимися краями и прилипшими остатками металла на дне чашеобразного углубления. Размеры этого тигля следующие: высота—10 см, диа-

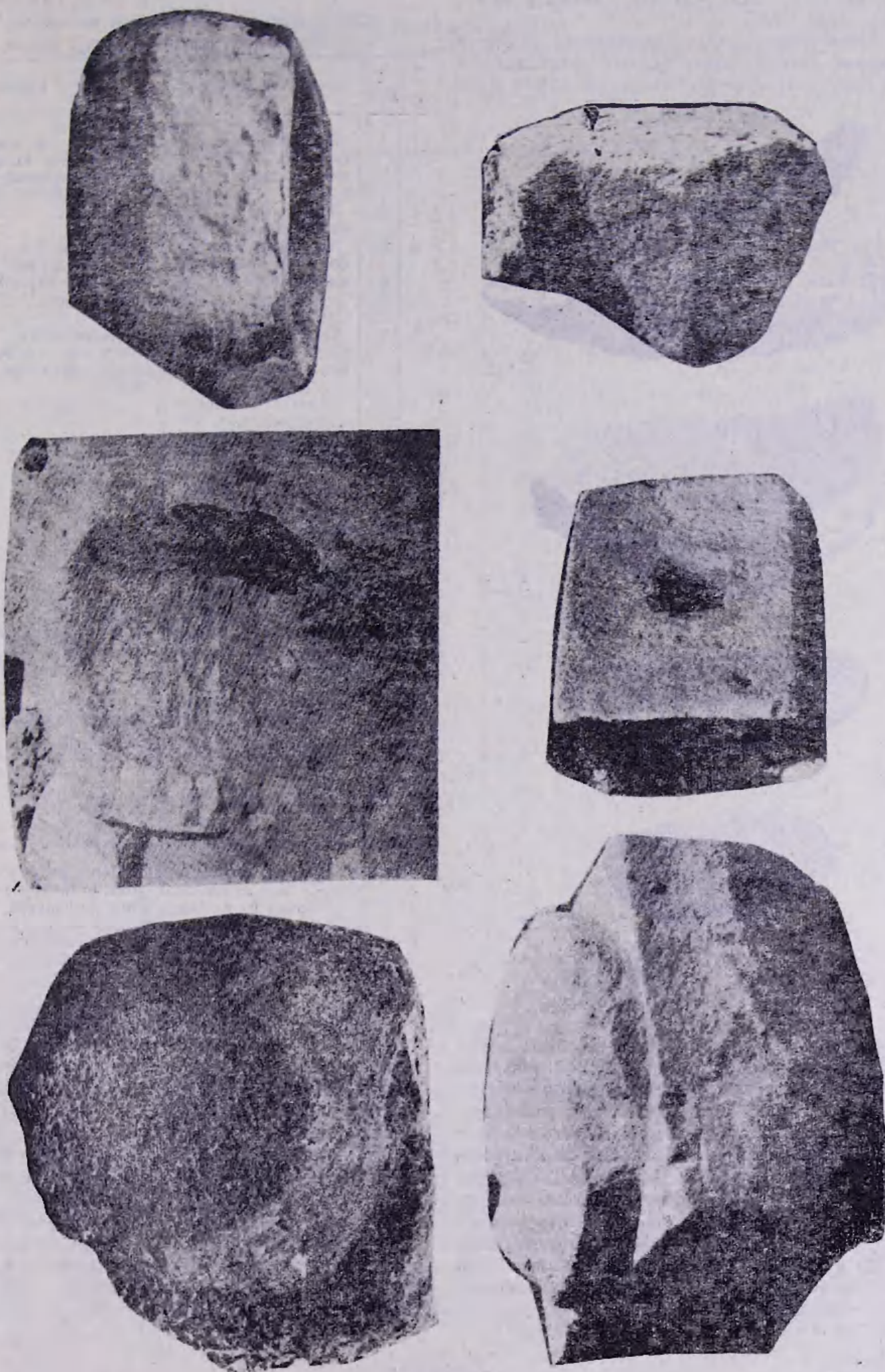

Рис. 96. Строительные детали

метр верхней части—15 см, диаметр дна—10 см (рис. 90б).

Третий тигель был обнаружен также в северном отсеке дома бронзолитейщика в 1969 году. Он по форме не отличался от двух

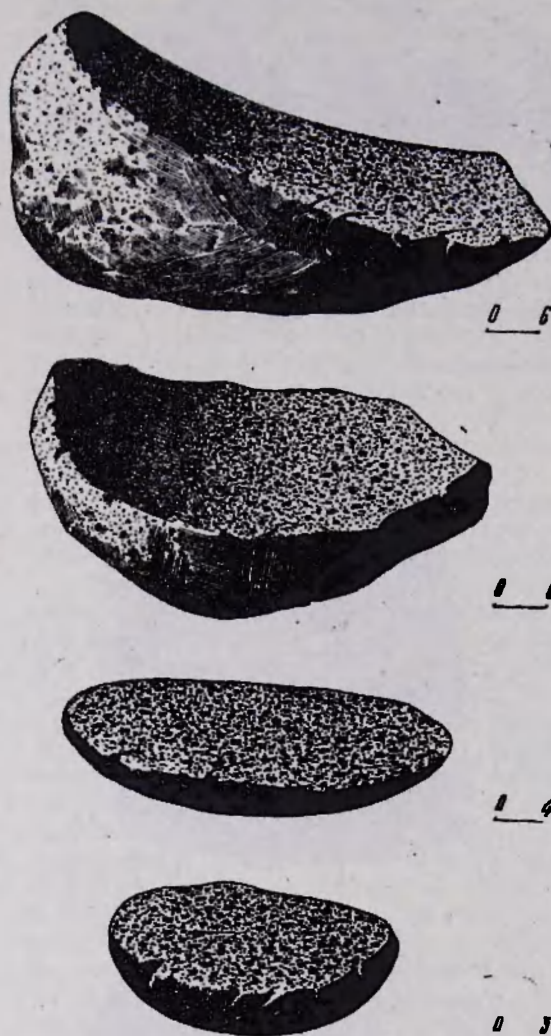

Рис. 97. Базальтовые зернотерки.

описанных выше, был изготовлен из очень грубого светлоглиняного теста, с примесью крупнозернистого песка, стены снутри и снаружи были сглажены рукой и мокрой тряпкой. Внутренние стенки чашеобразного углубления были покрыты целиком расплавленной бронзой, толщиной от 4 до 15 мм. Высота тигля 9 см, диаметр сверху—17 см, глубина—8,5 см, диаметр дна—11 см, тигель имеет далеко выступающий слив с одной стороны.

По устройству и назначению своему эти тигли не отличаются от кармирблурской находки доурартского периода.

Таблица 1

Список проб Нор-Армавирской экспедиции, сдаваемых на полный спектральный анализ

№ п.п.	№ проб	Описание образца	Место взятия
1	1	Бронзовый шлак с большим содержанием малахита	Тигель № 1 из помещения № 6, вне входа восточного строения. Нор-Армавир, 20/VII 1968 г.
2	2	Бронзовый шлак без следов малахита	»
3	3	Бронзовый шлак с большим содержанием малахита	Тигель № 2 из помещения № 5, вне входа восточного строения. Нор-Армавир, 17/VII 1968 г.
4	4	Обломок буро-коричневого шлака без следов малахита	Из помещения № 3 к северу от колонного зала. Нор-Армавир, 1968 г.
5	5а	Малахитизированный бронзовый литейный отход (большой кусок)	»
6	55	» второй по величине кусок	»
7	6а	Карбонат-фосфоритовый легкий шлак канареечного цвета	»
8	6б	» мелкопузырчатый	»
9	7	Лазуритовая синяя паста, возможно, краска	Над полом дворцового помещения

Список материалов Нор-Армавирской экспедиции, сданных на спектральный анализ

№ п п.	№ пробы	Место обнаружения
2	1а	Шлаки железа из Нор-Армавира, пом. № 5,6
3	1б	То же, из площади дома металлурга
4	2	Крица из площади дома металлурга
5	3	Крица, Нор-Армавир, дом металлурга
6	4	Ошлакованный кирпич, дом металлурга
7	5а	Легкий шлак, дом металлурга
8	6б	То же

В ходе раскопок дома мастерового и близлежащих помещений крепости было найдено огромное множество заготовок каменных тиглей из туфа. Некоторые из них завершены обработкой, имеют сливы—довольно глубокое чашеобразное углубление и даже следы сажи. Возможно, что литейщик пытался применить каменные тигли вместо глиняных, которые очень скоро выходили из употребления. Возможно также, что среди этих поделок находились и полуфабрикаты литейных форм (например, пиал и чаш), модели которых, в комбинации с глиной и воском, могли служить хорошими формами (рис. 91—92).

Таблица 1

Результаты спектрального анализа

Спектрограмма № 330а от 31/7 1968 г. Наименование партии: Комплексная экспедиция

№ п. п.	Элементы	Чувствительность	№ пробы 1	2	3	4	5а	5б	6а	6б	7
1	Si	0,001	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1
2	Al	0,001	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1
3	Fl	0,001	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1
4	Ca	0,03	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1
5	Mg	0,0003	>1	>1	>1	>1	(3—1	>1	>1	>1	03—1
6	Na	0,03	>1	>1	>1	>1	Неопр.		>1	>1	Неопр.
7	Tl	<0,001	03	05	03	05	01	02	03	03	01
8	Mn	<0,001	003	003	003			003	003		
			03	01	01	003	003	01	01	003	003
9	Gr	0,001		003							
			003	01	003	003	001	001	003	001	0003
10	Ni	0,001	001	001			0003				
			003	003	001	~001	001	001	001	001	~0003
11	Co	0,001					003				
			001	~001	001	0003	01	003	0003	0002	Н
12	V	0,001	002	001	001	~002	0003	001	~002	001	0003
13	Mo	0,001	00001	Н	00003	Н	Н	00003	00003	Н	Н
14	W	<0,10	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
15	Cu	0,0001	>1	002	>1	003	>1	>1	~001	001	>1
16	Pb	0,001	003								
			01	0003	01—03	0001	01	01	Н	Н	003
17	Zn	<0,01	003	001	01	Неопр.	>1	03—1	Н	Н	01
18	Cd	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
					00005						00003
19	Ag	0,0001	00005	00001	0001	Н	0001	0001	Н	Н	0001
20	Sb	<0,01	001	Н	001	Н	003	~001	Н	Н	003
21	Bi	<0,001	Н	Н	Н	Н	0001	0003	Н	Н	0003
22	As	0,01	Н	Н	001	Н	003	~01	Н	Н	Н
23	Te	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
											001
24	Sn	<0,001	>1	01—03	>1	~0001	0001	~0001	Н	0001	003
25	Au	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
26	Pt	0,00	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
27	Pd	<0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	03	Н	Н
28	Sr	0,01—				003			003	003	
		—0,03	003	003	01	01	001	003	01	01	~003
29	Li	0,03	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
30	K	0,001	—	—	—	—	—	—	—	—	—
31	Hg	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
32	P	<0,1	Н	Н	03	Н	Н	Н	Н	Н	~01
ВВ	Ba	0,001		003	003	003			003	003	
			003	01	01	01	Н	003	01	01	003

Немалочисленны также находки настоящих литейных форм, разбросанных в доме литейщика и в помещениях бывшего дворца, поблизости от дома литейщика.

1. Первая форма была обнаружена в доме литейщика, недалеко от горна. Она изготовлена из тонкой плиты черного туфа средних размеров (толщина 10 см, длина 35 и ширина 20 см). На хорошо сглаженной поверхности камня, сильно закопченной, ошлаковавшейся вдоль центральной оси, проложено три паза соответственно 0,5—0,4 и 0,3 см ширины и глубины, на всю длину формы. В пазах этих сохранились следы гари и крупинки прилипшего металла. Совершенно ясно, что в этой формочке отливались медные или бронзовые прутья разного сечения, которые могли пригодиться для изготовления гладких проволочных браслетов и колец, дужек ведерок, различных сосудиков и во множестве других случаев, где могли быть употреблены прутья.

2. От второй формы сохранилась половинка. Она выдолблена в базальте, с гладкой, несколько вогнутой поверхностью и необработанными внешними сторонами. Форма изготовлена для литья полуцилиндрического разреза болванки, носит на себе следы гари и крупинки металла. Длина камня 26 см, ширина—18 см, толщина—12 см. Длина полуцилиндрической выемки 18 см, ширина—4,5 см, глубина—2,5 см. Длина отлитой болванки могла равняться 30—36 см. Из такой болванки могли быть изготовлены бронзовые клинья, копья и прочие предметы.

3. Третья форма обнаружена на поверх-

Таблица II

Результаты спектрального анализа
Спектрограмма 404е от 21/V 1970 г.

№ п. п.	Элементы	Чувствительность	№ пробы 1а	1б	2	3	4	5а	5б
1	Sl	0,001	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1
2	Al	0,001	>1	>1	0,3	≥1	>1	>1	>1
3	Fl	0,001	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1
4	Ca	0,03	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1
5	Mg	0,0003	≥1	≥1	0,3	0,3	>1	>1	>1
6	Na	0,03	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1
7	Tl	0,001	0,1	0,1	0,03	~0,1	0,3--1	0,2	0,3
8	Mn	0,001	0,2	0,1	0,02	0,02	0,05	0,2	0,2
9	Cr	0,001	0,01	0,01	~0,01	~0,01	0,01	0,1	0,1
10	Ni	0,001	0,005	0,01	0,003	0,005	0,005	0,02	0,02
11	Co	0,001	0,03	0,03	0,001	0,001	0,003	0,01	0,005
12	V	0,001	0,002	0,001	0,001	0,001	0,02	0,02	0,02
13	Mo	0,001	<0,001	0,002	0,001	0,001	<0,001	<0,001	<0,001
14	W	0,10	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
15	Cu	0,0001	0,1	~0,3	0,03	0,02	0,01	0,01	0,01
16	Pb	0,001	Н	Н	Н	Н	0,001	Н	Н
17	Zn	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	Неопр.		
18	Cd	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
19	Ag	0,0001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
20	Sb	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
21	Bl	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
22	As	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
23	Te	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
24	Sn	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	0,001	Н
25	Au	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
26	Pt	0,00	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
27	Pd	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
28	Sr	0,01–0,03	0,03	0,05	0,01	0,01	0,05	0,05	0,05
29	Li	0,03	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
20	K	0,001	—	—	—	—	—	—	—
31	Hg	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
32	P	0,01	Н	0,1	0,2	Н	0,1	Н	Н
33	Ba	0,001	0,05	~0,05	Н	Н	Н	0,05	0,2
34	Be	0,0003	0,0001	Н	Н	Н	0,0003	0,0003	0,0005
35	Ga	0,001	0,002	0,002	0,002	0,002	0,003	0,003	0,003
36	Ge	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
37	Jn	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
38	Nb	0,003	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
39	Ta	0,03	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
40	Tl	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
41	U	0,1	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
42	Th	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
43	Hf	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
44	Zr	0,001	Н	Н	Н	Н	0,007	0,003	0,0003
45	Sc	0,091	Н	Н	Н	Н	0,003	0,003	0,005
46	Y	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
47	Yb	0,00003	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
48	La	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
49	Ce	0,1—0,03	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н

ности холма, недалеко от дома мастерового, вырезана в красном туфе, со сглаженной поверхностью, длина камня 46 см, ширина—20 см. Углубление для литья занимает одну половину камня, имеет форму полукруглого сечения клина, с суживающейся нижней (рабочей) частью и с расширяющейся верхней пяточной частью. Длина формы 22 см, глубина—2 см. Подобные клинья могли быть употреблены как в столярном и плотничном ремеслах, так и при обработке камня. Форма была в употреблении. На ее внутренних стенках сохранились остатки гари и накипевшие капельки бронзы (рис. 93).

4. Следующая форма, найденная на полу помещения № 2 во дворе цитадели, отличалась от всех предыдущих. Она была изготовлена из отшлифованной со всех сторон плиты рыжеватого туфа, состояла из двух фрагментов, с разбитой левой стороной. Длина камня 41 см, ширина—не менее 25 см, толщина—7 см. В центре камня выдолблено полуци-

лиидрического сечения углубление, широкое у верхнего конца (3 см) и суживающееся—у нижнего (2,5 см) и заканчивающееся острием. Длина углубления составляет 34 см, глубина--4.5 см. У широкого конца углубления имеется отверстие для литья в 2,5 см в диаметре и еще угловое отверстие (диаметром в 2 см) для прикрепления створки со второй половиной формы. Таким образом, в данном случае мы имеем двустворчатую форму для отливки цилиндрического сечения штыковидного предмета, который при дополнительной обработке мог бы превратиться в копье (рис. 93).

5. В соседнем помещении (№ 3) была обнаружена маленькая глиняная льячка, похожая на чайную ложку.

Судя по наличию целого ряда тонких и

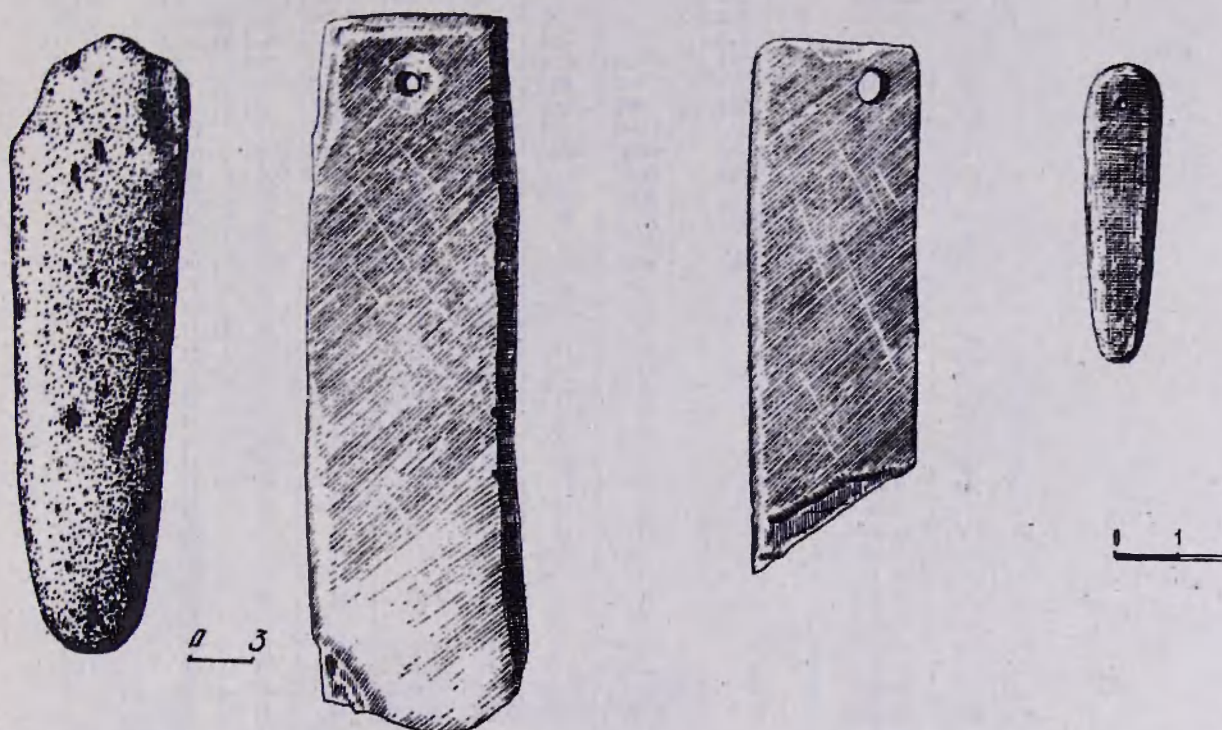

Рис. 98

Список проб, сдаваемых на полный химический анализ (к табл. III)

№ пробы	Определения										
	Fe чистое		FeO	Al_2O_3	TiO_2	SiO_2	MnO	CaO	MgO	P_2O_5	S
1	+	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3а	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3б	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4а	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4б	+	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+
5	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
6	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
7	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
8	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
9	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
10	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
11	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
12	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
13	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
14	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
15	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

сложных бронзовых предметов, как: сложные фибулы с рифленой или профилированной поверхностью (рис. 94), булавки с утолщенными частями и головками, змеиноголовые браслеты с рельефными частями морды и прочие предметы,—мастеровые Аргиштихинили применяли целую гамму более сложных глиняно-восковых формочек, которые не сохранились в силу специфики литья.

Обработка камня. В связи со строительством городов в урартское время одним из наиболее распространенных занятий являлось камнеобрабатывающее ремесло, которое, в свою очередь, подразделялось на целый ряд отраслей. В городе Аргиштихинили представлены все отрасли обработки камня, начиная от добычи до резьбы и гравировки. Добыча камня достигла высокой интенсивности уже в начале строительных работ и производилась на участках конусов вулканического

Таблица III

Результаты спектрального анализа кричного железа

Спектрограмма № 674 от 23/VIII 1971 г.

№ п.п.	Элементы	Чувствительность определения %								
1	Si	0,001	≥1	>1	>1	>1	≥1	>1	>1	>1
2	Al	0,001	0,3	>1	>1	>1	≥1	0,3—1	0,3	0,3—1
3	Fe	0,001	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1
4	Ca	0,03	0,1—0,3	>1	>1	>1	>1	≥1	0,1	0,3—1
5	Mg	0,0003	0,3	>1	>1	≥1	0,3—1	0,3—1	0,3	0,3—1
6	Na	0,03	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1	>1
7	Ti	0,001	~0,1	0,2	0,2	0,3	0,2	0,1	~0,1	0,1
8	Mn	0,002	001	005	003	002	0,01	001	001	001
9	Cr	0,001	Н	003	001	~001	Н	Н	Н	Н
10	Ni	0,001	0001	0003	0003	0002	0001	0003	0001	0001
11	Co	0,001	0001	0002	0002	0002	0002	0002	0001	0001
12	V	0,001	Н	0003	0003	00001	Н	Н	Н	Н
13	Mo	0,001	0001	Н	Н	Н	<0001	<0001	Н	Н
14	W	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
15	Cu	0,0001	0001	0001	0001	0003	0003	0005	0005	0005
16	Pb	0,001	Н	Н	Н	0001	Н	Н	Н	Н
17	Zn	0,01	<001	Н	Н	<001	Н	<001	Н	Н
18	Cd	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
19	Ag	0,0001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
20	Sb	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
21	Bi	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
22	As	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
23	Te	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
24	Sn	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
25	Au	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
26	Pt	0,00	Н	И	Н	Н	Н	Н	Н	Н
27	Pd	0,01	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
28	Sr	0,01—03	Н	01	003 01	~01	Н	Н	Н	Н
29	Li	0,03	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
30	K	0,001	—	—	—	—	—	—	—	—
31	Hg	0,001	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
32	P	0,1	Н	01—03>	01	Н	Н	Н	Н	Н
33	Ba	0,001	Н	0,03	0,03	0,05	0,03	0,03	Н	Н
34	Be	0,0003	Н	00001	00001	00003	00002	Н	Н	Н

Таблица IV

Результаты химических анализов

№ п.п.	№	Пробы	Na_2O	H_2O	SiO_2	Fe_2O_3	FeO	TiO_2	CaO	MgO
1	8575	2287/25	0,35	0,38	4,35	72,44	11,52	0,17	2,01	0,27
2	8576	1а	1,44	2,82	25,00	10,14	37,15	0,36	12,00	4,71
3	8577	1б	0,82	5,52	15,85	34,59	1,22	0,25	3,15	4,55
4	8578	2	0,72	1,70	14,70	25,24	41,12	0,55	1,94	2,28
5	8579	3	0,72	1,16	14,20	14,68	53,21	0,40	6,68	1,82
6	8580	4	3,86	2,04	56,90	3,00	4,46	1,05	9,07	0,27
7	8581	5а	1,86	1,60	54,95	1,36	7,78	0,75	9,45	3,19
8	8582	5б	2,44	1,56	53,75	1,80	6,48	0,75	10,28	5,82

№ п.п.	№	Пробы	Al_2O_3	MnO	Cu	ппп	SO_3
1	8575	2287/25	0,14	0,07	0,40	7,05	Сл.
2	8576	1а	5,06	0,11	Нет	Нет	1,44
3	8577	1б	3,11	0,07	2,98	24,38	18,37
4	8578	2	2,50	0,10	1,00	Нет	1,22
5	8579	3	1,38	0,14	Нет	5,15	Сл.
6	8580	4	13,80	0,14	0,20	3,26	1,66
7	8581	5а	13,50	0,21	0,46	1,45	1,44
8	8582	5б	12,88	0,21	0,13	2,22	0,52

(Шифр)

			SiO_2	Fe_2O_3	FeO	TiO_2	Al_2O_3	CaO	MgO	MnO
1	8579	3	14,15	15,34	53,79	0,40	1,30	6,80	1,64	0,14
2	8576	1а	25,15	10,22	37,80	0,40	4,83	6,97	4,71	0,14

				Cu	ппп	SO_3
1	8579	3		Нет	5,02	Сл.
2	8576	1а		Нет	Нет	1,45

Таблица V

Результаты химических анализов

№ п.п.		№ пробы	SiO_2	Fe_2O_3	FeO	TiO_2	Al_2O_3	CaO	MgO	P_2O_5	Fe	S%
1	9293	1	8,80	16,45	32,96	Сл.	2,55	4,22	0,83	0,78	54,32	7,10
2	9294	3а	59,25	2,14	3,67	0,60	15,54	8,19	2,97	0,41	2,40	Сл.
3	9295	3б	58,20	1,07	4,34	0,62	14,84	6,27	2,86	0,37	2,57	Сл.
4	9296	5	12,55	33,90	31,95	Сл.	3,48	4,58	1,53	0,74	53,59	Сл.
5	9297	6	9,38	34,76	32,58	Сл.	2,78	4,48	0,72	0,97	50,79	Сл.
6	9298	7	13,75	34,54	31,52	Сл.	2,55	3,71	1,53	0,97	51,90	Сл.
7	9299	8	10,10	37,04	33,22	Сл.	3,01	4,09	1,17	0,78	53,70	Сл.
8	9300	9	9,00	56,40	14,00	0,17	Сл.	3,07	0,32	—	53,76	—
9	9301	10	9,40	35,72	34,30	0,30	Сл.	3,84	Сл.	—	52,80	—
10	9302	11	11,50	32,72	33,04	0,30	0,60	3,84	0,30	—	51,07	—
11	9303	12	8,50	35,90	33,74	0,25	2,08	4,23	0,30	—	55,10	—
12	9304	13	32,80	6,84	30,24	0,45	7,46	3,20	1,85	—	3,01	—
13	9305	14	16,30	14,28	49,70	0,30	2,32	5,02	0,20	—	22,40	—
14	9306	15	39,50	3,60	18,90	0,30	8,35	8,76	0,40	—	17,92	—

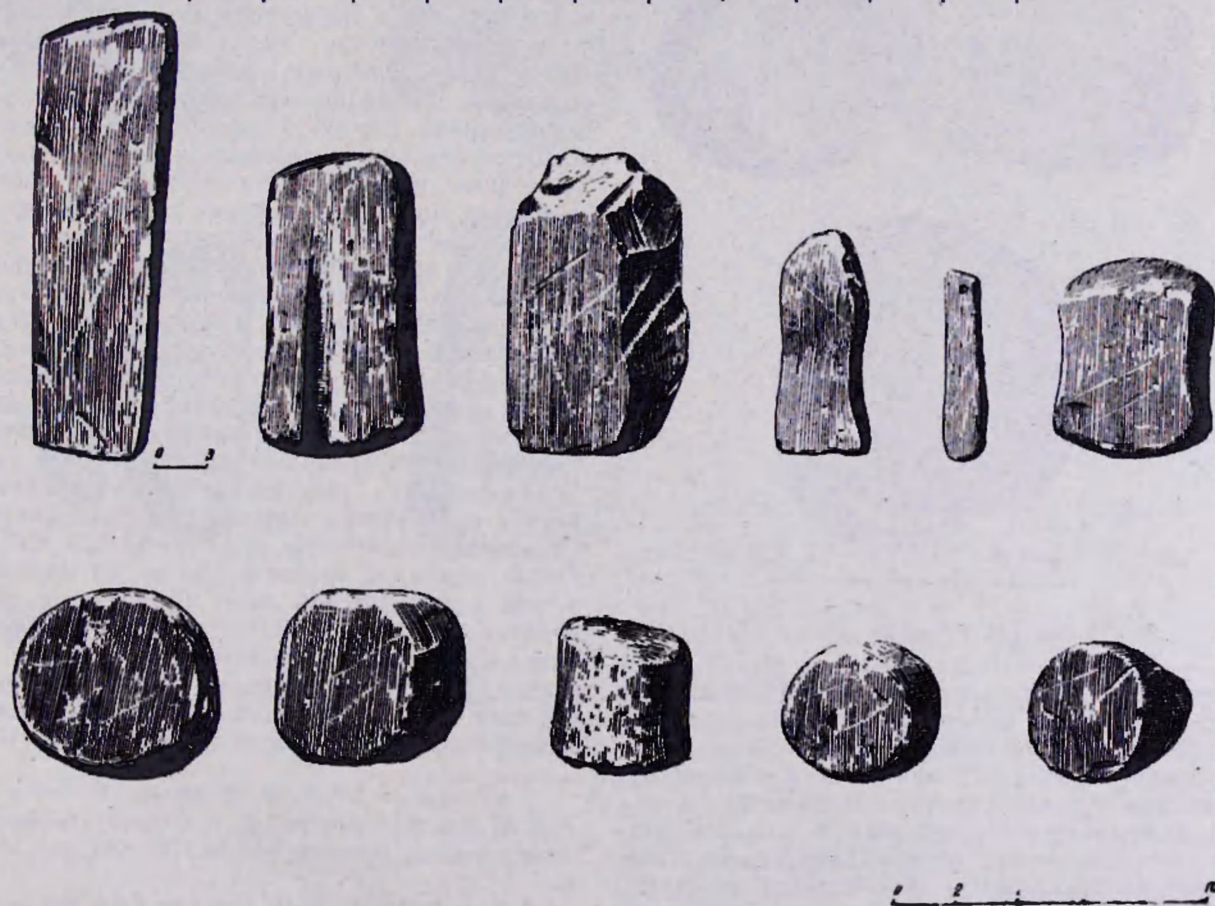

Рис. 99. Каменные терочники и отбойники.

базальта, красного и черного туфа, расположенных по длинной оси серединного города и в ближайшей окружности. Следы больших каменоломен сохранились у юго-западного холма (холм А), в ложбинке между холмами А и В, ложбинке между холмами В и С, а также у юго-восточного угла последнего восточного холма. Все они расположены на самых нужных участках города, где застраивались большие жилые кварталы и порою обрабатывались так тщательно и основательно, что образовавшиеся в последствии большие проемы превращались в удобные подступы или улочки между кварталами. Следует полагать, что в этой отрасли производства, кроме опыта и силы самих мастеров, широко применялся рабский труд. Добыча камня производилась традиционными способами, путем применения кольев, бревен и воды, железных ломов, клиньев и прочих орудий. Большие трудности, связанные с транспортировкой колоссальных глыб камня, преодолевались применением бычьей и человеческой упряжки, с помощью могучих железных цепей, бревен, салазок и арб, точно так же, как это видим на ассирийских рельефах, отображающих сцены строительства больших дворцовых или крепостных объектов[25].

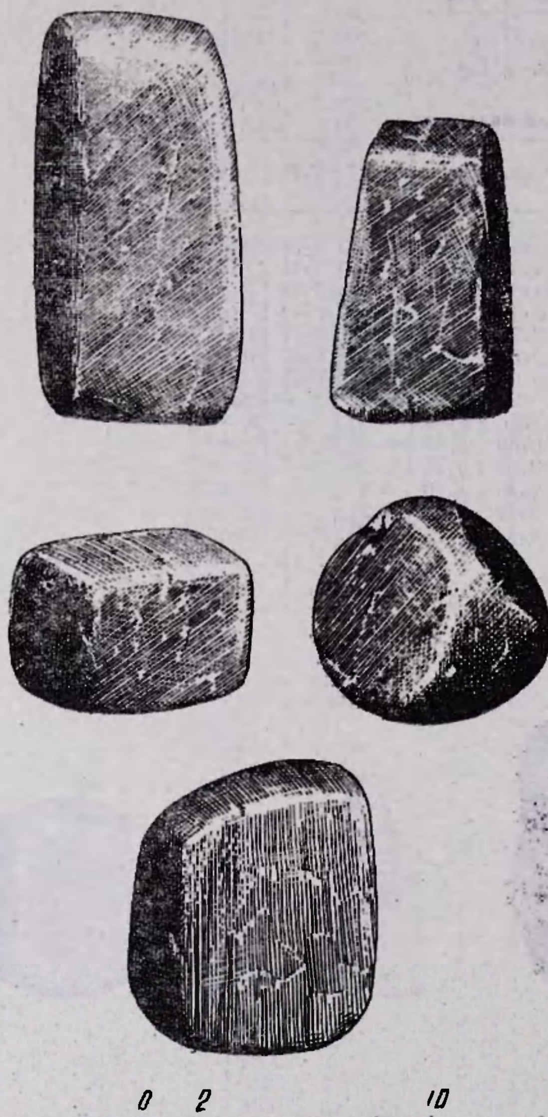

Рис. 100. Каменные лощила.

Урартские каменщики являлись также непревзойденными на Востоке мастерами по обработке голых, неудобных для строительства поверхностей скал, по сооружению всевозможных площадок, пещерных помещений, ниш, «дверей», лестниц и прочих удобств. Кто видел Ванскую скалу с подобными замечательными сооружениями, тот поймет умение и вкус урартских мастеровых[26]. Можно сказать без преувеличения, что подобные сооружения характерны были для всех урартских городов. Аргиштихинили, конечно, уступал Тушпе по своим скальным сооружениям, но также отличался наличием целого ряда устройств. Это касается участка западной крепости города, на восточном отсеке которого усечены могучие базальтовые выступы огромными стальными отбойниками, снивелированы площадки под строительство винного погреба (№ 13) и горизонтально проложены ступеньки для возведения могучих угловых башен, предусмотренных проектом строения. Этот прием нивелировки рельефа применялся настолько широко, что мы видим его не только при изучении дворцовых или крепостных, но и самых обыкновенных частных особняков. Выровненные в базальте площадки зафиксированы также на участке скальных конусов I и III кварталов внутреннего города, вместе с плохо сохранившимися рядами цокольных кладок. Однако наибольшее количество самых разнообразнейших устройств зафиксировано на участке восточной крепости города при работах Армавирской экспедиции Института археологии АН Армянской ССР. Скала восточной крепости состоит из мягкой, легкой вулканической лавы и поддается обработке очень легко. Здесь подвергнут обработке почти весь северный отсек скалы, в котором высечены площадки для фундаментов стен и башен, лесенки и ступеньки, водоотводные желобы и другие устройства. На

---

[25] *И. Лурье, И. Лянунов, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер (под ред. В. В. Струве)*, Очерки по истории техники Древнего Востока, Л., 1940, рис. 33—42.

[26] *K. F. Lehmann-Haupt*, Armenien Einst und Jetzt.

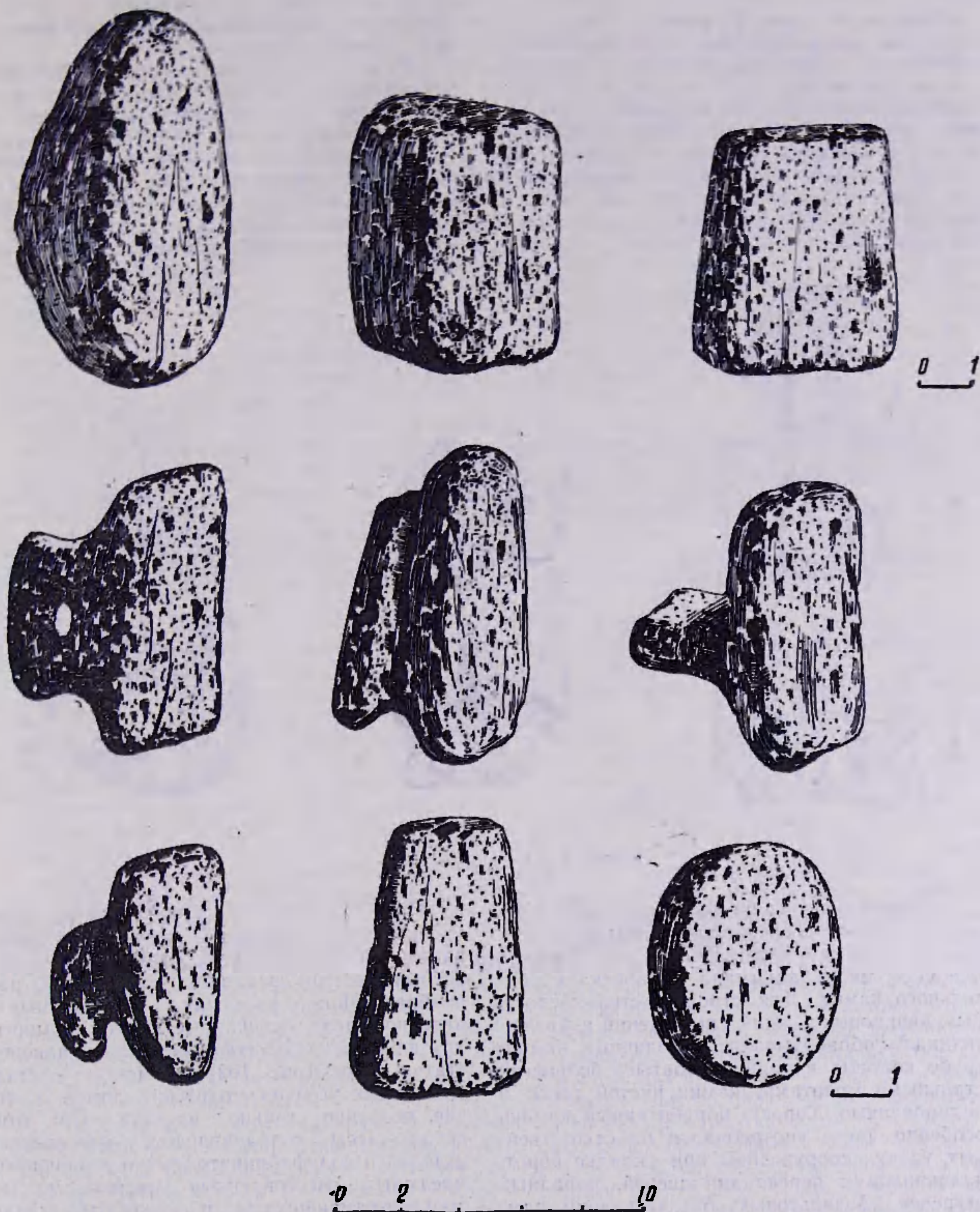

Рис. 101. Терочники из легкой породы.

склонах этого конуса имеется более двух десятков пещер, которые использовались в религиозных целях урартскими властелинами. Это видно из того, что в одной из них были найдены даже обломки надписей. К сожалению, мы не можем судить ныне о естественном или искусственном происхождении этих пещер, о степени обработки и благоустройства их урартскими мастерами, так как своды их завалены и не доступны пока для детального исследования.

когда попадался слишком пористый базальт (рис. 95—96).

Камень широко употреблялся в Аргиштихинили также для изготовления орудий труда и предметов быта. Особенно в большом количестве представлены здесь всевозможные большие прямоугольные зернотерки и терочники из пористого базальта, ступы и песты, молоты, отбойники, лощила самых разнообразных форм. Последние изготавливались часто из мягких пород камня, из туфа и пем-

Рис. 102. Статуи урартских богов.

Однако, как бы ни было велико количество подобных сооружений в материальном производстве и строительном деле Урарту, основное место занимала обработка строительного камня. Для строительства крепостных, дворцовых и жилых помещений в Аргиштихинили обрабатывались различные камни: грубо колотые квадры, оббитые большими стальными молотами, камни чистой тески и полированные. Хорошо обработанный камень особенно часто употреблялся на ответственных узлах сооружений: при кладке ворот, наличников и перекладин дверей, парадных ступенек, базальтовых баз от колонн, камней от дверных запоров и т. п. Порою чисто тесанные базальтовые блоки употреблялись на особо ответственных участках фундамента. Для высечения клинообразных надписей в Аргиштихинили чаще всего употреблялся шлифованый камень. Камни подобного назначения не шлифовались только в том случае,

зы (рис. 97—101). Из туфа особенно часто изготавливали большие, кубической формы ванны, разной величины, кормушки для животных, детали дренажных сооружений, разнообразнейшие формочки, применяемые в литейном деле, гончарные круги и многие другие изделия. Из туфа высекались, наконец, статуи богов (рис. 102), каменные детали священных уголков урартских домов и прочие, особенно тонкие, изделия. При этом, среди массы сохранившихся завершенных изделий и полуфабрикатов четко различаются предметы, изготовленные настоящими мастерами-каменщиками, и предметы, сделанные неумелой рукой, домашним способом. Это особенно хорошо видно на примере всевозможных размеров и форм каменных чаш из базальта, которые встречаются в Аргиштихинили массово (рис. 103—104). Среди них имеются тонкие, большие, отшлифованные, изящных форм чаши дворцового назначения,

которые поражают изысканностью внешних очертаний и тонкой техникой обработки (рис. 105). Однако основная масса чаш городских кварталов отличается грубостью отделки, не имеет полировки, изготовлена в пористом базальте.

Следует полагать, что каменщиков разных уклонов в городе Аргиштихинили было много. Как мы увидим ниже, только во II квартале Аргиштихинили зафиксировано два дома каменщиков двух различных профессий. Судя по орудиям производства и по полуфабрикатам, в доме № 1 этого квартала проживал каменотес-строитель, а в доме № 6—резчик по камню, выполнявший некогда специальные заказы. Именно из рук подобных резчиков выходили разнообразнейшие бусы цилиндрической, боченкообразной и других форм из различных пород, оттенков и узоров чудесных местных агатов, крупные шаровидные или несколько сплюснутые бусины красно-малинового или розоватого оттенков сердолика, прекрасные печатки из оникса и более мягких пород камня, гиревидной и конической сугубо урартских форм, с изображениями оленя, лошади, других животных и иероглифических знаков, местное—именно аргиштихинилинское производство которых не вызывает сомнения не только по найденным в малом храме полуфабрикатам и стилистическим особенностям гравировки, но и по многочисленным заготовкам конических фишкообразных и других форм специальных камней, которые могли быть употреблены только резчиками. Некоторые из многочисленных подобных находок были подвергнуты микроскопическому описанию в специальной лаборатории Геологического управления Армянской ССР.

Ниже приводим результаты исследования, некоторые соображения, непосредственно вытекающие из них.

Образец 17—заготовка круглой печати гиревидной формы, с отшлифованными боками, нижней площадкой сегментовидной формы и суживающимся ушком без отверстия и без гравировки. Белый, светло-серый, мелкозернистый, мраморизованный известняк (мрамор), слабо окремненный, средней твердости (№ 4, 5 по шкале Мооса).

Образец 17а—заготовка крупной печати конической формы с уплощенной нижней площадочкой, с процарапленными линиями на ней и отбитым острым кончиком. Тонкозернистый серый известняк средней твердости (№ 4). Наличие полировки трудно установить, так как поверхность образца покрыта светло-серым глинисто-карбонатным веществом.

Образец 18—заготовка неизвестного предмета, подчетырехугольного сечения, с гладкими, сильно отшлифованными блестящими сторонами и сильно заостренными кончиками. Глинисто-песчанистая порода (алевролит) буровато-коричневого оттенка, тонкозернистая, средней твердости (№ 5), пропитана гидроокислами железа и марганца.

Образец 19—крупная заготовка для украшения. Подчетырехугольного сечения, с блестяще отшлифованными узкими боками и с широкими сторонами, которые носят следы обработки песком и водой. Очень твердая порода яшмы (№ 7), неподдающаяся царапанию ножом, разнообразной коричневой окраски с красными и светлыми полосками с раковистым изломом и красивыми узорами.

Наличие приведенных образцов, наряду с множеством известных урартских мелких поделок из камня, указывает на то, что урартские резчики, в том числе и мастеровые из Аргиштихинили, одинаково успешно работали над самыми разнообразными камнями—мягкими, средней твердости и очень твердыми. Это означает, что они обладали весьма сложными и тонкими тайнами обработки камня, были знакомы с качественными показателями различных пород, в шлифовке и сверлении их достигали таких результатов, каковых нет даже в сегодняшнем высокоразвитом производстве.

Плотничное дело. По материалам раскопок урартских крепостей и памятников изобразительного искусства хорошо известен высокий уровень деревообделочного ремесла в Урарту. Из дерева изготавливались самые различные виды орудий труда (соха, плуг, тяпка, вилы, лопаты), предметов домашнего хозяйства (кадки, бочки, сосудики, ложки и пр.), части железных и бронзовых орудий и оружия, всевозможные средства передвижения и транспортировки материалов (боевые колесницы, арбы, повозки), дворцовая и домашняя мебель, колчаны, щиты, ящики, шкатулки, предметы культа—статуэтки богов, почитаемых животных и пр. Аргиштихинили не сохранил нам ни одну из перечисленных категорий вещей не только по причине многократных перетрубаций, но и потому, что само дерево недолговечно. Однако сохранившиеся в развалинах Аргиштихинили остатки древесины свидетельствуют в пользу высокого развития плотничного дела, связанного с интенсивным строительством. Они представляют собой обуглившиеся куски толстых бревен, жердей, прутьев от перекрытия, а также остатки дверей двух типов. Бревна и жерди кровли, состоящие соответственно из стволов взрослых деревьев и молодняка, имеют нередко спиленные или обрубленные концы, зарубки или выемки на гладко отесанной поверхности. Фрагмент двери, найденный в хижине на террасе западной крепости, состоял из жердей (диаметр 4—5 см), подогнанных друг к

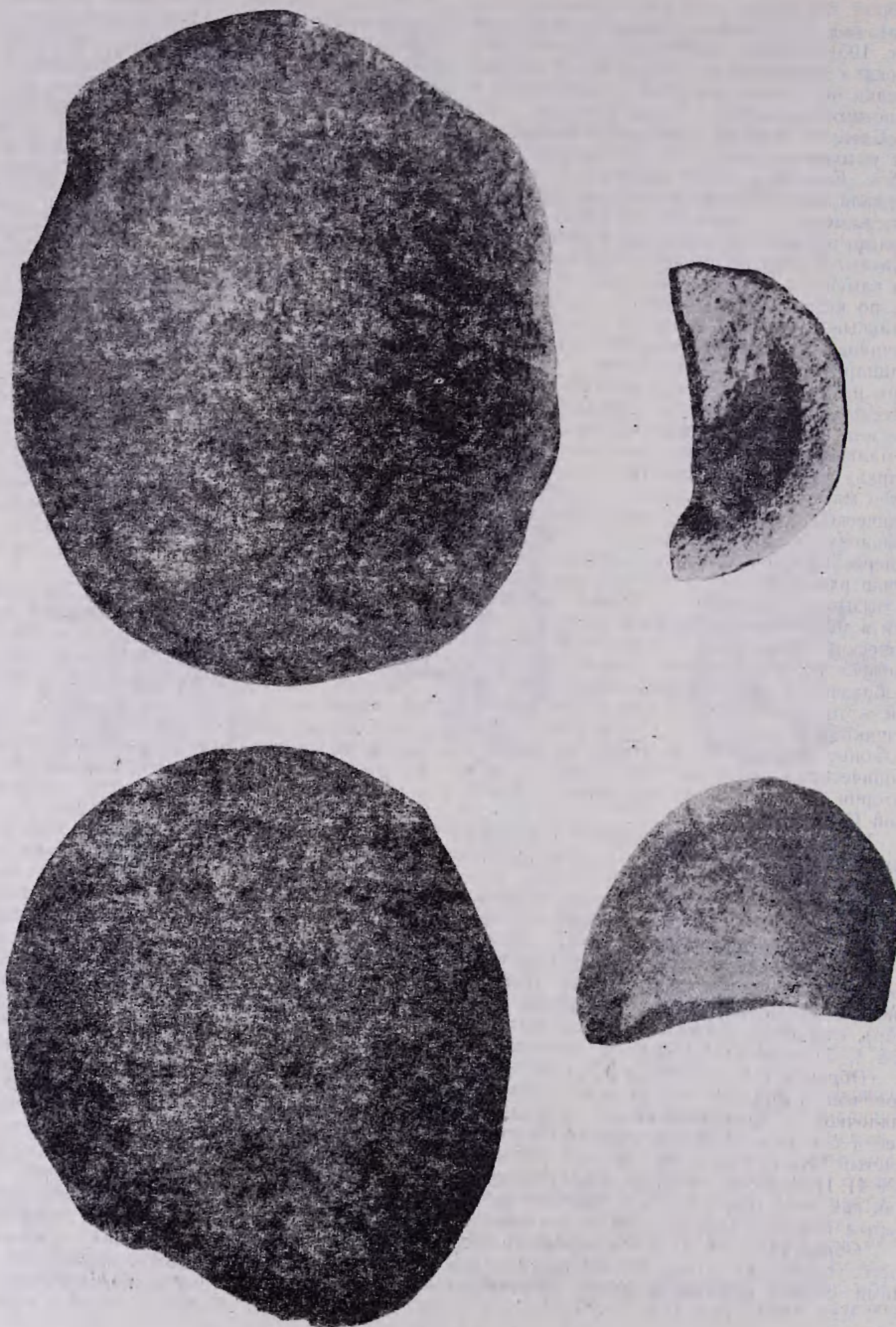

Рис. 103. Чаши из базальта.

другу и сколоченных кое-как. Крайний кругляк имел удлиненные и заостренные концы для вращения в каменном подпятнике и выполнял роль оси. Хорошо сохранившийся фрагмент двери, обнаруженный в доме № 1 центрального квартала, представлял собой аналог двери из цитадели Тейшебаини[27], состоял из пяти толстых прямоугольных обработанных рубанком досок, плотно пригнанных и скрепленных деревянными же перемычками, вдетыми в сквозные отверстия досок двумя-тремя поясками. Остальные детали дверей не сохранились. В. А. Паланджян, изучившая остатки древесины Аргиштихинили в Институте ботаники АН Армянской ССР, обратила внимание на то, что двери и бревна перекрытия были изготовлены из соснового дерева, чистые или смешанные леса которого простираются к югу и западу от Араратской равнины, в районе города Кагызвана и на Карском плато, на расстоянии 50—100 км от Араратской долины, на урартских участках транзитных и военных трасс. Это означает, что для строительства Аргиштихинили урарты транспортировали колоссальное количество стволов сосняка, отличавшихся значительной длиной и толщиной, целым рядом технологических свойств и приятным запахом. Ассирийские источники, особенно летописи царя Саргона II, постоянно отмечают высокое качество древесины, употребляемой в урартском строительстве и увозимой нередко в Ассирию в качестве драгоценного военного трофея. Армяне, культурные наследники урартов, сохранили также традиции транспортировки и употребления соснового дерева. В селениях Араратской и Ширакской равнин до сих пор «новенькими» стоят перекрытия типа «глхатун» или «азарашен», сооруженные 200 лет назад из сосняка карских или эрзерумских лесов.

Переброска леса требовала большого внедрения средств, масштабной организации человеческого труда (рубка, обработка, перевозка) и тягловой силы. Поэтому сосняк использовался, естественно, лишь для основы перекрытия. В. А. Паланджян замечает, что в обгорелых фрагментах перекрытия зданий Аргиштихинили весьма часто попадаются жерди и прутья тополя и ильма, сильно распространенных в пределах Араратской равнины, даже в безлесных зонах. В литературе обращается внимание и на то, что в некоторых словарях армянского языка тополь обозначается в качестве «строительного материала», так как обладает значительной длиной, толщиной и прочностью при незначительном весе.

Также совершенно естественно наличие древесины ильма в остатках перекрытия, дерева прочного и высокодекоративного, распространенного и ныне в ущельях рек Араратской равнины.

Упомянутые виды древесины употреблялись в Армении с древнейших времен и, естественно, хорошо были известны и урартам. Любопытно, что среди остатков древесины, обнаруженной при раскопках цитадели Тейшебаини, встречаются те же виды. С. А. Туманян отмечает, что строители крепости Тейшебаини «привезли с собою навык в использовании сосны и достаточно неохотно использовали местный строительный материал». Он еще добавляет, что Тейшебаини строился с применением, в основном, привозного соснового лесоматериала (80% образцов), а в качестве вспомогательного строительного материала (жердняка) для настила поверх деревянного перекрытия использовалась древесина местных пород, в основном тополь (около 20% образцов)[28].

Остатки прочих ремесел. От других ремесел, сильно развитых в свое время на почве земледельческо-скотоводческого хозяйства города, сохранились весьма незначительные остатки, на основе которых трудно судить об уровне их развития или удельном весе в экономическом балансе Аргиштихинили. Лишь по памятникам изобразительного искусства Урарту, Ассирии, по богатым находкам в цитадели Тейшебаини мы можем утверждать, что в урартских городах, в том числе и в Аргиштихинили, высокого развития достигли такие отрасли ремесла, как костерезное и кожевенное дело, прядение и ткачество, плетение корзин, циновок и других изделий, изготовление всевозможных веревок из растительного волокна (рис. 105б, табл. LIX). Из продукции всех этих ремесел сохранилось следующее: на полу помещения № 5 во дворе цитадели оказались мелкие лоскутки кожи, служившие некогда обтяжкой деревянного щита (?). В целом ряде помещений цитадели, в доме металлурга, в доме № 3 второго квартала и в других местах были найдены кусочки разной толщины хозяйственных веревок, изготовленных из растительного волокна. Маленькую группу составляют изделия из кости (рис. 106). Это несколько полуфабрикатов, представляющих собой отпиленные концы оленьих рогов с полированной поверхностью (хижина под северной оградой цитадели), сегментовидная костяная пластина с отверстием в верхней части (дом гончара), служившая амулетом-оберегом коровы или быка, а также маленькая группа из пяти предметов, под-

---

[27] *Б. Б. Пиотровский*, Кармир-блур, I, рис. 37.

[28] *Б. Б. Пиотровский*, Кармир-блур, III, стр. 61—63.

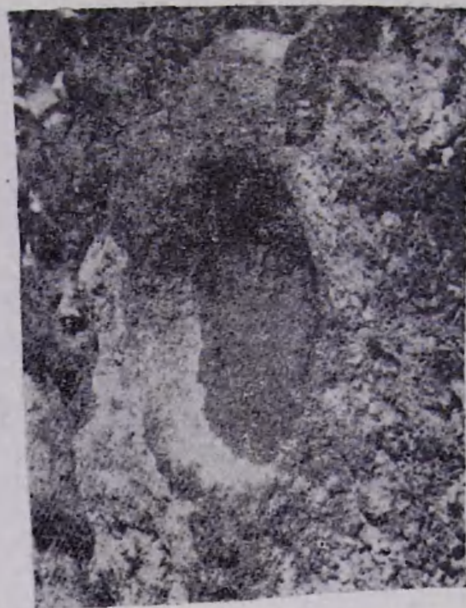
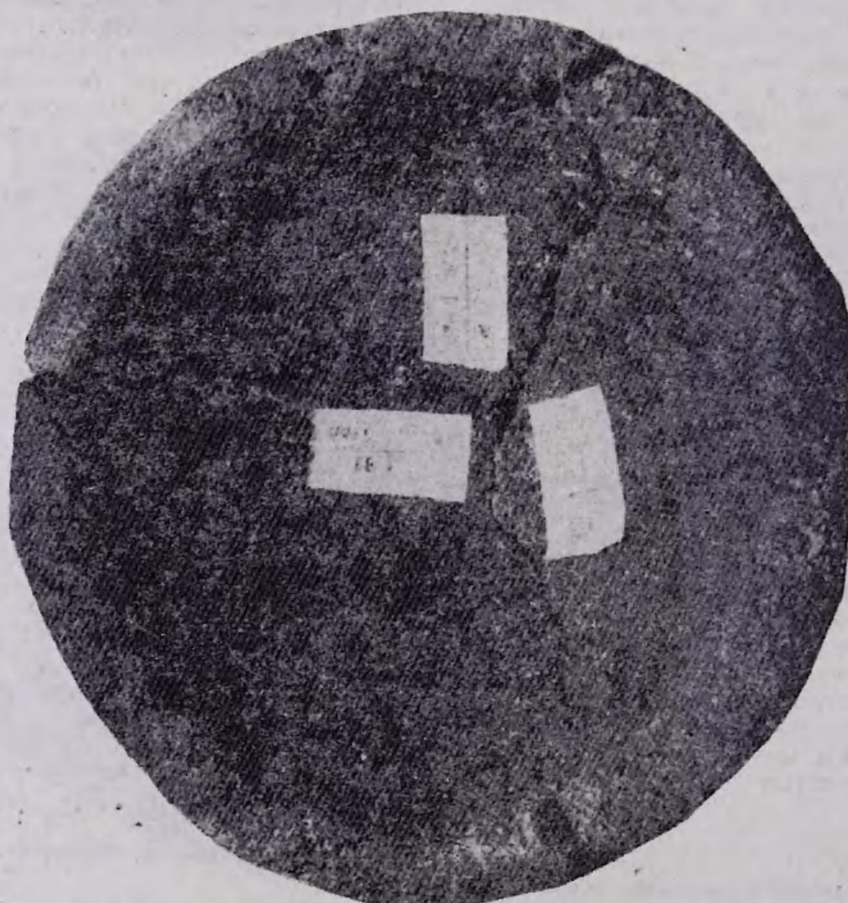

Рис. 104. Чаши и кормушка из базальта.

вергнутых более тщательной обработке. В эту группу входят: а) рукоять кинжала из рога косули с изогнутым острым кончиком, четырехгранной поверхностью (обработанной ножом) и с отпиленным основанием; б) фрагмент рукояти (II карасная кладовая) железного ножа или кинжала, украшенный резными рассматриваемой группы является трубчатая недлинная кость малого диаметра с блестящей, красноватой поверхностью, найденная в доме кузнеца. По всей вероятности, она служила заготовкой детской свирели.

Жители и ремесленники Аргиштихинили из костей животных выделывали также ору-

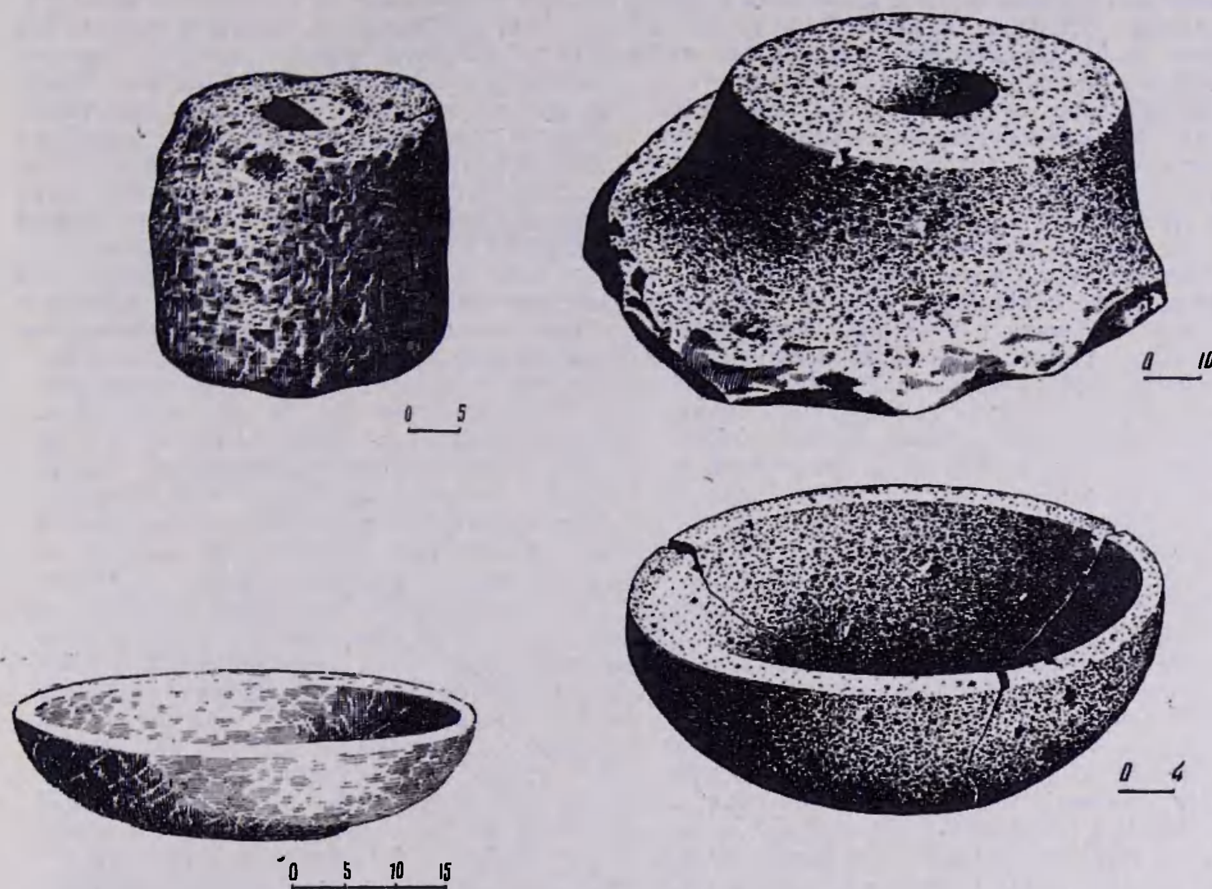

Рис. 105а. Парадные чаши, база-ступа и втулка из базальта.

кружочками, вмещенными в полоску из горизонтальных линий. Вполне сохранившиеся аналогии этой детали известны из раскопок Тейшебаини, Эребуни, Тушпы и других мест; в) рядом с рукоятью найдена большая бусина из слоновой кости (?), полушарной формы, с большим центральным отверстием, с линейной разделкой и блестящей полировкой поверхности; г) уникальный костяной стержневидный предмет также из слоновой (?) кости с блестящей поверхностью. Верхний, широкий конец стержня имеет полусферическую форму, в центре просверлено отверстие, а нижний конец уплощен и сильно отполирован. На этой плоскости (диаметр 7 мм) точками и линиями выгравирована лицевая маска льва (?). Судя по изображению и наличию отверстия для подвешивания, предмет этот можно отнести к группе печатей; д) последним предметом

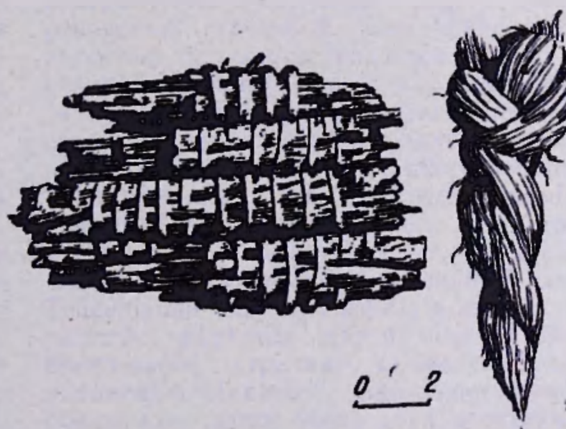

Рис. 105б. Фрагменты корзины и веревки из растительного материала.

дия прядения и ткачества. Многочисленные головки веретен, изготовленные из круглых конечностей берцовых костей крупных животных, были найдены в хижинах, на террасе крепости и в домах городских кварталов. Орудия ткачества состояли из простых коровьих или олеиьих рогов с блестящими, сработанными остриями. Таковые были найдены в доме № 6. Орудия эти применялись при работе на деревянном ткацком станке, остатки которого не сохранились. О нем можно судить по наличию разных размеров грузил, изготовленных из красного или рыжеватого туфа, представляющих собой плоские диски с центральным отверстием, иногда с зарубками или иероглифическими знаками (рис. 107). В Аргиштихинили чаще всего употреблялись вертикальные ткацкие станки. На подобных станках работали и в городе Тейшебаини. Описанные каменные грузила обнаружены в помещениях № 3, 19 цитадели западной крепости и в доме гончара, в куче древесного угля от станка; тут же валялись роговые орудия.

В ряде случаев найдены также хорошо отшлифованные костяные шпильки круглого сечения (помещение № 7 западной цитадели, дом № 6) для прядения. Наконец, в доме № 5 второго квартала города найдены прямые свидетели ткацкого дела. Это остатки белой прозрачной материи, вытканной из шерстяных ниток в полотняном переплетении, структура которой сохранилась и в современном производстве. Эта тонкая бело-прозрачная ткань покрывала верхнюю часть корзины, опущенной почему-то на дно караса. Сильно обгоревшее дно, бока, верхние ребра и части ручки этой корзины сохранились весьма удовлетворительно и свидетельствуют о высоком уровне еще одного ремесла.

ГЛАВА VIII

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ШТРИХИ ГИБЕЛИ ГОРОДА

История гибели урартских городов и исчезновения Ванского царства с исторической арены не ясна во многих отношениях. По некоторым отрывочным данным мы знаем лишь о том, что во второй половине VII в. до н. э. Ванское царство переживает глубокий кризис, поддерживает вассальные отношения с доживавшей свой век Ассирией, кое-как отбивается от внешних и внутренних врагов, на престоле урартском кратковременно появляется и исчезает несколько царей[1]. Одним из последних правителей Урарту был Руса III, сын Эримены, оставивший строительные надписи в Аргиштихинили и Эребуни, а также вотивные строчки на мелких изделиях крепости Топрах-кале. Эти данные свидетельствуют о том, что в конце VII в. до н. э. основное территориальное ядро Урарту, вместе с Аргиштихинили и другими городами Араратской равнины, находилось под властью Русы III.

Именно в эти годы в Передней Азии особенно активизировался могучий союз мидо-вавилонских и скифских предводителей, покоривших вскоре Ассирию и разделивших ее между собой (605 г. до н. э.). Настал черед Ванского царства, покорение которого теми же скифо-мидийскими войсками было обусловлено обеспечением тыла мидийских войск в войне против Лидии. Ванское царство пало под ударами скифо-мидийских войск около 590 г. до н. э., до начала войны против Лидии[2]. Вражеские войска прошли всю территорию Урарту огнем и мечом; погибли благоустроенные и цветущие его города. В числе городов Араратской равнины—житницы Урарту, погибших в пламени дикого вражеского штурма, оказался и город Аргиштихинили, просуществовавший около 200 лет.

[1] «Урарту при последних царях» см. *Н. В. Арутюнян,* Биайнили, Ереван, 1970, стр. 328—336.

[2] См. *И. М. Дьяконов,* Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам, стр. 31—38.

В ходе раскопочных работ на территории Аргиштихинили были зафиксированы неизгладимые следы ужасной катастрофы, дополнявшие лаконичные данные письменных источников конкретно-ощутимым содержанием. Захватив и уничтожив в огне северо-западные неогражденные кварталы Аргиштихинили, пробив оборонительную стену внутреннего города в этом направлении, вражеские войска осадили западную крепость, сконцентрировав штурмовые отряды на участке северных ворот, сравнительно легко доступных и незаложенных к моменту штурма, имевших довольно удобные подступы для подхода войск и разрушительной техники. Они сожгли бедняцкие лачуги на северных террасах крепости, от сильного жара горевших сосновых бревен почернели, потрескались базальтовые кладки стен и контрфорсов крепости, ошлаковались и рухнули сырцовые кладки, глина пола приобрела характерную красную окраску, весьма типичную и для горелых слоев цитадели Тейшебаини.

Авангард штурмовиков оказался вскоре в кармане северных ворот, под ураганной перекрестной стрельбой защитников цитадели, засевших на площадках стен. Стрелы их с тяжелыми листовидными наконечниками летели вниз, под большим углом вонзались в землю острием или загибались и ломались, попадая в базальтовую кладку ворот. Они принадлежали к типу, изготавливаемому в кузнечной мастерской Аргиштихинили до конца его дней, к типу, хорошо известному по находкам в Тушпе и Тейшебаини. В цитадели Тейшебаини они найдены в колчанах с надписями урартских царей или же вместе с бронзовыми стрелами, также снабженными надписями. Именно в таком состоянии было обнаружено здесь около двух десятков стрел описанного урартского типа на уровне пола и пара вражеских стрел, на несколько более высоком горизонте.

Ныне весьма трудно судить о масштабах

и длительности боя у ворот, о количестве участников, погибших с обеих сторон, и о многих других деталях, поскольку этот участок с некоторых пор (IX в. н. э.) был приспособлен под средневековое жилье и безвозвратно утратил неповторимые эпизоды жаркого боя.

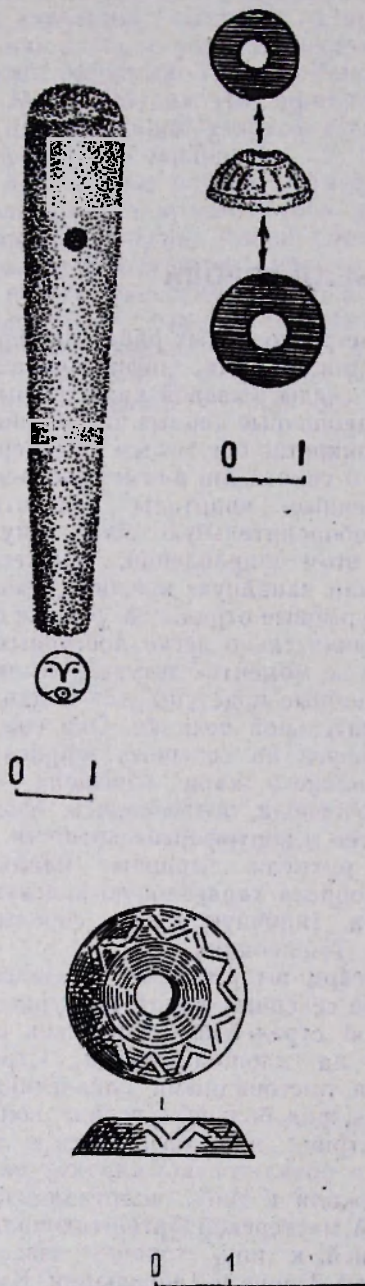

Рис. 106. Тонкие изделия из кости.

Однако, как видно, здесь у ворот завязался ночной бой и немногочисленной охране крепости в основном удалось уйти. Вражеские стрелы, обнаруженные в верхних горизонтах ворот, принадлежали к известным типам так называемых скифских двуперых и трехгранных бронзовых наконечников, которые в свое время были найдены у стен Ашшура и Вавилона[3], Тейшебаини[4], и многих других городов Древнего Востока, павших именно под ударами скифо-мидийских и вавилонских войск. Эти стрелы датируются концом VII—первой четвертью VI в. до н. э. и в своей хронологии совпадают со временем гибели древневосточной цивилизации (рис. 108).

Несмотря на сопротивление охраны, штурмовики ворвались в западную крепость именно через северные ворота и попали через двор в дворцовое здание Аргишти, занимавшее восточную половину крепости. Направление их движения прослеживается находками двуперых и трехгранных бронзовых стрел, оказавшихся в полукрытом коридоре и одном из тупиковых, крайне восточных помещений указанного здания, а также перед восточным парадным входом крепости—в доме металлурга. Здесь враги охотились за беззащитными женщинами и детьми. В упомянутом тупиковом помещении дворца (№ 19) были найдены трупы женщины и девочки. Женщина лежала на спине с приподнятыми к черепу руками, фалангами пальцев перед лицом и с бронзовой стрелой у поясницы, на руках и ногах у нее сохранились проволочные простые браслеты с зарубками, у шейных позвонков—несколько бусин и раковин карури (табл. LX). В некотором отдалении, к востоку был обнаружен раздавленный карас среднего размера и в нем оказался скелет девочки лет двенадцати с подогнутыми под собою руками и ногами (табл. LXI). По-видимому, она надеялась спастись в карасе, согнулась в нем на коленях и локтях, также прикрывая лицо ладонями. В доме кузнеца-бронзолитейщика обнаружены части скелета годовалого ребенка, забытого, вероятно, родителями в ужасе паники.

По мере развития штурма усиливался и пожар, горела вся крепость и особенно сильно—казарменные одиночные помещения, расположенные рядом зерновые склады и другие хозяйственные сооружения. От сильного жара почернели, потрескались двух-трехметровые цокольные кладки зерновых амбаров, вместе с балками перекрытия рухнули и верхние части кирпичных стен, которые ошлаковались, превратились в уголь от большой температуры. Обуглилось и чистое зерно, оказавшееся под бревнами и кирпичами. Эту картину посетитель может увидеть и сейчас. Зарево пожара, охватившее среди ночи сосновые

[3] *R. Koldewey,* Das wieder erstehende Babilon. II aufl., Leipzig, 1913, стр. 275.

[4] *Б. Б. Пиотровский,* Кармир-блур, I, стр. 86, рис. 55.

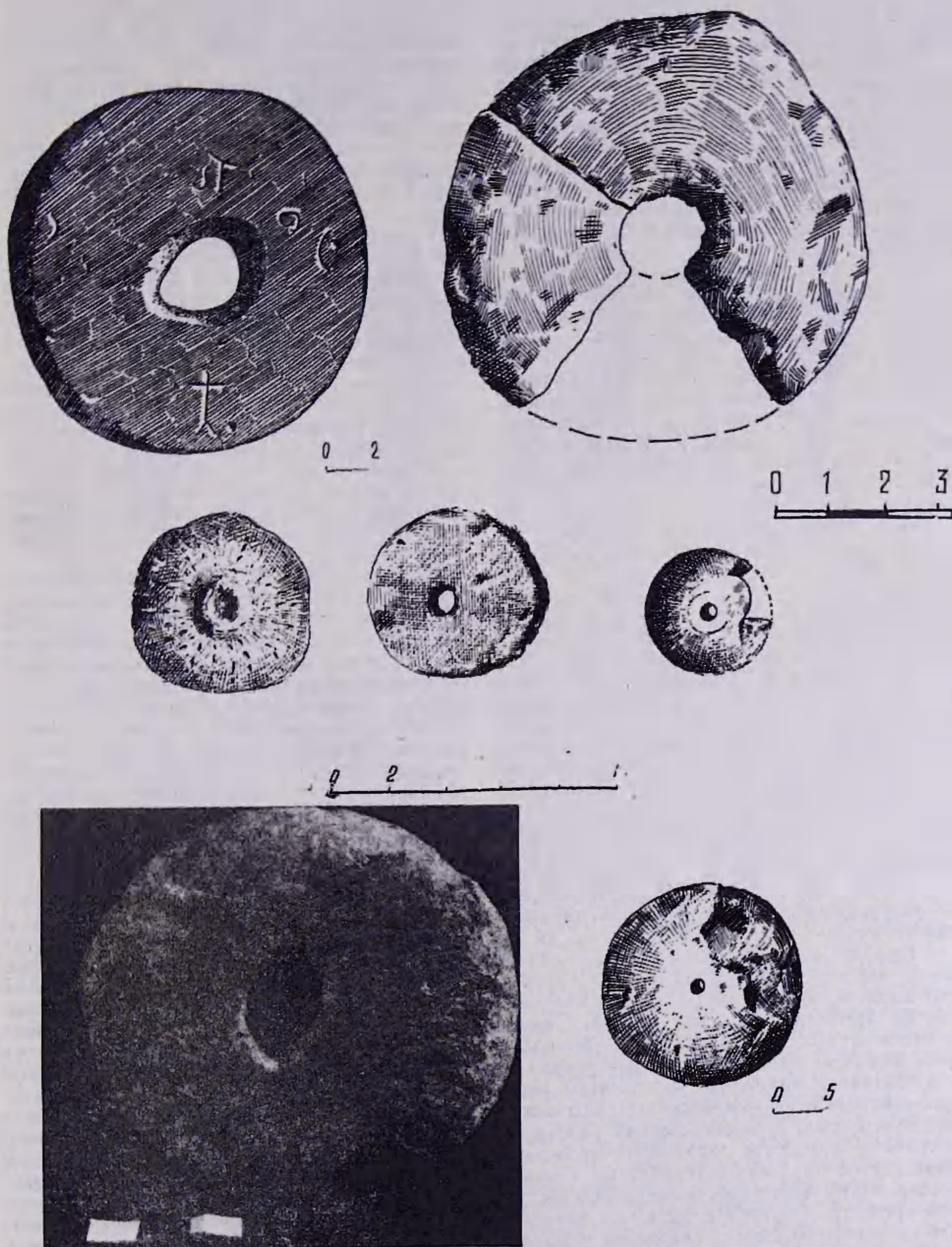

Рис. 107. Каменные грузила и костяные головки пряслиц.

бревна перекрытия, освещало, вероятно, всю Араратскую равнину, наводя ужас вокруг.

Лишь после взятия западной крепости скифо-мидийские отряды могли оказаться в центральной части внутреннего города. Многие дома богатых кварталов внутреннего города были ограблены и разрушены, другие горели в пламени огня. Сильные следы пожара были зафиксированы в домах кузнеца, держателя печати, гончара, каменщиков, врачевателя. В последнем оказался даже скелет погибшей женщины—под горевшими бревнами и завалом камней. Однако, судя по исследованным участкам, на территории внутреннего города не было почти никакого сопротивления. Население города наспех покидало свои благоустроенные дома, захватив с собой некоторые запасы продовольствия. Конечно, были и зеваки, и любители ночной трапезы. В помещении № 5, во дворе крепости, был найден железный акинак, вонзенный в землю острием, лоскутки кожи, угольки древесины и прутьев, являвшиеся, быть может, остатками боевого щита. Вероятно, это оружие было брошено воином, схваченным врасплох.

В кухонном помещении дома гончара, у очага был оставлен сосудик с куриным бульоном—кто-то не успел поужинать, в лачуге северной террасы кто-то спрятал голубя под чашечкой (от нее сохранились косточки и перья), кто-то в дверном проеме дома № 6 уронил горшок и не успел поднять его. Такая картина была зафиксирована и в жилых домах города Тейшебаини. Следует отметить, что многие моменты гибели городов Тейшебаини и Аргиштихинили вполне совпадают. Это относится и к типам боевого оружия, примененного при штурме и обороне и к приступу крепостей, и занятию малоукрепленных ворот, и ночной панике, и последовательности боевых действий на различных участках города. Все это объясняется, по-видимому, определенно разработанной тактикой как нападавшей, так и оборонявшейся сторон.

При раскопках города Тейшебаини часть населения жилых кварталов города укрылась под защитой мощных стен цитадели. При взятии же Аргиштихинили, как увидели выше, в числе первых пали западная крепость и довольно надежно укрепленный внутренний город. Захватом этих сильно укрепленных опорных участков скифо-мидийские отряды могли обеспечить тыл, беспрепятственно разрушать и грабить городские кварталы вне ограды укрепленной внутренней территории и подготовить штурм восточной, более труднодоступной крепости. Поэтому естественно полагать, что население городских кварталов бежало в сторону восточной крепости, чтобы найти защиту за мощными ее стенами.

Однако, как показывают некоторые детали раскопок, и эта крепость не выдержала натиска врага. У ее внешних стен обнаружены скифского типа стрелы. Однако, вероятно, и здесь не было серьезного сопротивления из-за отсутствия большого гарнизона и маломощности сторожевой охраны. Это может быть объяснено тем, что основные военные силы государства были стянуты в центральные районы, в Тушпинский оазис, ради обороны столицы, выдержавшей в свое время натиск грозных ассирийских царей. Естественно полагать, что из-за слабого сопротивления восточная крепость Аргиштихинили в основном уцелела и потому была использована впоследствии под резиденцию вассального княжества Ервандидов, боровшихся вместе с мидо-скифами и вавилонянами против Ассирии и Урарту. Тем не менее и восточная крепость города пала в штурме и в пламени пожара. Следы пожара наблюдались на террасах мелких хижин, в карасных кладовых западного отсека и в ряде других пунктов. Поэтому при раскопках города Аргиштихинили были сделаны весьма любопытные наблюдения, проливающие свет на время года, когда могла произойти эта катастрофа.

В зерновых амбарах западной крепости и в хозяйственных ямах жилых домов, кроме повсеместных остатков незначительных запасов зерновых, обнаружены большие скопления обгоревших злаков пшеницы и ячменя, отличавшихся абсолютной чистотой, отсутствием долгоносиков и других вредителей, которые обычно сопровождают старые запасы урожая. В ряде других пунктов, вместе со злаками пшеницы и ячменя, обнаружены комки ржи, проса, гороха и конских бобов. Время созревания и уборки всех этих культур в Араратской низменности падает на июль-август. Горожане успели собрать новый урожай, следовательно, катастрофа города произошла не ранее конца августа. Более того, в домах Аргиштихинили найдены еще и обломки пальчиков виноградных лоз, прутики алычи и кизила, а также целая груша скороспелого дикого сорта панта. Все они появляются в районе Аргиштихинили в конце августа—начале сентября. Груша была брошена на пол помещения непосредственно до вторжения врага и не была поднята. Эта находка более всего соответствует времени гибели города.

С подобной хронологической фиксацией хорошо увязываются также наблюдения над остатками целого ряда животных, содержащихся в городских домах в канун штурма врага. Это бобр, слепец, еж, барсук, дрофа и фазан, ловля и охота которых производится обычно в летнее и осеннее время. По данным С. К. Межлумян, ежи, бурсуки, черепахи проводят зиму в спячке и пробуждаются в

марте—начале апреля, сазаны находятся на дне водоема в оцепенении до весны, безоаровые козлы ложатся на отдых до весны, бобры редко выходят из убежищ зимою. Здесь особенно важно отметить, что дрофа не наблюдается в Армении как летная птица, появляется в Араратской низменности с сентября, тогда и становится объектом охоты. Наиболее точно указывают время гибели города остатки волчонка и лисенка, которые рождаются в марте и апреле. Оба они в возрасте до шести

сентября, что предполагает наличие в то время на территории Арартской равнины довольно мощной наступательной армии врага. Несомненно, гибель этих городов и ряда военно-опорных пунктов и поселений представляла собою цепную, молниеносную реакцию.

Города Араратской равнины были последним оплотом урартской власти. С падением их навсегда исчезло с лица земли Ванское царство.

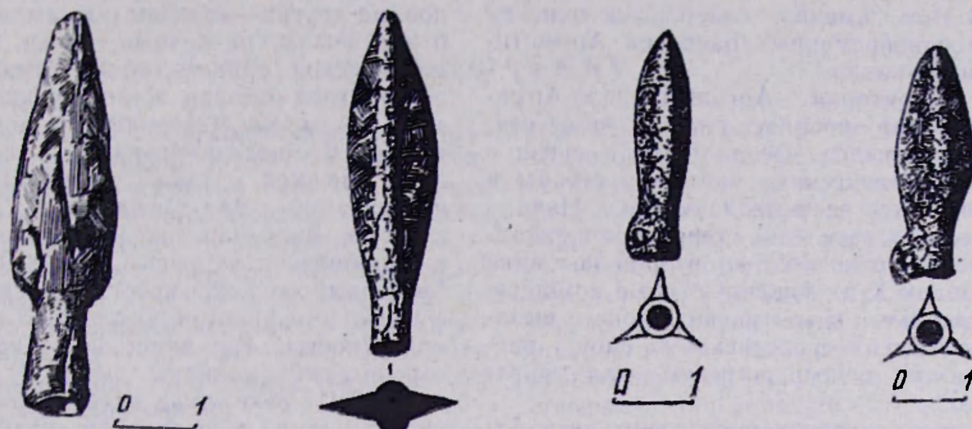

Рис. 108. Скифские наконечники стрел.

месяцев по наличию молочных зубов. У первого уже происходит смена молочных постоянными, следовательно, уже немногим более шести месяцев, у второго—лисенка налицо лишь молочные. Эти данные соответствуют периоду уборки винограда, кизила, алычи, груши, указывают на конец августа и сентябрь. Они не оставляют никакого сомнения, что гибель города имела место именно в это время. Приведенные наблюдения подтверждаются аналогичным рядом фактов, установленных в свое время при раскопках города Тейшебаини. Приводим эти данные дословно: В одной из хижин Тейшебаини «...около очага лежал пучок травы, среди которого А. Л. Тахтаджяном были определены: головки сорняков из сложноцветных Acroptilon pleris, стручки крестоцветного Enclydium syriacum и колосок овсяницы (Festuca sulca), которые созревают во второй половине августа»[5]. Целый ряд остатков других плодов, известных из построек Тейшебаини, указывает на начало сентября.

При сопоставлении приведенных выше данных по Тейшебаини и Аргиштихинили нетрудно заметить, что между ними имеется определенная хронологическая связь и что военные действия под стенами этих городов, а также связанного с ними города Эребуни, развернулись в пределах конца августа—

[5] *Б. Б. Пиотровский,* ук. соч., стр. 24.

После упразднения Урарту, при мидянах и Ахеменидах (с 560 гг.) фактическими хозяевами Араратской равнины стали предводители армянских войск, принимавших активное участие в боевых операциях скифо-мидийских войск, находившихся в тесном содружестве сначала с мидянами, затем с Ахеменидами и создавших самостоятельную династию (с 316 года до н. э.). В период воцарения Ервандидов большая часть Аргиштихинили лежала в развалинах. Жизнь возобновилась лишь на восточном его стыке, где возник исторический Армавир, резиденция Ервандидов, с кипучей жизнью и вековыми хитроумными интригами высшей армянской знати в стенах дворцов Армавира, сохранившихся даже при Аршакидах. Часть территории Аргиштихинили, к западу от новой резиденции Армавира, была занята жилыми кварталами сохранившихся и реконструированных (частично) урартских домов, в которых появилось новое население. Остатки подобных смешанных урарто-армянских кварталов были нами зафиксированы на юго-восточном участке внешнего города Аргиштихинили, к северо-востоку от восточной крепости, в пределах селения Бамбакашат этот новый город занимал незначительную площадь (150—200 га) по сравнению с Аргиштихинили и был, конечно, сравнительно маломощным. Некрополи (быть может, уже фамильные) этого города занимали значительное пространство. Они были зафиксиро-

ваны еще во времена Уварова непосредственно западнее восточноармавирского холма и во время наших работ вплоть до центрального квартала внутреннего города Аргиштихинили. Об этом шла речь в первых главах настоящей работы.

Мы уже убедились, что выявленные вновь материалы неизвестных раннеармянских памятников генетически связаны с урартской культурой и это больше всего бросается в глаза при раскопках Аргиштихинили-Армавира. В этом именно содержится одно из значений одновременных раскопок Аргиштихинили и Армавира.

На территории Аргиштихинили-Армавира жизнь возобновилась вновь в эпоху становления развитого феодализма, в связи с мощным экономическим подъемом страны и восстановлением ее независимости. Начало средневекового заселения территории западной крепости относится ко второй половине IX и к началу X в., фиксируемого с помощью многочисленных византийских монет, выявленных в нижних средневековых слоях, распростершихся непосредственно над урартскими.

Находясь на древнем торговом пути Атропатены и между крупнейшими центрами Армении—Двином и Ани, это поселение играло, по-видимому, далеко не второстепенную роль в караванной торговле и посреднической связи. Вероятно, этим можно объяснить наличие в последовательных слоях IX—XI и XII—XIII вв. многочисленных византийских и сельджукских монет (византийские теодоры 1055—1056 гг, ильдегизидские XII—XIII вв., Абу-Бекир 1191—1221?, определение нумизмата Х. А. Мушегяна), перстневых печатей, случайной находки бронзовой печати с именем некоего Мухаммада Башира Ибн Аджи Гусайна (Хасан), сотен разнообразных стеклянных браслетов, ряда образцов художественной глазурованной керамики, характерной для Ани, Двина, Оран-калы и других центров Востока. На некоторых художественно оформленных сосудах выгравированы чудесные антропоморфные, зооморфные, растительные мотивы и геометрические орнаменты общевосточного стиля. На некоторых сосудах выведены пояски с талантливо выполненным изображением каравана двугорбых верблюдов, на других—налепом и штампом выведены птица, козлы, различные диски, пояски геометрической орнаментации. Армянское население этого поселка оставило, кроме множества предметов материального производства, также и немногочисленные свидетельства своих письмен, а также отличия своего вероисповедания. Это имена двух жильцов на глазурованной чашечке и базе от колонны с клинообразной надписью Аргишти I, а также бронзовый большой крест и крестный камень с гроздьями винограда, с сильно закопченной поверхностью. Как видно, перед камнем долго горели свечи, молились люди.

В XIII веке ужас катастрофы вновь повис над этим поселением в связи с монгольским нашествием. Вновь на участке бывших ворот и на других участках некогда мощной урартской крепости, но уже на верхнем горизонте, оказались скелеты погибших в битве воинов. Один из них имел на черепе длинную пробоину, лежал в вытянутом положении, на спине, рядом с большой железной секирой, очень характерной для восточных типов этого оружия XII—XIV вв. до н. э.

Со времен первых монгольских нашествий жизнь угасла на этом средневековом поселении и не возобновлялась до наших дней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

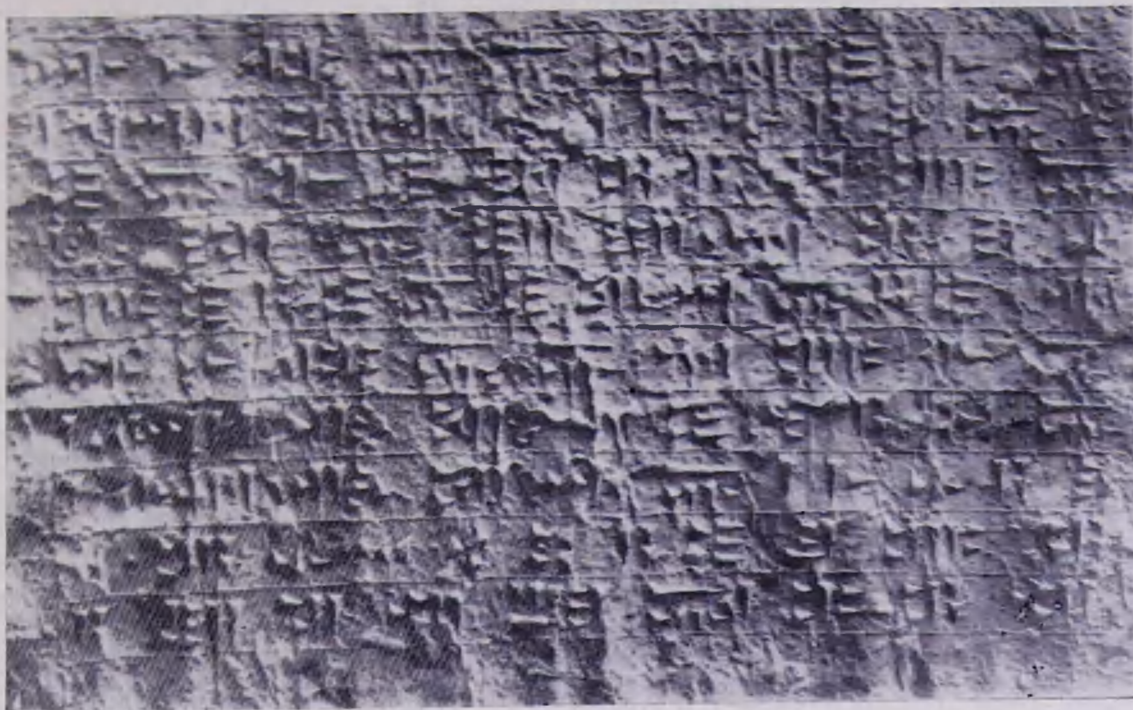
В настоящей книге, посвященной результатам раскопок города Аргиштихинили, наряду с описанием вскрытых археологических объектов и выявленного большого материала, автор стремился подойти вплотную к проблеме урартского города как сложной социально-экономической и этнической организации, на которой базировалась могучая по тем временам Урартская империя, представлявшая собой конгломерат этнически и экономически разнородных образований.

Фрагментарность письменных материалов, малоизученность урартского города в качестве социально-экономической единицы, отсутствие клинописных документов по социально-экономическим, торговым, этническим, политическим отношениям внутри городской общины и между отдельными городами не позволили автору в более или менее полной мере раскрыть проблему урартского города. Поэтому автор ограничил свою задачу постановкой этой чрезвычайно важной проблемы, выдвижением целого ряда теоретических построений и догадок, которые могут содействовать разработке означенного круга вопросов и, с другой стороны, нуждаются во всемерной проверке и подтверждении новыми фактическими материалами и в более углубленной теоретической разработке.

Ясно одно, что исследуемые ныне урартские города, тем более Аргиштихинили, дают весьма реальные, хотя и ограниченные возможности для изучения городской жизни древнейшего на территории Армении государственного образования. Необходимо лишь разработать определенную методику изучения этих вопросов, соответствующую принципиально высокому уровню наук в наши дни, использовать в археологическом исследовании возможности многих специализированных отраслей различных наук и, конечно, всемерно расширить поисково-полевые работы для выявления клинописных архивов урартских городов, могущих произвести коренную ломку в наших представлениях в сфере не только специально-экономической и этнической структуры общества, но и внутри- и внешнеполитических отношений всего царства.

СПИСОК РИСУНКОВ

ТАБЛИЦЫ

I. Надпись Аргишти I о проводке канала (Каракала).

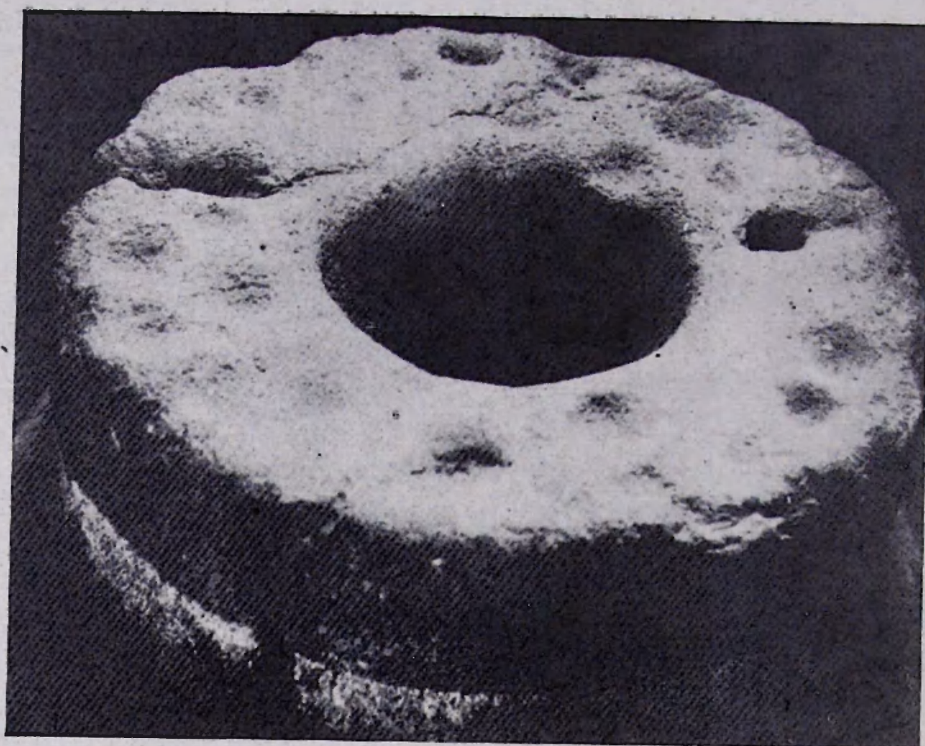
II. Надпись Аргишти I о постройке Аргиштихинили (Сардарабад).

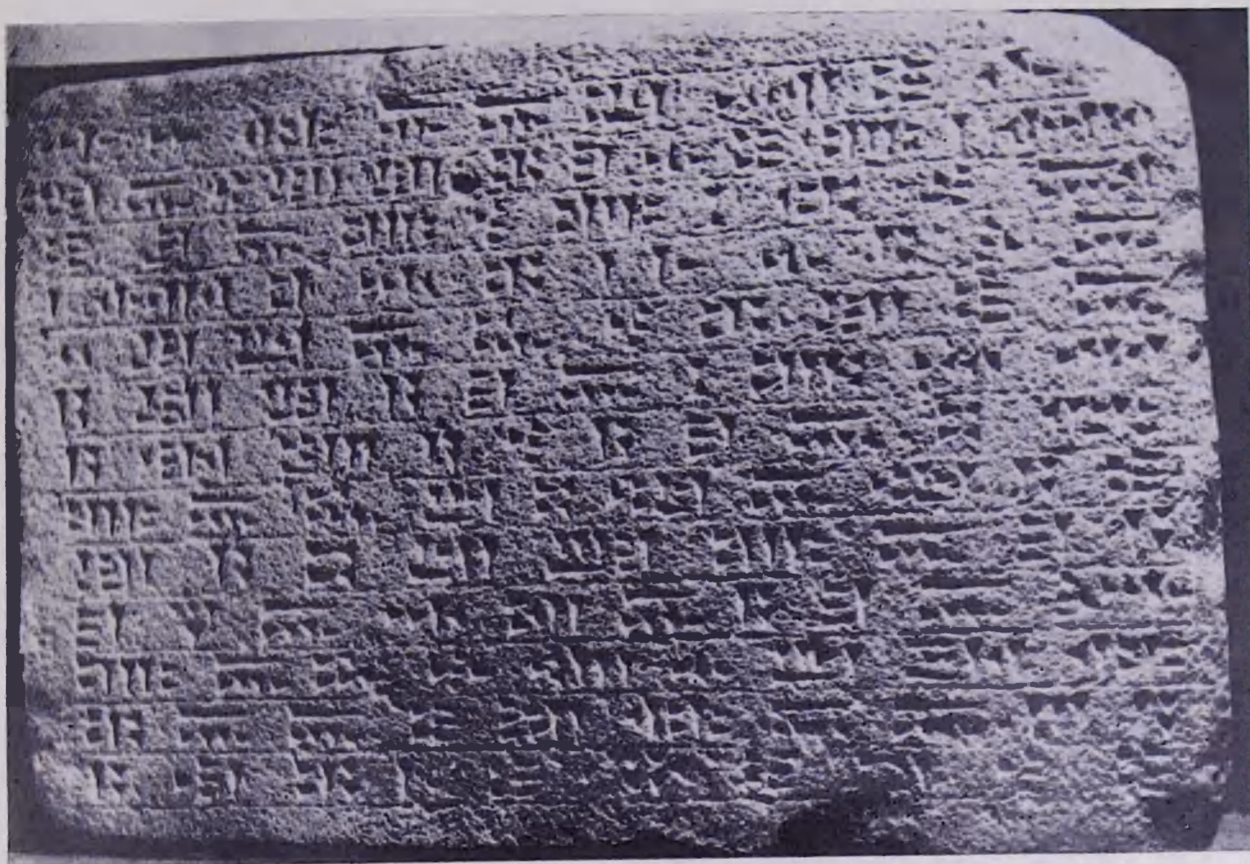
III. Надпись Аргишти I о постройке Эгал (Зап. крепость).

IV. Надпись Аргишти I о постройке Эгал (Газанчи).

V. Надпись Аргишти I о постройке Эгал (Шагриар).

VI. Надпись Аргишти I из Тапа-диби.

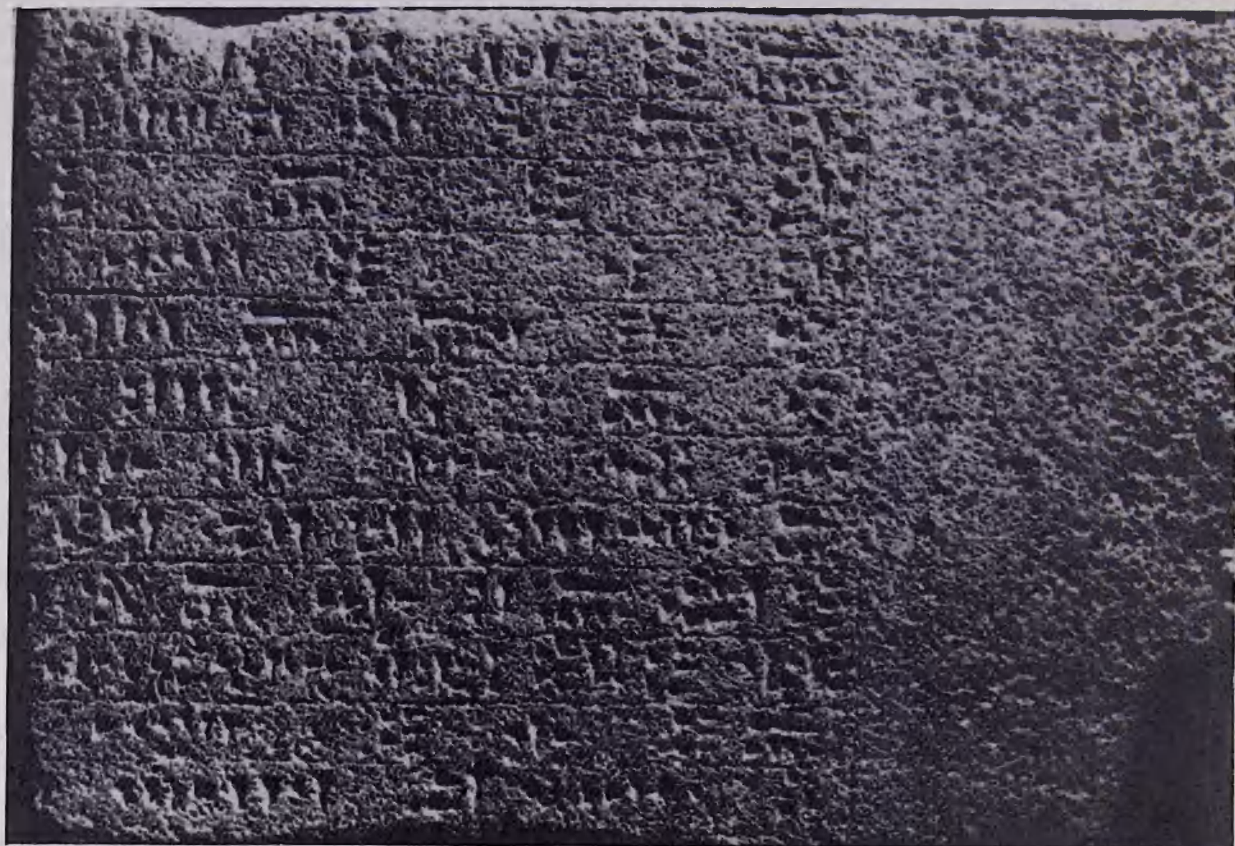
VII. Надпись Аргишти I из восточной крепости.

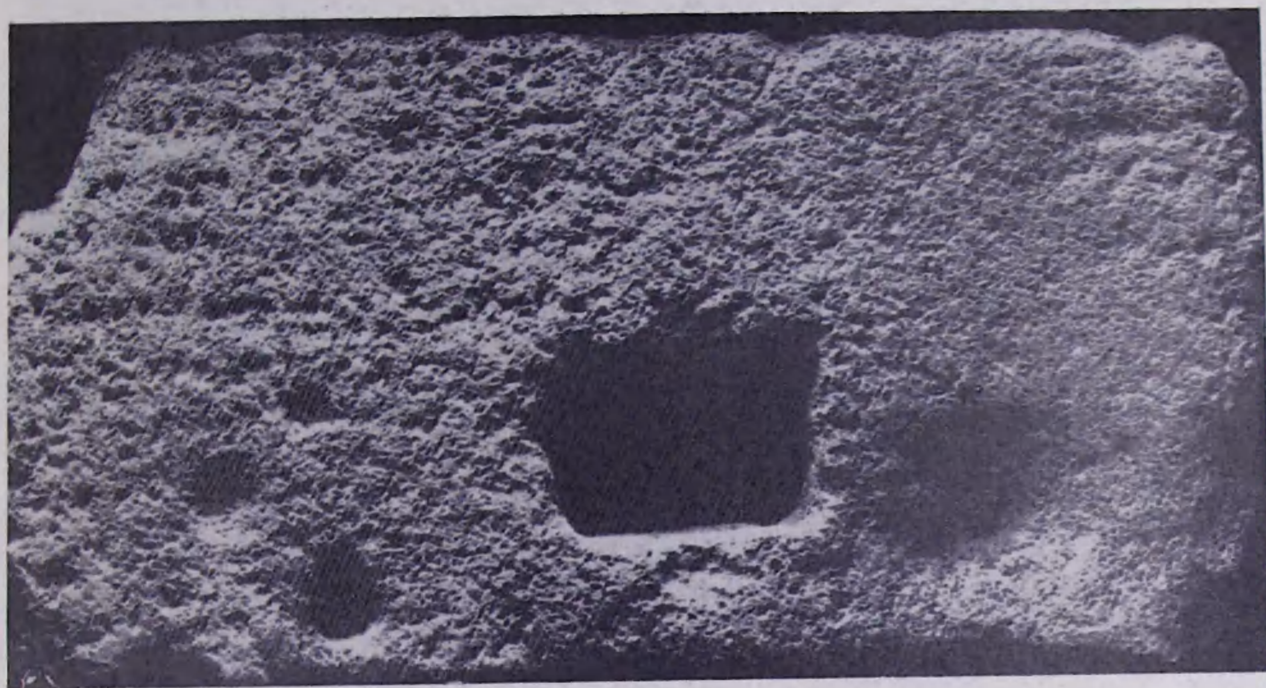
VIII. Надпись Сардури II из западной крепости (1965 г.).

IX. Надпись Сардури II и Русы I из восточной крепости.

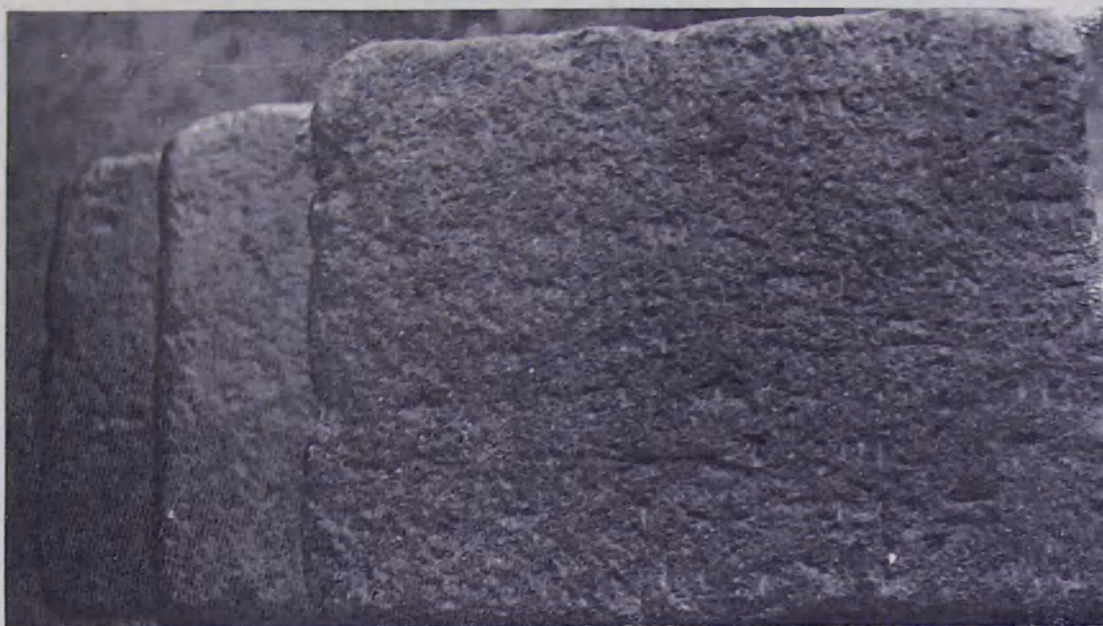
X. Надпись Сардури II из восточной крепости.

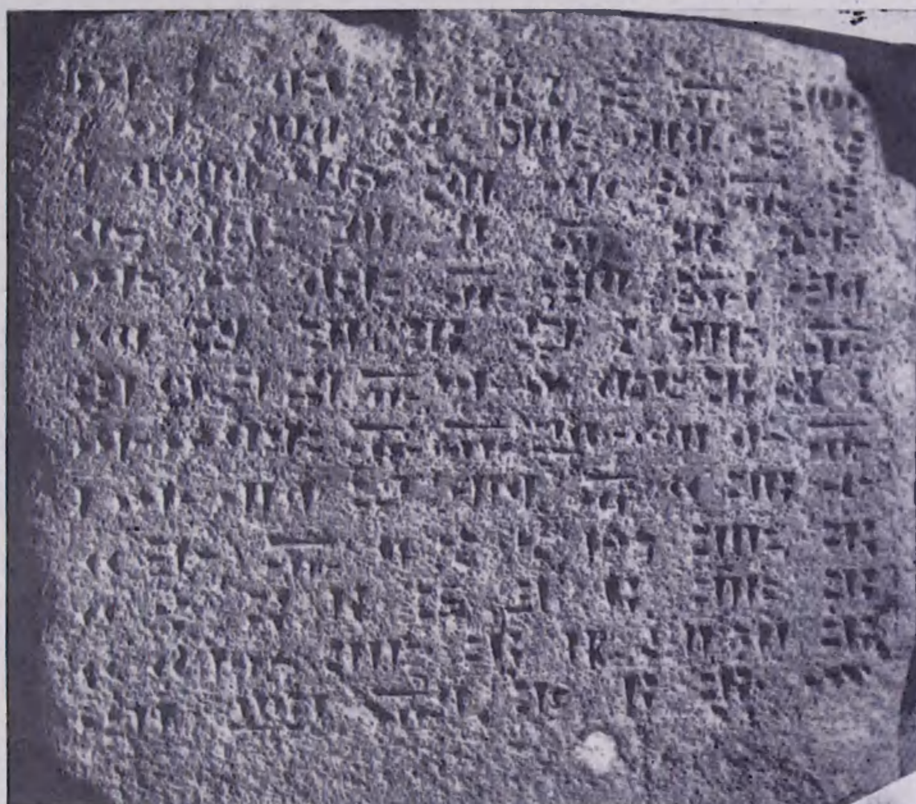
XI. Надпись Сардури II из Молла-Баязеда.

XII. Надпись Сардури II из восточной крепости.

XIII. Надпись Сардури II из Джанфиды.

XIV. Надпись Сардури II из восточной крепости.

XV. Надпись Сардури II из восточной крепости.

XVI. Надпись Русы III из восточной крепости.

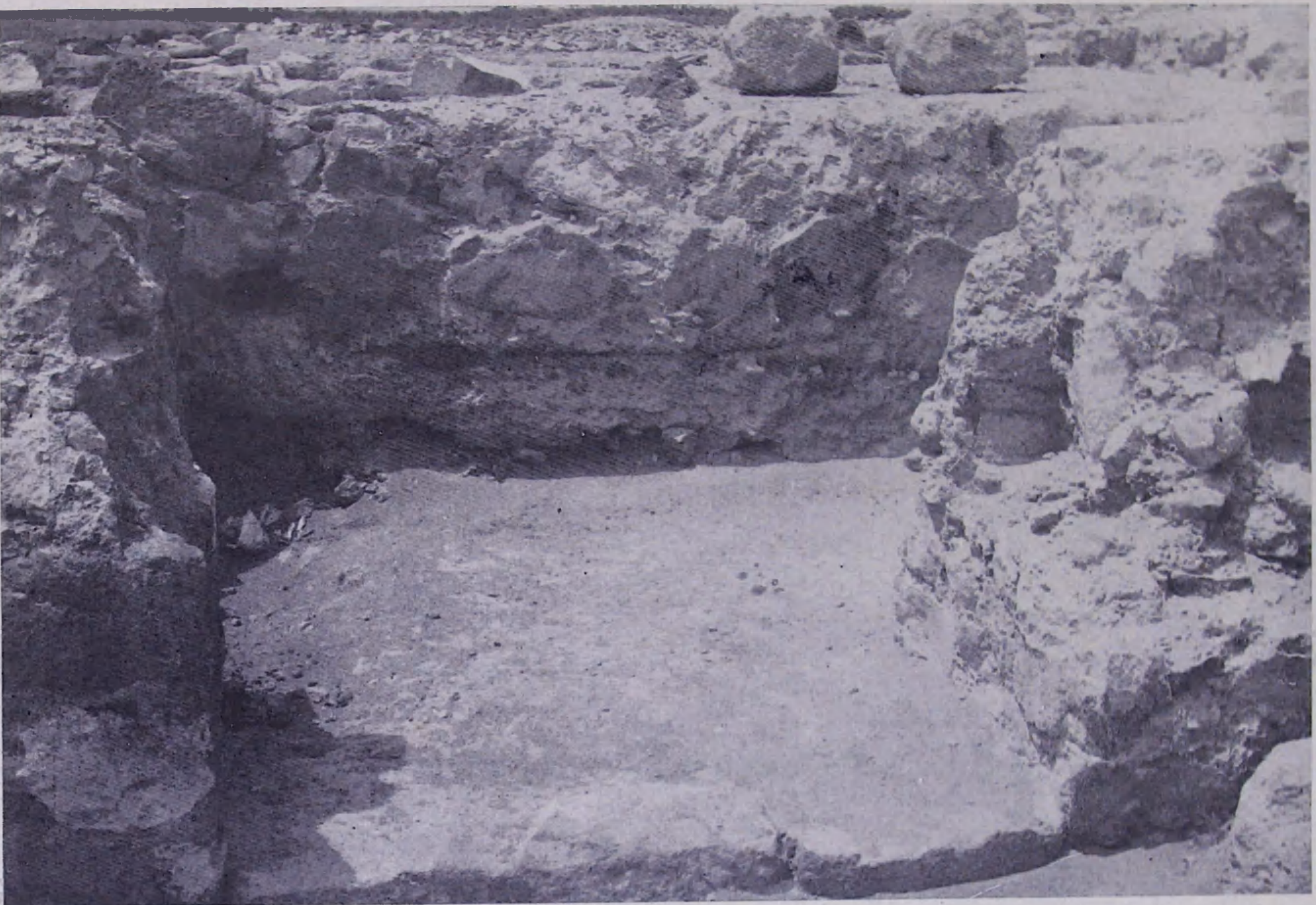

XVII. 1—2. Средневековые пекарни в урартских помещениях дворца (зап. крепость).

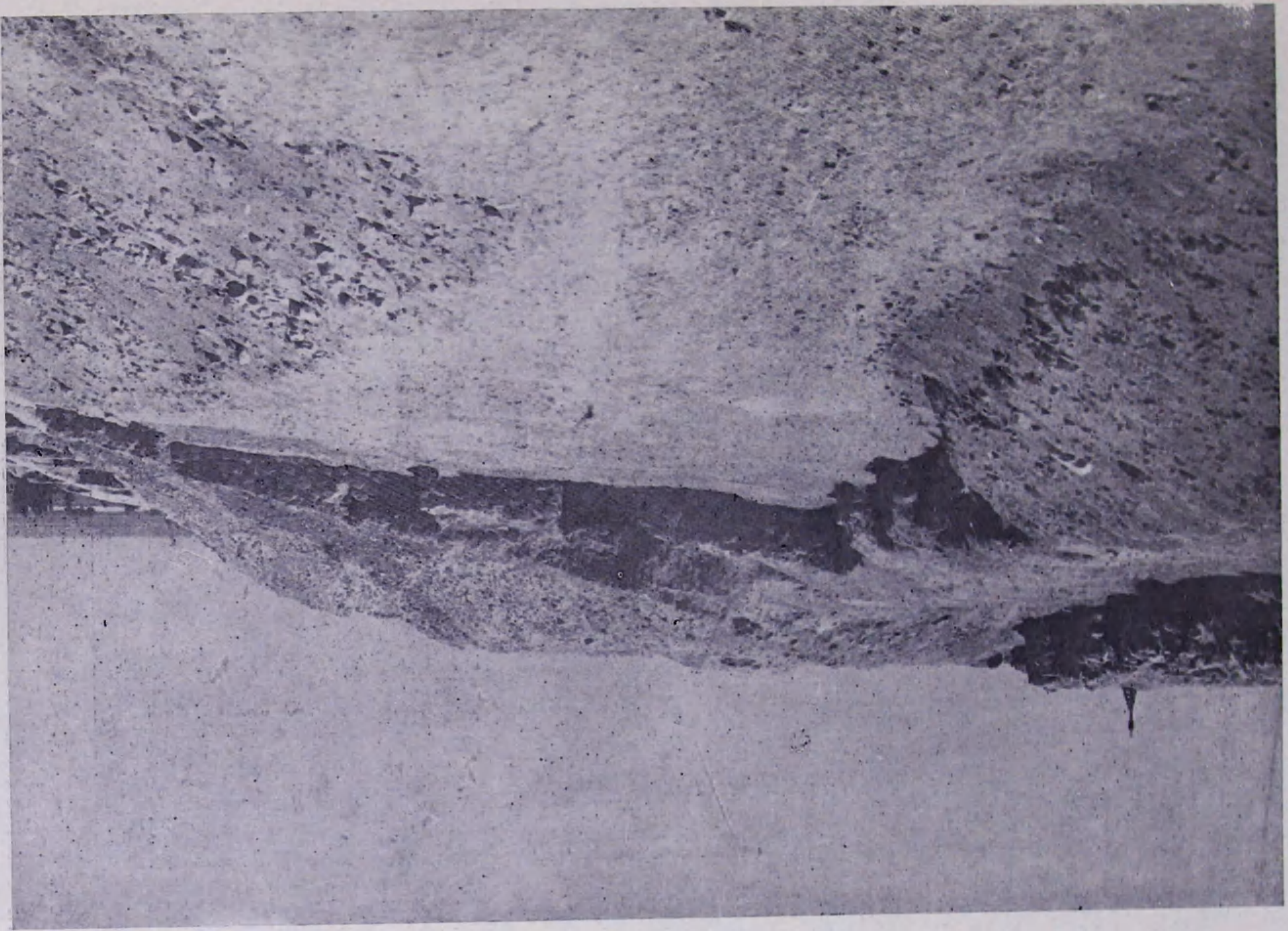
XVIII. Средневековый тондыр на участке ворот западной крепости.

XIX. Помещение восточного отсека дворца (зап. крепость).

XX. Смешанный урарто-средневековый слой (дворец зап. крепости).

XXI. Оборонительные стены северного участка (зап. крепость).

XXII. Обработанное скальное основание стен (зап. крепость).

XXIII. Три яруса оборонительных стен (зап. крепость).

XXIV. Ограда времен Сардури II и остатки хижин (зап. крепость).

XXV. Крепостная третья ограда VII в. до н. э. (зап. крепость).

XXVI. Юго-восточная угловая башня до раскопок (зап. крепость).

XXVII. Кладка крепостной ограды (зап. крепость).

XXVIII. Восточный парадный вход во дворец (зап. крепость).

XXIX. «Карман» северных ворот (зап. крепости).

XXX. Въезд во двор крепости (зап. крепость).

XXXI. Полукрытый двор или колонный зал дворца (зап. крепость).

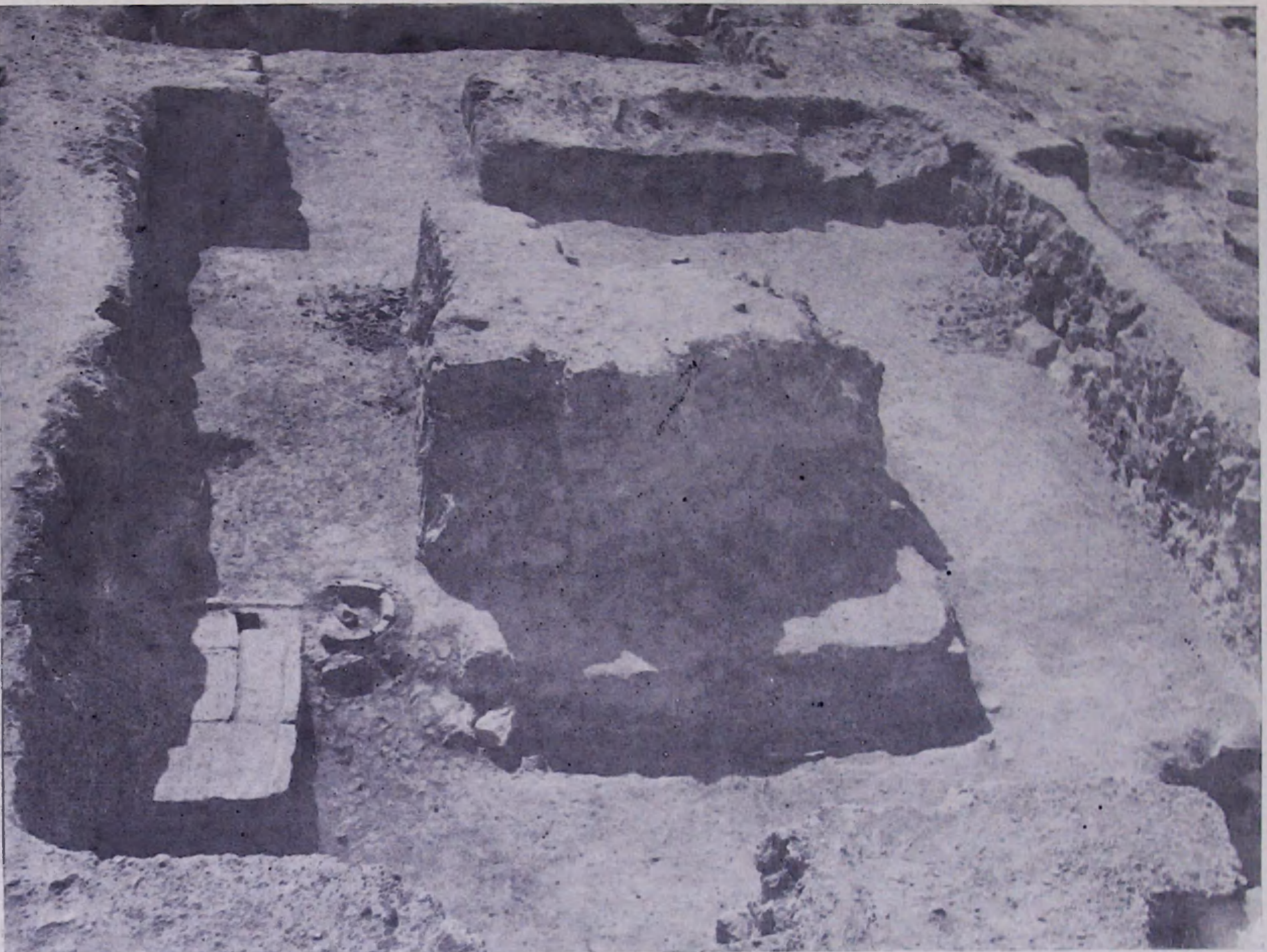
XXXII. Карасное помещение (№ 17) дворца (зап. крепость).

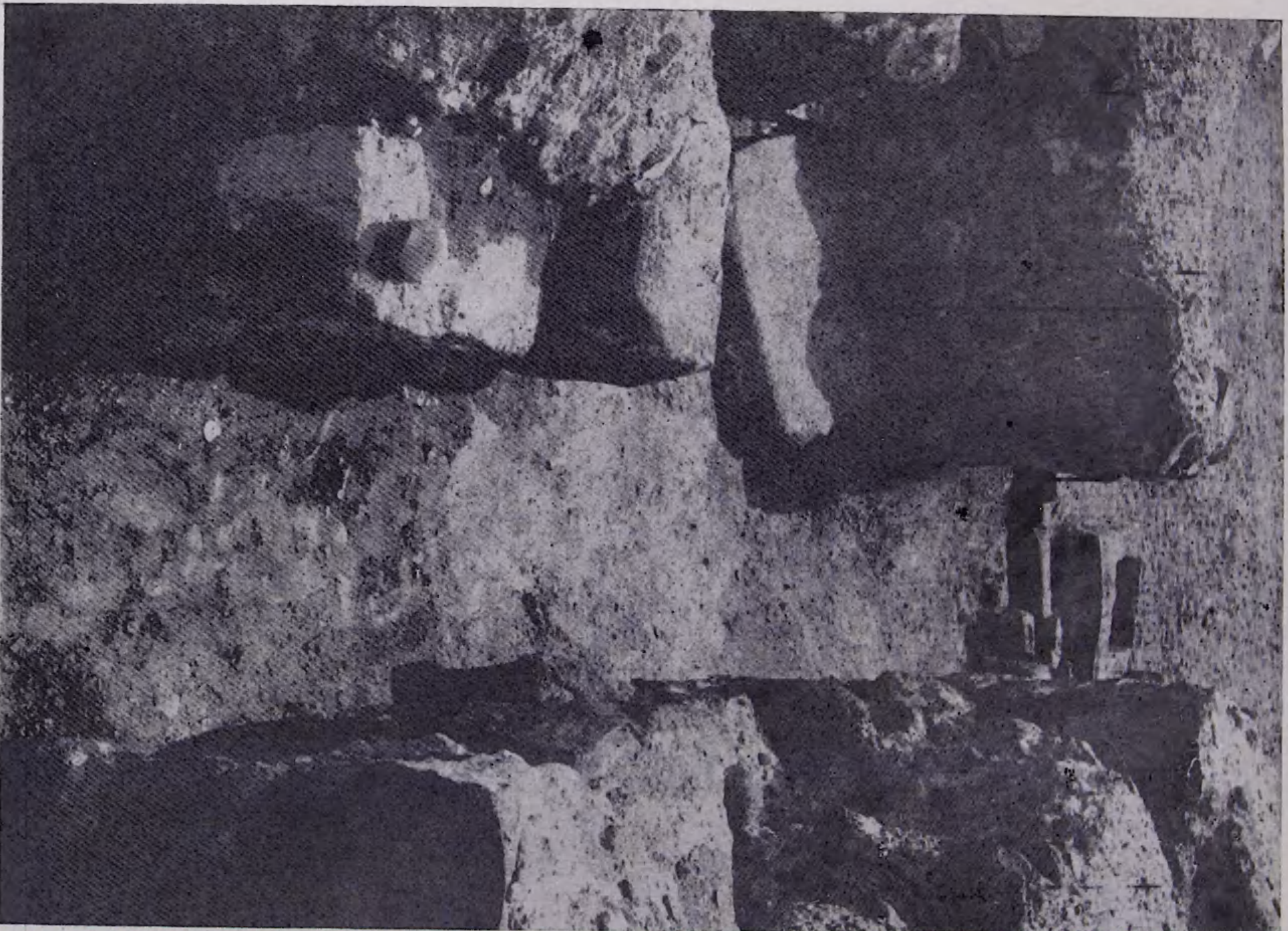
XXXIII. Карасы, сохранившиеся наполовину (зап. крепость).

XXXIV. Вход в помещение № 12.

XXXV. Помещение № 15 с пилоном и обогатительным устройством.

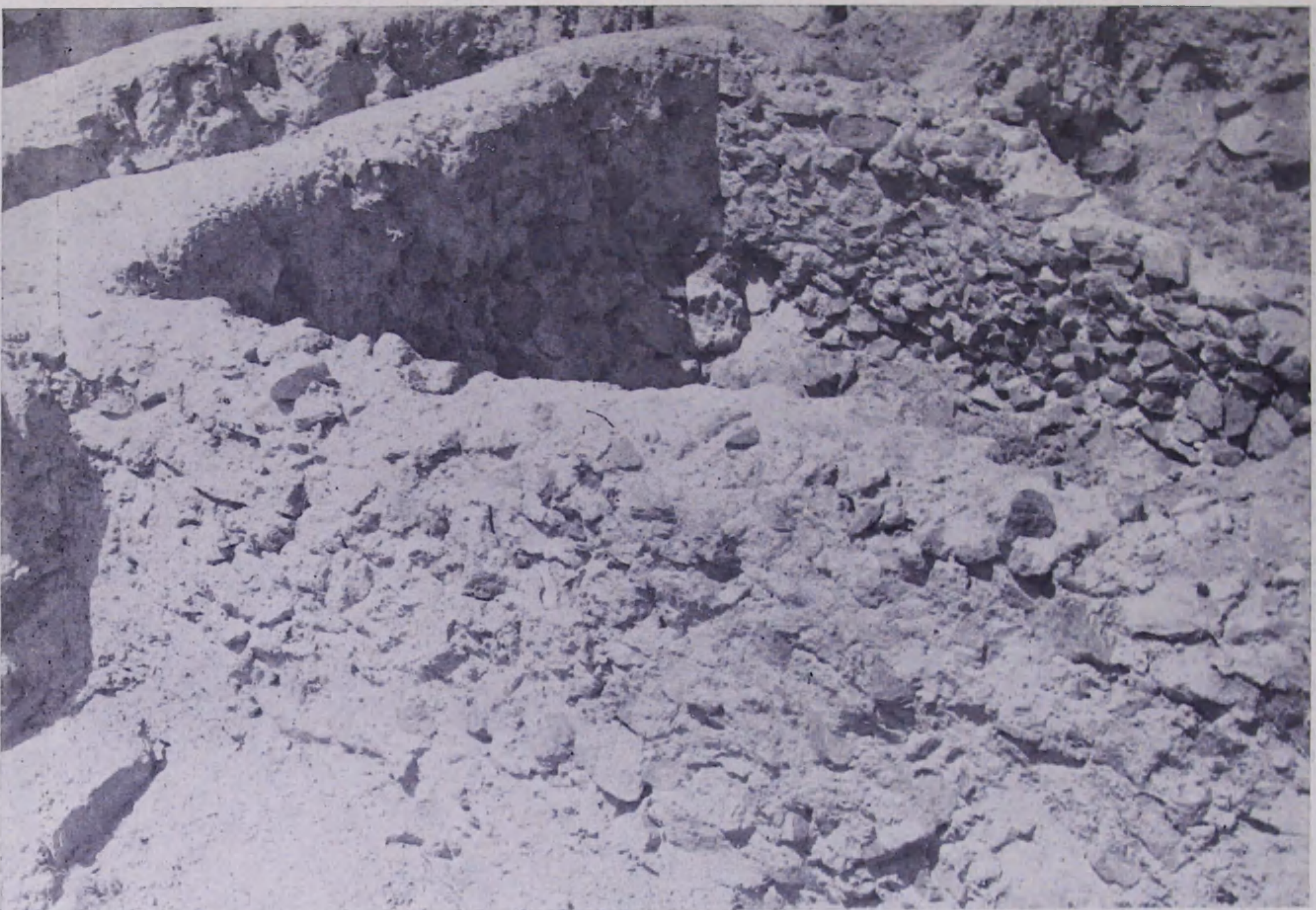
XXXVб

XXXVI. Фрагмент так называемого Малого храма (зап. крепость).

XXXVII. Хижины на второй террасе (зап. крепость).

XXXVIII. Помещение на второй террасе (зап. крепость).

XXXIX. Помещения № 5 и 12 с зерновыми колодцами.

XL. Культурный слой хижины на террасе.

XLI. Фрагмент дома металлурга.

XLII. Жилые комнаты дома металлурга.

XLIII. Кладовые в доме металлурга.

XLIV. Помещение горна в доме металлурга.

XLV. Обогатительное устройство в дворцовом помещении.

XLVI. Дом на первой террасе.

XLVII. Глинобитное карасное помещение на первой террасе.

XLVIII. Карасное помещение дома № 1 (второй квартал города).

XLVIX. Крупные карасы городского дома.

L. Хлев в доме № 1 (второй квартал).

LI. Дом № 2 держателя печати.

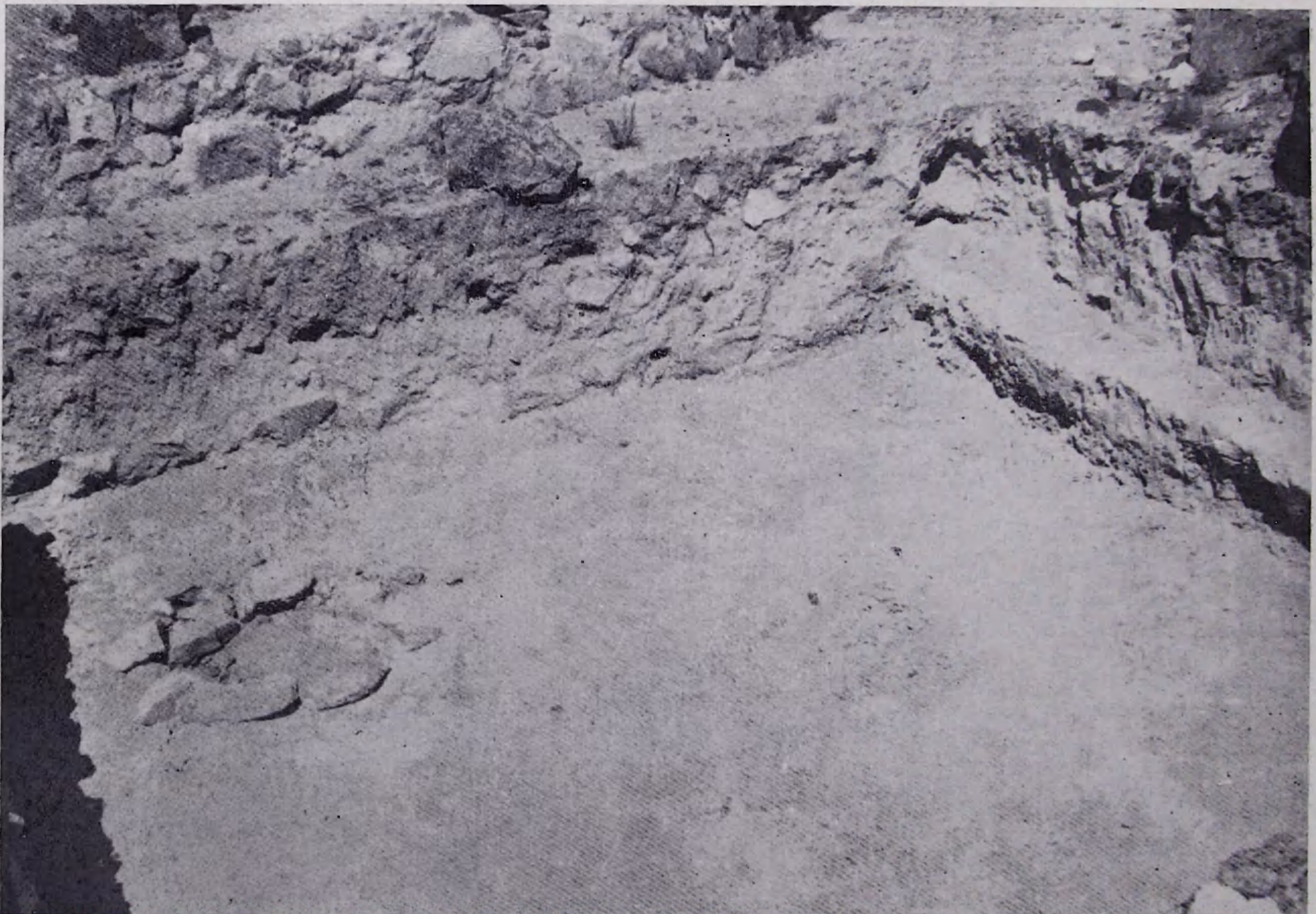
LII. Остатки кладовки в доме № 2.

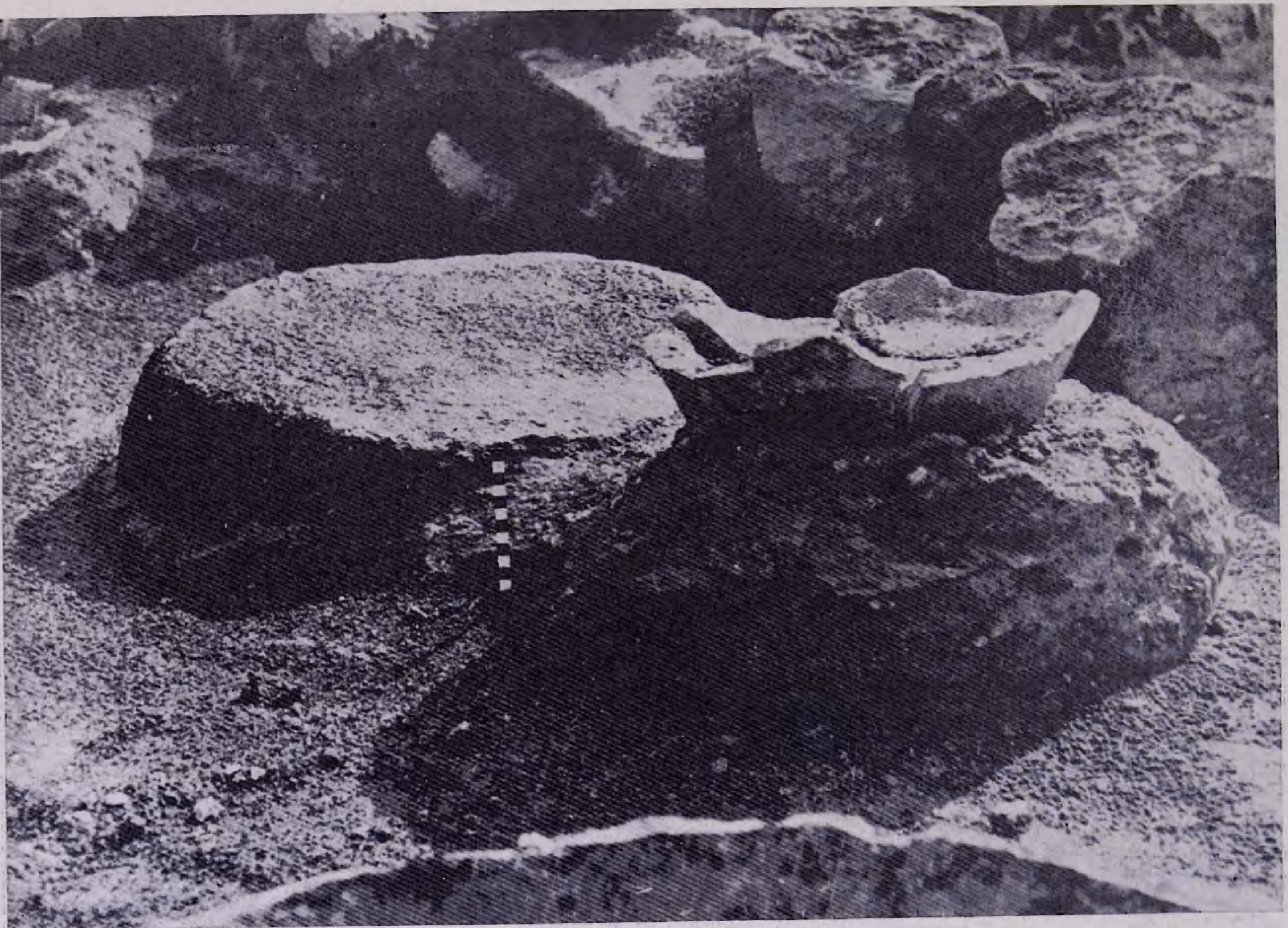
LIII. Развалины двух особняков второго квартала.

LIV. Кладовка и подвал дома № 3 (второй квартал).

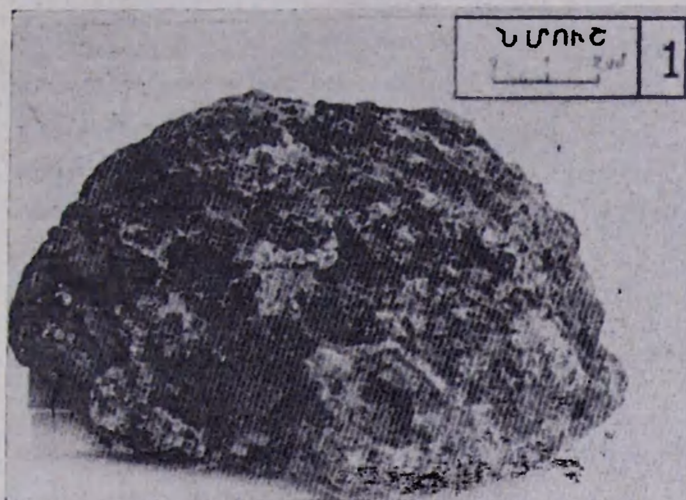
LV. Центральное помещение дома № 4.

LVI. Два пола в доме № 5.

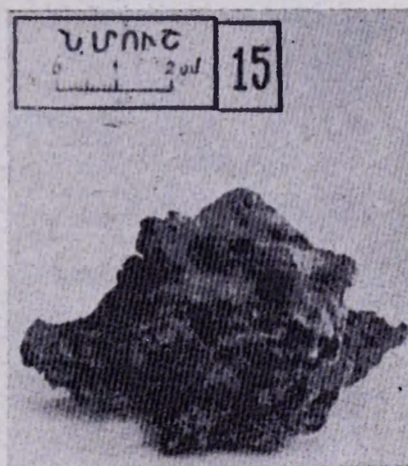

LVII. Два слоя в доме № 5.

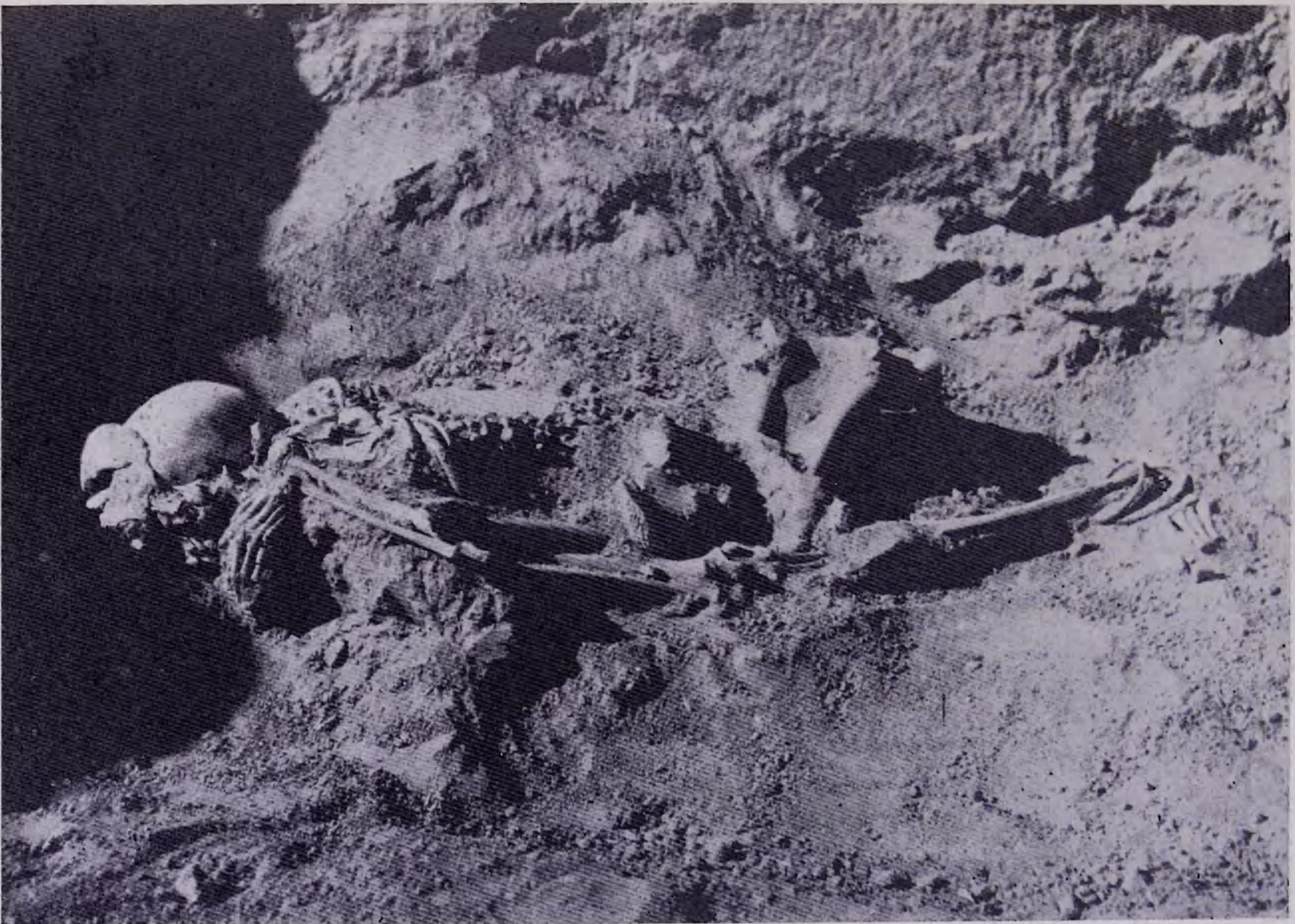

LVIII. Железные крицы и шлаки из дома металлурга.

LIX. Остатки корзины.

LX. Скелет убитой женщины.

LXI. Скелет убитой девочки.

СПИСОК ТАБЛИЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРУТЮН АРТАШЕСОВИЧ МАРТИРОСЯН

АРГИШТИХИНИЛИ

Печатается по решению ученого совета Института археологии и этнографии АН Армянской ССР

Отв. редактор *Н. В. Арутюнян*
Редактор издательства *Ж. В. Налчаджян*
Худож. оформление *К. К. Кафадаряна*
Технич. редактор *М. А. Капланян*
Корректор *В. Т. Симонян*

ВФ 03344 Изд. 3813 Заказ 679 Тираж 2000
Сдано в набор 2/V 1973 г. Подписано к печати 21/V 1974 г.
Печ. л. 15,0+9 вкл., усл. печ. л. 31,5, изд. 20,0 л. Бумага № 1, 60×90 1/8.
Цена 2 р. 85 к.

Эчмиадзинская типография Издательства АН Армянской ССР

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница столбец	Строка	Напечатано	Должно быть
25, стб. II	30 сн.	УКН, 171, табл. IX	УКН, 171, табл. X
		УКН, 172, табл. X	УКН, 172, табл. IX
27, стб. II	11 св.	šeḫa di	šeḫadi
27, стб. II	19 св., 31 св.	УКН, 165, табл. XIV-XV	УКН, 165, табл. XIV
		УКН, 143	УКН, 143, табл. XV
27, стб. II	21 св.	Аруба (и) ни	Аруба(и)ни
37, стб. II	9 сн.	жиздились	зиждились
40, прим. 7			
42 стб. I	22,23 св.	выравненных	выровненных
		бызальтовых	базальтовых
170, прим. 3		Babilon	Babylon
53, прим. 11		seasion	season
62, прим. 21			
148, прим. 22		urartians. Nortwestern	urartian. Northwestern
77, стб. I	2 св.	Салманасар II	Салманасар III
79, стб. I	5—6 св.	три ворота	трое ворот
84, стб. I	4—5 св.	установленное	уставленное
85, стб. I	16 св.	перетрубаций	пертурбаций
163, стб. II	16 сн.		
88, стб. II	24 св.	E. GAL	É. GAL
109, стб. II	29 св.	центральный	центральное
117, стб. II	10 сн.	Lú ZA DIM MAX	Lú ZA DIM MA?
125, стб. I	17 сн. и далее	строки перепутаны	Очень ценится барсучье сало, и охотятся на барсука, главным образом, из-за него. Сало широко используется в народной медицине при ранениях
133, стб. I	25 св.	лакушке	макушке
170, стб. II	31 св.	карури	каури
172, стб. I	30 св.	нее	него
		табл. XXXV б	табл. XXXV б Вход в „Малый храм"
		табл. XLVIX	Табл. XLIX